

АНИ

Н. Я. МАРР

А

Н

И

КНИЖНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА
И
РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ГОРОДИЩА

R 6.581
5

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД - МОСКВА
1934

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 105

Ответственный редактор Ф. В. Копариков — Технический редактор Г. Г. Гильо

Текст отпечатан в количестве 500 экз.
в типографии Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, 12;
таблицы изготовлены в типографии им. Ив. Федорова
Ленинград, Звенигородская ул., 11

Цена 35 руб.

Перепл. 15 руб.

54

ИИ, 1985 г. LVIII чл.л.

22050

ПАМЯТИ СЫНА ВОЛОДИ

Сыну своему Володе посвящают широк родителю, естественно из чувства им не чуждые — родительского. Чувства эти более, чем природные. Они улублены тем, что вместе с родителями, ведшими неразлучно все амйские организационные кампании, дела удачно и неудачно, Володя не только переживал их, как старший брат Юрий, но он рос и вырос в них, он был участником почти всех совместных работ в Гевин, откуда почти вкормили и раскрыл внимание на Гехамские тораз и эсведиция уже в трудное, действительно, время империалистической («мировой») войны в Вил. Володя рос если не в работе и в рабочем кругу, составлявшие постоянное наше общество, из года в год становившееся более коллективизированным и более преданным нашему производству, то в рассказе и атмосфере этих работ, увлекавших нас, и наш домашний быт и мой историческое искания, с прично росшим в массовом населении края интересом не только к раскопкам, но и к общественному их смыслу.

Володя скончался на фронте, на «южном» приморском фронте, когда мы были погружены в него уже, исключительно антицистические измская над апурусским диком во Флоренции и баскским у Пуруеве. Володя погиб бесследно физически. Пуруеве в неизвестном месте в одной из британских зон в Крыму. Но для меня лично не подлежит сомнению, что Володя оставил след в своей среде. Не в одних родителях переживает он тем, что и чем он был.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иной жизнью и иной смертью, чем животное, живет и умирает человек, будучи соматически выходящим из животных, даже зверей, но по поведению и разуму в действии, по мышлению, сознанию и осознанию — созданием своих собственных рук. В человеческой жизни и смерти никакие чувства не природны, а общественно взращены. Эти мимо природные чувства густой завесой искусственно прикрывают и затемняют подлинную обусловленность и факторы бытия. Можно думать, перевес выража природности, чувственности более резко и ярко выступает в выявлении родительских отношений, состояния, казалось бы — без мышления, самой тесной и всегда изолированной группы. И, тем не менее, человек, порождаемый коллективным трудом, умирая индивидуально соматической смертью, не умирает общественно, переливаясь своим поведением в составе коллектива и творчеством в живое окружение, общественность. Он продолжает жить в тех, кто остается в живых, если он жил при жизни, а не был мертв. И коллектив же живой воскрешает мертвых, двигая производство с его техникой в трех отнюдь не простых измерениях — в высоту и глубину, ее противоположность, долготу и ширь при четвертом — качественности, вытекающей из растущего количества.

Наоборот, индивидуально живой умирает и при жизни, когда его человеческий образ, человеческая сущность, отличная от животной, сменяется: сменяется мышление и мировоззрение. Как ни близки в зерне многие мысли настоящего труда и общая концепция, его построение, факт, что автор его скончался за сменой мысли в действии, мышлении, сознании и осознании. Я мог бы и хотел назвать труд посмертным.

Работа оставлена в том виде, в каком она сложилась в процессе развития раскопок, далеко еще не законченных. Оформлена была она в виде университетских лекций, часто раньше отдельных специальных докладов в Восточном отделении б. императорского Археологического общества или частичных сообщений, собственно отдельных синтетических высказываний при практических занятиях, переводе и толкованиях армянских текстов, исторических, поэтических документов, особенно надписей. Это было на ступени семинарски направленных занятий (вместо лекций) на нашем, кавказском разряде, армяно-грузино-персидском, со студентами факультета восточных языков в Петербургском университете в годы университетских брожений перед революцией 1905 г. В них, этих высказываниях, лекциях и докладах, использовались все тогда наличные достижения по языковедению, в филологическом разрезе и в разрезе интересов истории литератур Армении и Грузии в их схождениях. И тогда еще произошла смена «литератур и языков», поднявшихся в «язык и литературу», «языком и историей материальной культуры». И так же само эти лекции были прочитаны в б. Петербурге, в Баку, в Тифлисе, в Ленинкане (тогда Александрополе), здесь в армянском переводе, затем с исправлениями в Москве в зале б. Лазаревского института восточных языков.

Конечно, в подробностях и в конкретных суждениях труда, не печатавшегося, правда,¹ но и не лежащего под спудом, а служившего предметом лекций и докладов, уже специальных, и позднее, с учетом результатов более обстоятельных исследовательских заметок и трудов по арийским материалам, имеются вклады от связанных с работами в Ани раскопок в Гари и археологических изысканий в окрестностях, в числе их находки винапов,² но в основе построение всего труда, печатающегося ныне впервые, представляет концепцию 1905—1909 гг., т. е. до реакции после январского расстрела,

¹ Нельзя и за суммарное изложение принять такие случайно возникшие статьи, как «Ани, столица Армении Историко-археологический набросок (Братская помощь пострадавшим армянам)». Москва, 1899 г., стр. 197—222, где статья редактора Сборника предпослала в смысле Вардзисские нещеры под названием Анийских, или «Ани, la ville arménienne en guise de d'après les fouilles de 1892—1893 et 1904—1917». Revue des Etudes Arméniennes, I, 4, стр. 296—410. Париж, 1921 г.

² Впервые мысли, связанные с этими каменными рыбами-винапами, отражены в речи, читанной в торжественном заседании Академии Наук 29 XII 1911 г. (ИАН, 1912, стр. 69—88) «Кавказ и памятники духовной культуры». Ср. также Н. Я. Марр и Я. П. Смирнов, Вишаны. Труды ГАИМК, I (русское и французское издания).

и если в линии характеристики научно-теоретического мировоззрения самого автора связывать его с другими его работами, то сблизить его необходимо с путешествием по Кларджи и всей предшествующей проработкой доसेде непечатанной (и тоже устаревшей) истории армянской и грузинской литературы в связи с сирийской, персидской и арабской, частью использованной. И здесь с особым страданием резко бросается в глаза, в этой вступительной части в особенно наглядном слитенности, тот фатально-разрушительный удар, какой наносило беспомощности этнографическо-расовой концепции историческое построение «реальной» (как мы тогда говорили), «материалистической» (как мы теперь имеем бы основание называть) истории в ярких и четко намеченных факторах истории, прогресса. Эти факторы неотвратимо были тараном здесь — в изложении истории Ани — в феодальную твердыню и христианских, и мусульманских построений, в их противоречия, конкретно, с одной стороны, армии (грузин, греков), с другой — турак (курдов, арабов). Даже письменно документированная классовая история, вопреки всем ее опытам фальсификации действительности, сама раскрывала кровавые страницы наиболее жестоких схваток именно христиан с христианами и мусульман с мусульманами, «правоверных» греков с православными грузинами, грузин-халкедонитов с грузинами и армянами антихалкедонитами, армян-монофизитов с армянами-диофизитами, и приверженцев господствовавшей в соответственной социальной среде феодальной церкви, из той и из другой нации, с «еретиками», «староверами», в корне все еще язычниками, спасавшими с единомышленниками из мусульман гибель действительных национальных культурных ценностей от извергов христианского и мусульманского церковного учения, собственно великодержавнического международно-классового экономического засилья, и курдов-мусульман, и турак-мусульман суннитов против персов и турак-мусульман шиитов и т. д., и т. д.

Основной грех автора, и в то же время стоимость труда, коренная ошибка исторического построения, и в ней же его достоинство, происходит из внимания к конкретному разъяснению проблемы проблемами о различных национальных образованиях — о национальности по существу в линии отрицательного отношения к ее консерватизму, традиционализму, церковной узости горизонта, по перенесению в дальнейшем углублении самой истории всего края, далее истории культуры вообще в мировом масштабе, как исходная точка зрения вместе с этнографией, откуда и термин «геоэтнический» район. Однако этнографические и археологические источники пробивали путь к новой, имевшей снять их науку — истории материальной культуры. Язык-литература была уже ведущей парой с тяжелой к новой ступени осознания и самосознания. Решительно можем сказать теперь *sine ira et studio* (в свободном переводе «без совершенно законного возмущения и теоретических бредней»), что историческая концепция настоящего труда не зиждется, построение наше и тогда не возводилось на национализме, но вертелось вокруг него, как поворожденное дитя с неотрезанной еще пуповиной от произведшей его физической матери, хотя автор в своем построении как бы «отроческого возраста» предпринимал независимые собственные подвиги, идеологически порожденные его общественной средой. И наиболее конкретной иллюстрацией этой мысли могут послужить следующие строки самого труда.

С упоминанием о случайной находке «фрагментов золотого орнаментованного пояса» (сказать кстати, оказавшегося не золотым, что впрочем, самой мысли, им документированнейшей, отнюдь не ослабляет, именно мысли о весьма раннем металлургическом производстве на Кавказе), тогдашний уровень соответственных знаний на новой ступени осознания давал основание утверждать: «Вопрос о влиянии Кавказа на Запад, конечно, это еще не поднимает ни на шаг вперед, так как, за общим равнодушием ученых к кавказским наличным историческим, этнографическим и, особенно, лингвистическим материалам, не выяснена пока сама физиономия древней местной культуры, более того — не саниционированы, как научное приобретение, сделанные уже лингвистические успехи. Пока исследование строится на одних археологических находках в могилах, заключения ученых для нас не имеют серьезного значения, как это отчасти признал и Virchow. Но у нас такое предрасположение внимательно слушать иностранных ученых, не так то легко устранимое одним возникшим, в последнее время здоровым настроением, что для моих целей, пожалуй, бесполезно привести некоторые мысли авторитетного исследователя. Напомин о древних сказаниях касательно халибоа с верховьев Чороха и о торговле медью, которую вели соседние народы — мосохи, тубалы и ивананы, с городом Тирок, Virchow говорит: «все эти предания согласны в том, что они предполагают богатую и древнюю индустрию металла в странах Кавказа» . . . «Шаг вперед, который мы сделали, — заключает свое исследование Virchow, — имеет следующее значение: для края, с которым связаны древнейшие сказания, дается документальное вещественно-фактическое (tatsächlich) доказательство того, что там еще в весьма раннюю эпоху должна была процветать поразительно высокоразвитая и самостоятельно далее выработавшаяся металлическая промышленность, которая, однако, зачалась не в этом месте».

«Зачалась не в этом месте», т. е. опять мистическая проблема о «райской природе», откуда все культурные наследия получались без опроса условий их зачатия. На таком таинственном «якобы» бесцельно и бессмысленно заниматься. Факт же тот, что на Кавказе и северном, не только на южном, ныне в Закавказье, действительно существовала высококоразвитая металлургическая индустрия и она-то вовсе и не изучалась и не изучается, как основа всей своеобразной кавказской идеологии, и чем бы и в каких бы формах, будь национальных, она ни выявлялась. Язык же выявлял и продолжает выявлять богатством своих терминов, терминов отнюдь не изолированных, наличие этой именно «высоко развитой металлургической индустрии».

Когда оглядываюсь на тот отрезок пройденной стези научно-исследовательской работы, на котором возник настоящий труд истории города, отнюдь не древнего для хронологического масштаба вообще Кавказа, тем более Армении, и несколько не менее Грузии, то стезя та оказывается исчезнувшей на поприще или стадин, какую она пробегала, а верные ей или оказываются застрявшими в непроходимой чаще родных так наз. документальных материалов и изощряют своей исследовательски настроенный ум, руководимые идеалистическими заданиями всякой долго и тяжело угнетавшейся нации, национализмом той или иной ступени от шовинизма ныне до фашизма в путях феодально-буржуазной исторической школы, или, уловив в свое время на этапе количественного роста исследовательской работы благоприятную минуту, чтобы отшатнуться от национализма и, в поисках спокойного сидения, сканкув на одну из оседланных уже деревянных лошадак, взращенных и выхолотенных эскапистск отрешенным от первичной конкретной внутренней общественно-боевой творческой родной жизни, мнят, что двигаются вперед и способны что-либо сдвинуть с насиченных веками мест, когда на деле осуждены вертеться на одном и том же месте вокруг фетиша. И те и другие при этом не чувят, что если сами не сошли со стези, то это не значит, что не сблнись с дороги, попав в тупик, не осознают своего положения, чтобы за Данте повторить его стих (1, 1—3) —

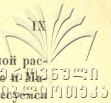
Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura,
Chè la diritta via era smarrita.

И кто оказывается ближе к нам теперь, так это отнюдь не арменист, да и не грузиновец в академическом восприятии научной работы по истории, а общественный деятель, марксист, исканный и справедливо не находящийся (к изумлению и негодованию никакомыслящих) истории в столь богатой превратностями судьбы жизни родной ему Грузии.

Это Филипп Махарадзе (Filipe Makharadze) в своих высказываниях, нашедших место в труде «Daniel Tonqade da misi dro» Даниил Чонкадзе и его время» и в мыслях по истории Грузии от 1903 г., когда уже наметились движущие мысли настоящего труда, возбужденные еще раскопками 1892, 1893 гг., и они слагались, в основном прямо таки сложились в 1903—1906 гг. на вызванных ими раскопках, без какого-либо знакомства с названным исследованием, как, разумеется, не знал его автор и не мог знать тогда наших взглядов на взаимоотношения истории Европы и Кавказа (см. ниже, стр. 11), по существу точно вариации следующих строк во вступлении его труда «Даниил Чонкадзе и его время» (Тифлис, 1929 г.): «Имеются такие счастливые народы, вся жизнь которых, т. е. духовная и материальная культура, или создания и наследия всей прошлой жизни, надежда будущего, полностью и явно изображаются в художественных произведениях гениальных личностей, литературных, живописных, скульптурных или музыкальных. Когда всматриваетесь взором наблюдателя-исследователя и изучаете такие произведения, вы ясно видите, как все, что в течение целых веков народ создавал и приобретал достойного памяти, что выработано его умом и принесло плоды, — все это точно здесь, в этих художественных произведениях, собралось и нашло свое выражение. К числу таких гениальных личностей принадлежат, например, у англичан Шекспир и Байрон, у немцев Гете, Шиллер и Бетховен, у итальянцев Данте, Рафаэль и Микель-Анджело. Но душевная тяга (სულიწვეობა) народа и его устремление — плод всей его прошлой жизни и в то же время залог его будущего развития — еще более бросается в глаза в те блестящие исторические эпохи, которые составляют с одной стороны завершение всего жизненного опыта в прошлом, с другой — являются началом обновленной жизни. В такие блестящие время мы видим духовную силу народа, его творческий дар и способность, мы видим то, с какой плодотворностью его мозг работал в прошлом и что в силах он создать в будущем. Такие блестящие моменты не частые явления и в истории тех самых народов, кои признали мы выше счастливыми, и потому они, блеском отмеченные моменты, тем более интересны для нас. Основательное исследование этих моментов и их изучение требует неизбежно изучения всей прошлой жизни народа. Без этого становится совершенно непонятной такое значительное историческое явление, как Великая революция Франции.

нациями, в том числе и армян, вне многовековой, более того, — многотысячелетней социальной рас- слоенности не только грузин, но и армян. И вот здесь и начинается расхождение не наше, мое и Ма- харадзе, но наше общее с ним кавказское требование, когда при марксистском методе интерпретации конкретной истории Кавказа вообще или любой его нации, азербайджанская ли она, до Октября исповедывавшая шинтский «уклон» «правверной» суннитской религии, дагестанский ли это «котел племен» без «единой нации», ныне нации Дагестанской, или армянская нация, до тех же Октябрь- ских дней исповедывавшая будто всей своей массой «армяно-грегоринский уклон» «справедливой» веры, так же как и «грузинская нация» (также массово), а с конкретной историей интересе- мся фактами, и расхождение наше общее со всей европейской научной мыслью в том и состоит, что, ведя себя цинично-наплевательски над фактами, над конкретной историей, над каким-бы то ни было методом кроме метода с девизом-требованием «слушаюся», она нас увлекает с свое миропозрение, и сами грузины, сами армяне, не только другие нации, так, «горские народности» счи- тают дикими, но на себя приучены смотреть как на дикарей, как на ничтожество. Даже Октябрьская революция не раскрепостила отнюдь не тонкий интеллигентский слой армян и грузин от октов этой ослепительной лишь использованием блестящей техники европейского мышления лженауки. Ведь скачек сделан в современность со столь ответственным последнем в руках, с уровня, казалось бы, изумительно расточаемого научного призвания наиболее угнетавшихся культуру народностей и сво- боды исследовательской работы над их бытом и языком, когда на Кавказе по идеологии власти отвер- галось полноправное, легальное существование какой бы то ни было нации кроме русской. Научный орган руководства всем просвещенческим по этой части делом Кавказа, богатейшего не только недрами и роскошной природой край, — орган, пущенный в плавание одним из просвещеннейших помещи- лей Кавказского учебного округа, именованный «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», как бы научно внедрял в умы взлелеянную всею европейской колониальной политикой мысль, что на Кавказе нации, если и были когда то, более их уже нет.

В книге совершенно нет того, чего и не могло быть в годы изложения печатаемых страниц: нет подхода к выяснению дифференцированного исторического и художественного строительства, в различных не просто провинциальных, а национальных районах Армении, хотя речь о встрече Армении, Грузии, точнее Абхазия, и Франции, собственно Галлии, здесь в Arles'e, в скульптурной трактовке своеобразной, но тождественной, жертвоприношения Авраама, которой единственным источ- ником выявилась одинаковая зависимость от сирийской версии библейского текста и только. Тогда и представления не было о том, какие мирозренческие и культовые предпосылки докапиталистиче- ского общества (независимо от книжного заимствования или иного пути внешнего «вливания») пред- определяли социальное средство дальнейшего развития техники и искусства феодального общества баскского, бретонского, не только франкского. С построением в конце X и в начале XI века храма Гагика Багратуни в Ани, памятника изумительной архитектуры в три наслоения, одно над другим, совпадает Лангская церковь, про которую говорилось, что она изумительнее базилики всей Галлии — totius Galliae basilicis mirabiliorum.¹ Она строилась 15 лет, начавшись в 16 календу марта 1001 г., здание округлое на одном конце, разделенное на три этажа, наложенные один над другим, причем трехэтажности придавалось символическое толкование современниками еще в XI в.²

Есть части исключительно работы подготовительного характера: они описательно дают представ- ление о материале, которым снабжает нас Ани, особенно благодаря раскопкам. Так, общий перечень керамических изделий, внесенных в отчет раскопок кампания 1910 г., во и в них проблем исканий происхождения этого производства в обоих разрезах, пространственно — в соотношении местных и привозных изделий, во времени — встречи Ани XIII в. и находок на Крите (стр. 86), во времени, однако, не в календаризации по годам, месяцам и часам, а по стадияльному средству продукции одинакового производства и производственных отношений, звена из смены техники материального и идеологического производства.

Такова же смена в линии «крестных камней» и вклада в них различных социальных слоев насе- ления, даже рабочих, во всяком случае цеховых спецов-ремесленников (стр. 87).

Но и на то; сравнительно с громадным крито-анийским продолжением времени ничтожком, отрезке времени самого Ани ничто не проходит в этой раскопной работе, не проходят даже стены, без проследывания их сдвигов изнутри вовне в пространство, со сменой с количеством и качества, и без учета лопки и стройки, обнаруживаемой внутри каждой из таких стен в размерах и способах

¹ Bougaud, стр. 264—265, 267—268.

² План см. Dom Plancher, Histoire de Bourgne, т. I.

выполнения, использования материала кладки, увязки различных материалов, отделки камня, их размеров и происхождения, определения строителей и хозяев (стр. 86).

Это касается всякого рода памятников материальной культуры, даже культовых, церквей или мечетей, и цена их не в том, что в них культово стабильно, а в движении, смене форм и идеологии, идущей не от вещей, а от их строителей, идеологически различных господствующих слоев и технических спецов, рабочих и мастеров, во взаимодействии физических и идеологических производительных сил. Движение нащупывается и в них, прежде всего там, где легче и бесспорно наблюдается факт расхождения внутри каждого из этих социальных слоев, даже в носящих название одной нации и одного вероисповедания, напр., халкедонитов армянского населения, когда они противопоставляются как одна часть армянского населения другой в борьбе и захвате берущей верх имущества сраженной, и говорится о иелности пути этого захвата (стр. 86): очевидно не мирный, не эволюционный. Камни говорят о революционных сдвигах, когда столь обильно писаная родная история, молчит о них как кладбище.

То же самое в сдвигах арийского строительства: они перемещают точки отправления не механически вкладами завоевательной или иной миграции иноземцев, а путем внутреннего расслоения и образования в самом населении разносоциальной Армении двух противоположностей. И следуют смены не только «христианских» культовых построек «мусульманских», но и торговых сооружений (стр. 88). Расшифровка терминов «христианский» и «мусульманский» их теперь сблизает взаимно больше, чем торговых (буржуазных) и им противоположных феодальных слоев, да еще различного качественно и количественно, технически, охвата.

О раннем самостоятельном развитии торговли, в частности и на Кавказе, свидетельствует и местное использование «до-индо-европейского» и «до-иранского» термина 'торговля': речь о груз. *va-t-tar* + *ba*, происходящем от слова *va-t-tar*, означающего у грузин 'торговец', 'купец', у армян — 'товар', от *veda* и *va-t-tar-a-t-kan* 'купец', 'торговец', *va-t-tar-a-t-kan-t-i-t-šin* 'торговое дело (торговый мир)', у халдов с их еще клинописью — *pa-tari* 'город', перешедшем к 'персам' различных эпох и русским «базар». Да в связи с этим разнообразие терминов для 'города' у армян — *ma-t, ar-ma-t+k*, resp. *ar-t-ma* (*val-ar-t-ma*), *-kert, qal-t-a-q, a-va-t-n* [*va-t-nq* [-t-*h*)] *an-q: va-han* 'шир', *ver* ← *vir* (*šul-a-t-ver, ar-t-m-a-t-vir* и т. д., с историч их перестройки от «палеолитической ступеньки» в 'город', 'деревню', 'крепость', resp. 'башню' или 'шир', 'ворота' и 'наблюдательный пункт' сельского производства в садах и т. п.

Города здесь играют роль постоянных рынков, большие — с отведением торговле места внутри себя на площадях, мелкие, принадлежавшие впоследствии феодалам, раньше коллективу, — с организацией торговли у ворот.

В связи с этим находится появление в терминах, обозначающих ярмарку, образования от предметов культа, напр., в Гурни — *Marin-ova* в Нагомаре, от *Marine*, обращенного в позднейшем восприятии от христианскую Марию.

Тут же всевозможные «перезитки» в быту и речи отрицаемого и в наши дни националистически крепостного права, уже феодальной структуры, с терминами, в которые переросли так наз. термины родства, отнюдь не кровнородового, а еще до-родового от первобытного общества.

В связи с этим стоит вопрос о накоплениях, да различных видах накопителей аграрного строя государства у народов Кавказа, как то заметил Ленин в характеристике «предреволюционной экономики России» (ук. соч., стр. 12—14), здесь уже о капитализме; «капитализм» в Грузии и Армении не только сигнализируется надстройкой — языком-мышлением, но выливается материальной базой, в Армении наличием без раскопок обильных крупных городов до халдских эпох — Армавира, Вагаршапата и других, в Грузии — мелких городов при данной ступени материально-культурной изученности ее истории. А грузинский термин *Zav-n-t-i* 'капитал' с какого времени появляется в письменности вместе с *pa-n-t* + *Zav-n-t-i* 'процент', и решается ли вопрос об их возникновении механически в зависимости от появления в письменной литературе, а не устной общественной речью и бытовой материальной культурой, когда 'вексель' заменялся еще одним водоском уса?

Начал я за упокой, приходится кончать за здоровье. Начал с признания греха, коренной ошибки, в лучшем случае ориентировки по национализму, когда вся установка была выработана в борьбе против националистической узости традиционного построения, но надо помнить, что одновременно борьба велась за угнетенные национальности не только в критических работах теоретического порядка¹.

¹ См. критические заметки, особенно о диссертациях, в списке работ автора настоящих строк.

и в публицистических статьях,¹ в то время за армянскую еще более, чем грузинскую, правда в ее массовых слоях. Они становились постепенно предметом размышлений и исследовательской работы над языком, над мировоззрением и над бытовой обстановкой, материальной и идеологически-словесной вообще над материально выраженной культурой, мне в Грузии известной из Гурни с детскими детьми, а в Армении становившейся известной из непосредственного общения во время путешествий, независимо от литературных «этнографических» данных и особенно этнографических построений, ведущих без знаний языка и бытового мировоззрения.

За убокой автора настоящей работы с его мышлением с датой более четвертьвековой давности так много оснований в ней самой и неприкосновенности, что отказываясь дать перечень, тем более, что урезана вещественно-показательная часть, которая могла бы помочь перестройке всего труда: погибли все рукописные и печатные материалы, дневники, фотографические снимки, рисунки и т. д. в поезде между Армавиром и Баку, целый вагон с назначением в Тифлис для разработки в Историко-археологическом институте, ныне филиале АН СССР. Впрочем, переделать значило бы фальсифицировать историю развития новой языковедной теории. Потому же вынужден отказаться от использования всего подготовленного материала и критического аппарата по всем вопросам и деталям, затронутым в изложении настоящего предисловия.

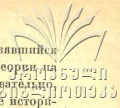
Потому же ошибки и недочеты сохранены не только методологического характера, но и технического, так в чтении надписей, даже основной надписи о построении храма Гагика, предложенной мною в том виде, как она из кусков была сложена впервые.

Нужно ли разъяснять, что указание на нахождение того или иного памятника в Андийском музее вроде того (стр. 92), что «эти декоративные плиты... составляют теперь украшение I отделения Андийского музея» — был, поросшая быльем?

В заключение не могу умолчать, что с настоящей работой произошла история, отнюдь не исключительная, когда дело идет об изданиях моих трудов синтетического порядка. Работа росла в меняющейся со всех отношениях среде, в частности и в отношении внешнего оформления. Среда менялась социально не только внешне, но и внутренне, интимно сотрудничавшая со мной. Работой пользовались наиболее близкие действительно не только до нынешнего ее появления в свет, но и до возникновения мысли об ее составлении, до выступления с нею на публичных лекциях, в университетских курсах и на семинарах, на сообщениях в Восточном отделении Русского археологического общества в Ленинграде (Петрограде, Петербурге), на объяснениях, дававшихся мною на месте самих раскопок в Ани или в двух Андийских музеях, одном предметно рационализованном, другом эпиграфическом, посетителям этого замечательного «кладбища находок» не одной «средневековой» жизни в одиночку и группами, перед аудиторией самого разнообразного порядка и подготовкой, не исключая туристов, от массы окружающего населения, преимущественно тогда армянского, но и турецкого, курдского, до специалистов и туристов со всех сторон кавказского края, но несколько не менее из областей за пределами Кавказа, временами из зарубежных стран. И кончилось все, как в сказке о рыбаке и рыбке, тем, что автор оказался у разбитого корыта. Начата печатанием в 1914 году работа затягивалась так, что я вынужден был влезть за ее издание на свои средства, ибо ученики старые пошли иным путем, покинули нашу линию; андийская археологическая организация была взорвана. В то же время за перегруженностью я не мог физически следить за делом сведения и воспроизведения рукописного текста без изменения, с проверкой всех смыслов и цитат. И вот ведение этой каторжной работы (ибо многое оказалось растерянным или сбитым и из того, что удалось от упомянутой гибели андийских материалов и было вместе с рукописями) взял на себя бескорыстно молодой кавказовед Варлам Дариспанович Дондуа, за что автор приносит ему глубокую благодарность в надежде, что он не успеет отнять от уже взятой им линии. Ввиду технических затруднений печатать как особое «частное» мое собственное произведение, издание труда взяла на себя Государственная Академия истории материальной культуры, фактически ее издательство. Выше сил автора исчерпывающе выразить секретарю издательства В. А. Михайловой глубину признательности за ее яркую долю участия в технике оформления с выявлением идеологической полноты и четкости в воспроизведении текста и иллюстраций цепой бескошечных мытарств со споркой, выдержкой и проныкновением научно-организаторской силы. Достаточно сказать, что данником в ее части работы был привлечен из специалистов наиболее близкий

¹ См. публицистические статьи с датой от гимназической газеты Веди 'Судьба' до уже более зрелой и осознанной ступени «Письмо к кавказской молодежи. Исторические и общественные группы и народное движение Закавказья (опыт реально-исторической характеристики)». Газета «Рассвет», № 209 от 11 (24) ноября и № 222 от 27 ноября (10 декабря) 1905 г. и другие.

этому делу и наиболее авторитетный для настоящего труда, проф. Н. А. Орбели, первый взявшийся за его опубликование еще на до-октябрьской ступени развития афетической языковедной теории, да конкретных речевых из надстройки и материально-культурных из базиса данных, еще, следовательно, до полной разработки теории и истории языка и до коренного перелома в постановке вообще исторических исследований специально и по таким отрезкам истории Армении и Грузии, как история города Ани.

Только история может в будущем воздать должное десяткам, сотням лиц, умножающимся, с одной стороны, — при растущем в массах всех без различия национальностей успехе теории — ярым ее противникам, сознательным и в значительной степени бессознательным, с другой — ее действительным сторонникам и приверженцам. И тем, и другим книга, да и автор одинаково, но в различных разрезах, обязаны не отрицательными (они его собственные: индивидуальные и субъективные), а положительными моментами, насколько в ней наличны они, идущие всегда из коллектива: и создание, и достояние его, этого коллектива — общие и объективные.

В это сложное дело, абсолютно не поддерживавшееся планоно государственной научно-исследовательской организацией (наоборот!) денежно или оборудованном в самые серьезные, иногда тревожные моменты разгара ответственнейших раскопочных предприятий, вклады делали нормально, регулярными поступлениями чуткие к познанию открывавшихся исторических перспектив волистые слушатели моих университетских и домашних скорее семинаров, чем курсов, и коллеги, все армяне, изошряясь доставать ежегодно средства из родных им общественных организаций. Поступали эти разнообразные вклады на ведение систематически длившихся стационарных в Ани археологических экспедиций с рекогносцировочными экскурсиями и длительными кампаниями в районы с надпочвенными залежами и с надпочвенными остатками памятников материальной культуры. Притекали вместе с суммами в сотни, много сотен, порой до трех тысяч от редких, редчайших учеников и друзей, вникавших в смысл изысканий, или побуждавшихся ими к вкладу жертвователей, ленты массового посетителя, в первую очередь окрестного населения, откуда сами рабочие, подышавшие на соответствующую ступень осознания раскопок, общественно-просветительной значимости анийских раскопок материально-культурных разрытий, по своему почину безвозмездно доставляли увезенные их предками ценнейшие скульптурные обломки, не стеснялись порой их выемкой из кладки собственных жилых домов. Денежные вклады в материальное обеспечение работ по раскопкам и охране, на ремонт древних памятников и новые постройки или достройки защитных частей для обращения в музеи, мастерские и жилые помещения личного состава «археологических кампаний», средства на лечение рабочих, находившиеся в руках А. А. Марр, ведшей все хозяйство, одновременно с ученым секретарством и даже лечением, не будучи ни профессиональным ученым, ни дипломированным врачом, на пользу и за кругом рабочих всем прибегавшим за ее советами и лекарствами, порой с отдаленнейших мест окружного населения, тогда безразборного на всем протяжении занимавшейся им территории в отношении медицинской помощи.

I

ГЛАВА I.

Ани представляет теперь опустелые и, в значительной части, засыпанные развалины города, находившегося в отошедшей ныне к Турции Карсской области, на правом берегу реки Ахурына или, как называют турки, Арпачай, притока Аракса (рис. 1). С западной стороны Ани ограждало ущелье с маленькой речкой Анийской (у турок Аладжа-чаем), в старину называвшейся по ущелью Цагкопалзором или, как предполагал Брюссель, Рахом (Rah), в которую с запада втекает Багнайрская, ныне Гозлиджайская, речка. Из-за упомянутых двух глубоких ущелий с приточными водами город назван у персидского писателя эл-Джафари двуречным¹. Ближайшее, бедное турецкое село, называемое также Ани, находится в версте от городища. В четырех, пяти верстах от развалин Ани, с различных сторон, расположены армянские деревни Чала, Араз-гег (на карте в турецкой форме — Араз-оглы) и значительно ближе, но на противоположном левом берегу Ахурына — Эникей или «Харьков». Население этих сел, особенно араз-гегцы и эникейцы, малоземельные, и поставляло рабочую силу для анийских раскопок, находя в них заметное подспорье в своей скудной жизни. В безлюдном же Ани в годы наших археологических кампаний единственным местным жителем был армянский монах, приютившийся в доме, построенном вскоре по завоевании Карсской области русскими (1877) и теперь представляющем также своего рода развалины с гнездами змей, скорпионов, мышей и сродных обитателей пустынного городища.

В истории по книжным источникам расцвет Ани относится ко времени царствования армянских Багратидов (Багратуниев) с половины X в. по 1043 г. Затем его захватывают греки. В 1064 г. Ани предает разгрому Алп-Арслан; вскоре после этого опустошенный город покупает курдская династия Шеддадидов. С тех пор Ани становится яблоком раздора между различными воинственными народностями, пока его не захватывают монголы. Затем Ани постепенно сходит со страниц истории; по некоторым сказаниям, он погибает будто бы сразу в 1319 г. от землетрясения².

Византийские и арабские писатели, в числе последних особенно Ибн-ал-Асир, сообщают несколько исторических эпизодов, где появляется название города Ани. Значительно чаще упоминается это имя в грузинских источниках³, где мы встречаемся и с некоторыми любопытными реалиями касательно самого города. С большим вниманием говорят об Ани, понятию, армянские историки, современники. Краткие упоминания мимоходом об Ани, как это наблюдается у древних армянских писателей, Елисея (Егнше) и Лазаря из Парпа, обращаются в сообщения и даже пространные повествования у Степана Асегика, Аристакеся Ластивертца, Самуила Анийца, Матфея из Едессы, Мыхитара Айриваца, Вардана, Киракоса и др.

Однако, история самого города Ани, как она изложена у писателей, могла бы занять всего минут десять, двадцать внимания. Она, во всяком случае, оказывается нищенски бедной сравнительно с теми запросами, которые зарождаются у нас, когда мы становимся лицом к лицу с самим городом, с его памятниками: дворцом Захаридов⁴ (рис. 2) или любую из башен городских стен (рис. 3, 3*), точнее, лицом к лицу с расхищенными и долго продолжавшими расхищаться развалинами (рис. 4), к счастью в значительной части засыпанными. Неотразимому впечатлению богатой реальности от небольшой

пезасыпанной части, как-то Главных ворот (рис. 5), анийских стен внутри (рис. 6) или снаружи, башни с греческим крестом в сторону Кареских ворот (рис. 7), мы и обязаны тем интересом к Ани, который существовал до последнего времени.

Десяток с лишним европейских путешественников, начиная с Gemelli-Carregi⁶ и кончая наиболее выдающимся по наблюдательности Lynch'ом⁶, все более и более возбуждали интерес к Ани, однако, главным образом и прежде всего, силою того внешнего впечатления, которое получали от посещения безмолвных развалин. Путешественники целиком отдавались обаянию развалин. Оживляя фантазией жалкие, сравнительно с былого действительностью, остатки (рис. 8), они изображали наличное состояние городища в преувеличенно картинных описаниях: «бесформенные осыпавшиеся кучи Вавилона», писал, напр., Wilbraham, «подобный скелету, а покинутый и, однако, все еще стоящий город (Ани) похож на бездыханное тело: душа уже отлетела, но труп еще сохраняет подобие жизни»⁷. Даже трезвый Hamilton, и тот не совсем свободен был от некоторого увлечения. «За внутренними воротами», пишет он, «перед нами открылся полный вид города. Стены тянулись вдаль от нас в обе стороны; и хотя развалин было не так много, как мы ожидали, но, тем не менее, они представляли нечто, действующее и почти внушительное: вид христианского города, построенного в столь своеобразном стиле и неизвестного новой Европе, ныне почти в том же состоянии, в каком оставили его разрушители восемь столетий тому назад»⁸.

В числе путешественников был лишь один с некоторою филологическою подготовкою, французский арменист Боре, но семидневная его работа в Ани в 1838 г., с исполненными им копиями надписей, оказалась почти бесплодной: записки с результатами работы были утрачены⁹.

Еще в конце XVIII в., во время похода графа Зубова (1796 г.) в Закавказье, Ани привлек, оказывается, внимание русского художника: в Эрмитаже был открыт альбом некоего Иванова с фантастическим видом из Гошаванка, усыпальницы армянских царей, на Ани (рис. 9) или, как сказано в подлиннике того времени, «на город св. Анны».

С сороковых годов началось было более интенсивное археологическое исследование Ани. Толчек дал натуралист Абих, профессор Дерптского университета. Причина такого чересполосного интереса выдающегося геолога к средневековым христианским древностям лежит в высоком уровне, на котором стояли профессора Дерптского университета, весьма отзывчивые на научные вопросы и вне прямых задач своей специальности. Но несомненно также, что на возникновение в Дерпте научного интереса к Ани повлияло то умственное возрождение русских армян, которое пошло особенно сильным темпом по отъезжанию, в сороковых годах XIX в., прав литературного языка новоармянским или, точнее, вообще армянским взамен байкского (гайканского) языка, культурного языка древней Армении. В Дерпте в то время начали сходитьсь лучшие представители армянского студенчества. В 1841 г. был написан современный армянский эпический роман «Раны Армении» (*Չարի Հաշմանի*)¹⁰; автор его, питомец Дерптского университета, несомненно, бросил наиболее тяжелую гирю на чашу гражданских прав армянского языка. Он же, Хачатур Абовян, находился в самом близком общении с профессорами: к нему относились как к родному. Абовян, в свою очередь, впоследствии поддерживал тесные узы дружбы не только с ними, но и со многими учеными, приезжавшими на Кавказ для тех или иных научных целей. Нет надобности говорить об отношении его к Вагнеру, Парроту, Гакстгаузену и Боденштедту, об уважении, с каким они относились к его осведомленности в местных вопросах. Ему доверяли, как лицу с широким научным кругозором, далеким от национальных предрассудков. Кстати, почти до сих пор лучшим источником о курдах, их быте и песнях, считается записка Абовяна¹¹.

Абовян был приглашен католикосом Персесом V и кавказским наместником оказать содействие и Абиху, прибывшему с научною целью в Закавказье в 1844 г. По окончании своего поручения, Абовян в докладе патриарху пишет: «Ни один ученый муж не встречал до него (Абиха) и не встретит такого рода усердия и горячей ревности для исполнения своих желаний. Но пусть знает и признает все это сам, об этом должны знать лишь бог и он, мы же с своей стороны ни разу и ни в чем не упустили случая оказать ему услугу»¹². И, конечно, в интересе Абиха к Ани не могло не сказаться то или

ниое влияние Абовяна, этого олицетворения армянского романтического патриотизма. Достаточно вспомнить, что часто, еще в студенческие годы, когда в высшей степени чувствительный Абовян от тоски по родине начинал рыдать, как ребенок, его друг, профессор Паррот, показывал ему виды Армении (*պատկեր Հայաստանի*) или читал исторические отрывки, относящиеся к ней¹³. Для характеристики отношения Абовяна специально к развалинам Ани достаточно вспомнить следующую строфу из его Песен¹⁴, точно вылившуюся у самых стен города:

<i>Անի, Անի, անի Անի, Քանդուրից սուհր քանդուրի, Քեզ որ ազգը չպահեց, Մէկ սուք անող ինչ անի:—</i>	«С грустью гляжу на тебя Ани: Да погибнет дом твоего разрушителя! Что делать одиноко плачущему о тебе, Когда не мог тебя собрать весь народ.»
---	--

Абих посвятил городищу Ани «целых четыре дня», как выражается он сам¹⁵. Сравнительно недавно изданные письма Абиха из Кавказских стран свидетельствуют, впрочем, о религиозно-гуманистическом настроении самого геолога. В этих удивительно тепло составленных посланиях домой к родным исследователь древнего Ани еще тогда, в 1844 г., почувствовал потребность определенно высказаться касательно армянского вопроса, — и высказался в той христианско-романтической «формулировке, дальше которой и по сей день не пошла идеология защитников армянского дела. Окончив общий обзор анийских развалин описанием Девичьего монастыря (рис. 10), в письме к матери и сестрам от 17 декабря из Тифлиса Абих пишет:

«Можно ли не поддаться скорбному настроению в таких местах? Всякое величие и всякая красота на земле подвержены непреодолимому закону природы; должен наступить день, когда они погибнут. Перед руинами Рима настоящее смягчает скорбь об исчезнувшем, но пережившем себя величии, перед руинами же Ани никакой примиряющий луч лучшего времени не падает на раннюю могилу необыкновенного расцвета так жестоко преследуемого судьбою народа нашей христианской веры. Невообразимо должны враги его и далее наслаждаться победою, одержанною исключительно грубою силою физического превосходства, и христианнейшая Европа терпит позор: ее братья по вере, все еще в беспомощном положении предоставляемые ежеминутно производству исповедников ислама, лишены возможности развиваться согласно своим духовным задаткам и человеческому призванию»¹⁶. Присланный Абихом в 1845 г. русскому академику Броссе материал по анийским древностям содержал уже надписи. Им же был доставлен план городища Ани, который, появившись впервые в труде Броссе, до последнего времени скитался по различным изданиям без изменения¹⁷.

В 1846 г. внимательно осмотрел Ани Муравьев, напечатавший в 1848 г. свои заметки о городище в книге «Грузия и Армения». От романтического упоения красотами развалин не свободен и Муравьев¹⁸. «Еще за пять верст от Ани», пишет Муравьев, «исполнительские врата уже отверзали пустынный вход к ее чудным останкам. Армянская Пальмира красовалась вдали, сонмом своих храмов и мечетей, минаретов и бойниц, как будто люди еще ее не покинули на жертву времени. Мы приближались к ней по левой стороне реки, и увидели, под береговыми скалами, знаменитый монастырь Кошаванк [Гошаванк], богато обстроенный, где погребены внуки просветителя Григория, католикосы Иосиф и Даниил, и многие из царей Багратидов. С казачьего двора, расположенного на горе против Ани, предстала во всей красе своей древняя столица.

«Неужели действительно пусты Ани? — но этот величественный собор (рис. 11), который господствует, посредине города, над всеми зданиями, разве не готов выпустить, из под своих сводов (рис. 12), толпы народа? От чего же, по сторонам его, два минарета? Один из них, совершенно уединенный, еще бы можно принять за колокольно соборную, хотя в восточном вкусе; но отчего к другому пристроена мечеть (рис. 13), на обрыве утесов? Неужели, в царственной столице Багратидов, поклонники Магомета так близки с исповедниками господа Иисуса? Кто объяснит такое противоречие, посреди мертвой тишины сего как бы очарованного города, где не видно не только людей, но даже и призрака человеческого? Но вот опять церкви, рассеянные право от собора, и одна из

них круглая (рис. 14), на подобие башни, а за нею тянется целая ограда исполненная из дурных камней (рис. 15), из красного камня, как бы облитых кровью, хотя уже нет ни осаждающих, ни осаждаемых! Что за пустынный холм возвышается влево от собора, с полуаркадами и полусводами, которые или не довершили люди, или обрушило время? Это вышгород столицы (рис. 16), это бывшие палаты Багратидов! Теперь я вижу, что Ани пусты, и что рука времени их также коснулась, хотя многое оцепенело, в страшном скатии сей роковой руки, и еще будто живо! Вышгород обличает мертвенность Ани; с палат царских началась страшная жатва смерти, но еще есть довольно на этой каменной ниве. Напрасно стоят повсюду храмы: нет в них более молитвы! Если есть еще пустынные церкви на окрестных горах, или вне ограды, на пространстве поля, бывшего некогда городом (рис. 17), то это лишь памятники минувшей славы; нет более Ани! Из всех ее окон зияет смерть, это одна постоянная гостья стольких жилищ; она встречает путника во всех вратах и храмах и чертогах. Если вы не хотите нарушить очарования, возбужденного чудным зрелищем опустевшей столицы, окините быстрым взором все ее каменные сокровища, и не вникайте в грустные подробности развалин».

В 1848 г. Ани посетил Ханьков¹⁹ для изучения мусульманских надписей. Особенно плодотворна была работа Кестнера, составившего целый альбом Ани и окрестностей с рисунками развалин и надписей.

Армянский эпиграфический материал Ани обрел более сведущих собирателей в лице мыхитариста Нерсеса Саргисяна, посетившего Ани в 1846 г., а также в путешественнике Абеле Мыхитаряне и др.

Однако, книжно-историческая школа с традиционной, в данном случае, армянского национальною точкою зрения продолжала господствовать. Она же заставляла себя знать часто и в наши дни в постановке этнографических, вообще культурно-исторических вопросов о Кавказе, когда оказывалось желательным поддержать современные политические взгляды историческими справками. Несомненно, только из школы с этой традиционной точкою зрения и могло выйти, между прочим, гуллиноее среди армян, не раз высказывавшееся публично обобщение, будто «из истории известно, что в XI в. цветущую на Кавказе культуру разрушили пришедшие с востока кочевые племена и все, как есть, уничтожили»²⁰.

В одиннадцатом веке для Кавказа вообще мы не замечаем вовсе такого окончателного поворота к худшему. Что же касается, в частности, Армении, то и здесь нет основания искать в XI в. хотя бы одной из тех роковых заминок, когда армянский народ, действительно, бывал близок к духовной гибели.

ГЛАВА II.

Историческая жизнь обитателей Армении и раньше отнюдь не текла в одном русле; она в корне чужда непрерывности органического развития. Как новоармянский язык не представляет несколько «древне-армянского», как литературный язык христианской древней Армении, в свою очередь, отнюдь, конечно, не представляет органического развития того еще более древнего языка, который сохранился в памятниках ванского клинообразного письма, так и реальная историческая жизнь обитателей Армении по существу различна в эти три периода. Само конкретное явление «армяни», как местно-культурный или национально-культурный тип, в эти периоды настолько различно, что речь может быть скорее о резком контрасте одного общественно-психологического типа с другим, чем об их средстве. Каждый из этих типов плод реально-культурного уклада данного периода, отличного от смежных периодов. Отличие возникало не в силу различия времени, вносящего видоизменения органическим развитием завещанных начал, а в силу насильственных переворотов, извне педших и потому не отождествимых по разрушительной силе ни с какою внутри зарождающеюся политическою революциею, а также коренных изменений, перемещавших нерв жизни не только из одной социальной среды в другую, но и из одной этнографической среды в другую. Перевороты эти пресекали нить органического развития и образовывали такую пропасть

между старым и новым, что не сохранились даже никакие традиции, сколько нибудь сознательные, во вновь нарождавшемся мире о предшествовавшей культурной жизни.

Весь кавказский район, со включением Армении, был культурен еще в эпоху ассиро-вавилонской цивилизации. В Армении была местная письменность, на родном языке, еще за несколько веков до н. э. Помимо этой интеллектуальной культуры раскопки, пока, впрочем, ведшиеся без системы, открыли вещественные памятники, свидетельствующие о значительном художественном развитии населения. Орнаменты растительные и геометрические на глиняных сосудах, предметы из слоновой кости художественной работы, костяные изделия, служившие предметом роскоши, нарядно отделанные предметы вооружения и изящные вещицы из бронзы и серебра, а также золота, ярко говорят о наличной степени культуры в крае уже в то время. О высоте художественного развития населения Армении в эпоху, повидимому, древнее клинообразных надписей, свидетельствуют и рельефы на открытых в Эриванской губернии каменных вишанах или рыбах-великанах.

Из откопанных мною нескольких сотен предметов глиняной посуды, иногда хотя и примитивно, но не без изящества раскрашенных, иногда орнаментированных, поучителен во многих отношениях один экземпляр (рис. 18), из черной глины: он с интересным орнаментом — волотою или завитком; орнамент этот впоследствии мы встретим и в арийских постройках в связи с совершенно иным течением. Бронзовые изделия этой древней культуры обращали на себя более серьезное внимание. Бронзовым разрисованным поясам (рис. 19) в свое время посвятил специальное исследование известный Rudolf Virchow²¹. Добросовестный ученый, Virchow, перед живою реальностью, вскрывшейся в могильниках, признал свою прежнюю ошибку, когда он категорически утверждал, что должна быть отклонена всякая мысль о том, будто Германия и Запад получили свои образцы с Кавказа или будто в то время были прямые сношения между Италией и Колхидию²².

Но Virchow располагал еще лишь бронзовыми орнаментированными поясами. Несколько лет тому назад на паше близ Сарыкамыша, в Карсской области, были открыты случайно фрагменты золотого орнаментированного пояса, если не той же, то сродной эпохи (рис. 20). Вопросы о влиянии Кавказа на Запад, конечно, это еще не подвигает ни на шаг вперед, так как, за общим равнодушием ученых к кавказским надписям историческим, этнографическим и особенно лингвистическим материалам, не выяснена пока сама физиономия древней местной культуры, более того — не санкционированы, как научное приобретение, сделанные уже лингвистические успехи. Пока исследование строится на одних археологических находках в могилках, заключения ученых для нас не имеют серьезного значения, как это отчасти признавал и Virchow. Но у нас такое врожденное предрасположение внимательно слушать иностранных ученых, не так-то легко устранимое одним, возникшим в последнее время, здоровым настроением, что для моих целей, пожалуй, не бесполезно привести некоторые мысли авторитетного исследователя. Напомнив о древних сказаниях касательно халибов с верховьев Чороха и торговли медью, которую вели соседние народы — мосохи, наваны и тубалы, с городом Тиром, Virchow говорит: «все эти предания согласны в том, что они предполагают богатую и древнюю индустрию металла в странах» Кавказа. «Быть может, здесь теперь в первый раз открывается осязаемый предмет, бронзовый пояс, как положительный показатель этой промышленности»²³. «Немалое количество роскошно орнаментированных поясных блях, покрытых в разнообразнейших сочетаниях фигурами зверей и людей», при различии не только с Европою, но и с Вавилоном и Ассириею в материальной отделке и композиционных рисунков, «доказывает независимость местного развития»²⁴. «Шаг вперед, который мы сделали», заключает свое исследование Virchow, «имеет следующее значение: для края, с которым связаны древнейшие сказания, дается документальное, вещественное (thatsächliche) доказательство того, что там еще в весьма раннюю эпоху должна была процветать поразительно высокоразвитая и самостоятельно далее выработавшаяся металлическая промышленность, которая, однако, зачалась не в этом месте»²⁵.

Но вот появляются воинственные арийские племена, одни за другими, точно так же, как в более поздние эпохи массы тюркской иммиграции. Эти арийские племена, тогда несомненно дикие сравнительно с местным населением, но сильные своею военною организациею, поработают культурно

более развитую расу, смешиваются с нею и создают новый мир; чуждая уже этому восточному миру старая культура с местной письменностью постепенно приходит в упадок и погибает, продолжая прозвучать лишь в неосознанных переживаниях.

Начинается новый период исторической жизни края, начинается он опять сначала, опять с элементов. Элементы эти вносятся уже не только из других стран, но и от народов, осевших здесь, духовно мало сродных с местным населением, вносятся в язык того или иного слоя господствующего класса победителей, не вполне натурализовавшихся в крае. С востока насаждает маизмизм с персидским языком, с запада классическая культура с греческим или латинским языком, с юга различные семитические религии. В конце концов, в Армении берет верх христианство, впервые насажденное семитами-арамейцами. На связь этого культурного насаждения семитов и с еврейскою диаспорою, на значение палео-христиан в распространении христианства намекают и местные легенды; но научное решение этого вопроса еще впереди.

Конечное торжество христианства по губительному значению для местной языческой культуры не уступает любому перевороту, связанному с вторжением разрушительных стихийных сил — иммиграционных движений малокультурных племен. Правда, мы еще не знаем, насколько сильно сказалась в реальной жизни армян, особенно в первые века, этот идейный переворот, но, во всяком случае, нить исторического развития Армении опять оборвалась, опять образовалась пропасть между старым и новым миром. Вся или почти вся культурная работа армян в предшествовавший период пошла прахом, и начался новый период исторической жизни края, начался он опять сначала, опять с азов. Создалась новая христианская письменность, на этот раз, впрочем, опять на местном народном языке, создано новое христианское искусство, опиравшееся феодалами-князьями Армении. Это дело их рук — великолепные памятники древне-христианского искусства, в частности, архитектуры в самой Армении. Одним из них, высокодаровитым Камсараканом, принадлежат в области Шираке Ереванская базилика, стильные архитектурные линии и декоративные подробности которой говорят о происхождении типа с юга, о сродстве его с сирийским типом. Ко времени тех же князей восходит храм в той же области, в Текоре, ныне в селе Дигоре, с позднейшей перестройкой. Другие из феодалов украшали армянскими мозаиками храмы в Иерусалиме (рис. 24), в наше время открытыми там случайно. Образовался новый фактор общественной жизни с сильною организацией, христианское духовенство, усиление которого совпало с уничтожением древнего армянского царства.

Здесь можно обойти молчанием следовавший затем период исторической жизни коренной Армении; он начался со времени культурного падения города Ани.

Таким образом, органический процесс исторического развития Армении может быть прослеживаем прежде всего лишь в пределах каждого отдельного периода. Конечно, этим мы несколько не хотим отрицать родства тех или иных элементов сцепления между культурными формами смежных периодов, как бы радикально они не разнились по сознательно развиваемому содержанию. Но родство это сказывается в невольных или, как было уже выражено, в неосознанных переживаниях. Только сложный анализ современной, реалистично поставленной филологии способен обнажить скрытые истинные нити такого родства. Таким путем недавно, если не ошибаюсь, мне удалось подойти к пункту, откуда намечается генетическая связь христианской ереси павликианства, зародившейся в Армении, с древними местными народно-религиозными верованиями астрального характера, которые сохранились в переживаниях у курдов-пейлидов²⁶. Таким же путем еще раньше удалось И. А. Джавахову открыть в грузинском христианском народном праздновании св. Георгия древний культ местного языческого бога месяца²⁷. Однако, это уже бессознательный синкретизм. Это уже не то могучее дерево, плодами которого наслаждаются сознательно вырастающие его счастливые народы, и в тени которого народности, менее избалованные судьбою, ищут и иногда находят тайну для своего обновления. Там, в Европе, глубоко идущие в почву корни сохраняют живительное общение с культурными залежами, накопившимися от древних поколений; здесь, в Азии, с каждым новым периодом прекращается сознательное разрабатывание и углубление родных культурных традиций.

ГЛАВА III.

Впрочем, и относительно отдельных периодов отнюдь нельзя утверждать, будто в пределах каждого из них культурный рост Армении шел нормально по одному и тому же пути саморазвития. Это заблуждение присуще армянскому традиционному построению. Более того, это традиционное построение, в основе и не народное, а сословное, притом церковное, узко-конфессиональное. Оно игнорировало культурный вклад в армянскую жизнь даже армян, если только они были иного исповедания. Оно отрицало всякий прогресс. По этому традиционному построению высшее развитие армянской христианской культуры отнесено было к V в., т. е. к предполагаемой эпохе изобретения армянского алфавита, и затем шло падение, в лучшем случае более или менее удачное подражание пятому столетию. Пятое столетие провозглашалось золотым веком древне-армянской письменности, эдемом армянской национальной культуры.

Таким образом, во славу этой золотой иллюзии из истории Армении выброшена была сама жизнь, и это вопреки всякой и теоретической, и фактической очевидности. На самом деле в период с V в. до падения Ани жизнь была ключом в Армении и, несмотря на тяжкие испытания, порою, казалось бы, полную гибель, она отстаивала культурную самобытность, поверженная подымалась, замиравшая воскресала и иногда блестяще прогрессировала если не во всем, то во многом. Правда, не были достигнуты прочные результаты в соответствие с потраченными силами, но только потому, что и в пределах этого периода шла историческая борьба армян неоднократно испытывала опасные давления: она часто бывала близка к тому, чтобы оборваться, и не раз, казалось, навсегда обрывалась. Я в данном случае не имею в виду культурного воздействия великих держав; их могущественное духовное влияние порою, конечно, давило внутреннюю самобытность армян, порою, казалось бы, уничтожало своеобразие местных культурных всходов, но в районе, часть которого составляла Армения, было столько веками унаследованной культурной закладки, что, в конце концов, и это чуждое и наносное, вызывая к жизни затаенные силы народа, претворялось в родное и лишь усложняло или обогащало местную культуру. Такая восприимчивость армян к чужим духовным приобретениям не только христианских народов, как-то сирийцев, греков и грузин, но и мусульман, а также до ислама язычников — персов и греков с римлянами, и являлась гарантией жизнеспособности их, армян, залогом их национального существования и развития. Одна беда — плоды этой восприимчивости не могли быть сбережены в достаточной степени: едва начинало в каком-либо уголке Армении налаживаться дело, как уничтожалось до тла культурное хозяйство, более того — страна обращалась в пустыню. И здесь, в пределах одного и того же периода, приходилось начинать сначала. Правда, такие элементы, как письменность и культурный язык, сохранились благодаря сети монастырей, покрывавших всю Армению, благодаря наличию ряда культурных гнезд в зависимости от того, что Армения распалась тогда на несколько независимых друг от друга княжеств. Не все княжества подвергались одновременному разгрому, не все обитатели вовлекались в черту полного опустошения. Но, тем не менее, гибло доведенное было до полного цветущего состояния областное культурное хозяйство, погасал главный очаг, освещавший и согревавший более остальные области, возбуждавший и в них творческое движение вперед. Жизнь перемещалась в новую, более защищенную, но менее культурную среду, область с иными традициями и иными материалами. Церковь являлась, конечно, посетительнице интеллектуальных культурных традиций, но поле ее зрения было ограничено христианскими религиозными интересами, притом определенного толка. И снова приходилось самому армянскому народу, тогда в лице передового сословия, армянской родовой знати, начинать сначала армянское культурное хозяйство.

В интересующий нас, в связи с судьбами Ани, культурный период, христианский, была не одна такая роковая заминка в историческом развитии армян. Армения, находясь на перепутье военных движений всех народов, и цивилизованных, и нецивилизованных, бесконечно поирражалась. Это

разорение армянской страны даже у арабов создало соответствующее холоднее объяснение. Арабский географ Ибн-ал-Факих ал-Амадани приводит его в двух версиях. Раз со слов Ка'ба он рассказывает: «я нашел в книгах . . . , что Мекку разоряют абисинцы, Медину — голод, Басру — потоп, Куфу — выселение, Джибаль разоряется от ударов молний и землетрясений, Хорасан — от различных казней, и Рей насыают дилмачи и табаристанцы, что же касается Армении и Азербейджана, то эти две страны погибают от конских копыт армий, да и от ударов молний и землетрясений». Другая версия, приводимая тем же арабским писателем короче²⁰: «Маххул Сириец сказал: «чаще всего в развалинах Армения». Сказали: «что ее разорлет?». Он сказал: «копыта конницы». Таково, значит, было, и по показаниям сторонних свидетелей, арабов и сирийцев, обычное содержание чаши, из которой приходилось пить армянскому народу. О какой, казалось бы, культуре могла быть речь в таких условиях, прерывавших на месте даже физическое дыхание. Европа тогда не испытывала подобия тех разрушений, какие переживали маленькие христианские страны, Армения и Грузия, но культурной жизни убывало в Европе вдвое больше. Choisy как-то писал²⁰: до XI в. «страны запада (Европы), терзаемые варварскими вторжениями, не имеют ни досуга, ни нужных средств, чтобы создать себе архитектуру; строят мало, монументальные воздвигают лишь церкви, и, так как умственная жизнь удалась в монастыри, все эти церкви — монастырские. Будучи чисто подражательными, некоторые из них воспроизводят византийские планы; большинство соответствует просто типу латинской базилики». Между тем, по справедливому замечанию того же историка, «архитектура в ту эпоху, т. е. до XI в. на христианском востоке и в мусульманском мире проявляет уже величие своего развития».

Конец варварства Европы, впрочем, далеко не совпадает с началом развития романского искусства в XI в. Его яркие и грозные переживания дают о себе знать и в эпоху расцвета армянского искусства в Ани и своеобразной местной культуры в Грузии. После неслыханного грабежа, которому подвергли христианский Константинополь в 1204 г. европейцы-крестоносцы, город лежал в развалинах, и, с полвека спустя, император Михаил Палеолог, когда греки вернулись в столицу, не мог даже переночевать в Влахернском дворце, который занимал перед тем князь Балдуин, «так так, говорит хроникер, от неоприятности и обжорства латиняи (европейцев), обративших все апартаменты в кухни, потолки и стены были покрыты копотью и грязью»²¹. Вауел, французский историк византийского искусства, с грустью отмечает, «с какою дикою жадностью латиняне похищали и ломали все то, что казалось им дорогим в дворцах: золотые, серебряные и бронзовые предметы превращались в монету»²². Когда крестоносцы овладели городом, «все диковинки, накопившиеся в дворцовых и церковных сокровищах, были расхищены»²³ самым варварским образом. Достаточно вспомнить, что «украшенный эмалью и драгоценными камнями престол святой Софии был разбит в куски, из-за которых ссорились солдаты»²⁴.

Но то, что постигло Армению в первой четверти VIII в., выходит из ряда вон как по размерам бедствия, так по обширности площади разрушений. Можно сказать, что вся цветущая Армения была обращена в пустыню, была опустошена та духовно богатая страна, которая питала не только местные культурные очаги, но и зарубежные, в роде, напр., тех же храмов в Палестине. Армения была смертельно поражена в самом сердце. Тогда-то и произошло, между прочим, что представитель на месте великой в то время мировой державы, арабского халифата, желая владеть Армениею без свободных армян, пригласил армянскую знать в церковь, в городе Нахичевани, для присяги в верности халифу и siege армянских князей вместе с церковью, в которую они и собрались, чтобы крестом и евангелием запечатлеть чувства своей преданности арабам.

Оставляя в стороне армянских историков и описанные ими ужасы разгрома всего края и поголовного истребления или пленения армян, для нашей цели достаточно привести бесхитростную сухую запись равнодушного сирийского летописца Дионисия Тель-магарского. Этот странный свидетель пишет: в 716-717 г. Маслама вступил в пределы ромейские, «пошел на Черную гору и Ливан до Митляена, прошел через реку Арсианос во Внутреннюю Армению. Эта страна была украшена многочисленным населением; в ней было множество виноградников, посевов и всякого рода прекрасных

деревьев, и с тех пор она опустела, и более эта страна не заселялась». Это было тогда, когда ученый Степан (ум. 735), впоследствии епископ Сюнии, вернувшись с новыми идейными приобретениями из заграничного научного путешествия в Константинополь и Рим, оказался в положении Моисей, песенно скрижали, с тем различием, что ветхозаветный пророк все-таки застал свой народ, хотя и в пленении у чужих богов, армянский же ученый богослов узрел гибель цвета своего народа: прибыв в Дви, он видел страну, разрушенную арабами, и князей уничтоженными.

Когда, в конце века, Багратиды стали обособываться в области Шираке сначала в городе Еразгаворе (Ширакаван), тогда столице области, а спустя еще полтора столетия в Ани, то началось новое культурное строительство. И вот, отложенный этой возрожденной с X в. армянской культуры, ее местной основы с пережитками ряда смен былых строителей, усложненной заимствованиями из других армянских, некогда передовых областей, где национальная жизнь замирала, картины ее дальнейших, по падении и багратидского царства, превратностей и новых поразительных достижений и могли бы мы нескать, прежде всего, в Ани, одно время столице маленького ширакского царства, а впоследствии цветущем торговом городе.

ГЛАВА IV.

Ни появление архитектурных памятников в обращении в ученой среде, ни даже обнаружение нескольких десятков надписей Ани не внесло реалистического направления среди историков Ани.

Специальная история города Ани у армян начинает писаться в XVIII в. Авраам Критский, католикос всех армян с 1734 г., составил впервые такую специальную историю страны в десять³⁵. Католикос Авраам, есть основание утверждать, располагал готовым легендарным сказанием о гибели Ани³⁶, в которое входили и кое-какие реальные данные из анинской жизни, но история его представляет сочинение для душевспасительного чтения: на примере Ани, разрушенного, предполагалось, целиком землетрясением в наказание за греховную жизнь анийцев и особенно за их неуважение к вардапетам, ученым монахам, глава армянской церкви хотел, повидимому, показать необходимость для армянского народа религиозно-добродетельной жизни и повиновения армянским вардапетам для спасения не только на небе, но и на земле. С этим церковно-религиозным дидактизмом автора, восходящим в основе к взглядам армянского историка Аристакеся Ластиверца, современника разгрома Ани сельджуками в 1064 г., в тесной связи стоит его взгляд на Ани во все время его существования, как на чисто армянский, по составу населения, город, местопребывание армянских царей, князей и вообще одних армян. Судьба Ани была выбрана католикосом Авраамом для иллюстрации его мысли потому, что он происходил из колонии на Черном море, из Каффы (Феодосии), армянское население которой много себя или считалось другими потомством выселенцев из Ани.

Большое значения представляет История Ани, принадлежащая перу Медичи или Минаса Быкышкяна. Минас Быкышкян интересовался собственно своими единоплемениками, жившими в России и Польше, предполагаемыми выселенцами из Ани после его разрушения, и, в связи с этим, он посвятил первую часть труда родине их, Ани, сведения о котором рассеяны, кроме того, по всей книге³⁷. В ней собрано посылно, часто с искажениями, все, что сообщают армянские книжные источники касательно этого города. Но Быкышкян городища Ани не видел, и из заколдованного круга традиционных представлений о нем не выходит и его сочинение. По его изложению, после разгрома Алп-Арсланом Ани, хотя город и вырос снова за немногие годы в отношении численности населения, но в нем более не восстанавливалось его древнее великолешие и блеск. Для Быкышкяна Ани — блестящий город армянских Багратидов. Строители в нем лишь армяне, конечно, армянские цари. Один Ашот строит в нем столько монументальных зданий, величественных дворцов, блестящих храмов, приютов для девственниц и бедных, странноприимных домов и вообще благотворительных и полезных учреждений, сколько никак не мог вменить современный Ани. После падения Багратидов и особенно разгрома Алп-Арсланом, Ани — лишь достойный плача предмет. Завоеватели отбивают друг у друга Ани, но кроме разрушения ничего, во всяком случае, ничего нового не создают.

Русский академик Броссе является автором третьего, специально посвященного городу Ани труда³⁸. Броссе не посчастливилось лично побывать в городе Ани, который тогда находился на турецкой территории. Броссе, попав в Эчмиадзин суровой зимой, не рискнул предпринять поездку на развалины Ани, осмотреть которые страстно желал. Он, впрочем, располагал уже кромеше путешествий, иногда с обстоятельными данными о памятниках анийского искусства, и эпиграфическими материалами, собранными мыхитаристом Саргисяном и скопированными Кестнером и другими. В его распоряжении был вообще весь рукописный альбом Кестнера, собственность с того времени Азиатского музея Академии Наук. Эти труды, давшие Броссе, между прочим, совершенно новый материал для составления атласа, и упорчили за его работою значение основного пособия, иногда и первоисточника по истории Ани. Но в построении самой истории Броссе по существу не сделал ни одного шага вперед. Верный обычному своему методу, испытанному им в области грузинской истории, держаться традиционной точки зрения³⁹, он и здесь не нашел ничего лучшего, как перевести целиком Историю Ани, составленную Минасом Быжкышяном, и снабдить ее комментариями в примечаниях. Нередко в примечаниях Броссе фактически опровергается то, что излагается в основном тексте. У него и живые эпиграфические материалы заняли место такого же значения комментариев и детальных обоснований или развития построения Быжкышяна. История Ани в труде Броссе представляет изношенное рубище с нашатыми кое-где на живую нитку жемчужинами.

И после Броссе самостоятельного по изучению истории Ани не делалось ничего или почти ничего. Наиболее важным явлением можно признать, пожалуй, выход в свет фотографического альбома Кюркчяна. Покойный профессор Петербургского университета К. П. Патканов написал специальную заметку «Об археологической ценности фотографического альбома Армении, работы г. Куркчяна»⁴⁰. Однако, предвкусившаяся научная ценность альбома не сказалась реально в каких-либо исторических работах об Ани. Труд фотографа Кюркчяна, особенно снимки его для стереоскопа, послужили, главным образом, средством для популяризации Ани в широких кругах общества, прежде всего, понятно, армянского.

Такой же популяризации вопроса об Ани, но преимущественно среди более серьезных любителей армянских древностей, дал сильный толчок сочинение известного, ныне покойного, венецианского мыхитариста Алишана: «Ширак»⁴¹. Это — историко-географический иллюстрированный компендиум об области Шираке с ее столицею Ани. Более трети книги посвящено специально городу Ани⁴². Алишан не видел развалин Ани. Он не располагал какими-либо новыми источниками, за исключением немногих рукописных записей. В его книге мы имеем компилятивный труд; при составлении его автору, кроме путешественников, использованных отчасти Хавыковым за много лет раньше, источники служили те же памятники, коими располагал Броссе, а также работы самого Броссе, особенно его «*Les ruines d'Ani*», почти целиком усвоенные автором «Ширака». Алишан, понятно, еще в большей степени, чем Броссе, был верен традиционному армянскому историческому построению. У Алишана мы видим еще менее того критицизма, без которого немислимо современное научное творчество. Но Алишан, не лишенный поэтического дара, научное творчество заменил поэтично-романтическо-национально настроенной душой: он внес в книгу всю, можно сказать, религиозную тоску по родине, присущую эмигрантам, особенно никогда не видевшим и пяди своей родной земли; он усугубил и возвысил эту отвлеченную национальную тоску любовью к столь им идеализированному центру былой армянской жизни, и это создало успех книги среди армян. Успех в широких кругах грамотного армянского общества был бы несравненно значительнее, если бы она была написана на современном языке армян: язык книги «Ширак» — ныне мертвый древне-литературный, в основе которого лежит так называемая хайкская или гайканская, древне-армянская живая речь.

Книга Алишана, однако, принесла существенную пользу и науке, создав в армянском обществе интерес к древностям Ани. Не только армянское общество, но и тесный круг армянистов не из армян через его книгу осванился с мыслью о важности археологических работ. В круге каких бы романтически-национальных представлений ни витал Алишан, для нас ценно то, что в момент вниматель-

ного разбора наличного скудного материала о занимающем нас городе, перед ним не раз вставал научный вопрос о необходимости раскопок его развалин, и он попутно давал этому вопросу некоторое выражение.

Общее направление, т. е. национально-армянское построение истории Ани продолжало господствовать. Оно было так сильно, и продолжает быть таковым, что немногие работы, идущие в противоположение с установившимся взглядом, не находят серьезного отклика в среде интересующихся специалистов, хотя бы эти работы представляли лишь поползновение отстоять авторитет научно освещаемых и устанавливаемых фактов вместо авторитета лиц и авторитета традиционного построения или мимолетных популярных теорий. Одно время в арменистике подняла было голову гиперкритическая школа, но она систематическим отрицанием, возведенным в догму, погубила себя, пользы же не принесла реальной истории, тем более, что выдавала себя принципиальным противоречием: гиперкритическая школа бросалась с острепением на отдельные армянские литературные источники, оставаясь верной общему построению, в которое они, эти источники, входили в качестве строевого материала, находясь иногда во главе угла всего традиционного здания.

Традиционное армянское понимание национального прошлого, с ограниченностью кругозора и самодовлеющим панегиризмом, неизбежными спутниками всякого заезжанно-национального исторического построения, сообщилось и современным ученым европейцам. Естественное пристрастие специалистов к своему предмету, желание поднять престиж предлагаемых вниманию просвещенного общества новых или малоизвестных материалов, конечно, немало содействовало не только заражению тем же недугом, но и осложнило его введением в дело якобы научных оснований.

Я не буду останавливаться на всякого рода преувеличениях, в которые впадали по нашему вопросу европейцы, преимущественно историки искусств, случайно попадавшие в эту область в роли исследователей. Таким историкам вообще свойственно увлекаться построениями, поскольку построения эти документируются одними, правда, многоговорящими источниками, особенно памятниками архитектуры, выхваченными, однако, из родной культурной среды и освещаемыми исторически без учета местных сложных условий ее развития. Для иллюстрации нашей мысли достаточно сослаться на пример Schlumberger, известного византиста, члена Французского Института, мужа, казалось бы, заслуживающего доверия и способного дать отчет в том, что он пишет. В «L'Épopée Byzantine»⁴³ Schlumberger посвящает ряд страниц городу Ани, пятью видами которого украшена сама книга⁴⁴. В предисловии, касательно, между прочим, и этих страниц, автор пишет⁴⁵: «кропотливой переписки было недостаточно, чтобы снабдить меня всеми до документами, которые были мне необходимы. Потому я предпринял далекие путешествия вплоть до Русской Армении, где я посетил знаменитые развалины Ани, фантастически царственного города багратидских царей, современников Василия II». Надо, конечно, считаться с темпераментом писателя, сказывающимся на каждой почти странице названного труда. Нельзя возражать против того, что, например, о таком прозаическом факте, как перевод с армянского армянистом Dulaurier одного любопытного письма Иоанна Цимисхия царю Ашоту, сохраненного Матфеем Едесским, Schlumberger пишет таким эпическим слогом⁴⁶, точно это Вергилий рассказывает об основании Рима. Мы могли бы мириться и со следующим его утверждением: «конечно, Матфей Едесский, писавший в первой трети XII в.», спешит Schlumberger подтвердить Dulaurier, «мог скопировать это письмо с подлинника, который в этот момент, должно быть, сохранялся еще в царских архивах анийских Багратидов»⁴⁷. Конечно, это ни на чем не основано и маловероятно, так как, не говоря по существу, достаточно вспомнить, что «в этот момент», т. е. в первую треть XII в., Ани входил в состав грузинского царства, что власть грузин сменила господство ряда других иноземных владетелей, в том числе жестоко опустошивших Ани турок, которые во второй половине XI в. отняли город у греков, в свою очередь, в 1043 г., выживших из Ани последнего армянского багратидского царя. Заслуживает внимания следующая характеристика армянского царя Ашота III и города Ани, произведенная рук его: «Ашот III, благочестивейший князь, великий богослов, был к тому же еще, как я сказал, великий строитель. В его царствование церкви, монастыри, дворцы, великолепные здания из тесаных камней,

удивительно отделанных, усеянные лапидарными надписями и нежными резными армянскими, воспрянули со всех сторон, покрыв своими причудливыми, но изящными громадами армянскую землю. Этот князь и сделал, действительно, из Ани славную пышную столицу своего государства и необычайно украсил эту царницу армянских городов, колыбель могущества его рода, над мрачным ущельем, в глубине которого теперь так же, как тогда, скачет несущийся стремительным потоком Ахурия».

Единственная во всей этой тираде мысль, не вызывающая возражения, содержится в последней фразе: в глубине мрачного ущелья под Ани «теперь так же, как тогда, скачет несущийся стремительным потоком Ахурия». И этой фразой, пожалуй, картинной, я позволю себе характеризовать многолетнее изучение истории столицы армянских Багратидов: теперь так же, как сто лет тому назад, в глубине темного ущелья, называемого историею Ани, скачет несущееся стремительным потоком красноречие, в которое обильно изливается то наивный, то напускной патристический энтузиазм или энтузиазм склонных импонировать предметом своего исследования ученых специалистов, далеких от правильного представления о реальном прошлом действительно славного города.

ГЛАВА V.

Итак, в силу вещей дело складывалось так, что знания арийской действительности, реальной истории города, не могло быть и нет ни у кого, несмотря на довольно сильный интерес к городу.

Сила же вещей устанавливается тем, что арменоведение все еще не вовлекается серьезно в область научного востоковедения; армянские материалы не становятся пищею широко поставленных и в то же время глубоко идущих реально в самый предмет самостоятельных изысканий, притом, прежде всего, специальных. Поэтому редкая, почти ни одна арменистическая работа не ведется под углом зрения современного научного востоковедения. Востоковедение, в общем, сделало громадные успехи; опираясь на достигнутые уже в теории неоспоримые результаты, оно успело наметить себе для осуществления и практические задачи общественного значения. Достаточно указать, с какою неотразимостью освобождает оно научно-мыслящее общество от казавшихся когда-то непоколебимыми убеждений, на самом деле атавистических предрассудков касательно превосходства какой бы то ни было расы, хотя бы арийской, преимущественной культурноспособности народов определенной веры, хотя бы и христианской, неоспоримого providенциального умственного превосходства европейцев. Работы востоковедов с их реальными данными уже разрушили миражное построение всеобщей истории, по которому греки и римляне в древности и европейские народы в последующие эпохи составляли будто особый саморазвивающийся мир, более того — цвет человечества. Георг Иакоб идет еще дальше и, на наш взгляд, вполне справедливо в оценке востоковедения. Перечислив ряд существенных вкладов восточного культурного мира, преимущественно через мусульман, в европейскую жизнь, немецкий ученый заключал⁴⁵: «Не потому, однако, занимаемся мы языками Востока, что дух его народов в минувшие века оказал могущественное воздействие на Запад, а потому, что мы ожидаем от этих занятий еще большей прибыли для будущего. Некогда гуманизм означал значительное расширение умственного горизонта; но теперь, окончен в классицизме и по известному закону человеческого развития уподобившись во многих отношениях той древней схоластике, которую он же победил, тот же гуманизм для наших культурных отношений представляет искусственное сужение кругозора».

Я опускаю практические чаяния немецкого ученого от востоковедения, устанавливающего более широкий горизонт, хотя нельзя не разделять убеждения, что лишь после реального усвоения цивилизованным миром этого более широкого кругозора, лишь после практического использования этого нового интеллектуально-культурного фактора, можно говорить серьезно о необходимом психологическом переломе мыслящего общества и сознательном вступлении всех народов на верный путь социального прогресса. Для настоящей нашей задачи достаточно заметить, что, как справедливо говорит

Иакоб⁴⁹, «мы начинаем перерастать идеалы так называемого гуманизма, наш век находится в фазисе развития, переходном от классицизма к универсализму». И в такой-то момент, добавлю от себя, специалистам по армяно-грузинской филологии, в частности, армянистам приходится считаться с идеями церковно-национальным традиционализмом. Нужно ли удивляться, что наша область пышно зарастает дикими травами, и, несмотря на многие сочинения об Армении, обстоятельства складываются не в пользу реального изучения армянской истории вообще и истории Ани, в частности.

ГЛАВА VI.

В отношении Ани эта смена вещей, приведшая к таким печальным результатам, продолжала бы существовать неизвестно еще сколько времени, если бы не производство ряда раскопок, начавшееся по мысли и при поддержке Археологической Комиссии Академии Наук в 1892 г. и продолжавшееся в последующие годы при существенном, одно время исключительном содействии армянского общества. И в раскопках, конечно, нельзя видеть волшебного жезла, но раскопки, несомненно, уже сейчас поставили дело археологического изучения города Ани, да и всего края на прочную почву и обязуют вооружить нас — уже вооружают — для выработки реальной его истории.

Мысль вообще о раскопках на Кавказе не могла быть воплощена в среде историков христианской Армении, не вышедших из заколдованного круга традиционных представлений. Она возникла в среде свободных от таких предрассудков любителей-археологов Кавказа, питавших дилетантский интерес к древностям края. Через неинтересный для них действительный мир близких христианских народов им чудился далекий фантастическо-величественный Кавказ, венчанный тем или иным ореолом таинственной древности: библейской страны с Ноевым ковчегом на Арарате, мифического края с легендой о Прометее и сказанием о золотом руне, темной области с загадочными все еще для большинства самих ученых клинообразными надписями. Где нет самобытной реальной постановки научного дела, там вместо истинной научной работы появляется ее суррогат и, доминируя своим, доступным более широкому кругу людей, интересом ко всему непонятному, экзотическому, таинственному и вообще далекому от нас, посылкой обслуживает науку. Из ряда заслуженных работников этого типа по кавказской археологии назову только де-Моргана, так как он, обнаружив обильные написанные отчеты о богатых результатах сделанных им в Закавказье раскопок языческих могильников⁵⁰, вызвал в заинтересованных кругах сенсацию. Казалось неудобным дать уплыть археологическому богатству кавказской почвы в руки иностранцев. Нужно было собственной работой устранить чужую эксплуатацию. В 1892 г. Археологическая Комиссия, между прочим, поручила автору этих строк начать исследования на месте древностей Русской Армении. «В видах наиболее систематического ведения работ» молодым тогда, точнее, лишь начинающим ученым «признано было нужным: 1) начать их с района более близкой к нам эпохи и, следовательно, с лучше сохранившихся памятников, изучение которых должно дать возможность вернее ориентироваться в области более глубокой древности, и 2) исходить от центра, служившего средоточием жизни избранного района в данную эпоху, привлекая в круг изучения окрестные памятники»⁵¹.

После этого не нужно доказывать, почему вскоре пришлось остановиться на Ани, этом новейшем, но археологически лучше сохранившемся пустынным городище, на изучении его древностей и раскопках в нем.

ГЛАВА VII.

Доисторических следов человеческой жизни на Кавказе мы не находим пока в достаточно ярких формах и достаточно обильном количестве памятников ни в пределах Армении, ни в пределах Грузии. Слишком рано захватила металлическая культура местный быт и вытеснила из нее первобытные формы человеческой жизни. Впрочем, неизвестны переживания культуры каменного века в виде каменных орудий, находимых отдельными экземплярами в различных уголках, и осо-

бенно обсидиановых изделий, преимущественно стрел, долго продолжавших свое атактическое существование.

Исследование арийских пещер было ведено так слабо, что до сих пор мы не в силах сказать, имеются ли среди них остатки времен пещерных жилищ. Искусственные пещерные помещения, усеивающие склоны и глубины как самого Арийского плоскогорья, так и противоположных долин, отделаны, насколько пока можно заметить, представителями последней эпохи христианской культуры в Аии. Однако, нахождение в некоторых из них языческих могил указывает на значительно более раннюю пору их возникновения.

Исно, что от древнейших языческих памятников первичного исторического периода, яфетического, мы не могли бы надеяться найти на поверхности ничего, если бы местами культа в то отдаленное время не служили высокие плоскогорья, сравнительно мало посещаемые, мало приспособленные для строительства и окруженные в позднейшее время суверенным страхом.

На одном из таких плоскогорий, близ Эривани, нам удалось напасть на исключительные и по древности, и по работе скульптурные произведения первоначальных обитателей Армении, чистых яфетидов: это священные рыбы-великаны, высеченные из камня, длиной от трех до четырех метров. Это боги воды, вишаны, которыми, как переживаями, в течение тысячелетий поднесены полны сказания народов Кавказа, особенно армян. В сказаниях постепенно эти рыбы перерождаются в чудовища-змей, но не исчезает представление о них, как хранителях воды; лишь из добрых гениев они обращены в злые. На чревах их или священные птицы, журавли, или, как на некоторых экземплярах, атрибуты жертвоприношения, — обыкновенно бычья голова с полосой кожи от спины и ног, — до сего дня оставившие следы в христианском быту и в живой старине кавказского мира.

Памятникам этой культуры в пределах страны, получившей впоследствии название Армении, не сопутствовала письменность на местном языке; во всяком случае, до сих пор столь древней письменности в названном крае не найдено.

Позднее, однако, за восемь и более веков до н. э., когда уже существовала в самой Армении клинообразная письменность, обычай высекать надписи на скалах спас ценнейшие лапидарные памятники от гибели, так, например, надпись на скале высоко над долиной близ Александрополя (рис. 22), до недавнего времени самую северную из известных. Скала давно успела пострадать, дала трещины, угрожающие гибелью надписи. По новому фонетическому чтению, на основании яфетического языкознания, надпись в переводе гласит:

Богу Халду величайшему
(царь) Аргиштиий говорит:
«я завоевал страну (племени) Ерах,
«отвоевал я город (в ней) Ирдануни
«от страны Ишки-гоев (Ишки-гулов) || внутренней».

«Внутренняя страна», ухидившая вглубь северных яфетических племен, — в бывшей Карсской области, в Александропольском уезде, и далее на север в пределах исторической Грузии, куда впоследствии совершил поход сын Аргиштия, царь Руса, как об этом сообщает открытая в Ахалкалакском уезде у Чалдырского озера клинообразная надпись. Любопытно, что торная дорога для военных действий в направлении пунктов с нынешними названиями — Сарыкамыш, Александрополь и т. д. вглубь Тифлисской губернии, открытая еще ванскими царями, сохранила значение и до нашего времени.

На юге из ванских надписей одна помещена на отрогах Ванской горы, в углублении, окрещенном у армян названием «дверь Мхера», по имени героя армянского народного эпоса, сродного с тем грузинским легендарным героем Амрамом, в народных сказаниях о котором до сего дня сохранились черты, греками усвоенные сказанию о Прометее.

Трудно было сохраниться делу рук человеческих, когда даже природой созданные скалы местами не выдержали бремени времен; особенно трудно было сохраниться хрупким художественным

произведениями той седой старины, когда даже от построек из плит в рост человека, крепостных стен Вышгорода (рис. 23), едва-едва дошли до нас нижние ряды. Надежда лишь на подпочвенные, изысканная

Погребения той эпохи сохранили нам в языческих могилах предметы с любопытными орнаментами, как, напр., глиняный кувшин с завитком или как откопанный в 1913 г. в Еразгаворе кувшин с имитацией клинописи (рис. 24)⁶², помогающую датировать эти архаические поделки. Вообще художественный интерес представляют бронзовые пояса с звериным орнаментом.

В разрушенных городищах той же глубокой древности погребены куски декоративных монументальных деталей, как, напр., части быка (рис. 25) на красном мраморе, откопанные в Варе.

Языческие могильники с их инвентарем с той, более древней по происхождению, а также более поздней по переживаниям эпох до-ванских царей побуждают помещать общераспространенность, можно сказать, народность или этнографическая природа их в пределах распространения местного населения и вне районов, завоеванных ванскими царями. В частности, на такую же первичность может указывать и то, что инвентарь того же характера, бронзовые браслеты, откапывались в пещерных помещениях Ани.

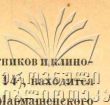
С эпохою ванских царей придется сблизить часть могильника в Еразгаворе, пока лишь хищнически крестьянами и рекогносцировочно нами обследованного, так как на одном из найденных в нем вышеупомянутых глиняных кувшинов имеется клинообразная надпись, декоративно-имитативная или числовая, в последнем случае со значением «семь». Прimitивный характер человеческой фигуры, а также, быть может, и божка из красного камня⁶³, если это не позднейшее изделие варварской эпохи, предостерегает нас, однако, от рискованного шага сопоставлять все вместе и датировать еразгаворский могильник только эпохой ванских царей.

Ко времени шествия ванских царей, если не раньше, могут относиться огромные кубы-камни с углублениями для скрепления железными и бронзовыми скобами или штифтами и заливки свинцом. Сами сооружения, — неизвестно, были ли они здания (замки, храмы) или крепостные стены, быть может, и башни, ворота, — до нас не дошли; не установлено и место их нахождения. Их разобрали позднейшие строители, и теперь мы находим использованными их не только в так называемой Камсаракановой башне (рис. 26) и завершаемой ею на западном крае крепостной стене Миджикберда, акрополя Ани, но и в основании значительно позднее возникших стен царя Сымбата (рис. 27).

Круг языческих древностей, по месту находки баш-шугагельских (еразгаворских), отвечает одному из стоящих у нас на очереди вопросов, именно этнологическому. Как уже заметили, и в них придется признать памятники различных эпох, одни по-арийские, если не сказать прямо иранские, другие — доарийские или лэтические, если на холме в Баш-Шугагеле (Еразгаворе), судя по устному сообщению П. А. Орбели, находятся остатки языческого храма, — в таком случае по близости намечалась бы площадь языческого культа, — на которых возведена была позднее христианская часовня.

Так или иначе, некрополь в Баш-Шугагеле, расположенный на холме, в общем является безусловно первичной древностью. Его случайно раскапывали и раньше. Возникшие в 1913 г. слухи о баш-шугагельских находках были вызваны возобновлением этих хищнических раскопок в надежде на обнаружение клада. Не находя ничего материально ценного, копатели варварски разбивали отрываемые ими глиняные сосуды и вообще глиняную посуду с характерной орнаментацией. На площади близ хищнически раскопанных языческих могил нами была собрана ценная коллекция фрагментов с хорошими рисунками. Там же валялось и названное выше грубое, совершенно примитивной работы, изображение человеческой фигуры из красноватого камня. Бронзовые и металлические предметы и во множестве целые экземпляры глиняной посуды с орнаментацией (геометрической) и без орнаментации были разобраны жителями: некоторые из них пользовались в хозяйстве этой посудой седой древности. В числе глиняной посуды, оказавшейся в руках населения, особенного, можно сказать, исключительного внимания заслуживают два предмета: один по редкой форме, кадкообразной (рис. 28), другой — упоминаемый выше кувшин — по клинописи, допустим, декоративной, хотя нельзя не видеть в нем, во всяком случае, подражания клинописи. Не забудем, что мы находимся

в археологическом районе соседивших и территориально, и общественно урартских памятников и клинообразных надписей ванской системы, одна из которых, уже использованная нами (стр. 145, ^[145] ^[146] ^[147] ^[148] ^[149] ^[150] ^[151] ^[152] ^[153] ^[154] ^[155] ^[156] ^[157] ^[158] ^[159] ^[160] ^[161] ^[162] ^[163] ^[164] ^[165] ^[166] ^[167] ^[168] ^[169] ^[170] ^[171] ^[172] ^[173] ^[174] ^[175] ^[176] ^[177] ^[178] ^[179] ^[180] ^[181] ^[182] ^[183] ^[184] ^[185] ^[186] ^[187] ^[188] ^[189] ^[190] ^[191] ^[192] ^[193] ^[194] ^[195] ^[196] ^[197] ^[198] ^[199] ^[200] ^[201] ^[202] ^[203] ^[204] ^[205] ^[206] ^[207] ^[208] ^[209] ^[210] ^[211] ^[212] ^[213] ^[214] ^[215] ^[216] ^[217] ^[218] ^[219] ^[220] ^[221] ^[222] ^[223] ^[224] ^[225] ^[226] ^[227] ^[228] ^[229] ^[230] ^[231] ^[232] ^[233] ^[234] ^[235] ^[236] ^[237] ^[238] ^[239] ^[240] ^[241] ^[242] ^[243] ^[244] ^[245] ^[246] ^[247] ^[248] ^[249] ^[250] ^[251] ^[252] ^[253] ^[254] ^[255] ^[256] ^[257] ^[258] ^[259] ^[260] ^[261] ^[262] ^[263] ^[264] ^[265] ^[266] ^[267] ^[268] ^[269] ^[270] ^[271] ^[272] ^[273] ^[274] ^[275] ^[276] ^[277] ^[278] ^[279] ^[280] ^[281] ^[282] ^[283] ^[284] ^[285] ^[286] ^[287] ^[288] ^[289] ^[290] ^[291] ^[292] ^[293] ^[294] ^[295] ^[296] ^[297] ^[298] ^[299] ^[300] ^[301] ^[302] ^[303] ^[304] ^[305] ^[306] ^[307] ^[308] ^[309] ^[310] ^[311] ^[312] ^[313] ^[314] ^[315] ^[316] ^[317] ^[318] ^[319] ^[320] ^[321] ^[322] ^[323] ^[324] ^[325] ^[326] ^[327] ^[328] ^[329] ^[330] ^[331] ^[332] ^[333] ^[334] ^[335] ^[336] ^[337] ^[338] ^[339] ^[340] ^[341] ^[342] ^[343] ^[344] ^[345] ^[346] ^[347] ^[348] ^[349] ^[350] ^[351] ^[352] ^[353] ^[354] ^[355] ^[356] ^[357] ^[358] ^[359] ^[360] ^[361] ^[362] ^[363] ^[364] ^[365] ^[366] ^[367] ^[368] ^[369] ^[370] ^[371] ^[372] ^[373] ^[374] ^[375] ^[376] ^[377] ^[378] ^[379] ^[380] ^[381] ^[382] ^[383] ^[384] ^[385] ^[386] ^[387] ^[388] ^[389] ^[390] ^[391] ^[392] ^[393] ^[394] ^[395] ^[396] ^[397] ^[398] ^[399] ^[400] ^[401] ^[402] ^[403] ^[404] ^[405] ^[406] ^[407] ^[408] ^[409] ^[410] ^[411] ^[412] ^[413] ^[414] ^[415] ^[416] ^[417] ^[418] ^[419] ^[420] ^[421] ^[422] ^[423] ^[424] ^[425] ^[426] ^[427] ^[428] ^[429] ^[430] ^[431] ^[432] ^[433] ^[434] ^[435] ^[436] ^[437] ^[438] ^[439] ^[440] ^[441] ^[442] ^[443] ^[444] ^[445] ^[446] ^[447] ^[448] ^[449] ^[450] ^[451] ^[452] ^[453] ^[454] ^[455] ^[456] ^[457] ^[458] ^[459] ^[460] ^[461] ^[462] ^[463] ^[464] ^[465] ^[466] ^[467] ^[468] ^[469] ^[470] ^[471] ^[472] ^[473] ^[474] ^[475] ^[476] ^[477] ^[478] ^[479] ^[480] ^[481] ^[482] ^[483] ^[484] ^[485] ^[486] ^[487] ^[488] ^[489] ^[490] ^[491] ^[492] ^[493] ^[494] ^[495] ^[496] ^[497] ^[498] ^[499] ^[500] ^[501] ^[502] ^[503] ^[504] ^[505] ^[506] ^[507] ^[508] ^[509] ^[510] ^[511] ^[512] ^[513] ^[514] ^[515] ^[516] ^[517] ^[518] ^[519] ^[520] ^[521] ^[522] ^[523] ^[524] ^[525] ^[526] ^[527] ^[528] ^[529] ^[530] ^[531] ^[532] ^[533] ^[534] ^[535] ^[536] ^[537] ^[538] ^[539] ^[540] ^[541] ^[542] ^[543] ^[544] ^[545] ^[546] ^[547] ^[548] ^[549] ^[550] ^[551] ^[552] ^[553] ^[554] ^[555] ^[556] ^[557] ^[558] ^[559] ^[560] ^[561] ^[562] ^[563] ^[564] ^[565] ^[566] ^[567] ^[568] ^[569] ^[570] ^[571] ^[572] ^[573] ^[574] ^[575] ^[576] ^[577] ^[578] ^[579] ^[580] ^[581] ^[582] ^[583] ^[584] ^[585] ^[586] ^[587] ^[588] ^[589] ^[590] ^[591] ^[592] ^[593] ^[594] ^[595] ^[596] ^[597] ^[598] ^[599] ^[600] ^[601] ^[602] ^[603] ^[604] ^[605] ^[606] ^[607] ^[608] ^[609] ^[610] ^[611] ^[612] ^[613] ^[614] ^[615] ^[616] ^[617] ^[618] ^[619] ^[620] ^[621] ^[622] ^[623] ^[624] ^[625] ^[626] ^[627] ^[628] ^[629] ^[630] ^[631] ^[632] ^[633] ^[634] ^[635] ^[636] ^[637] ^[638] ^[639] ^[640] ^[641] ^[642] ^[643] ^[644] ^[645] ^[646] ^[647] ^[648] ^[649] ^[650] ^[651] ^[652] ^[653] ^[654] ^[655] ^[656] ^[657] ^[658] ^[659] ^[660] ^[661] ^[662] ^[663] ^[664] ^[665] ^[666] ^[667] ^[668] ^[669] ^[670] ^[671] ^[672] ^[673] ^[674] ^[675] ^[676] ^[677] ^[678] ^[679] ^[680] ^[681] ^[682] ^[683] ^[684] ^[685] ^[686] ^[687] ^[688] ^[689] ^[690] ^[691] ^[692] ^[693] ^[694] ^[695] ^[696] ^[697] ^[698] ^[699] ^[700] ^[701] ^[702] ^[703] ^[704] ^[705] ^[706] ^[707] ^[708] ^[709] ^[710] ^[711] ^[712] ^[713] ^[714] ^[715] ^[716] ^[717] ^[718] ^[719] ^[720] ^[721] ^[722] ^[723] ^[724] ^[725] ^[726] ^[727] ^[728] ^[729] ^[730] ^[731] ^[732] ^[733] ^[734] ^[735] ^[736] ^[737] ^[738] ^[739] ^[740] ^[741] ^[742] ^[743] ^[744] ^[745] ^[746] ^[747] ^[748] ^[749] ^[750] ^[751] ^[752] ^[753] ^[754] ^[755] ^[756] ^[757] ^[758] ^[759] ^[760] ^[761] ^[762] ^[763] ^[764] ^[765] ^[766] ^[767] ^[768] ^[769] ^[770] ^[771] ^[772] ^[773] ^[774] ^[775] ^[776] ^[777] ^[778] ^[779] ^[780] ^[781] ^[782] ^[783] ^[784] ^[785] ^[786] ^[787] ^[788] ^[789] ^[790] ^[791] ^[792] ^[793] ^[794] ^[795] ^[796] ^[797] ^[798] ^[799] ^[800] ^[801] ^[802] ^[803] ^[804] ^[805] ^[806] ^[807] ^[808] ^[809] ^[810] ^[811] ^[812] ^[813] ^[814] ^[815] ^[816] ^[817] ^[818] ^[819] ^[820] ^[821] ^[822] ^[823] ^[824] ^[825] ^[826] ^[827] ^[828] ^[829] ^[830] ^[831] ^[832] ^[833] ^[834] ^[835] ^[836] ^[837] ^[838] ^[839] ^[840] ^[841] ^[842] ^[843] ^[844] ^[845] ^[846] ^[847] ^[848] ^[849] ^[850] ^[851] ^[852] ^[853] ^[854] ^[855] ^[856] ^[857] ^[858] ^[859] ^[860] ^[861] ^[862] ^[863] ^[864] ^[865] ^[866] ^[867] ^[868] ^[869] ^[870] ^[871] ^[872] ^[873] ^[874] ^[875] ^[876] ^[877] ^[878] ^[879] ^[880] ^[881] ^[882] ^[883] ^[884] ^[885] ^[886] ^[887] ^[888] ^[889] ^[890] ^[891] ^[892] ^[893] ^[894] ^[895] ^[896] ^[897] ^[898] ^[899] ^[900] ^[901] ^[902] ^[903] ^[904] ^[905] ^[906] ^[907] ^[908] ^[909] ^[910] ^[911] ^[912] ^[913] ^[914] ^[915] ^[916] ^[917] ^[918] ^[919] ^[920] ^[921] ^[922] ^[923] ^[924] ^[925] ^[926] ^[927] ^[928] ^[929] ^[930] ^[931] ^[932] ^[933] ^[934] ^[935] ^[936] ^[937] ^[938] ^[939] ^[940] ^[941] ^[942] ^[943] ^[944] ^[945] ^[946] ^[947] ^[948] ^[949] ^[950] ^[951] ^[952] ^[953] ^[954] ^[955] ^[956] ^[957] ^[958] ^[959] ^[960] ^[961] ^[962] ^[963] ^[964] ^[965] ^[966] ^[967] ^[968] ^[969] ^[970] ^[971] ^[972] ^[973] ^[974] ^[975] ^[976] ^[977] ^[978] ^[979] ^[980] ^[981] ^[982] ^[983] ^[984] ^[985] ^[986] ^[987] ^[988] ^[989] ^[990] ^[991] ^[992] ^[993] ^[994] ^[995] ^[996] ^[997] ^[998] ^[999] ^[1000] ^[1001] ^[1002] ^[1003] ^[1004] ^[1005] ^[1006] ^[1007] ^[1008] ^[1009] ^[1010] ^[1011] ^[1012] ^[1013] ^[1014] ^[1015] ^[1016] ^[1017] ^[1018] ^[1019] ^[1020] ^[1021] ^[1022] ^[1023] ^[1024] ^[1025] ^[1026] ^[1027] ^[1028] ^[1029] ^[1030] ^[1031] ^[1032] ^[1033] ^[1034] ^[1035] ^[1036] ^[1037] ^[1038] ^[1039] ^[1040] ^[1041] ^[1042] ^[1043] ^[1044] ^[1045] ^[1046] ^[1047] ^[1048] ^[1049] ^[1050] ^[1051] ^[1052] ^[1053] ^[1054] ^[1055] ^[1056] ^[1057] ^[1058] ^[1059] ^[1060] ^[1061] ^[1062] ^[1063] ^[1064] ^[1065] ^[1066] ^[1067] ^[1068] ^[1069] ^[1070] ^[1071] ^[1072] ^[1073] ^[1074] ^[1075] ^[1076] ^[1077] ^[1078] ^[1079] ^[1080] ^[1081] ^[1082] ^[1083] ^[1084] ^[1085] ^[1086] ^[1087] ^[1088] ^[1089] ^[1090] ^[1091] ^[1092] ^[1093] ^[1094] ^[1095] ^[1096] ^[1097] ^[1098] ^[1099] ^[1100] ^[1101] ^[1102] ^[1103] ^[1104] ^[1105] ^[1106] ^[1107] ^[1108] ^[1109] ^[1110] ^[1111] ^[1112] ^[1113] ^[1114] ^[1115] ^[1116] ^[1117] ^[1118] ^[1119] ^[1120] ^[1121] ^[1122] ^[1123] ^[1124] ^[1125] ^[1126] ^[1127] ^[1128] ^[1129] ^[1130] ^[1131] ^[1132] ^[1133] ^[1134] ^[1135] ^[1136] ^[1137] ^[1138] ^[1139] ^[1140] ^[1141] ^[1142] ^[1143] ^[1144] ^[1145] ^[1146] ^[1147] ^[1148] ^[1149] ^[1150] ^[1151] ^[1152] ^[1153] ^[1154] ^[1155] ^[1156] ^[1157] ^[1158] ^[1159] ^[1160] ^[1161] ^[1162] ^[1163] ^[1164] ^[1165] ^[1166] ^[1167] ^[1168] ^[1169] ^[1170] ^[1171] ^[1172] ^[1173] ^[1174] ^[1175] ^[1176] ^[1177] ^[1178] ^[1179] ^[1180] ^[1181] ^[1182] ^[1183] ^[1184] ^[1185] ^[1186] ^[1187] ^[1188] ^[1189] ^[1190] ^[1191] ^[1192] ^[1193] ^[1194] ^[1195] ^[1196] ^[1197] ^[1198] ^[1199] ^[1200] ^[1201] ^[1202] ^[1203] ^[1204] ^[1205] ^[1206] ^[1207] ^[1208] ^[1209] ^[1210] ^[1211] ^[1212] ^[1213] ^[1214] ^[1215] ^[1216] ^[1217] ^[1218] ^[1219] ^[1220] ^[1221] ^[1222] ^[1223] ^[1224] ^[1225] ^[1226] ^[1227] ^[1228] ^[1229] ^[1230] ^[1231] ^[1232] ^[1233] ^[1234] ^[1235] ^[1236] ^[1237] ^[1238] ^[1239] ^[1240] ^[1241] ^[1242] ^[1243] ^[1244] ^[1245] ^[1246] ^[1247] ^[1248] ^[1249] ^[1250] ^[1251] ^[1252] ^[1253] ^[1254] ^[1255] ^[1256] ^[1257] ^[1258] ^[1259] ^[1260] ^[1261] ^[1262] ^[1263] ^[1264] ^[1265] ^[1266] ^[1267] ^[1268] ^[1269] ^[1270] ^[1271] ^[1272] ^[1273] ^[1274] ^[1275] ^[1276] ^[1277] ^[1278] ^[1279] ^[1280] ^[1281] ^[1282] ^[1283] ^[1284] ^[1285] ^[1286] ^[1287] ^[1288] ^[1289] ^[1290] ^[1291] ^[1292] ^[1293] ^[1294] ^[1295] ^[1296] ^[1297] ^[1298] ^[1299] ^[1300] ^[1301] ^[1302] ^[1303] ^[1304] ^[1305] ^[1306] ^[1307] ^[1308] ^[1309] ^[1310] ^[1311] ^[1312] ^[1313] ^[1314] ^[1315] ^[1316] ^[1317] ^[1318] ^[1319] ^[1320] ^[1321] ^[1322] ^[1323] ^[1324] ^[1325] ^[1326] ^[1327] ^[1328] ^[1329] ^[1330] ^[1331] ^[1332] ^[1333] ^[1334] ^[1335] ^[1336] ^[1337] ^[1338] ^[1339] ^[1340] ^[1341] ^[1342] ^[1343] ^[1344] ^[1345] ^[1346] ^[1347] ^[1348] ^[1349] ^[1350] ^[1351] ^[1352] ^[1353] ^[1354] ^[1355] ^[1356] ^[1357] ^[1358] ^[1359] ^[1360] ^[1361] ^[1362] ^[1363] ^[1364] ^[1365] ^[1366] ^[1367] ^[1368] ^[1369] ^[1370] ^[1371] ^[1372] ^[1373] ^[1374] ^[1375] ^[1376] ^[1377] ^[1378] ^[1379] ^[1380] ^[1381] ^[1382] ^[1383] ^[1384] ^[1385] ^[1386] ^[1387] ^[1388] ^[1389] ^[1390] ^[1391] ^[1392] ^[1393] ^[1394] ^[1395] ^[1396] ^[1397] ^[1398] ^[1399] ^[1400] ^[1401] ^[1402] ^[1403] ^[1404] ^[1405] ^[1406] ^[1407] ^[1408] ^[1409] ^[1410] ^[1411] ^[1412] ^[1413] ^[1414] ^[1415] ^[1416] ^[1417] ^[1418] ^[1419] ^[1420] ^[1421] ^[1422] ^[1423] ^[1424] ^[1425] ^[1426] ^[1427] ^[1428] ^[1429] ^[1430] ^[1431] ^[1432] ^[1433] ^[1434] ^[1435] ^[1436] ^[1437] ^[1438] ^[1439] ^[1440] ^[1441] ^[1442] ^[1443] ^[1444] ^[1445] ^[1446] ^[1447] ^[1448] ^[1449]

Яфетические религиозные переживания до наших дней дают полное основание предполагать, что древние, доарийские погребения в различных племенных районах и народных слоях продолжали сохранять свой тип и в позднейшие времена, вплоть до христианской эпохи. В погребениях яфетического типа, например, в Ворнаке, христианское погребение было мною наблюдено под языческим⁵⁸.

ГЛАВА VIII.

С того момента, когда нашествие ариоевропейских масс вызвало переселение одних яфетических народов, и когда начался процесс скрещивания других с ариоевропейцами, местная письменная культура пала, и началось одичание. За этот длинный период в Армении следов развития местного искусства мы не находим, если исключить ремесленные его переживания на мелких предметах материальной культуры в погребениях. Встречаются монументальные надписи, но они принадлежат уже иноземным завоевателям.

От эпохи древне-персидского царства, с VI в. по IV в. до н. э., мы имеем надпись V в. царя Кеерка I, на обрывистой стороне Ванской горы, обращенной в сторону Вана (рис. 29). Эти первые огультуренные арийцы, собственно иранцы, появившиеся в стране недавней яфетической культуры, еще питали уважение к яфетическим народам, считались с ними, что выразилось не только в выборе места для памятной надписи, но и в том, что один из трех языков ее — яфетический, так называемый ново-эламский. Впоследствии же, с появления Александра Македонского, языком династов служит греческий, и затем, до возникновения христианства, в Армении нет ни одной строки ни на местном, ни на каком-либо яфетическом языке.

Поход Александра Великого и вообще творческая эллино-македонская струя не оставили в Армении следов в памятниках культуры. Разноплеменное население продолжало погружаться в варварство, наступившее вслед за иммиграцией новых этнических масс и за последовавшим смешением языков. Длительностью этого лингвистического процесса объясняется то, что на смену сраженых культурных языков яфетического мира, не мог немедленно возникнуть какой-либо местный культурный язык. Понадобился период во много сотен лет, чтобы таким культурным языком мог выступить новый мешаного типа язык, ариоевропейско-яфетический, именно хайкский, язык литературный древних армян-христиан.

Этот процесс, начавшийся уже давно, с вторжения первых ариоевропейцев, осложнился притоком в страну новых арийских племен, прежде всего, парфия. Парфия наложила сильный отпечаток как на этническую окраску слагавшегося тогда армянского народа, так и на состав образовавшейся тогда его речи, особенно речи господствовавшего его слоя, родовой знати. За долгий период этого процесса возникло и коротало свою жизнь древнее армянское царство, собственно парфиянская или аршакидская династия, успевшая пережить аршакидскую царскую линию в Персии, где возвысилась новая династия — сасанидская, за которой признается значительная роль в деле пробуждения в Иране национального культурного творчества.

За период наступившего одичания, вызванного появлением ариоевропейских варваров, ни в Ани, ни в его окрестностях мы не находим памятников культуры. Нельзя указать в той же местности ни на какой-либо памятник, который относился бы к той же эпохе и представлял бы собою вклад с востока — Ахеменидов, этих огультуренных ариоевропейцев, а с запада — греков.

Памятники искусства, сохранившиеся на поверхности земли от эпохи Аршакидов, относятся к эпохе римского влияния на Армению, ко II в. н. э. и позднее. Из построек этой эпохи исключительное значение представляет языческий храм в римском стиле с некоторыми восточными декоративными элементами близ Эривани в Гарни, летней резиденции армянских царей Аршакидов. От дворцов эпохи древнего царства если и сохранилось что-либо, то оно находится под землею, запещено остатки не только построек, но и целых городов. До сих пор даже не удается с точностью определить местоположение столичного города Армении Двина, жившего долгие другие армянские сто-

лиц и погибшего от землетрясения. Чрезвычайно интересен вопрос о снабжении городов и окружающих их культурных насаждений водою с Гегамских гор.

Монеты армянских Аршакидов имеют греческую легенду. Греческий язык есть официальный язык и их надписей. Фрагмент-графити из греческой поэзии, на скале в Армавире, по определению Я. И. Смирнова, вероятнее всего, относится к аршакидской эпохе.

Армянские Аршакиды, продолжатели греческих традиций, эллиофилы, судя по их монетам, порою получившие блестящее римское образование, не имеют за собою заслуг возродителей, по крайней мере, сознательных, национальной армянской культуры. Впрочем, оценка их с этой стороны может почтяться окончательной лишь с того момента, когда археологические разыскания исчерпают вопросы, возникающие в связи с материалами, наличными и ожидаемыми из недр Айраратской равнины и ее окрестных стран.

Ни в Ани, ни вообще в его археологическом районе памятники аршакидской эпохи, как сказано, не найдены. В самом Ани не было случая даже монеты аршакидской. Чрезвычайно редко попадаются они и в окрестностях. Нет следов и римского строительства, нашедшего путь в более удаленные края, именно в Иверию, на севере, и в Гарни, в восточной части Армении.

ГЛАВА IX.

К моменту разделения древнего армянского царства, а вскоре затем и полного его падения, процесс выработки нового типа языков в Армении, именно яфетическо-ариевропейского, был завершен. На этих языках существовала разнообразная устная литература, обслуживавшая народные религиозные нужды и отражавшая историческую жизнь края в героических сказаниях. К тому же моменту росла родная политическая сила края в лице армянской знати, князей-нахараров и азатов.

Вместе с подъемом местной общественной силы выступали вперед и исконные народные религиозные верования яфетического корня, нарастало значение местных жрецов или пророков, маргареев (магов). Рядом с исконной народной верой процветала на месте иранская религия Зороастра с своим официальным богослужебным языком, персидским. К тому же моменту в Армению усела проинкшуть с юга религия семитического происхождения, христианская, несомая проповедниками-сеμίтами, именно сирийцами, или их учениками-персами. Христианская вера, вошедшая в Армению из Сирии, вскоре усвоила местный язык (хайкский — haikakan), и христианство, воспринятое в преломлении исконных народных верований, получило местную армянскую национальную закуску. Армянские князья, питавшие природную любовь к Ирану, естественно, должны были поддерживать его религию. Армянские князья, с привязанностью их к местным преданиям, должны были стать и великими строителями домов моления новой религии, принявшей местный характер.

Переход армянского княжества в ряды поборников местной христианской культуры есть начало армянской национальной жизни. Литературное предание приурочивает этот момент к половине V в.; в тот же момент впервые появляется в писанной истории Армении название крепости Ани.

Имя Ани толковал каждый по своему соображению, применительно к требованиям общестственности, а не к научным исканиям. Киликийский писатель XII в. Пересс Благодатный в трехзвучном АНИ хотел усмотреть предугазание на троичность бога⁶⁰. Историк Вардан в названии Ани хотел усмотреть слово со значением «забота»⁶⁰. Алишан в Ани, как в одноименном городе области Екегеац, называвшемся еще Камахом⁶¹, усматривал не только крепость, но и место культа и, прельщенный созвучием, очень одобрял мысль, что в Ани имеется пережиток имени богини Анаиты, и, следовательно, место было посвящено ее культуре⁶². На самом деле в названии Ани мы имеем термин яфетического происхождения: с яфетическим окончанием -1||-е, или это яфетическое слово «бог» — ап, или пережиток племенного названия, одновременно и тотема — han-1, откуда одно из названий армян — hay (← hayn-1 в. han-1).

В 450 (451) г. армянские князья-христиане и христианское духовенство подняли, под главенством Вардана Мамиконяна, знамя восстания против персидского царя Иездигерда и против

учения магов и их сторонников; такими сторонниками магов были и армяне. Восставшими были захвачены крепости и местечки, бывшие тогда в руках персов-магов. В числе неприступных крепостей на четвертом месте, именно после городов Двина и Арташата, после крепости Гарш и перед прославленной тогда крепостью Артагерсом, армянский историк Егншо (Елисей) называет Ани⁶³.

В 481 г. армянские князья снова сговорились, под главенством Ваана Мамиконяна, сбросить с себя персидское иго. «Один из среды тех же армянских князей, по имени Варашанур, из рода Амутуни, выйдя из совещания об единении подобно тому, как Иуда отрекся от сонма апостолов, отправился ночью», рассказывает другой армянский историк, Лазарь Парбекский, «и сообщил маршалу (персидскому правителю Армении) и всем прочим о замысле армянских князей объединиться, о клятве на евангелии и о речах их. Услышав это, маршан Атыр-Вышнасп и прочие персы, а также отряды армян-ренегатов, уныли и пришли в ужас. От страха остальную часть ночи они провели без сна. Дождавшись утреннего часа, они покинули свою стоянку и, отправившись в путь, расположились у стен крепости, именуемой Ани. В ожидании несчастья советники лжи (маги) и маршан целый день провели в беспokoйстве, сообщая друг другу решительно, что и завтра пребудут на том же самом месте, ночью же, сев на коней, маршан и тысяченачальник с единомышленниками бежали. Проведав об этом, армянские князья погнались за искавшими спасения в бегстве. Однако, маршан и тысяченачальник, располагая сведущими проводниками, бежали не по торной дороге, а по различным обходным путям и спаслись, войдя в крепость Арташата. Армянские князья не могли их настигнуть. Впрочем, они успели захватить у персов всех выючных животных, оставшихся на пути, взяли в плен также (ренегата) Малхаза Гадишо, повели его с собою и, достигнув Двина, затем отправились осаждать Арташат. Тогда маршан и тысяченачальник, выйдя из крепости, тайком ночью бежали в страны Азербайджана»⁶⁴.

В истории Армении это — первые случаи упоминания крепости Ани, впоследствии Вышгорода. Крепость Ани мы застаем, таким образом, в V в. во владении персидских войск, из рук которых ее исторгают тогда же восставшие армянские князья.

За VI в. имеется одно упоминание об Ани, признанное Алишаном анахронистическим⁶⁵. Историк XVIII в. Захария дает копию записи книги Паралипомена с датой 554 г. н. э., когда она была, мол, переписана Манкиком Георгом Анийцем, причем Ани назван столицей. Факт переписывания книги Паралипомена каким-либо Манкиком Георгом Анийцем, т. е. из монастыря в Ани, сам по себе ничего анахронистического не может представить; то же обстоятельство, что в устах писателя XVIII в. Ани VI в. назван столицей, может свидетельствовать о невидержанности терминологии у переписчика, а не о вымышленности факта, если Захария действительно располагал рукописью с той записью⁶⁶.

Крепость Ани входила в состав владений князей Камсараканов. Князья эти производили себя от царского рода Аршакидов. Их фамилия толковалась, как производная от парфянского или персидского слова. Камсар, действительно, персидское слово (гавсар), но значит оно — «бычеголовый»⁶⁷. Это зооморфический перевод на персидский язык латинского названия этого рода, значительно превосходящего древностью парфянскую династию. Область Ашаруни-к, родовое владение Камсараканов, носила это латинское их название, произведенное с суффиксом -ун-и от слова *anavit*, эквивалента грузинского *a-zaveg*, что значит «бык».

Переходя от персов то к восставшим армянским князьям, то к грекам, или обратно, на основании права силы, крепость Ани продолжала оставаться в пределах владений князей Камсараканов, которым она и принадлежала, как часть родовой их вотчины. Владения эти — Ашаруник, собственно Ашавруник, и Ширак.

Господство Камсараканов длится до нашествия арабов, когда начинает восходить солнце багратидского рода, во второй половине VIII в. прибавшего к своим рукам и удел князей Ашарунии. Строительство в крае до появления арабов дело рук князей Камсараканов. В их мирную культурную работу иногда вторгались строительство восточных или западных завоевателей, но

пока не установлены еще археологические памятники персидского или греческого искусства, которые принадлежали бы к этой эпохе.

Для рубежа VI и VII вв. есть интересное для нас свидетельство на армянском языке: «Во дни греческого царя Маврикия», т. е. с 582 по 602 г. н. э., «во всей нашей стране», пишет автор одной армянской легенды о господнем кресте⁶⁸, «парил такой мир, что впоследствии некоторые пустились поговорку: „Что ты слышишь беззаботно, точно во дни Маврикия?“⁶⁹. Дело в том, что Маврикий сделался хозяином Римской империи, Египта и Месопотамии, Сирии и Армении, Грузии и Абхазии, наложил дань на персидского вешеносца Хосроя и сестру его взял себе в жены. Построил он и крепость-город Ани на берегу реки Ахураана».

Крепость Ани существовала, конечно, и раньше. Греческий император мог лишь возвести новые укрепления или реставрировать старые, но раскопки пока не дали нам материала для выделения греческих построек начала VII в. Пожалуй, остатки построек Маврикия можно усмотреть в развалинах стен древнего Магасберда, крепости около Ани, и, как сравнительный материал, древний их слой надлежит использовать при анализе слоя ранне-византийского строительства в укреплениях Ани.

За последующее время, когда Камсараканы продолжали оставаться владетелями интересующего нас края, мы не имеем и литературных свидетельств о строительстве, хотя бы военного назначения, персов и греков. В VII в. и наш край был вовлечен в борьбу Византии с Персией, служил ареной войны, но ни от императора Ираклия, которому, по грузинским источникам, принадлежит возведение новых храмов в Грузии, ни от полководцев персидского царя архитектурного наследия за эту пору не имеем. Восточнее, именно в Двине, персидские маршанлы или наместники строили кое-что; так, у нас имеется назидательное свидетельство армянского историка Себеоса о столкновении интересов крепости Двина и вновь сооруженной там же армянами церкви, когда персидский царь велел спор решать в пользу христианской постройки.

Весьма вероятно, что в укреплении Двина при господстве Византии греческие власти вносили свой вклад; но по части церковного строительства там у нас есть свидетельство об армянском памятнике, напр., о храме св. Исидорбоза; у нас есть развалины монументальной постройки VII в. близ Эчминадзих, но нет никаких признаков греческого зодчества.

Датируемые по ярким архитектурным показателям и хронологическим данным надписей постройки — пока лишь церковные; все это дело рук Камсараканов; постройки эти относятся к эпохе от конца V до сороковых годов VII в.

Род Камсараканов оставил в Шираке два древнейших храма Армении, оба — свидетели сирийского течения. Один из них — Еревурийская базилика⁷⁰. К той же эпохе восходит в основе своей Текорский храм, перестроенный не ранее VII в., когда он получил несуразно сооруженный купол (рис. 30): это редчайший и драгоценнейший памятник, за отсутствием своевременного ремонта только недавно (в 1914 г.) обвалившийся.

За дальнейшее время владения Камсараканов этими областями, до конца VIII в., об Ани мы не имеем никакого упоминания.

Такое фактическое, насколько выяснено, положение дела выпуждает нас пока обходить, при приурочении недатированных памятников к той или иной эпохе, означенное время, как время длительного перерыва в культурной деятельности края.

К концу VII в. относится имя математика Анании Ширакского или из Ширака, иногда называемого и Анийцем. Если последнее прозвище имеет реальное основание, то это не может означать исключительно того, что он был уроженец крепости Ани: он мог происходить из монастыря в Ани или из-под Ани, и этого было достаточно, чтобы усвоить ему кличку Аниец.

ГЛАВА X.

Во второй половине VIII в. Багратид Ашот Мысакер, т. е. Мясоед, покупает Ашаруник, а также Ширак у рода Камсараканов⁷¹, и с этого момента Ани, как предполагают, сразу обстраивается руками Багратидов. В действительности дело обстояло несколько иначе.

В 781 г. в Армении появился лжепророк, монах, возвещавший о наступлении гибели арабского халифата. Армянские князья, под главенством Мусега Мамиконяна, восстали. Арабы вторглись в Армению и, значительно превосходя численностью войска повстанцев, разбили наголову армянских князей. Главари, в том числе Мусег, спаслись бегством. Одна из четырех дочерей Мусега вышла замуж за арабского вельможу Джабаба, надеясь найти в нем защиту. Джабаб успел захватить часть области Ашаруни, удела князей Камсараканов, и собирался прибрать все к своим рукам, опираясь на влиятельные жены, дочери популярного Мусега Мамиконяна. Это было уже в 782 г. Встревожились Багратиды: когда арабы предали Армении огню и мечу, и население искало убежища в неприступных местах, Багратуни стянулись в Спере, родовом уделе на Чорохе. Дети Сымбата, Ашот Мысакер и Шапух, разделили между собою эту вотчину для лучшей защиты от арабов. Ашот Мысакер обстроил здесь, в качестве своей резиденции, Камах, который, по недоразумению, смешивают с Ани⁷². Он не имеет ничего общего ни с нашим Ани в Шираке, ни с западным Ани в области Даранали, который назывался и Камахом. Камах, построенный Ашотом Мысакером, был в пределах Тао-Кларджки, на притоке нижнего течения Чороха. Впоследствии, в руках грузин, это — известная крепость Калмахи.

Засев там крепко, Багратиды зорко следили за происходившим и на севере, в Абхазии и Грузии, и на юге — в Армении, в частности, в Шираке. Заметив сепаратистическую политику Джабаба, Ашот с братом Шапухом вторглись в Ширак и Ашаруни и, разбив Джабаба и его войска, захватили эти области. Законным владельцам Ашаруни, Камсараканам, Ашот Мысакер уплатил некоторую сумму денег, чтобы они отказались от всяких родовых притязаний. Тогда Ашот перенес резиденцию Багратуниев, раньше бывшую в Даруйнке, в нынешнем турецком Балзиде, и временно устроению в Камахе, в Спере, в удел, купленный от Камсараканов. Здесь столицей Багратуниев служил сначала Багаран, в области Ашаруни, а потом Еразгавор или Ширакаван, в области Шираке. Подобно Ани, куда была, под конец, перенесена Багратуниями своя резиденция, Багаран и Еразгавор были расположены на правом берегу Ахуряна; об Ани, как о столице или городе, еще и речи не было.

В истории перехода области Ширака в руки новых хозяев для нас интересно отметить факт, имеющий крупное социальное значение. Багратиды приобретают громадную родовую вотчину за деньги. К сожалению, мы поставлены в невозможность осветить факт деталями за гибелью подлинных документов той эпохи и отсутствием тогда обычая воспроизводить подобные важные акты в монументальных надписях на камнях. Нам было бы чрезвычайно важно знать, каким путем накапливались еще тогда денежные средства в руках энергичных лиц. Не нужно ли, в параллель новому средству расширения владений, золоту, выступающему рядом со старым, булатом, личной военной доблестью, ценность которой отнюдь не была еще павшей, предполагать и новый источник обогащения, торговлю, рядом с натуральными доходами вотчин. Все это представляет кардинальный интерес и с точки зрения вопроса о связи возникновения этого источника с развитием в соответствующую эпоху арабской торговли, которая, в свою очередь, а priori можно сказать, не могла не захватить и Армению и, действительно, захватила в городе Двине. Это же имеет большое значение для объяснения того, почему в первую линию выступают новые роды, общественные симпатии склоняются в пользу новых, если и бесспорно коренных княжеских домов, то все-таки новых и по социальной, и по этнографической среде, откуда они выходили. Одни имена: «Ашот», «Сымбат», «Гагик» достаточно показательны, чтобы утверждать, что носители их теснее были связаны с иезитическим миром и слабее с иранским. Старая иранская знать древнего армянского царства с аршакидскими традициями уступала место новой знати, но последняя не менее притязала, для своей легитимации, на связь, если не племенную, то по службе, с аршакидскими царями, и услужливая история старалась украсить прошлое новых княжеских родов различными преданиями. Касательно восходящего княжеского рода, имевшего исключительное значение для Ани, именно Багратидов, получилось раздвоение в самом вопросе о происхождении. Одни, люди старых традиций, старались произвести род от местных племен, хотя и не без указания на связь с библейскими патриархами. Другие, люди новых, христианских, взглядов, содействовали популяризации легенды о происхождении их от иудейского царя

Давида, легенды, позднее нашедшей отражение и в истории грузинских Багратидов и известной в X еще веке византийцам, напр., Константину Багрянородному.

В решении всех этих вопросов мы нашли бы лучшую основу не только для характеристики общественного типа князей новой формации и их художественных вкусов и традиций, но и для выяснения того, как возникали эти вкусы. Словом, мы могли бы подучить готовое реальное обособование для отличия ново-княжеского уклада жизни от древне-княжеского.

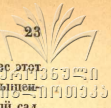
На берегу Ахурана, близ крепости Ани, был заключен дружественный союз, в начале X в., между армянским царем Сымбатом I и представителем халифской власти, сидевшим в Двине, а также в Пайтакаране⁷⁵. В X же в. Константин, царь эгеров (или абхазов), был заключен в темницу в Ани царем Сымбатом⁷⁴.

Ближайшее управление крепостью Ани было в руках одного из родовитейших армянских князей, Асана (hАсана) по имени, первого министра царя Сымбата. Этот министр пожелал воспользоваться брожением среди армянских князей, недовольных тем, что Сымбат согласился платить арабам «пятину». Асан привлек на свою сторону и грузинского царя Адарверса, которому и передал крепость Ани. Сам Асан с единомышленными князьями засели во дворце в Еразгаворе, решив убить царя Сымбата по его возвращении. Сымбат находился в это время в Ташире. Сымбату донесли о заговоре, и он внезапно появился с войсками в Шираке. Видя неудачу замысла, грузинский царь Адарверсей и армянский первый министр Асан захватили поспешно, что можно было забрать, особенно множество денег, хранившихся в крепости Ани, и бежали в область Тао.

В 961 г. Ашот Милостивый (Огормац, вульгарно Вогормац) провозгласил себя царем, и в Ани произошло торжественное его коронование. Любопытно отметить торжественность совершившегося в Ани акта, как это описывает Матфей Едесский, армянский историк XII в. Некритически изданный текст, который описание это относит к Гагяку, сыну Ашота, а не к Ашоту (хотя дата тому противоречит), гласит⁷⁵: «В этом году (арабский) военачальник Армении собрал мараганскую армию (гуна) в количестве сорока пяти тысяч доблестных мужей, помимо дворцовой армии, и собрались все князья областей армянской страны («армянского дома») у св. патриарха Аианин, чтобы дать помазание на царство сыну Ашота Гагяку по прежнему помазанию его отцов, так как он еще не сядил на царский трон армянского дома и не возлагал венец себе на главу. Почтительно пригласили всехвального владыку Иоанна, католикоса албанского крал, и с ним сорок епископов. С большим блеском властительства пригласили Филиппа, царя Албании, мужа божественного и святого, сына Голлазака, сына Вачагана, которые были царями албанских областей. И в этот день имело место весьма многочисленное собрание в городе Ани, который в это время стал царепрестольным городом Армении. В этом году помазался сын Ашота Гагяк (царь Ашот) помазанием отцов своих и воссел на престол первых царей Армении, и было великое ликование по всей стране армянского народа, так как увидели в обновлении, по примеру первых царей, прецарский стол армянской земли. И еще больше ликования из-за доблести Гагика (Ашота), так как это был мощный и воинственный муж. И в этот день был смотр его войскам, сотне тысяч отборных мужей, прославленных в боях и доблестных силачей, в дни сражений возбуждавшихся, как детеныши львов и щенцы орлов».

Описывая Армению времени царей, отошедшего для него в давность, историк Аристакее страну с центром в Ани изображал⁷⁶, «как густо насаженный сад с красивой зеленью, богатой листвою, обилием плодов, в прекрасной оазисности предмет блаженства для странников, так как властители с радостно взирающими лицами сидели на княжеских тронах и, предоставные в яркогорящих красках, уподобляясь цветникам, весну навевающим; (всюду) сборища одних радостных песен и слов, где звуки труб, гуслей и других музыкальных инструментов души слушателей наполняли ликующе возбужденным состоянием. Там на площадях стояли и старцы, роскошествующие маститыми честными сединами, равно и матери, которые, с детьми у груди и страдающие от материнской любви, из-за обилия веселий забывали печальные часы мучительных родов, уподобляясь голубицам, которые непрерывно воркуют над новооперившимися птенцами. Что говорить о пылании страстей, обильных любовью, невест в горницах

и женихов за завесами, о взаимном стремлении нетерпеливой природы? Да и в высь возносит нас этот предмет — к патриаршему трону и царскому сану. Один (из архипастырей), подобно облаку насыщенный дарами духа, орошал росой жизни через учительскую благодать и утучняя этим церковный сад, делал его плодоносным, ставя у его ограды бдительными стражами рукоположенных им. Царь же, когда выходил в утренние часы из города, отвечившая блестящими одеяниями и ожемчуженным венцом, каждого обращал в зренье и изумление, подобно тому, как взоры всех привлекает к себе жемчуг, выходящий из своей опочивальни, или утренний заря, возвышающаяся над творениями. Царев конь, белой масти, в золоченой сбруе, несясь вперед, ослеплял глаза зревших лучами солнца, бывшими по нему. А множество войска, столпившись, устремлялось вперед подобно громоздящимся друг на друга морским волнам. Пустынные пространства густо были заполнены сонмами монашествующих, так что по доброй ревности, упраздя села и усадьбы, обращали их в жилища монахов.

Город к эпохе парей был уже сложившимся по нормам восточного города, с сбытовавшейся там восточной арабской и персидской терминологией применительно к разным областям городской жизни. В названиях городских податей мы имеем слои терминов арабского происхождения или, вернее, результат скрещения арабской и иранской терминологии, происшедшего, понятно, не в этногенезисе, а в культурно-исторических путях, как результат оседания и мусульманской цивилизации в стране предшествовавшего ей господства иранской культуры. Потому появление в надписях у армян в качестве названий «повинностей» перс. *dastak* и араб. *shaqat* указывает, вероятно, на известную хронологическую последовательность в смене влияний в эпоху нового княжества и нового царства; из той же эпохи, надо думать, унаследован арабский термин *mutasib* надписи магистра Арона на анийском соборе⁷⁷, если она представляет текст, происходящий действительно от XI в.

В 963-964 гг. строятся малые стены города Ани. Историк Вардан пишет⁷⁸: «Малые стены города Ани построил (Ашот Милостивый) и все башни их отделил в церкви в 413 году», т. е. в 964 г. н. э.

ГЛАВА XI.

Возникновение новых государств у пределов Византии стало обращать на себя внимание константинопольского двора. Образование армянских царств, южного в Вaspurakanе, затем северного в Шираке, и признание их самостоятельности халифом должно было вызвать поворот в ближневосточной политике Константинополя. Подозрение вызывало и усиление абхазского царства. С IX в. в вопросе о великом восточном сопернике, мусульманском халифате, в Царьграде стали считаться с местными силами Кавказа. Возникал вопрос о крестовом походе, долженствовавшем объединить с имперскими силами или в интересах империи «северные», именно кавказские народы. Это была мысль, занесенная в Византию, по всей видимости, выходцами Кавказа⁷⁹, так как ее мы находим раньше в основной идее халкедонитской редакции Жития св. Григория, Просветителя Армении⁸⁰, которая является отложением одного церковно-общественного течения в жизни кавказских народов половины VII в. Тогда, естественно, на первый план выступали армяне, иверы и аланы. К десятому веку считаются с армянами и иверами или абхазами.

Когда не удалось последние попытки навязать абхазскому царю задачи, преследующие эгоистические цели имперской политики, сделать его почетным титулованным слугой Византийской империи, то начались вызывающие действия, угрозы в виде грабительских набегов, завершившиеся в 1021 г. опустошением иверо-абхазского царства, этого ядра и начала нового грузинского или картвельского государства.

Опустошение новозарождавшегося культурного хозяйства было настолько жестокое, что армянский историк XI в. Аристакес терается в догадках, лица причин: «не знаю», говорит он, «почему постигло их все это, в порядке ли урока, или из-за избытка нечестия среди населения страны, или потому, что западные войска, собранные из варварских народов, были наделены свирепыми правами»⁸¹. «Попытайся перечесть», делает вызов историк⁸², «образцы содеянного в тот час; (рассказать) о стари-

ках ли, почтенная и внушающая уважения седина которых была обвляна в крови и гное, основанная истребленных мечем, о бесчисленных и несметных зрячих, органы зрения которых они вырвали, перестав стенияться солнца, предоставленные позору. Раньше пешком с трудом ходили для посещения больных или на заветные богомолия, ныне они выступают перед пленителями с непокрытыми головами и обнаженными грудями, без нарядов, лишённые чести, преданные тысячам оскорблений. Грудных детей частью убивали ударом о камни, вырывая из объятий матерей, частью прокалывали пиками в объятиях, смешивая молоко матерей с кровью их детей, частью же истребляли на перекрестках, бросив их под копыта коней. О твое, боже, долготерпение того часа! О безжалостное веление царя! И все это не успокаивало ярости царя, рука его поднималась прибавить к этому еще другие злодеяния. Так действуя, он благоустроенную землю обратил в безлюдную пустыню с развалинами до наступления зимы». Это был православный царьградский император, и разрушал он так «двенадцать областей»⁸³ иверо-абхазского царства, впоследствии грузинского. Не щадили и произведений искусства: «хоромы с высокими потолками, царственно сооруженные дворцы, выстроенные с тратой громадных средств и тщанием художников, были преданы огню, развалились и погибли, и хозяева их вместе с ними были истреблены мечем.»⁸⁴

Когда пробил час падения багратидского дома в Армении, стали призывать на его достояние два лица, грузинский царь Баграт IV и император Константин Мономах.

В 1045 г., по грузинским летописям⁸⁵, анийцы передали родной город царице Марии, матери грузинского царя Баграта IV, за которой, как дочерью Сенекерима, армянского царя Васпуракана, хотели признать права на наследие северного армянского царства в Шираке. Армянские историки повествуют, что это была воля анийских граждан предаться власти родной династии. «Главные горожане, сидевшие в Ани, увидев, что Гагика задержали в Греции, думали передать город то Давиду Двишскому, так как сестра Давида была женой задержанного царя, то Баграту, царю абхазов»⁸⁶.

В то же время император Константин Мономах стал предъявлять свои права, ссылаясь на то, что армянский царь Сымбат III в свое время подарил свое государство императору Василию II, и овладел городом Ани, предательски заманив к себе последнего царя Гагика II. Уже тогда появляется, при дележе нового северного армянского царства, Шеддадид Абу-л-Сувар, ганджинский эмир, в качестве союзника христианнейшего византийского императора. Среди анийцев сторонники были и у Шеддадидов, но большинство имущих владельцев стояло за греков, военные силы которых разрушительно прошли и по Армении: «четыре раза подряд, пишет Аристакес, роман вступали в армянскую землю и мечем и огнем и пленением они очистили всю страну от населения. Когда природу их злых дел обдумываю, душа моя лишается рассудка и мысли мои столбенеют, и дрожит рука от чрезмерных ужасов, и я не в силах двинуть вперед линию строки, так как горестно излагаемая мною история достойна непрерывных оплакиваний»⁸⁷. . . «Царь, лишенный почетного звания, сидит в далекой местности, точно пленник под арестом. Равным образом, патриаршее трюнное местопребывание, опустевшее от жильца, выступает с печальным лицом, как повобрачная, оставшаяся во вдовстве. Кошница — без хозяина: кто переселился в Персию, кто в Грецию, кто в Грузию. Коронный отряд азатов (seruh gund azataş), ушедший из отечества, лишенный богатства, рычит, кто куда погнав, как детеныши львов в их обиталищах. Царские дворцы в развалинах, безлюдны. Густонаселенная страна опустела, нет обитателей. Ни кликов радости не слышно на сборах винограда в садах, ни привета с добрым пожеланием попирающим в давящих виноград. Ни отроки не играют на виду у родителей, ни старцы не сидят на скамьях у площади»⁸⁸ и прочее в стиле библейского плача; это то, что, по признанию самого автора, сказано было про Иерусалим, но совершилось ныне «над Ани».

По упразднении армянского царства греками, течение внутренней жизни текло в созданном при армянских царях русле. Сами правители назначались из восточных людей. Григорий Бакуриан по крови был армянин. К сожалению, не располагаем положительными данными, чтобы судить в должной мере об отношении завоевателей к городу, с населением которого, по всей видимости, считались, как со столичным и претендовавшим на преимущественное положение. Любопытен

25
1933
1933

закрывающе-заботливый топ магистра Аарона, отражающийся в его надписи⁸⁰, высеченной в армянском языке на фасаде собора, касательно исполненных им сооружений. Составитель документа признается, что застал «эту крепость», собственно, укрепленный город, «красиво построенной». Интересы горожан, по этому документу, выступают на первом плане, и это не только в оповещаемых в нем сооружениях, усилении городских стен и проведении или, вероятнее, возобновлении водопровода, но и в сложении с населения повинностей. Уже при греческом владычестве мы видим начало волюнтеризма, дарованных горожанам Ани. Потому-то два десятка лет господства греков в Ани по своему реальному значению для города представляют продолжение или развитие армянского царского строительства.

И успешные, и неуспешные в своих притязаниях на Ани иноземные владетели лишь исполняли «волю судеб», определяющуюся не ими, а внутренними причинами социальной жизни в Армении. Ниже мы увидим, как ветхий строй был дезорганизован. Требовалась свежая сила, чтобы бесповоротно разрушить старое и дать возможность возродиться новой жизни в новой социальной среде. Византия не оказалась достаточно сильной, чтобы быть исполнительницей этой «воли судеб». Требовалась более грозная, более радикально действовавшая сила.

После того, как представители греческого императора успели глубоко начертать на камнях монументальные надписи: один, Иоанн Монастырнот, надпись⁸⁰ (или две надписи) 1059 г., откопанную на склоне Вышгорода в кусках (рис. 30^а), другой, Баграт, на анийском же соборе (1060 г.) надпись⁸¹ о своем торжестве и своих славных деяниях, не прошло и трех, четырех-лет, как греческое господство навсегда было уничтожено в Ани шахтисием, в 1064 г., турок-сельджуков.

ГЛАВА XII.

Современное общественное мнение, создавшееся в духовной литературной среде и, во всяком случае, находящее выражение лишь через писателей-монахов, в шахтисием сельджуков усмотрело перст божий, наславший наказание за грехи.

Историк Аристакес Ластивертский, современник события, посвящает целую главу разгрому Ани под заглавием: «Об истреблении мечем всемирно известного города Ани». «И, действительно, по безумию и неукротимому своемыслию, род людской подвергался многим искушениям, несбыточным мечтаниям», начинает издали бичевание соплеменников армянский писатель⁸⁰. «Положившись на дела своих рук, люди, мощные и высокорослые титаны, не встречавшие сопротивления и необоримые, назвали себя божьими людьми. Иные еще, укрепившись в высоте башнею и оберегая ее недоступность, не желали отведать из чаши благ господя, как это было с тем первым созданием безумия, сооружавшимся с большим трудом и легко свалившимся. Таким же образом жители Перихона, полагаляя на крепость своих башен, не причисляли себя к прочим хананеям, не подумали, что десница господя владеет ими, или меч вседержителя коснется их. Ведь господь строит и разрушает, приводит крепости в содрогание и высокие башни к развалу. Даже бывшая у основания Ливанской горы башня, которую построил Давид и укрепил мечами и щитами против Дамаска, не остановила Эдера, поднявшегося против Соломона, и не могла сопротивляться ему, ибо крепостью является святость, и лучшая ограда — дела богочестия. Но обратимся к порядку изложения, как о том раньше написано. Не считай незначительным и малым грехом, когда люди не испытывают угрызения совести и не каются и не отвращают близкую казнь, постигающую за прегрешения и уже постигшую соседей. Плач сосны о дубраве, шишовника о масличном саде! Не все заслуживают, по воле господя, смерти, на кого обвалилась башня, но близстоящие захватываются и чужими грехами, а дальним это — поучение и предостережение. Не так давно случилось нечто в Арине, немного же времени прошло с тех пор, чтобы изгладить следы бедствий, постигших его; ведь не мало было видевших все это собственными глазами и не нуждавшихся в слухе. Большинство стран и городов спаслись тогда от хищника, но стали упрямы в своих мыслях и сильно встали не против людей, а против бога, который дает высокие башни на поприще и обращает крепости в кучи праха. Не уразумели и не постигли страха господя и его угрозы, сочли исчерпанной гущу ярости и гнева, которая испускается им для напоения грешников. Особенно же

крепость Ани и дочери, расположенные вокруг него, наиболее воспитанные в гордости, били бубнами против небес; и тогда бог вместо себя двинул персидского царя посетить, чтобы ~~посмотреть что~~ делается в нем. Вспыхнуло военное дело в земле армян для расширения их обиталища ~~и т. д.~~ над пределами другого царства... Тогда прибыл царь со многими десятками тысяч, с несметными тяжелоовооруженными воинами. Вступив в нашу страну, он навел страх и ужас на дальних и близких, поверг и погнал много стран и так достиг города, который был в грехах, как сосуд, полный до краев. Поставил свою палатку против города Ани, силится и изошрялся извлечь с места железную дверь и медные засовы, стоявшие против его царственности, и, потеряв надежду из-за крепости их, он собирался уйти, хотя борьба ожесточалась. А того еще не знал он, что господь посеял в защитниках и властях раздоры и разъединение, смуту и разногласие, а они, бросив военное дело, обратились в бегство; никто из них не оглянулся на родных или близких людей, так они торопились от страха, будучи охвачены ужасом».

Перст божий склонен был усмотреть в падении Ани и Ахмед бен-Мухаммед ал-Джафари. Строки, посвященные им в Нигаристане осаде Ани Мелик-шахом, сыном Аλπ-Арслана, страдают анахронизмом: на время господства греков в Ани переносится терминология позднейшей эпохи, когда город входил в состав грузинского царства, и термин «грузины» мог означать все народы, признававшие власть грузинских царей, в числе их и армянское население города Ани. Но у мусульманского историка больше реальных черт в описании осады, да и божий перст у него выступает не столько в поучительной речи о неисповедимости судеб божьих в отношении царей, сколько в самих фактах, даже вмешательстве стихийных сил. Персидский текст соответствующей выдержки из Нигаристана, впервые обнаруженный Ханьковым⁹⁹ по спискам А и В⁹⁴, гласит:

ومنها وهم د، وصايا خواجه بی هیتا مزکور
است که در سنه ست و خمسين واربعایه سلطان
الب ارسلان از خراسان بروم نهضت فرمود
چون بنوامی کرج رسیدند سلطان متوجه روم شد
واستخلاص ولایت کرج بشاهزاده ملک شاه موسوم بود.
وزیر عظیم النظیر خواجه نظام الملک را باو همراه
ساخته مهمات را بعهده اهتمام او منوط و مربوط گردانیده
شاهزاده پس بدانجا توجه نموده شد القصد بقلعه دورودی
اتفاق افتاد در غایت رفعت و حصانت وآبی عظیم بدان
محیط و نام آن قلعه مریم نشین و کشیش و رهبران آن
مملکت اکثر در آنجا بودند و چنین گفتند که از معابد
نصرانیان یکی آن قلعه بود و اهل کرج خود اکثر
نصاری بودند فی الجملة احتیاط اطراف و جوانب آن
نموده چنان معلوم شد که سوار بپیراهن اسوار آن
نیتواند کشت و پیاده را عروج بر دروغ میسر نیست

6- A. < وزیر—شاهزاده 8

8 < B. شد

8 در قلعه دورودی [بقلعه دورودی

10- B. < نام—گفتند

12 < B. خود

18 نصاری [نصاری B.

«Затем, как то упомянуто в завещании несравненного ходжи (Низам-ул-Мулька), в 454 г., султан Аλπ-Арслан из Хорасана изволил двинуться в Рум. Когда достигли пределов Грузии, султан направился в Рум, а завоевание грузинского государства предписано было царевичу Мелик-шаху. В спутники ему дал Низам-ул-Мулька, не имеющего раннего (себе) визира, и заботы условиям его смысленности поручил. Царевич затем обратил лицо и отправился, говоря коротко, в двуречный город пошал. Он расположен очень высоко и укреплен, и вода окружает его в обилии. Название того города — Мариаминин (т. е. резиденция Марии); большинство священников и монахов того государства находятся в том месте; как говорят, этот город был одним из мест богомолий для христиан. Большинство населения Грузии — христиане. Словом, по обследовании пределов и окрестностей его (Ани?), стало известно, что всадник не может ездить вокруг его стен, а пешему недоступен подъем на его башни. И царевич (погрузился в) большое раздумье: оставить город и отказаться от намерений в отношении населения этих местностей значило потерпеть полный ущерб. Просить помощи у султана и искать его поддержки и возвращать осталь-

وشاهزاده بسیار ملالت و ترك قلعه وعدم تعرض باهل آن مواضع دیگر ضرری تمام داشت و استعانه و استغاثه بسلطان و توجه باقی عساکر خالی از صعوبتی نبود و اشتغال بجرم و قتال غره و نتیجۀ نداشت و بی غمی آخر از همه زیادت ع مکر ز غیب دری کردگار بکشاید

اورا گفتیم بریشان مباح که مهمات سلاطین بصورت دیگر کفایت میشود و با اوضاع سایر خلائق مناسبی ندارد و اگر کفایت امور ایشان مثل احوال سایر خلائق بودی تأیید الهی بدان لاحق نکستی و ترجیح ایشان ظاهر نشدی و جهان مستفاد و مامور نبودی القمه روزی دیگر تهیه و ترتیب مغالنه و محاربه نموده شد و کشتنها ساخته رجال و ابطال بر خندق عبور کردند و سعی بسیار نمودند اما هیچ خاصیت نداشت و بیسی از مبارزان و شجاعان ضایع شدند و شاهزاده موقوفی من جرأتی کرد و باخواص خود نزدیک برمی رفته از قلعه کمندها افکندند و بیم آن بود که خطری عظیم واقع گردد و اما خدای تعالی خلاصی بخشید و مردم از نزدیک قلعه دور آمدند چون این احوال مشاهده رفت محمدرفعکر بر من مسئولی شد و از تدبیر باز ماندم که ناگاه باد و طوفان و ظلمتی پیدا شد چنانکه همه عالم تاریک گشت و در انحالت زلزله عظیم پدید آمد چون نمودار قیامت فی الجمله بعد از آنکه حادثه تسکین یافت و جهان روشن شد دیدم جانب شرقی قلعه بر خندق ریخته همه دیوارها افتاده و هم خندق پر شده لشکر بی کلفت بمصار درون رفتند و مجموع دیر و کلیساهای ایشان سوخته شد و اکثر نصاری مسلمان شدند

Сельджуки, действительно, ворвались и разгромили Ани: была произведена истребительная, уничтожающая резня населения, и город был опустошен. В жестокой расправе со стороны внешнего врага традиционная история армян усматривает всеуничтожающий удар по самому существовавшю национальному очагу.

Аристакее, описывая эти последние дни царского, в тот момент имперского царственно прекрасного города, продолжает²⁵: заметив бегство защитников, охваченных раздорами, «тяжеловооруженные войска, сражавшиеся вне города, открыли себе путь через городские стены и вошли в доло города, точно громады морских волн. Пустыли они в дело персидский меч, не щадя никого. Толпы мужьян и жещанн устремились во дворец царей, в предположении, что там они могут избавиться, другие спасались в крепости, называемой Неркиберд. Те же, которые укрепились среди города, не были подготовлены, не было среди них бойцов, не было у них ни иници, ни питья, и враги, узнав

ныя войска не представлялось делом, свободным от трудности. Заняться же мечем и избением было бесплодно и бесцельно, да, наконец, сражались боялись больше всего. «Разве творец откроет какую-либо дверь!» Я сказал ему: «не смущайся! Дела властителей улаживаются иным образом; это не имеет никакой аналогии с положением других тварей. Если бы дела их улаживались подобно делам других тварей, божья помощь не подоспевала бы властителям, возвышение их не происходило бы, и простой народ не склонял бы головы и не становился повелеваемым». Словом, на следующий день снарядились и подготовились для сражения и борьбы, понастроили лодок, перевезли через ров пеших и воляк, большое проявили рвение, но никакой пользы не оказалось. Многие из борцов и героев погибли, а царевич сделал рискованный шаг без моего ведома: отправился со своими приближенными к одной башне. Из города стали кидать арканы. И страх был в том, что произойдет большое несчастье, но всевышний бог даровал ему избавление, и люди удалились от города. Когда эти обстоятельства были засвидетельствованы, смущение и раздумие овладели мною. Я остался без совета в распоряжении (т. е. не мог дать совета), как вдруг поднялся ветер с ливнем, и наступила темнота, весь мир открылся мраком, и при таких обстоятельствах произошло сильное землетрясение, точно предвестник второго пришествия. После того, как стихийное явление успокоилось, и стало ясно, я увидел, что восточная сторона города обвалилась на ров, все стены пали и, так как одновременно ров наполнился, войско без труда вошло в укрепление. Все монастыри и церкви их были сожжены, и множество христиан обратилось в ислам».

это, живо окружили их и подвергли быстро наступившим лишениям, так что выпудили их за пределы против волн. Тогда-то можно было видеть страдания и лишения людей всякого возраста и происхождения. Из обитаний матерей вырывали детей и безжалостно разбивали о камни; матери, сами окровавленные, обливали детей своих кровью и слезами. Один меч разил отца и сына: старцы и юноши, священники и дьяконы вкушали смерть от одного меча. Город покрылся телами убитых от края до края; по ним ходили, как по дорогам. Большая река, проходившая у города, окрасилась кровью от бесчисленных трупов, так много было сраженных, и дикие звери и домашние животные сделались могилами павших, так как не было никого, кто бы похоронил истребленных и погребил необходимой землею. Дворец, эта высокая постройка, красившаяся с удобствами, запылялся от избытка неправедностей, творившихся в нем; все жилища обратились в громадную кучу праха, и лихоимства и коварства, происходившие в нем, прекратились».

ГЛАВА XIII

Однако, упорные эгоистически-сословные местные домогательства подрывали могущество Кавказа и, вместе с тем, культурное хозяйство каждой отдельной кавказской народности, без различия исповедания, более основательно, чем самые жестокие опустошения варварских сил, чем самый беспощадный систематический гнет мировых культурных держав. И эта мысль естественно вытекает из оценки действительных фактов древней истории Кавказа. Самая власть армянских царей в Ани была упрямлена эгоистически-сословными домогательствами армянской же знати и армянского духовенства. Они искали опоры в имперской политике константинопольского двора, несмотря на то, что при них же греки покушались оружием захватить Ани, на их же глазах эта имперская политика положила конец независимости васпураканского армянского царства, на их же памяти верные слуги империи предали беспощадному истреблению огнем и мечем наиболее цветущие, наиболее тогда культурные области, западные области единой Грузии. Национальная история зафиксировала удручающую сцену, когда, стоворившиеся предварительно с византийским императором Константином Мономахом, армянские князья, при соучастии католикоса Петра, старались заманить своего царя Гагика II в Царьград. «Приоблачивали его», рассказывает армянский историк, Матфей Едесский⁹⁰, «и говорили: „о царь, чего ты боишься? И почему ты не идешь на приглашение (императора), когда мы клянемся и призываем в свидетели Евангелие и святой крест Христа? Нас не опасайся! Души наши положим за тебя!“ И представили они поручителем (*Գրչարրաւ*) владыку Петра и поклялись в тот день грозною клятвою: принесли святое таинство плоти и крови божьего сына и обмакнули перо в кровь спасителя. И тогда отправился царь Гагик в Константинополь к императору Мономаху».

Мономах не замедлил послать войско в Армению для занятия Ани под командою евнуха Паракимена⁹¹. Арийские царские войска встретились было его враждебно; арийцы вышли из города, разбили греческие войска, и те укрылись на время. Но когда арийцы узнали, что не вернется более их царь, они увидели себя беспомощными и покорно сложили оружие. Никто же из высшей знати не думал «класть душу свою» за царя. Это было еще за двадцать лет до появления турок, до разгрома Ани Алп-Арсланом. Матфей Едесский прибавляет⁹², что «вообще весь армянский дом», т. е. все армянские сословия оплакивали гибель власти багратидского рода и предавали проклятию «вахараров». Аристократическое сословие, в свою очередь, делит князей на невинных овец и грешных коз. Но беда была не в том, что определенные социальные элементы желали греков или иных властителей, которым и передавались, — а происходило великое социальное зло.

Рабочие сыны этого «армянского дома», в том числе крестьянское население, не имели собственно ничего реального, в защиту бы чего должны были встать против неизвестного еще чужого господства. Существовавший в Шираке, при политической независимости, уклад жизни уделяя этому армянскому народу труд, материальную нужду и прозябание в духовной дикости и лишь знати и духовенству все земные блага. Духовенство, обосновавшееся в монастырях, являлось крупным земледельческим классом, имевшим особые сословные интересы равные с феодалами. Средства, добавившиеся крестья-

анским трудом, шли на удовольствия и роскошь тех же привилегированных сословий и на постройки доходных храмов. В Ани, где было столько монументальных построек, где армянское предание о тысяче и одной аниийской церкви, занесенное и в грузинские летописи, на наличие действительно огромного числа храмов, трудящееся рабочее население, как показывают раскопки, ютилось в нищенских лачужках, приспособленных к развалинам, и в вырытых в каменной почве углублениях. Если материальная угнетенность армянского рабочего населения в Сюнии вылилась в крестьянское движение и кровопролитную борьбу с епископом-феодалом, то это не говорит об особых условиях названной армянской области, и если приведенный случай засвидетельствован, как редкостный, именно в истории Сюнии, то причину этого явления надо видеть в том, что у этого края сравнительно лучший по отзывчивости на реальную жизнь историк, именно Степан Орбелиан. Армянское крестьянство во всех областях древней феодальной Армении могло без превеличения повторить слова из одного рассказа современного армянского беллетриста Аароняна: «мы работаем и мы голодны». А князья, светские и духовные, в благоденствии воссылали к небесам благодарение и молили Христа бога поддержать такое процветание христианской Армении.

В Киликии, где был тот же общественный уклад, что в коренной Армении, от «противохристианского» взгляда на социальные вопросы несвободен был даже лучший армянский проповедник и известный ученый Вардан. В области личной добродетели он доходил до крайнего аскетизма и возвышался до мировой скорби, до отвлеченных и потому бесполезных жалоб на несправедливость и суету «сего преходящего мира», т. е. реальной жизни. В своих назидательных проповедях, полных христианской фразеологии, этот учитель христовой церкви не стеснялся внушать духовным детям мысль о необходимости бить рабов. «Сын мой», говорил он⁹⁹, «если не будешь бить раба своего, то он усилится и убьет царя»¹⁰². Не столько, впрочем, сам царь, сколько феодальные князья сосредоточивали на себе все симпатии представителей духовенства, а также феодалов, если не всегда по положению, то всегда по духу. Вардан в доказательство того, что преступно обличать osoby самих феодалов, ссылался¹⁰⁰ на ветхозаветную заповедь Моисея (Исх. 22, 28): «не осуждай князя народа твоего».

Как в политическом мире, в отношениях к чужеземным народам и чужеземным религиям, так во внутренних социальных вопросах интеллектуально восприимчивое отвлеченное христианство испарилось перед несокрушимой силой той реальной психологии, которая повелительно вытекала из условий материальной жизни, из существовавшего общественного уклада. Глубокие религиозные интересы, захватывавшие отдельные личности, могли свободно развиваться лишь в ненормальной обстановке полной отчужденности от мира, в обитаях и пещерных скитах, и влияние таких личностей на миряне было, в лучшем случае, индивидуальное и теоретическое. В общественных вопросах сами эти личности были рабы наличного уклада. Проповедник Вардан, заслуживший в литературе богатый подбор пышных хвалебных эпитетов, в пример своим слушателям в Киликии ставил «богачей (землевладельцев), как они обрабатывают виноградники и сады руками рабочих, окружают колючками и ходят за ними. В час же, когда (люди) едят виноградные грозди и плоды, они не вспоминают ни о рабочих, ни о колючках, а благодарят хозяина дома и желают ему долголетней и мирной жизни». «Так же», продолжал сравнение знаменитый проповедник, «великие князья, украшенные славою, ловят дичь и птиц при посредстве псов и хищных птиц, за едою же тучного и вкусного мяса (люди) не вспоминают ни про псов, ни про птиц, а благодарят (хозяина) князя и просят у бога, чтобы он долгие годы правил княжеством». Спрашивается, могли ли все эти «колючки» и «псы», к которым в устах христианского проповедника приравниваются рабочие армяне-крестьяне, то есть все производительное трудящееся население тогдашней Армении, не сочувствовать всякому потрясению давившего их социального строя?

Ту же антитезу экономической угнетенности трудящегося армянского населения и скопления богатства в руках немногочисленных членов господствовавших сословий представляла жизнь феодальной коренной Армении в последние дни армянского царства в Ани и перед вторжением турецких племен. Достаточно вспомнить неполный реестр движимого и недвижимого имущества одного безвестного хорепископа Давтака, чтобы представить себе, какие непомерные богатства, собирав-

шился с экономически угнетенного армянского населения, стекались тогда в руки хотя бы только духовенства. Воспроизвожу буквально сообщение цитуемого нами Матфея Едесского *Գրքի Վերջինիս* «Прогноза армянского города Арца» полководцами Ибрахимом и Кутлаумишем¹⁰¹: «Сколько *հանդիս* было отобрано золота, серебра и парчи, нельзя описать, но я не раз слышал от многих», рассказывает Матфей, «что сохранившую хоренископа Давтака захватил Ибрахим: его сокровища навьючили на сорок верблюдов. Из его дома (на пахотные работы) выходили восемьсот (плугов) по шести быков (в каждом)». «И в это время», простодушно прибавляет историк тут же, не замечая горькой иронии, «восемьсот переквей служили обедни».

В шаблонных по форме, стилизованных по чужим образам жалобах историка Аристакеса на неугодную богу греховную жизнь анийцев кое-где прорывается струя живого отношения к делу в виде намеков на социальное нестроение в Ани, когда он мимоходом упоминает, что анийцы не воспользовались уроком богатого города Арца; когда в пожарище, охватившем анийский дворец при разгроме города сельджуками, он видит кару за «избыток неправедностей, творившихся во дворце», а сообщение об обращении дворца в пепел заключает словами¹⁰²: «лихоимства и коварства, происходившие в нем, прекратились»; когда, наконец, он говорит прямо о разгроме Ани сельджуками¹⁰³: «это — удел неправедных городов, которые строятся на крови других и обогащаются за счет бездомных, трудящихся в поте лица, укрепляют дома свои на лжи и нарушениях прав, сами же жадно ищут себе удовольствия и неги, не имея в душе никакой жалости к бедным и бесприютным, и не чуждятся грязных дел, будучи охвачены страстями».

Трудящееся население не относилось пассивно к этому непримиримому противоречию жизни. Помимо крестьянских движений, вызывавшихся земельным вопросом, возникали в Армении и идейные народные протесты, сознательно противопоставившие неофициальному христианству начала «народного» христианства. Разумно не действия отдельных светлых личностей, имевших стремление к постепенным улучшениям, реформам, или склонность к отвлеченным проповедям о христианском благоутвернении, а цельные реально-идеалистические учения, как, напр., павликианство. Но приверженцев его извергла из себя враждебная истому христианству социальная среда, лицемерно заклеив их, как богопротивных еретиков и нарушителей общественного порядка. Часть этих идеалов жизни в несколько приемов была выселена в Болгарию, где они, если не бросили семя, уродившееся в богоумство и далее в альбигийство, то вызвали новое брожение и потоками своей крови одолюдоворили почву для более счастливых европейских реформационных движений. Кстати, пора бы и в учебники ввести то положение, что начало протестантизма нельзя датировать известными тезисами Лютера, прибитыми к церковным дверям в Виттенберге. Теперь даже ортодоксальные историки лютеранства, как, напр., Gale (Holdingness F.) в книге *The Story of protestantism*¹⁰⁴, не забывают упоминать, что альбигийцы предвосхищают великое восстание XVI в. Оставшиеся же на родине армянские предтечи европейского протестантизма, если спасались от мусульман, то предавались жестокому гонению со стороны христиан, со стороны своих же сородичей. Как справедливо замечает Conybeare¹⁰⁵, исследователь армянского «пуританизма», армянские патриархи, несмотря на свои пререкания с греками из-за Халкедонского собора, всегда были готовы «кооперировать» с ними, когда представлялся случай притеснять и своих собственных армянских еретиков.

Что касается павликианства, как религиозно-социального учения, возникшего в Армении, то оно представляет громадный и многосторонний культурно-исторический интерес. Между прочим, в нем мы имеем, повидимому, возрождение народно-религиозных языческих верований с их мистическими радениями, которые были общи у древних армян с курдами-исидиями. В этом смысле начинает вырисовываться средство нашей христианской ереси с мусульманским дервишизмом, возникшим в сельджукидском царстве позднее, именно в XIV в. И этот мусульманский дервишизм есть некоторое основание толковать, как повторное возрождение тождественных народно-религиозных языческих верований, внесенных в мусульманскую среду Малой Азии курдами, принявшими ислам. Мы лишь мимоходом отмечаем новую историческую перспективу, открываемую возможным генетическим средством христианской секты армян и мусульманской секты малоазийских сельджуков.

Сейчас мы остановимся вниманием лишь на одной стороне павликианского учения, именно на той, что павликианство в Армении представляло собою движение демократическое, приверженцы которого состояли, главным образом, если не исключительно, из простого трудящегося бедного народа, не вкусившего плодов высшей школы, что особенно приводило в ярость феодалов, светских и духовных. Кто и что они такие, спрашивали эти последние с ирониею об армянах-павликианцах? «Какие такие павликианцы у них справляют праздники, или тонкие потребляются благовоия? И какими священническими облачениями они блещут?»... «Какая у них мирская власть или какие светские prerogative? Какие у них произведения таланта и искусства? Есть ли у них знатность, унаследованная от предков? Или, быть может, они располагают богатыми сокровищами?»¹⁰⁶.

Ответы павликиан перепопадали чашу терпения феодалов. Павликиане говорили: «мы поклоняемся не матери, а богу»¹⁰⁷; «святая церковь не та, что строится из камня и из цемента, а мы — люди»¹⁰⁸. В людях нет разницы по происхождению, и женщины равны с мужчинами. «Правда, ветхий завет против нас, но ветхозаветные пророки — противны святому духу»¹⁰⁹.

И павликиан беспощадно истребляли огнем и мечем еще до падения армянского царства в Ани. Пережиток павликиан в лице тулабляцев предал огню Григорий Магистр до разгрома Армении турецкими племенами. Столп феодального христианства, кичившийся высоким происхождением из знатного рода Григоря, Просветителя Армении, Григорий Магистр был посвящен во все тонкости книжно-христианской образованности своего времени. В споре с мусульманским эмиром Ибрахимом он, между прочим, блестяще выиграл пари, успев в три дня изложить в стихах всю Библию: и ветхий, и новый завет. Увлекался философиею Платона, он сам дал новые переводы на армянский язык нескольких его сочинений. Когда католикос Петр сообщил ему о замыслах царя Гагика против него, Григорий Магистр написал единомышленному иерарху ответ в духе такого безграничного милосердия и христианского всепрощения, что венецианский михитарист Зарбаналья, автор Истории армянской литературы, называет его «новым пророком Давидом, дивным по простоте, незлобию и благочестию». И он-то, этот благочестивый Григорий Магистр, как бы оправдывая себя в учинении насилия над армянами-павликианами, собственноручно пишет¹¹⁰: «мы сожгли их дома и обитателей изгнали из наших пределов, во телесного вреда мы им не причиняли, хотя закон предписывает подвергать их высшему наказанию. До нас многие военные и гражданские начальники предавали их мечу без жалости и не щадили ни стариков, ни детей, и (поступали) совершенно правильно. Более того, наши патриархи выжигали на лбах их фигуры лисиц, другие же выкалывали им глаза». В довершение картины, в одном из своих писем к католикосу сирийцев Григорий пишет, что в деле жестокой расправы с иноумяслиыми религиозно армянами «им руководил св. дух».

Поборник подобной «национально-христианской» идеи, Григорий Магистр был одним из наиболее энергичных и влиятельных деятелей в последние дни политической независимости армянской области Ширака, где он вдохновлял заговор феодалов и католикоса армян Петра против армянского царя Гагика, против родной багратидской династии. И, конечно, его деятельность могла лишь осложнить религиозно-духовным моментом недовольство трудящегося армянского населения, недовольство экономической угнетенностью и социальным настроением. Торжествуя победу своих церковно-национальных, вернее, феодально-национальных идеалов на пользу, как они были убеждены, родного края, Григорий Магистр и его единомышленники не сознавали, что они ускоряют полное упразднение старого национального порядка вещей в стране, что они содействуют политическому падению в коренной Армении всего армянского народа, свою свободу начинавшего видеть в успехах чужой власти и в утверждении новых, для рабочего населения тогда более справедливых, порядков.

Однако, у творчески-действенной жизни Армении никогда не было достойного историка. Образный стиль и риторические приемы далекого от реальности монаха, выше цитуемого Аристарха Ластивертского, в частности, настолько бедны, настолько беспомощен наш автор, заимствуя средства для выражения своих переживаний из библейских текстов, что и показания его вселяют недоверие к себе и внушают подозрение в преувеличениях; между тем армянский писатель только неумело рисует живые картины действительности, пока лишь частично вскрытые в ряде случаев анийскими раскопками.

ГЛАВА XIV.

Спустя немного лет после взятия Ани турками, в 1072 г., у города появился хозяин в лице Абу-л-Сувары, местного мусульманского князя из курдского рода Шеддада, резидировавшего в Двине. Этот род имел связи с племенем Ревенди, откуда происходил Саладин. Кушв Ани, Абу-л-Сувар доверил город Манучю, своему сыну. В приводимом случае для нас громадный интерес представляет то, что Шеддадид, таким образом, не завоевывает, а покупает разгромленный город. Констатируемый факт купли-продажи имеет ту сугубую ценность, что он, с одной стороны, определяет тип мусульманского князя, с другой — вскрывает ценность Ани и в разрушенном его виде. Шеддадид не только воин, но и «купец». Мы вторично встречаемся с покупателем Ани: первый раз — с покупателем всей вотчины Камсараканов с Ани, тогда лишь крепостью, в лице армянского князя Багратида (стр. 21); но в этом случае мы не располагаем возможностью установить источники денежного его обогащения и средо «купеческого» воспитания. Зато в мусульманине-покупателе перед нами выступает, заведомо, гражданин богатого Двина, знающий цену такому товару, как торговый или имеющий все задатки стать торговым, притом природою и искусством прекрасно защищенный город.

К сожалению, стоимость города, несмотря на совершенно ясно выписанные у Вардана слова, выражающие ее, остается до сего дня загадкою. Историк пишет¹²¹: «Фадлун покупает Ани от Ашпаша, дав ему (в уплату) златокованные иконы (из) Цагкоца»¹²².

Казалось, после вторжения греков, затем турок, настал конец Ани. Национальная армянская мысль так восприняла событие и осталась до сего дня непоколебима в этой его оценке.

Однако, уже первые раскопки в Ани (в 1892 г.) должны были открыть нам глаза на традиционную его историю. Падение багратидского царства и утрата анийскими армянами политической самостоятельности отнюдь не знаменовали собою падения армянской культуры, в частности, искусства в Ани. Город продолжал развиваться и после 1043 г., когда он перестал быть резиденцией родной багратидской династии. И не было никакого основания датировать, без проверки, эпохой армянских царей сохранившиеся в Ани памятники, вообще считать наличные развалины остатками города в том виде, в каком он существовал при Багратидах.

После разгрома город Ани десяток, а, может быть, десятки лет не приходил в себя. Есть показатели того, что он находился в запустении такое количество лет, что, после укрепления в нем новой власти и водворения в крае мира, когда в город стали собираться горожане с различных сторон, успешный зарости и засыпаться, Ани не был очищен до грунта, и строительство началось на засыпанной почве. Засыпанная почва местами была высотой в метр или метр с лишним, а местами значительно больше. Глубина засыпки иногда увеличивалась еще от того, что, при возрастании численно населения, позднее, нарочито засыпались нерасчищенные развалины, сами по себе достигавшие значительной высоты, и на них образовывались высокие насыпные холмы, так, напр., на развалинах храма, построенного Гагиком. Естественно, после покупки Ани Шеддадидом, и этот благожелательный и просвещенный хозяин тоже не мог восстановить жизни в городе по мановению волшебного жезла. Но когда стали собираться творческие элементы и началась работа, после первых мыслей о жилище и его обстроении все силы должны были быть направлены на торговые дела и связанное с этим строительство. Раскопки гостиниц и каравансарая, в частности, хотя еще далеко не полностью обнаруженных, и сравнительное исследование их дают материалы (см. ниже) для заполнения пробела исторической жизни Ани в эту начальную пору возрождения.

Когда город стал богатеть и духовно оживать, естественно, скоро же началось строительство новых хозяйств и в интересах укрепления города: так, напр., уже в 1072 г. сооружена башня Манучю.

Новые хозяева, мусульмане, обзаводятся также мошелями; причем сперва, вместо собственного строительства, обращают в мечети христианские храмы, напр., Анийский собор (рис. 13). Может быть, тогда же было обращено в мечеть и другое здание времен царей, в котором мы склонны признать дворец царя

Ашота, наличный вид и высокая башня которого представляют, по всей видимости, дело рук позднейших арийских мастеров (рис. 32).

С начала XII в. город вошел в пределы грузинского царства. Призванный горожанами царь грузинский Давид Строитель в 1123 г. занял город¹¹³, откуда он изгнал эмира Абу-л-Сувару II. Димитрий I, сын Давида Строителя, вынужден был уступить город представителю того же дома Шеддаидов, двинувшемуся из Хорасана, чтобы отвоевать Ани. Георгий III, отец Тамары, вступил в Ани с оружием в руках в 1161 г.¹¹⁴; вскоре потерял его, но в 1174 снова отвоевал у мусульман. При Георгии Ани управлял род Орбелиан, но был им утрачен. Братья Мхаргдзеи (Долгорукне), армянские князья, полководцы грузинской царицы Тамары, завоевали Ани в 1199 г., а в 1201 г. — вообще Ширак. Царица Тамара пожаловала город названным князьям¹¹⁵.

ГЛАВА XV.

Постепенно, с ослаблением мусульманской власти в крае и с усилением христианского грузинского государства, Ани растет как торговый город. Богатое армянское городское население выступает в качестве посетителя национальных культурных начал, и к XIII в. почва уже готова для полного расцвета культуры Армении, в частности, нового армянского искусства.

При Багратидах Ани собственно и не был еще городом в нашем смысле слова, а по преимуществу крепостно-дворцом вассаленосного феодала, лично или в лице близких и служивых знатных родов украшавшего резиденцию необходимыми сооружениями и монументальными постройками. Пределы не только царства, но и материального благосостояния и тогда еще отмежевались, по выражению Моисея Хоренского, главным образом крепостью мышц и умением владеть оружием. Плоды же трудов как сельского производительного населения, так нарождавшегося особого городского класса, на первых порах торгового, пожинались не самими работниками, а собственниками недвижимого имущества, местными феодалами. Бывало, что во время царей в Ани владели торговыми поместьями и армяне-феодалы из других областей, но по передаче им права собственности от анийского царственного феодала лишь на основании или семейного родства или личных заслуг перед ним и его родом. В конце IX в. князь Григорий Суфач, владетель Сюнии, в числе богатых вкладов в Макеоцский монастырь, где он построил величественный купольный храм, жалует и пять анийских лавок или магазинов¹¹⁶. Григорий Суфач недвижимым имуществом в Ани владел, по всей вероятности, по наследству от матери, княгини Марии, жены сюнийского князя Васака Габуря: она была багратидская княжна, дочь царя Багратида Ашота I, сестра другого Багратида, царя Сымбата I. Но, несомненно, пожалования давались и за заслуги, преимущественно военные.

После падения багратидского царства тоже, на города Армении и Грузии вообще, в том числе и на Ани, при всем развитии внутреннего его самоуправления, долго еще продолжали смотреть, как на частновладельческие угодия. Так, царицею Тамарою города давались различным доблестным воикам в собственность или в пользование их доходами полностью или наполовину¹¹⁷. Известны города, сидение в которых было связываемо с получением должности и особой «честью», так, например, Кайли и Кайцон¹¹⁸. Сидение в Ани, некогда столице армянских Багратидов, было связано не только с особою честью, но и с особою материальною выгодною. Хотя, как переживания, и внутри Ани долго еще держались черты родового уклада жизни: родовые и фамильные церкви оказываются налицо и в XIII в. Но постепенно источник материальной мощи, а за нею власти и права, в самом Ани переместился из военной области целиком в мирную торговлю. Армянский торговый мир имел одного своего яркого представителя в лице князя Тиграна из рода h'Онеши. Любопытны означенные в его надписи¹¹⁹ вклады (*րիծալս*), сделанные им в построенный им же монастырь св. Григория —

А) вне города Ани: полностью или частью — 1. шесть имений (*Տարբեհիք*, груз. ზეჯღე-ო, букв. вотчина), купленных на наличные (*զանձանի կ լծանիք*) от собственников и с основания обстроенных им же, именно — 1) половину «села» Горохонеп¹²⁰, 2) половину «села» Мышакунен, 3) половину «села»

Кангун, 4) пеликом «село» Цамак-цов (в переводе «Сухое море»), 5) «село» Хузац-Махмуд в Карской земле, 6) два данга «села» Цунда, где стоит крест¹²¹; II. шесть садов, именно: 1) один в Ошакане, 3) один в Коше, 4) «один сад» (էղի մի, называемый «Землею католикоса» (Կաթողիկէ հող); 5) один сад (այլի մի) в Мрене, 6) один в Цмаке, называемом «Землею католикоса» (Կաթողիկէ հող); III. шесть дангов каменоломни¹²² (при селе Горохонеп).

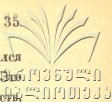
Б) В городе Ани: I. четыре гостиницы, именно — 1) гостиницу-фундук (փնդուկն), 2) гостиницу-фундук со сводчатым перекрытием (կամարափայտ փնդուկն), 3) гостиницу-ханапар (խանապարն) 4) от другой гостиницы-ханапара, называемой Папенц, два данга; II. дома все, находящиеся на улице (գուհաղ) хАтепоц (Հատեպոցն); III. лавки: 1) (все) лавки при (первом пожертвованном) ханапаре, 2) лавку у двери ханапара Папенц; IV. две бани: 1) одну баню на площади (ի մոզանիս), 2) другую баню, пожертвованную с сеником; V. один «мил» (водопроводное сооружение) на площади (ի մոզանիս); VI. маслодавною о двух колесах; VII. части трех мельниц: 1) в мельнице у Двишских ворот по-мельницы весь помол (թարի մի բոլոր)¹²³, 2) в другой мельнице «там же» в неделю два дня помола, 3) в мельнице Гяндзорской одной в неделю два дня помола; VIII. несколько хлебов: 1) хлев Тар-Саргиса, 2) хлевы у ворот монастыря; IX. несколько сеников: 1) сеник особо, 2) сеник Тар-Саргиса, 3) сеник у ворот монастыря; X. два огорода (պանէղի): 1) один перед монастырем «нашим», 2) один на берегу реки, «купленный мною и устроенный»; XI. пастбищный склон (լանի) между воротами Гяндзора и рекой; XII. много земель: 1) у «главных» ворот города, 2) от монастыря «Бешкенакана» до моста и много еще земель, имевшихся в закладе у Тиграна, невнесенных в этот дарственный акт, по оговоренных: «если хозяева отсчитают (թարին) золото нашему монастырю, (земли им вернуть), о чем в другом завещании (անկարճապար) написано мною».

Эти крупные вклады были сделаны помимо расходов, которых потребовало от щедрого жертвователя, прежде всего, устройство самого монастыря, именно, как то подробно излагается в надписи, покупка на благоприобретенные деньги (հարկ պանծով) от собственников (ի հերէնէտիրաց) места, скалистого, с обрывами и поросшего колючками, затем возведение кругом на том месте стен, потребовавшее большого труда и больших трат (բազում աշխատութեամբ և պանծով), постройка самой церкви св. Григория Проветителя, украшение ее золотыми и серебряными крестами и «образоделанными хатами»¹²⁴, т. е. иконами, отделанными золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями, равно золотыми и серебряными лампадами¹²⁵, а также мощами святых апостолов и мучеников и частицею богопримешего господнего креста и всякого рода сосудами из золота и серебра, и еще постройка всякого рода жилищ, богато отделанных¹²⁶, для монахов и властей, в числе их, надо думать, и священников, которые были «поставлены» самим жертвователем «для непрерывной службы».

Сверх того, Тиграном восстановлен был монастырь¹²⁷, называвшийся Бехенц, очевидно, основанный некогда этим, из других источников неизвестным, родом. Этот монастырь также Тигран богато наделил, как можно судить по его словам в той же надписи: «дарами обогатил я его всякими»¹²⁸.

Надпись, в которой собраны воедино все эти данные, которая не только высечена от его имени, но составлена им самим, отражает природу и взгляды человека, вышедшего в люди лично стяжанным богатством. Этот «раб божий, сын Сымбатовича Суляма, из рода хОненц», как рекомендует себя Тигран, отнюдь не может принадлежать к родовитой знати. В лучшем случае, он — отпрыск заурядого армянского дворянского дома, из иноземных выходцев, на что указывает основа его фамилии — һон, означающая, если толковать этнически, кавказское горское племя һон'ов, или, если толковать в смысле нарицательного слова, — «конь»¹²⁹. Он и не служилый, как можно заключить из того, что Шахшаха и его сыновей называет своими господами¹³⁰ и в заказе о непрерывной службе велит молиться о долголетию их. Шахшах — сын Захарин, владельца Ани, и, как таковой, он — господин всех анийцев, следовательно, и Тиграна хОненца. Тигран — типичный для своей эпохи капиталист. Другие могли и не быть такими щедрыми жертвователями, но все они составляли класс лиц, в чьих руках сосредоточивались все богатства края, притом добытые меновою торговлею всех видов, не исклю-

чая и торговли деньгами. В этом отношении характерно прямое указание на то, что Тигран занимался ссудными операциями под заклад, и в закладе у него находились во множестве земли и уголья. Это *mutatis mutandis* и банкир своего времени, дававший крупные ссуды под залог недвижимых имуществ, оставшихся затем, обыкновенно, на практике, за ним или за тем, за кем он пожелал бы закрепить их. Покупки на наличные и приобретения путем ссуд совершались, когда речь шла о недвижимых имуществах, из рук наследственных владельцев, сами владения которых в ту пору не только назывались, но и были «вотчинами». Очевидно, происходил переход княжеских и дворянских вотчин в руки крупных капиталистов, с которыми, если соперничал еще какой-либо класс, то исключительно духовный особенно же властный и тогда еще население монастырей.

Через Ани прошла живительная артерия, ветвь великих торговых путей. Ани сделалась средоточием торговли и обмена между Востоком и Западом, унаследовав, таким образом, значение более древнего и более известного армянского города Двина. С этим связаны постройки каравансарав в Ани и десятка прекрасных каменных мостов на реке Ахуриане. Слагалась, быть может, и сложилась самостоятельная городская жизнь с городскими старейшинами¹³¹ во главе и с законодательной властью в пределах города. Так что Ани, соприкасаясь, с одной стороны, с эпохой нахарарства или господства независимых князей древней Армении, с другой — соприкасается с периодом возникновения и распространения армянских колоний¹³². И, действительно, все клонит к тому, чтобы утверждать, что Ани и есть то горнило, в котором армянский феодализм был претворен, еще на родине, в армянский буржуазный мир.

ГЛАВА XVI.

С развитием городской жизни параллельно развилось и искусство, выработался особый стиль. Раньше, особенно в эпоху армянских царей, арийские постройки представляли лишь повторение архитектурных типов, выработанных в различных районах древней Армении. Багратидские царя, перенесшие свою резиденцию в Ани лишь с половины X в., старались украсить свою столицу, воспроизводя в ней посылки существовавшие образцы, копируя наиболее замечательные памятники древнего родного искусства, наследия древней феодальной эпохи. В церкви Апостолов (см. ниже), по мысли Т. Тораманяна, воспроизведении первоначального Эмнадзина, и в круглом храме Гагика I (см. ниже), бесспорно повторения церкви Блженных сил (Зовартноц), мы имеем яркую иллюстрацию нашей мысли. Так что в означенную эпоху в отношении строительного искусства Ани имеет значение, главным образом, как центр, куда пересаживались в более или менее удачных копиях лучшие художественные образцы со всей Армении, и где, главным образом, и находим мы теперь материал для реконструирования древне-армянского искусства, для распознавания его существенных элементов, как конструктивных, так декоративных.

Своеобразный же арийский церковный архитектурный стиль, создающий эпоху в истории армянского искусства, не принадлежит феодальной Армении. Насколько позволяют судить обнаруженные и обследованные пока памятники, собственный стиль в Ани возникает и развивается в XII и XIII вв., пожалуй, с конца XI в., в союзе с гражданской архитектурой, имеющей, в свою очередь, связь с восточным искусством, иранским и мусульманским, стиль, сказывающийся в особых пропорциях построек, особых рисунках орнаментов, особом характере работы и самих материалов. Этот новый стиль проявляет много родных, прямо-таки сходных черт с искусством не только в христианской Грузии, но и среди мусульман-седьмакуков.

Но своему общественному развитию и вообще по духовным запросам арийские армяне стояли выше отживших еще тогда свой век феодально-христианских вероисповедных идеалов, отставившихся духовенством. Развитие чувство красоты арийцев охотно воспринимало все прекрасное, где бы оно его ни находило, хотя бы у мусульман. Трудно сказать пока, вполне ли смогла замирающая к этому времени в коренной Армении феодальная церковь отстоять традиционный нуризм структуры армянских храмов от иноверческого, особенно мусульманского воздействия. Но во внешнем наряде так называемое мусульманское архитектурное течение, пробивавшее себе путь в светское зодчество,

переходило и на орнаментацию самих церквей, особенно богато развилась причудливыми узорами по притворам и порталам.

Слияние мусульманского с родным или сроднившимся христианским искусством давало возможность производить то своеобразное в резной орнаментике, которое выделяет особо их работы. Что касается светских построек в Ани, на орнаментовке их, возможно, отразилось влияние и мусульманской, персидской поэзии, так, напр., по остроумному наблюдению одного любителя, банша с бычьей головою, армянская постройка, украшена мотивом из Книги царей Фирдоусия.

Так называемый мусульманский вкус в еще более сильной степени проникал в покои анийских горожан, что, содействуя расцвету местной гражданской архитектуры, сказывалось и в парадной обстановке, в формах и орнаментах сосудов и т. п.

С другой стороны, налицо в памятниках мусульманского искусства влияние армянского, в частности, церковного искусства.

И, тем не менее, мы, ученые, часто заблуждаемся, когда выдвигаемый в связи с этим глубокого интереса вопрос — о средстве обоих искусств — мним разрешить простым заимствованием или со стороны армян или со стороны мусульман, в частности, напр., сельджуков.

Конечно, значение чисто внешнего влияния нет основания полностью отвергать. В Ахлате имеются мусульманские гробницы, памятники конца XIII в. Особенно выделяет Лич по превосходству работы одну из этих гробниц. Про нее английский путешественник пишет¹³³: «она сделала бы честь любой архитектурной школе. Это — одна из изящных вещей в мире. И простого взгляда на рисунки круглых церквей в Ани и на некоторые из замысловатых узоров армянского стиля достаточно, чтобы осветить источник вдохновения, который произвел ее или в сильной степени содействовал ее появлению».

Эти гробницы не остаются вне связи и с надгробными памятниками Ани. В Армении как вне Ани, так и в Ани и значительно раньше XII-XIII вв. была развита специальная архитектура таких памятников. Мавзолеи строились в Армении не только для царей и вообще властителей, но и для ученых. Любопытен случай постановки памятника васпураканским царем Сенекеримом (1003-1024) арабскому философу Косте, сыну Луки, Баальбекскому. Это было еще до появления сельджуков¹³⁴. Сирийский историк Барберей рассказывает¹³⁵: «Коста занимался философией в мусульманском государстве. Он отправился в страну ромеев, приобрел много греческих сочинений и вернулся в Сирию. Затем он был приглашен в Ирак для перевода книг. Ему принадлежат выдающиеся сочинения в сокращениях. Рассказывают, что Сенекерим его перетянул к себе в Армению, где он оставался до конца жизни. И построил (царь Сенекерим) над его могилою мавзолей в честь его так, как строят в честь царей и духовных глав». Auguste Choisy утверждает, что сельджуки и конический свод усвоили от армян и стали применять его от Каппадокии до Босфора, в странах, куда они вселились¹³⁶.

В свою очередь Grenard, один из исследователей сельджукских памятников XIII в., не без основания отмечает тот факт, что, судя по надписям, в числе архитекторов этих мусульманских построек имеются христиане. Естественно, что в стране с высоко развитым христианским зодчеством успех нового мусульманского искусства мог быть обеспечен лишь путем сохранения местных традиций, соучастием христианских мастеров. Grenard особо выделяет сирийского архитектора в Дамаске и греческого архитектора в Сивасе (Севастии), работавших над сельджукскими постройками¹³⁷. Но не следует забывать и армянского архитектора Таганура, сына Стефана, строителя в Малатии одного древнего сельджукского дворца, как значится в арабской надписи, сохранившейся на его развалинах¹³⁸; или архитектора Галуста, судя по арабской же надписи, строителя одного из лучших памятников сельджукской архитектуры в Икони¹³⁹. Надо также иметь в виду, что и мусульманское имя зодчего само по себе ничего еще не говорит о пройденной им школе. Не говоря о том, что мусульманские имена в то время были весьма распространены среди армян и грузин,¹⁴⁰ нет сомнения, что мусульмане-мастера из Ани и вообще из Армении или Грузии должны были вносить в мусульманское дело выработанные на родине местные художественные вкусы. Возможность участия зодчих с мусульманскими именами или прямо-таки мусульман из Ани в сельджукских постройках не особенно смелая

догадка. Один из мастеров сельджукских памятников происходит из города, еще более, чем Ани, отдаленного, именно из столицы Грузии, из Тифлиса: в Дивриге внутри мечети, замечательной обширностью купола и мощью и массивностью пилонов, находится деревянный мпбар (кафедра) тонкой резной работы, а этот шедевр искусства носит подпись — на арабском языке — художника Абуед-бен-Ибраһима Тифлисского.¹⁴¹

С другой стороны, и здесь, где речь идет о степени возможного влияния армянского искусства на сельджукское, немислимо исходить из одного арийского строительства или, что хуже, из одного пока плохо освещенного исторически церковного зодчества Армении; еще менее правильно решать вопрос без предварительного выяснения реальных факторов перерождения всего облика османских турок в физическом типе, речи, ремесленных и художественных навыках, обычаях и, конечно, в идеях. Бесспорно, у сельджуков были мусульманские, в частности, персидские культурные заветы, заметно сказывающиеся и в памятниках их искусства. Даже в поэзии сельджуки в Малой Азии должны были поддерживать свое существование заимствованием из персидского источника. Историк сельджукидов, Ибн-Бибй, говорит:¹⁴² «В первое время, когда турецкой поэзии еще не было, и поэты приходили из чужих стран, в большинстве случаев цели персидские песни, творили по-персидски». К персидской поэзии глупца сельджукских турок не столько общность религии ислама, раз в противоположность персам самим они были сунниты, сколько большое традиционное культурное средство с иранским миром. Однако, в культурных заимствованиях велика и притягательная сила той среды, в которой слагается домашняя, интимная жизнь народа, сила местных традиций.

И, тем не менее, было бы не только явной несправедливостью к сельджукской народности, но и доказательством убожества научных представлений о значении народного творчества в искусстве, если бы своеобразную сельджукскую архитектуру признали мы созданием случайно сошедшихся армянских, греческих и сирийских мастеров.

Гражданская архитектура эпохи расцвета городской жизни Ани, как сказано, также представляет много общего с мусульманским искусством. Отожествлять их, хотя бы столь схожую орнаментовку резьбою, может лишь поверхностный наблюдатель: армянское, в частности, арийское, гражданское зодчество настолько самостоятельно, что чувствуется его обратное влияние на местных застройщиков — модельных мусульманского культа. Но не подлежит спору, что армянская гражданская архитектура так же близка к мусульманской на иранской почве, как грузинская светская поэзия к мусульманской литературе Персии.

Ни в Армении, ни в Грузии иранско-мусульманская культура, конечно, не создательница памятников местного искусства или местной литературы. Но она представляла собою протест персидской национальности против гнета ислама, религии, вышедшей из аравийской пустыни с чуждыми Ирану отвлеченными бесхудожественными формулами; она являла собою возрождение родного иранского мира и его поприщ было, близких также кавказскому миру, культурных традиций. И естественно, что благодаря этому она будила народные силы соприкасавшихся с нею христианских стран, помогала их свободному творчеству в художествах, спасая их от религиозного затворничества и конфессиональной исключительности. Были, конечно, и другие, как самобытные, так заимствованные, факторы, способствовавшие освобождению народного духа от мертвящих оков отживавшей церкви, так, напр., в числе заимствований, греческая философия, в Армении — Аристотеля, в Грузии — неоплатонизм. Но рядом с ними не может быть отрицаемо еще большее значение иранско-мусульманской культуры, как силы, противоборствовавшей исключительности христианской церкви. Не случайно приходит в голову аналогия между отношениями к иранско-мусульманской культуре, с одной стороны, Армении, с другой — Грузии. Кто хочет не только наслаждаться венцом древне-грузинской светской литературы, «Витязем в барской шкуре», но и понять его гениального творца Шоту из Руставы, тот должен знать историю художественных памятников армянского зодчества, особенно гражданского, в Ани; кто желает понять великих, в большинстве безымянных, арийских художников-архитекторов, их поразительные творения, тот должен углубиться в изучение грузинской романтической поэмы «Витязя в барской шкуре», этого шедевра средневековой поэзии христианского Востока.

Но, опять-таки, это сродство их основано не просто на влиянии армян на грузин или грузин на армян или мусульман на тех и других. Причины более общие и более глубокие. В Армении, и Грузии именно в XII-XIII вв., независимо от политического их объединения под скипетром грузинской ветви Багратидов, более того, вопреки религиозным расхождениям, в тождественных условиях: социальных — рост городов и значения горожан в борьбе с феодализмом — и культурных — контакт и общение христианского мира с мусульманским — выработался тождественный художественный вкус; и вот, в связи с этим возникшие художественные идеалы у армян, за захватом литературы перекрыв, нашли выражение в пышном расцвете поэзии архитектурных линий и декоративных картин в Ани, а у грузин, за поддержкой светской литературы грузинским двором и вообще грузинским феодальным миром, в светской поэзии, прежде всего, в венчающем ее творении Шоты из Руставы.

ГЛАВА XVII.

Традиционная история набросила покров, казалось, непроницаемый не только на блестящий расцвет искусства в Армении XII-XIII вв., но и на факты развития Армении в других областях жизни, на успехи ее в гражданском быту, в правовом, экономическом и др. отношениях.

Военно-политическое положение армян в коренной Армении среди других народов в ту эпоху было далеко не такое, каким рисует его холоднее мнение. Обычно они представляются угнетаемым еще тогда в коренной Армении народом: он проливает кровь за высокие христианские идеалы в непосильной борьбе с жестокими мусульманами-турками и живет обособленно, в полной разобщенности с христианами-грузинами, как с никак верующими. Но это клерикальная точка зрения армянских историков-монахов. В ряде памятников, напр., в сборнике грузинских летописей, можно узреть иную картину действительности. В этом отношении интересен один эпизод, приведенный в труде грузинского историка царицы Тамары, вошедшем в указанный летописный сборник. Он ценен вообще для историка Ани, особенно для характеристики армяно-грузинских отношений в век Тамары. В нем рассказывается о разгроме Ани в 1207 - 08 г.¹⁴⁸ мусульманами, но не местными, жившими в этом городе или в пределах Армении и Грузии, а иноземными.

После смерти Давида Сослана (1207 г.),¹⁴⁴ мужа Тамары, рассказывает грузинский историк,¹⁴⁵ «в «малое время царя мир. Царица (Тамара) пребывала в Гегуте. Был же великий поэт¹⁴⁶. Оба Мхаргрдзеи (князь Захария и Иван) находились при царице. Проведая об этом, ардебильский султан открыл враждебные действия против христиан: призвал он свои войска и направился в нашу сторону... Знал он, что Мхаргрдзеи нет дома (т. е. в армянских областях). Двинувшись, поднялся вверх по берегу Аракса. По дороге он никому никакого вреда не причинил и в великую субботу вечером подступил к Ани. А как только взошла заря, ашйцы (по обыкновению) ударили в биль и (не подозревая ничего) открыли городские ворота. Внезапно (султанские войска) бросились на конях к воротам города и устремились внутрь. Ашйцы не успели закрыть ворота, и те вступили в город стали рубить, избивать и пленять (народ). Большинство народа в это время было в церквах, как подобает по религии христиан. Тут некоторые бежали в Дворцовый квартал (в крепости) и там укрепились, другие же в Пещерный квартал, называемый картуном. И чтобы спастись (т. е. чтобы не быть отрезанным), султан не ходил в крепость (с дворничьим кварталом) или в картун¹⁴⁷, так как (кругом их) с трех сторон было скалистое ущелье с пещерами. Таким образом, (враги) захватили в руки (только) город¹⁴⁸: двенадцать тысяч человек они зарезали в церквах, как баранов, помимо убитых на площадях и улицах. С такою лютостью опустошили враги Ани и навьюченные вполне несметною добычею ушли и добрались домой.

«Весть об этом разгроме Ани царице Тамаре сообщили в фомино воскресенье. Узнав об этом, ампреспасалар (генералиссимус) Захария и мсахуртухуцес Иванэ очень были удручены: скорбь объела их, сердца их загорелись пламенем, и не знали, что делать. А царица и все ее войска, охваченные горем и гневом, воспламенились на борьбу с персами. Тогда сказали царице Мхаргрдзеи (Захария и Иванэ): „нас постигло несчастье... Ты, царица, оповести твои войска, чтобы быть им готовыми для

Но, опять-таки, это сродство их основано не просто на влиянии армян на грузин или грузин на армян или мусульман на тех и других. Причины более общие и более глубокие. В Армении, и Грузии именно в XII-XIII вв., независимо от политического их объединения под скипетром грузинской ветви Багратидов, более того, вопреки религиозным расхождениям, в тождественных условиях: социальных — рост городов и значения горожан в борьбе с феодализмом — и культурных — контакт и общение христианского мира с мусульманским — выработался тождественный художественный вкус; и вот, в связи с этим возникшие художественные идеалы у армян, за захватом литературы перекрыв, нашли выражение в пышном расцвете поэзии архитектурных линий и декоративных картин в Ани, а у грузин, за поддержкой светской литературы грузинским двором и вообще грузинским феодальным миром, в светской поэзии, прежде всего, в венчающем ее творении Шоты из Руставы.

ГЛАВА XVII.

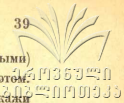
Традиционная история набросила покров, казалось, непроницаемый не только на блестящий расцвет искусства в Армении XII-XIII вв., но и на факты развития Армении в других областях жизни, на успехи ее в гражданском быту, в правовом, экономическом и др. отношениях.

Военно-политическое положение армян в коренной Армении среди других народов в ту эпоху было далеко не такое, каким рисует его холоднее мнение. Обычно они представляются угнетаемым еще тогда в коренной Армении народом: он проливает кровь за высокие христианские идеалы в непосильной борьбе с жестокими мусульманами-турками и живет обособленно, в полной разобщенности с христианами-грузинами, как с никак верующими. Но это клерикальная точка зрения армянских историков-монахов. В ряде памятников, напр., в сборнике грузинских летописей, можно узреть иную картину действительности. В этом отношении интересен один эпизод, приведенный в труде грузинского историка царицы Тамары, вошедшем в указанный летописный сборник. Он ценен вообще для историка Ани, особенно для характеристики армяно-грузинских отношений в век Тамары. В нем рассказывается о разгроме Ани в 1207-08 г.¹⁴⁸ мусульманами, но не местными, жившими в этом городе или в пределах Армении и Грузии, а иноземными.

После смерти Давида Сослана (1207 г.),¹⁴⁴ мужа Тамары, рассказывает грузинский историк,¹⁴⁵ «в «малое время царя мир. Царица (Тамара) пребывала в Гегуте. Был же великий поэт¹⁴⁶. Оба Мхаргрдзеи (князь Захария и Иван) находились при царице. Проведая об этом, ардебильский султан открыл враждебные действия против христиан: призвал он свои войска и направился в нашу сторону... Знал он, что Мхаргрдзеи нет дома (т. е. в армянских областях). Двинувшись, поднялся вверх по берегу Аракса. По дороге он никому никакого вреда не причинил и в великую субботу вечером подступил к Ани. А как только взошла заря, анишцы (по обыкновению) ударили в битье и (не подозревая ничего) открыли городские ворота. Внезапно (султанские войска) бросились на конях к воротам города и устремились внутрь. Анишцы не успели закрыть ворота, и те вступили в город стали рубить, избивать и пленять (народ). Большинство народа в это время было в церквях, как подобает по религии христиан. Тут некоторые бежали в Дворцовый квартал (в крепости) и там укрепились, другие же в Пещерный квартал, называемый картуном. И чтобы спастись (т. е. чтобы не быть отрезанным), султан не ходил в крепость (с дворничьим кварталом) или в картун¹⁴⁷, так как (кругом их) с трех сторон было скалистое ущелье с пещерами. Таким образом, (враги) захватили в руки (только) город¹⁴⁸: двенадцать тысяч человек они зарезали в церквях, как баранов, помимо убитых на площадях и улицах. С такою лютостью опустошили враги Ани и навьюченные вполне несметно добычею ушли и добрались домой.

«Весть об этом разгроме Ани царице Тамаре сообщили в фомино воскресенье. Узнав об этом, ампреспасалар (генералиссимус) Захария и мсахуртухуцес Иванэ очень были удручены: скорбь объела их, сердца их загорелись пламенем, и не знали, что делать. А царица и все ее войска, охваченные горем и гневом, воспламенились на борьбу с персами. Тогда сказали царице Мхаргрдзеи (Захария и Иванэ): „нас постигло несчастье... Ты, царица, оповести твои войска, чтобы быть им готовыми для

похода против ардебильского султана. Сначала мы отправимся в Ани и поохотимся за (пришлыми) персами, если где найдем их, и выступим с небольшим войском, чтобы они не знали ничего об этом. Если двинемся в большом числе, они признают и укроются в укрепления. Но потом ты также оказывай нам содействие немногочисленным войском: в наступающий их (мусульманский) пост да будет оно наготове к моменту, когда мы дадим знать¹⁴. Царица одобрила эту речь. Она велела своим войскам быть готовыми. Мхаргрдзель поехали в Ани и стали вооружаться. Приблизился пост по мусульманской вере.¹⁴⁹ Князя отправили к царице человека просить войска против ардебильского султана. Царица тотчас отдала приказ войскам месхским, торским, тмогским, эр-кахским¹⁵⁰ и сомхитским (выступить), картвелы же (грузины) не были взяты (туда), чтобы не узнали ардебильцы. Собрались в Ани и направились на Ардебиль: сделали переход через Гелакуни, спустились в Испан, переправились через мост Худа-аферина (на Араксе) и устремились на Ардебиль. Так они рассчитали время, что утром должно было быть аиду, что есть мусульманская пасха, а в ночь они обступили Ардебиль. И когда музани огласил воздух зовом, и участились крики мукриев (მუკრეობა მოკრეობა), Мхаргрдзель (с войском) ринулись со всех сторон на конях и без боя овладели всем городом, захватили султана, жен его и детей, а также все богатство султана и города... Имущества, захваченные у ардебильцев, целиком взыскали на их же выючных животных¹⁵¹. Ардебильского султана, жен и детей его взяли с собою пленниками. Двенадцать тысяч отборных мужей убили в мечетях, как раньше те поступили в анийских церквах. Прочего населения перебили еще больше, а других поилили...

Отмстив однако верующим в духе ветхозаветных пророков, князь Захария и Ивано «победоносно прибыли в город Ани и великое дали они утешенье (пострадавшим в нем от персидского разгрома). Затем предстали перед Тамарою, царицею царя¹⁵², преподнесли ей дары и приношения, осыпали богатством царицу и ее приближенных. В то время царица пребывала в Гола. И полились по всему ее царству несметное богатство, золото, серебро и прочие земные блага, доставленные (князьями Мхаргрдзельми) Захарием и Ивано, за что (грузинская) царица, весьма благодарная, пожаловала им много крепостей, городов и областей. И так, величая бога, все они веселились и ликовали, будучи беззаботны, и дань и несметные приношения притекали к ним с населения соседних стран».

Для всего эпизода так и просится девизом «око за око»: у христиан Азии, как и в христианской Европе, реальная жизнь вырабатывала восприимчивость к началам больше ветхого, чем нового завета.

Громкие фоланты комментариев на идеально-возвышенные евангельские мысли и вообще увлекательная альтруистическим содержанием христианская словесность с несомкнуемою проповедью о нравственно прекрасном и высоком призвании человека — все это имело моральное влияние, в лучшем случае, лишь на отдельных деятелей в радиусе их общения с людьми одной веры и одного толка.

В деле же влияния на международные отношения, если исключить вполне искренно расточавшуюся отвлеченную христианскую фразеологию, фактически лицемерную, все это духовное богатство являлось одним мертвым капиталом: его не способен был утилизировать старый, основанный на насиловании одной страны другою, механизм политического уклада, в защиту которого все сознательные тогда силы народа, в том числе и само духовенство, действительно охотно полагали и свои, и чужие души.

Реальная общественная психология, всегда детище наличного экономического и политического строя, в Армении и Грузии находила действительное удовлетворение не в кратких словах Христа, а в огненных речах излюбленных ветхозаветных пророков, призывающих к мщению и расправе, к истреблению супостатов, к затоплению вражеского става потоками крови. Она краткий лик богочеловека, распятие которого поклонялись в обителях пустынники и отшельники, в жизни преобразала в грозного ветхозаветного бога, по выражению пророка Наума (1, 2), в «бога ревнителя», «господа мстителя и страшного во гневе», «взыскивающего кровь с врагов своих и готовящего казнь противникам своим», каковому преобразованному Христу и поклонялось в действительности общество. Эта реальная общественная психология, определявшая и отношения к другим национальностям, особенно иноверческим, у христианских народов нисколько не была более высокого порядка, чем у мусульман, черпавших свое вдохновение из одной божественной книги, из единого пророчества Мухаммеда, или, что было чаще, из многочисленных толкований все того же единственного священного корана.

Приведенный у грузинского историка эпизод не единственный, в котором сообщается о солидарности армянских и грузинских национальных элементов, о совместных действиях тех и других по славу как грузинского, так и армянского народа. В царствование Тамары Захария и Иванэ не были теми единственными из армянских князей, которые только и известны блестящими походами в истории грузинского народа. И это положение вещей вполне соответствовало общему духу религиозно-национальной терпимости и ее одухотворенного культурно-политического сотрудничества, что вообще определяло взаимоотношения армян и грузин. В трудные дни оружие их оберегало их общие интересы. Своим взаимным пониманием эти армянские и грузинские деятели продолжали лишь лучшие традиции кавказской жизни. За полтораста лет до Тамары о военных доблестях армянского полководца Вахрама Пахлавуни грузинские воиска распевали песни, как о подвигах полубога¹⁵³.

В этих армянских деятелях отнюдь не погасало чувство национального самосознания. Едва-ли когда в Армении столь широкие размеры принимало чисто армянское строительство, как в эпоху Тамары. Духовенство обоих народов порою занималось взаимными пререканиями, основанными в корне на материальных сословных интересах, а лучшие армянские люди, даже те, которые не исповедывали веры армянской национальной церкви, поддерживали армянское культурное хозяйство, в частности, делали богатые вклады в монастыри армянского исповедания. Так поступает и Иванэ Мхаргрдзец. Из сотни и более сохранившихся на армянском языке, в виде надписей на камнях, от имени Мхаргрдзедов жалованных грамот армянским обителям крайне поучительна грамота на имя Айриванского монастыря. Она гласит:¹⁵⁴ «Волею божьею это — грамота царородного атабека Иванэ и его единокровного брата Захарии, сына старшего Саргиса, амир-спасалара, и сыновей их — Авага и Шаханшаха о том, что я (Иванэ) завоевал (страну) от Кайена и Кайцона до Баркушата, до Аканы и до Нахчавана и оттуда до Карса, завоевал с божьею помощью и затем я пришел в сей святой монастырь в Айриване, увидел я эти церкви и святого Христа, и мне было приятно, и эту памятную запись на свое имя начертал и дал я на память о себе сему собору на освещение *оброк в пользу крепости*...»

В титулатуре грузинских царей со времени Давида Строителя (1089-1124) появляется на третьем месте «царь армян», и, казалось бы, это свидетельствует о политическом и культурном порабощении города Ани иноземным господством; на самом деле это было объединение с сильным государством нуждавшегося в военной защите богатого города, который, как сказано, на тех или иных условиях, смотря по обстоятельствам, представлялся то тому, то иному князю, природно близкому армянам, на кормление, а то отдавался целиком местной городекой бытовой власти и получал нечто в роде самоуправления.

На основании установившейся, к сожалению, неписанной и потому в деталях непроектируемой онситуации, в городе, принадлежащем грузинской короне, находящемся во владении армянских князей, горожане-армяне сами управлялись с помощью старейшин города: армянина-архидиакона, градоначальника-армянина и других должностных лиц из армян.

Впрочем, деловая солидарность сближала не только христианские народы, но и христианские и мусульманские друг с другом. Если происходили кровавые столкновения с мусульманами, то реально отнюдь уж не из-за веры, а из-за посягательств иноверцев на культурно-хозяйственную независимость кавказских народов. На этой почве Армения боролась и с христианскою Византиею, на этой почве у православной Грузии бывали жестокие столкновения с тою же единоверною православною державою. О совершенно иных отношениях между местными мусульманами и христианами в Армении говорит уже один факт созыва в эпоху именно Тамары смешанного армяно-мусульманского суда, который призван был решить громкое, но чисто христианское дело о сонийских святых; этот суд происходил в Двине в присутствии князя Иванэ и с участием, в числе других, анийского князя, мусульманина, и «великого анийского епископа», армянина¹⁵⁵.

Вместе с тем мы видим полный разрыв там, где традиционная история нам твердила о нерушимости единения, именно в самом армянском народе, в его сословных, представлявших из себя два материально и духовно враждебных лагеря. И, напротив, где книжные предания рисовали непримиримую

вражду и полную разобщенность, именно в отношениях армян, грузин и мусульман, там намечается, как сказано, существование иногда политической солидарности и всегда идейного общения, выходящего на понимание общности материальных интересов.

Здесь идейная общность, генетическое средство культурных стремлений, сказывалась в жизни народных масс и городского населения (одинаково не находивших доступа вовсе или в достаточной мере для своего выражения в литературу, хотя и родную по языку, однако, классово-сословную, церковно-феодалную), выявляется, с одной стороны, в народно-религиозных учениях, с другой — в искусстве, в высоком развитии архитектуры, в различных художественных ее течениях. Но это придает явлению лишь большую ценность. Бросая совершенно иной свет на народные религиозные движения, до сих пор воспринимавшиеся, как еретические аномалии, оно, генетическое средство, с другой стороны, приближает нас к решению затронутого и выше (стр. 36-37), одного из интереснейших культурно-исторических вопросов, выдвигаемых анийскими памятниками, о средстве армянского искусства, в частности, архитектуры, особенно гражданской, с мусульманским искусством.

Армянская же литература, захваченная целиком духовенством, глушалась всего мусульманского со всем мирским. Когда в самом Ани занялась заря возрождения, она вообще оставалась совершенно глуха к проявлению самостоятельности анийцев на новых гражданских началах. Напротив, служители пера в Киликии содействовали тому, чтобы не теряли общее представление об Ани, как о навеки погибшем городе, — свою остроту, предания о разорении Ани сельджуками — свою обаятельность. В половине XII в. поэт Нерсес Благодатный, католикос армян, посвятил бывшей столице Багратидов соответственные строки, в подлиннике изложенные в стихотворной форме. Стихи вложены в уста олицетворенному городу Едессе или Урхе, пострадавшему от оружия эмира Зенги в 1144 г.¹⁴⁶:

«Но и тебя, восточный город Ани, приглашаю быть соучастником моих воплей, утешителем моих душевных терзаний!

«Ибо и ты был некогда великолепной невестой под покрывалом, заманчивой надеждой для близких, желанной для дальних.

«В избранной области (сказочного героя) Шарая ты был обстроен, как царственный дом царями Багратидами из рода Израиля...»

Алишан, с похвалой отмечая¹⁴⁷ в отрывке «чистоту чувств и языка с семивековой древностью», выражает пожелание: «да восполнит он недостаток парящих в высь крыльев моих мыслей, как того требует по заслугам это место»; но он совершенно не знает, что отрывок в устах армянского писателя половины XII в., пишущего накануне, пожалуй, уже к моменту наступления эпохи наивысшего развития анийского искусства, свидетельствует, прежде всего, о полном отсутствии у поэта чуткости к жизненным явлениям, об отчужденности его от новой анийской жизни.

Но сила жизни непреоборима, и сама жизнь в Ани текла свободно, все же своим творческим путем и вне завешанных норм, установленных силой конфессиональной исключительности. Вопреки взглядам церковной среды, анийская жизнь выдвинула и тип женщины-гражданки, фактически сравнивая социально женщины с мужчинами. Не говоря о сооружении церквей и о вкладах в храмы, авийские женщины строили городские башни. Анийская гражданка, доблестная армячка Айцеами, грудью защищала город и, пронзенная на городских стенах стрелами, героически продолжала отбивать штурм воинов Фадлуна¹⁴⁸. Анийские женщины невозбранно разделяли гражданские права мужчин: вдова атабека Шапаншаха, Ховандге, сложилась с согражданин, без различия национальности или веры, две статьи анийских пошлин¹⁴⁹, падших всюю тяжестью на сельское население края. Наконец, само духовное сословие начинало испытывать благотворное влияние реальной анийской жизни, тяготевшей к демократизму. Духовенство в лице архиепископа Григория освободило селения Ширака от поборов натурою, хлебом и шкурами¹⁵⁰: поборы завешаны были старым режимом в пользу епископской кафедры и анийских церквей. В лице епископа Мыхитара Тегерского духовенство установило в городе Ани обязательный воскресный отдых, воспретив в этот день всякую торговлю.

Долгорукие (Мхаргдзеley) оставались владельцами Ани вплоть до 1236 г., когда Ани перешла во владение монголов, когда власть грузинских царей сменилась властью татарских ханов. Долгорукие, владевшие городом на правах родовой вотчины, не сразу утратили там значение.

В эпоху монгольского господства в Ани укрепляет свое значение, оиять-таки, класс капиталистов, обязанных своим обогащением званию чиновника, ведавшего местными поступлениями в ханскую казну. О богатстве одного из таких чиновников, парона Сахмадина, можно судить по данным надписи, начертанной им на портале построенного им же дворца в Мрене (рис. 33). Кстати, образом отделки фасада княжеского дома в эпоху расцвета гражданского искусства в Ани может служить и этот портал. Общая его схема воспроизводит то, что мы имеем в порталах мусульманских построек сельджукидов, так, особенно в портале мечети Караман-капусу в Кони (рис. 34)¹⁶¹. На портале мечети и надпись занимает то самое место, какое отведено армянской надписи Сахмадина на портале Мренского дворца. Реалистически интересная эта надпись хозяина-строителя, Сахмадина, гласит¹⁶²:

1. ԹՎ: ԶԺ Ի տիգրեակալութի չուլառ-
դանի ես Սահմադին որդի [Աւետեաց գ]նեցի
գլխաւորանիս[ա] տեղի[ս] զՄրեն Ի յԱր-
տաշըէ որդո Շահնշահի հալալ ընդ իմ[ոց]
Ի վայելումն ինձ և որդ-

2. ոց իմոց. ան շահաւոր ար[ասցէ] յաւ-
րտեանն ժամանակաց: Ի ԹՎ ՉԻԵ յաշար-
հակալութի Ապագա դանին ես Սամադին, որ
պարտի հասոց¹⁶³ ու դարպասն չկայր, գաս
այգիս և զգրա-

3. խաս, որ կոչի Արքայութի, գնեցի՝
գամէն մէկ յիւր տիրոջն. և յիմ մասց գուս՝
առանց (°) վարդպետի ձեկցի ու հիմն ձգեցի
դարպասին ու գրախ[ա]խս Ի |Ժ| տարին
կառարեցի. անձ

4. շահաւոր արասցէ պարտն Սահմադի-
նին որդից Ի յորդիբ. ու խարջ, որ եղաւ
դարպասին: Խ.Բ. գուկաս գահեկան:

«Лета 710 (1261 н. э.), во время владычества над миром Гулагу хана, я, Сахмадин, сын Аветика, купил это царственное место, Мрен, от Арташира, сына Шаханшаха, на благоприобретенные мною средства в пользование себе и детям моим. Бог да даст в счастье пользоваться им на вечные времена. Лета 725 (1276 н. э.), во время владычества над миром Абаги хана, так как не было для парона резиденции («места сидения») и дворца, я, Самтин, скупил эти виноградники и са-

ды, которые называются Аркайутюн (небесное царство, рай), каждый от соответственного хозяина, начертав своим умом, без мастера, план, заложив основание этого дворца и сада и окончил в десять лет. Бог

да даст в счастье пользоваться ими парону Сахматину из рода род (букв.: «от детей к детям», «из потомства в потомство»). Израсходовано на этот дворец 40.000 золотых динариев».

Вассалы то грузинских царей, то монгольских ханов, анийские правители XIII-XIV вв. были армяне по происхождению, из рода Захаридов; Шаханшах или Шанша, название этих анийских правителей, указывало не то на притязание их сохранить громкий иранский титул багратидских царей, «царь царей», не то на происхождение от той ветви Захаридов, родоначальник которой был по имени Шаханшах или Шанша.

Есть обстоятельства, между прочим, обнаруженные раскопками, ставящие перед нами новый вопрос о степени устойчивости национальных традиций в среде армянской аристократии в Ани.

Сохранились монеты анийских правителей этого времени с монгольскими, а также арабскими легендами и с фигурой анийского князя, сидящего по-восточному. С боков фигуры — начертание одной или двух букв, очень похожее не то на церковно-грузинское, не то на армянское уставное письмо, но до сих пор не поддающееся разбору. Ясно одно: анийские Шаханшахи XIII-XIV вв., чеканившие эти монеты с монгольскими и арабскими легендами, а также с буквами неопределенного еще письма, были христиане. Это видно из арабских надписей их монет, где читаем: «во имя отца и сына и святого духа».¹⁶⁴

Это же теперь воочию явствует из следующего факта: в Вышгороде (в Ани), где резидировали они, — семь церквей; в самом дворце также находим церковь, одну из этих семи; но нет ни одной мечети, ни следа существования какой-либо мусульманской молебни во дворце или вообще в пределах Вышгорода.

Кроме того, ни на одной из семи церквей нет надписи на языке ином, как армянском. Следовательно, Шаһашпаһи, резидировавшие в Вышгороде, по религии христиане, по национальности были армяне. Эти же правители Ани, хотя и армяне по происхождению, были не особенно тверды в национальных принципах. Национализм их не выходил за порог церкви. В церкви и на церкви (в надписях) обязательный для них священный армянский язык терял свою притягательную силу в реальной жизни.

Что правители-армяне на своих монетах легенды писали на монгольском и арабском языках, а армянской легенды на них мы не находим, если исключить отдельные буквы, и те похожие более на грузинские, чем на армянские, для нашего вопроса это не столь важно. Выбор языка и письма определяется различными международными политическими и экономическими условиями, и осторожность требует не полагаться целиком на их свидетельство, когда дело идет о внутренней расцветке армянской национальных традиций и армянской речи, о положении их в интимной жизни правящей армянской среды, аниийской родовой аристократии XIII-XIV вв. В этом отношении решающе показательны открытые при раскопках предметы домашнего обихода, особенно же многочисленная глиняная и стеклянная посуда.

Ни одна раскопка в Ани не обходилась без обнаружения осколков поливной посуды, простой и узорчатой. Но вигде в Ани обломки глиняной, глазурованной и поливной посуды, а также стекла, не откапывались с подбором лучших рисунков и красок, чем во дворце. Притом осколки эти находились не в простой насыпной почве, а в глубоких колодцах-хранилищах.

Образчики составляют теперь украшение Аниийского музея, насколько пока они приведены в порядок; они представляют большое разнообразие и по материалу, глине, и по узорам, и по краскам. В отношении красок замечательно отсутствие ярких, режущих цветов: виден вкус, любовь к мягким, даже к бледным тонам. Встречаются одноцветные экземпляры. Обращает на себя внимание кубок из белой, полупрозрачной глины с глянцем: снаружи на поверхности выведены отверстия листьев, точно кубок посажен в цветок магнолии. В более ярких красках некоторые предпочтении оказываются голубому с черными, а иногда желтыми золотыми разводами.

Зеленый и синий цвета удел изделий вторых сортов. Есть целая категория сосудов в один синий цвет, любопытных теми или иными рельефными фигурами, многолиственной розеткою, полшарием, крестом, львиной головой с человеческого лицом и женской коронованной головой. Особенно распространена львиная голова с человеческим лицом.

Арабская, иногда персидская надпись, но никогда ни одной армянской буквы — на роскошных сосудах, несомненно принадлежавших последним владельцам Ани, христианам по вере, армянам по национальности. Не только письмо, но, повидимому, и сюжеты выбраны и трактованы вне церковных армянских традиций, вне заветов древней армянской церковной живописи. Нигде не находим и намека на какие-либо христианские мотивы, на какие-либо армянские народные бытовые черты.

Значение этого чрезвычайно характерного обстоятельства еще более усиливается, когда его мы сопоставляем с тем, что на обломках многочисленных сосудов из простой глины и сравнительно простой работы, вращавшихся в обиходе средних и низших классов общества, армянская надпись, армянские типы и христианские сюжеты обычное явление. Случай изображения местного типа в национальном костюме имеем на одной глиняной чаше поливной работы, открытой недалеко от Аниийского собора.

На обломках простых глиняных сосудов пока мы иных надписей, кроме армянских, и не находили. Сюжеты из армянской жизни особенно часты на поясах глиняных кувшинов, так называемых «карасов». На одном таком кувшине пояс украшен изображением армянской церкви или часовни, а около последней — фигура молящегося с воздетыми руками (рис. 35).

Эти явления, впервые устанавливаемые вещественными памятниками, нам повелительно диктуют совершенно определенное решение нашего вопроса о внутренней расценке армянских традиций и армянской речи в среде позднейших армян в Ани. Сила этого решения может быть ослаблена тем предположением, что лучшие сосуды, как предметы роскоши, выписывались и, не представляя местных изделий, не имели ни местной армянской надписи, ни печати церковно-национального или гражданского армянского по сюжетам и орнаментальным мотивам искусства. Если бы это предположение и удалось кому-либо оправдать впоследствии, подкрепить его фактическими данными, то смысл указанных явлений все же клонил бы к одному определенному решению поставленного нами вопроса.

Если исключить церкви, поборницу армянского национализма в узко-конфессиональных целях, народные традиции высоко ценились и чтились реально в среднем и низшем слоях армянского общества; что же касается высшего класса, армянской аристократии, к которому принадлежали и современные владетели Ани, то он стоял уже тогда на последних ступенях полной депационализации, перепрыгивая свой национализм лишь принадлежностью, повидимому, оф-фициально, к армянской церкви.

С перерывом этой слабой связующей нити армянская родовая аристократия в коренной Армении должна была исчезнуть, слившись с теми иноземными культурными слоями, грузинскими или мусульманскими, с которыми давно связывали ее не только политические и экономические интересы, но и реально-духовные, именно художественные вкусы и идеалы.

Армянский национализм, приходится заключить, в этой стадии развития выношен был и спасен в реальной жизни средним и низшим слоями армянского общества, сословием торговых людей и ремесленников. Современное армянство — ближайшим образом детище этих буржуазно-демократических слоев древнего армянского общества.

Таким образом, нерадельное господство мусульманских изделий материальной культуры в среде армянской аристократии непосредственно характеризует происшедшие за XIII-XV вв. перемены. Насевши полновластным хозяином на все христианское население Востока, мусульманство в эту роковую эпоху в точках наибольшего невозбранного своего давления, значит, и в Армении, в частности, в Ани, свело на нет, казалось бы навсегда, быть может, действительно навсегда, ту своеобразную христианскую культуру, похожую на европейскую, но на самом деле азиатскую, первые блестящие входы которой теперь удостоверяются в Армении реально наличием памятников архитектуры, открываемых анийскими раскопками. И, опять-таки, причины падения самобытной армянской культуры в Ани не коренятся вовсе вне внутренних социальных условий местной жизни; отнюдь немислимо также винить ислам, как религию; но нельзя замалчивать факт: если, с одной стороны, позднейшее армяне не оказались в силах сохранить родную культуру, то, с другой стороны, и у тогдашних носителей мусульманской идеи в Армении не хватило духовных сил, не оказалось в достаточной степени задатков к культурной восприимчивости, чтобы одним сохранить высоту достигнутого на месте ее развития и идти дальше хотя бы только во славу ислама и на пользу местных мусульманских народностей. Словом, в Ани с переходом не только политической власти, но и всего местного хозяйства целиком в мусульманские руки, нарушено было основное условие всякого прогресса: непрерывность культурных традиций.

ГЛАВА XIX.

Итак, в свою очередь, и книжное предание об окончательной гибели всего Ани целиком в 1319 г. от землетрясения при изучении анийских реалий тоже оказывается вымыслом¹⁶⁵. Об этом свидетельствуют как надписи, высеченные на зданиях после этого года, так и охарактеризованные выше монеты. Еще Броссе указывал на мусульманскую монету, отчеканенную в Ани в 1375 или 1376 г. Есть монета, чисто мусульманская, XV в., отчеканенная в Ани главою туркменского племени Каракоюну. Исключительно доминирующее мусульманское влияние, удостоверенное обломками посуды и иных мелких вещей, как сказано, прежде всего, следует относить к этой именно поздней эпохе в два-три века. И, таким образом, здесь тоже всецело подкрепляется одно из выставляемых нами положений,

именно то, что правильная постановка изучения истории Ани и нашей области Ширака немаловажна, где она стала бы опираться на одни письменные памятники: наиболее богатые данными и наиболее лучше осведомленные о местной родной жизни источники или армянские историки, все из духовенства, страдают односторонностью исповедальной точки зрения и полную отчужденностью от настоящей жизни, и это до такой степени, что трудно в их освещении сколько-нибудь реально представить себе гибель в Армении сначала царства, потом родовитой знати и, наконец, действительно армянского третьего сословия, нарождавшегося, местами и народившегося на родной почве; видеть, что с их гибелью изживались не только конкретные представления об устоях древне-армянской национальной жизни, но гибла и окружающая их материальная обстановка.

Но, с другой стороны, в Армении на поверхности земли и вещественных памятников тоже не находим или почти не находим; в армянских монастырях не сохранилось действительно древних предметов даже церковного обихода, если исключить рукописи.¹⁶⁵ Этою крайнею скудостью и часто полным отсутствием живых археологических материалов по самым основным вопросам армянской истории и объясняется недостаточная степень развития вообще армяно-грузинской филологии в ее реалистических дисциплинах.

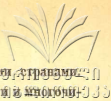
Единственно раскопкам и обязан мы теми немногими штрихами действительной жизни города, которые можно наметить уверенно в настоящий момент. Чем дольше длились и чем более усиливались раскопки в Ани, тем полнее, жизненнее и ярче становилось наше представление о подлинной его истории. За романтически-обаятельными для туристов стенами усопшего Ани и среди одиноко стоящих загадкою и для нас, ученых, немногих его полууцелевших или обрушившихся монументальных построек встала действительно поучительная в подлинных формах и подлинных мыслях кипучая жизнь Ани, миниатюрного города, столицы одного из ряда средневековых маленьких армянских княжеств.

Здесь, на почве, подготовленной еще язычеством, удобренной и древне-армянской христианской культурой, стали стягиваться с X в. для дальнейшего развития местной жизни лучшие силы армянских княжеств с запасом областных, развитых в архитектуре и ремеслах художественных вкусов и глубоких религиозных интересов. Здесь, в такой своеобразной обстановке, встречались и оседали, то обогащая армянекую культуру, то приобщаясь к ней на месте же, иногда, по всей видимости, и для передачи соплеменникам, и другие народности, то более, то столь же, то значительно менее развитые. В атмосфере аниийской городской жизни были воспитаны и закалены те вереницы армянских общин, с навьюком к городской общественности, которые с 1064 г. стали вслед за более древними эмигрантами из Армении выселяться в различные края, в частности же в Крым, Галицию и Польшу, где они основали в свое время цветущие мирные колонии, местами автономные. Здесь, в Ани, сохранились в вещественных предметах древности и надписях, не только армянских и вообще христианских, грузинских и греческих, но и мусульманских, арабских и персидских, памятники, отложения всей этой действительно сложной и богатой материальной и духовной жизни. Эти памятники проливают реальный свет, прежде всего, конечно, на историю самого города, но затем отраженно на многое, что лежит вдали от него по месту или по времени.

Теперь мало сказать, что Ани собою представляет музей памятников или предметов, характеризующих или имеющих характеризовать определенную эпоху, эпоху ширакской, в частности, аниийской культуры. Ани с его древностями находится на распутье армянской исторической жизни, где окончательно расстаются друг с другом две армянские культуры, архаичная, вообще древне-армянская, феодальная, и поздне-армянская, буржуазная. Ани лежит в узле, где, с одной стороны, средневековый армянский народ ищет и находит пути живительного культурного общения с другими народами, инородными и иноверными, а, с другой стороны, современное армянство подает руку древнему армянству не по легендарным национальным или церковно-конфессиональным сказаниям, а на основании реальных, вещественных документов.

Однако, значило бы сказать пол-правды, притом сказать и ее с большим искажением действительности, если бы ценность археологических богатств Ани мы ограничили значением их для истории

армянского народа или для истории культурных взаимодействий Армении с соседними народами. Город Ани с лежащей на его окраинах областью Шираком, благодаря своим памятникам древности и средневековым славянским надписям, имеет право занять и начинает занимать исключительное положение по своему общему значению для целого ряда научных дисциплин, не только восточной филологии, независимо от арменоведения, но и западной, именно византиноведения, славяноведения и др. История Грузии, или Персии, или монголов, история Византии уже получили каждая в свою собственность новые материалы с новым освещением из раскопок Ани. Знаменательны в этом отношении, наприм., по эпиграфике обширная грузинская надпись католикоса Грузии Елифания¹⁶⁶, о существовании которого почти ничто не напоминало, или богатая содержанием персидская надпись монгольского хана Абу-Саида, в издании В. В. Бартольда¹⁶⁷, бросившая новый свет на чрезвычайно важный институт «хасниджу» монгольской государственной жизни; или еще монументальная греческая надпись, в обработке В. Н. Бенешевича¹⁶⁸, проливающая свет на ряд темных вопросов по истории Византии XI в., и т. п.

Историю развития городской жизни в средние века на Востоке Ани снабжает поучительными и для западного медиэвиста страницами, которых неоткуда брать в их обоснованности на самих памятниках и современных документах. Для нас, представителей русской науки, Ани является в довершение всего этого неисчерпаемым кладом, ценным в двух совершенно особых отношениях: памятники анийского церковного зодчества и анийской церковной живописи, как теперь выясняется, имеют громадное значение для истории древне-русского искусства. Факт отмечается специалистами, как неподлежащий спору; не выяснен лишь путь такого частичного схождения соответствующих культур, и, быть может, его удастся установить при свете истории переселений армян в Россию, и на север, на Волгу, и на юг, в Крым.

С другой стороны, в Ани, в его более ранних памятниках, мы находим впервые прочную опору для определения действительно архаичных черт древнего армянского искусства. Более чем молодая, зарождающаяся научная дисциплина, история армянского искусства, уже пользуется этими новыми данными при архитектурном анализе древнейших памятников армянского зодчества. Те же и другие данные, вскрытые в Ани, притом не только по церковному, но и светскому зодчеству — дворцовой архитектуре, крепостным сооружениям, теперь сами вызывают на работу, более сознательную, над древнейшими археологически важными пунктами в Армении, напр., над княжеским дворцом VII в. Григория Мамикояна в Аруче, над так называемым дворцом Тирдата в древнейшей крепости в Гарни и на раскопки в них.

И в этом отношении мы сейчас уже видим оправдание первого пункта нашей программы 1892 г. по систематическому ведению раскопок в Армении. Пункт этот гласит¹⁶⁹: «начать раскопки с района более близкой к нам эпохи и, следовательно, с лучше сохранившихся памятников, изучение которых должно дать возможность вернее ориентироваться в области более глубокой древности».

ГЛАВА I.

1. За армянский период истории Ани древнейший памятник аниийской гражданской архитектуры это — крепостные стены Вышгорода, именно та часть, которую у нас принято называть Камсаракановой, — она и сооружена из упомянутого (стр. 15) материала, каменных кубов, оставшегося на месте с эпохи урартского населения¹⁷⁰; сюда относится и башня (1) Камсаракановой стены (стр. 15), у Шеддадидских ворот крепостных стен, над водопроводным сооружением (стр. 68), сначала откопанная до уровня засыпки XIII в.

Камсараканова стена была обнаружена раскопками 1907-1908 гг., когда и стала намечаться впервые от северо-западного зала парского дворца (109b) на запад, в сторону Цветникового ущелья, линия каких-то построек, впоследствии оказавшихся укреплениями, именно стенами и башнями крепости, или Вышгорода. По обнажении этих крепостных сооружений на известном расстоянии, выяснилось, что в стенах и башнях мы имеем работу различных эпох, начиная с VII в. и кончая XIII в.

Когда развалины ворот с каменной лестницею были раскопаны до основания, то оказалось, что эти позднее, при Шеддадидах сооруженные ворота вделаны в стены с башнею древней добагратидской еще кладки, именно кладки времен Камсараканов, VII-го в., с материалом из более ранних веков, урартским; только одна деталь в отделке, именно углубления, так называемые ласточкины хвосты, несомненно, служившие для скрепления кладки металлом, могли бы внушить мысль, не пользовались ли тем же архаичным материалом еще аршакидские армяне пари раньше для возведения крепостных стен. Способ такого цементирования кубов-каменной в Армении наблюден пока в раскопанном в Гарии языческом храме II или III в., т. е. эпохи древнего армянского царства. Для исследования вопроса надлежит привлечь и напластования различных позднейших эпох и в крепостных стенах Ванской скалы, халдской, если не урартской, постройки.

В дошедшей же до нас кладке Камсаракановой стены камни сложены так, что ласточкины хвосты лишены всякого значения, не говоря о том, что эта древнейшая крепостная стена с башнею потеряла переделки и, во всяком случае, починки. В связи с этим возникал и вопрос, принесены ли были строителями камни с другого места, или они лишь переделаны, и линия Камсаракановой стены, в таком случае, сохраняет расположение древнее существовавшей стены. Мы находим, однако, что те же урартские камни использованы в других местах, притом не только в заведомо позднейших сооружениях, так — в настилке улицы перед шеддадидской встройкой крепостных ворот, куда они попали, по всей вероятности, уже из разобранной части Камсаракановой стены, но и в значительно более древних постройках, так, напр., в основании стен дворца в Вышгороде, между залами архитектурным и гипсовым, или в основании Сымбатовых, т. е. внешних городских стен у ворот Игдзора.

2. В ту же эпоху господства князей Камсараканов, в той же укрепленной крепости Ани был, очевидно, парский дворец (стр. 66-71), и остатки его мы имеем там в Дворцовой церкви (109a). Эта церковь (рис. 36) имеется в особом издании¹⁷¹. В Ани от наиболее древних построек можно искать разве некоторые переживания в здании этой самой церкви. В указанном издании мы писали¹⁷²: «К древнейшим аниийским памятникам, в столице багратидской Армении редчайшим по времени, относится церковь, ныне полуразрушенная, в акрополе мертвого города. Это пока единственная здесь первоначальная постройка, связываемая с тем временем, когда еще не было основано армянское царство в области Шираке и когда будущие основатели его, князья Багратуни или Багратиды, не только

не носили усвоенного ими иранского титула шахан-шах, т. е. царь царей, но не были вассалами Ани. Правда, предстоит еще много работы, прежде чем удастся вычислить архаичные или размеры пережитков указанного времени в наличном виде дошедшего до нас памятника, так как последний перенес много превратностей судьбы; но при нынешней подготовительной разработке истории армянского искусства не трудно прийти к заключению, что постройка в основе относится, по всей видимости, к эпохе господства в крае армянских князей Камсараканов».

И до раскопок на поверхности Вышгорода бросались в глаза своему архаичностью развалины этой церкви со спорной датой 622 г.¹⁷³ Помимо декоративных переживаний, вышедших из конструктивных частей Ереванской базилики, из эпохи князей Камсараканов, «древность здания бросается в глаза еще резче в материале камня, его обработке и кладке и конструктивной разделке частей, а также в подборе и размещении декоративных мотивов и в самой работе».¹⁷⁴ Архитектурная разработка западного фасада захватывает и позднейшую, XIII в., пристройку с севера (рис. 37).

Здание было облеплено пристройками, кроме восточной стороны над обрывом; его приспособляли под различные пужды, даже под баню; да и как церковь, оно перестраивалось или, точнее, ремонтировалось; выделяется ремонтный камень, менее древний, чем основная часть.

Снаружи особенно тщательно орнаментирована южная ниша, представляющая собою по форме полукруглую алтарную абсиду. Ветхозаветная сцена жертвоприношения Исаака (рис. 38),¹⁷⁵ внесенная в орнаментацию капители у западного угла, может служить указанием на первоначальное литургическое назначение абсиды, в Дворцовой церкви обращенной в декоративную. Лицевая сторона полукупола сверху отделана подковою; в наличном состоянии сохранился один западный конец с соответственной под ним капителью и половиною карниза; на этой единственно сохранившейся западной капители и встречаем ветхозаветную сцену — жертвоприношение Исаака по Быт., 22, 9-13, где последний стих в армянском, равно и в грузинском переводе буквально гласит: «Поднял Авраам очи свои и увидел: и вот — баран один, свесившийся с дерева Сабекя рогами своими». На втором плане на молодом дереве висит баран с закрученными рогами; к дереву привязан Исаак; слева от него Авраам «протянул руку, чтобы взять меч и заколоть сына своего», справа ангел, с раскрытым левым крылом, в момент оповещения Авраама о воле бога. Так же точно баран висит и в изображении той же сцены в церкви св. Креста в Ахтамаре (рис. 39).¹⁷⁶

3. О другом рельефе на плите той же церкви приходится лишь с горестью вспомнить, как об утраченном, если не всплывет он в каком-либо собрании. Плита (дли. 1,42 м., выс. 0,72 м., толщ. 0,23 м.) с рельефом существовала еще в 1850 г. над пролетом северной двери, но в XIX же веке была варварски выбита и похищена. В названном году рельефное изображение, находящееся на этой плите, срисовал Кестнер (рис. 40).¹⁷⁷ Рельеф изображает двух встречных всадников, поражающих пикой один (справа) дракона, другой — неясное, по очертаниям, существо; их разделяет дерево. Во всадниках Броссе признал — справа св. Георгия, а слева св. Димитрия, поражающего великана.¹⁷⁸ Изображение могло бы представить большой интерес, но, к сожалению, рисунок Кестнера (от руки) не дает точного представления о подробностях, судя по сохранившемуся на месте восточному краю плиты.¹⁷⁹ На этом обломке (шириной всего 0,23 м., из коих 0,03 м. приходится на гладкий бордюр) от сцены сохранился круп коня с левой задней ногою и ляжкой задней правой ноги и верхний конец пик; здесь пика в руках всадника слева заканчивается крестом, чего у Кестнера нет; у коня в подлиннике хвост завязан по так называемому «сасанидскому» образу, т. е. говоря проще, как завязывают его всегда и теперь природные кавказцы; в верхнем углу крупный растительный рисунок, точнее трилистник, как на одной из капителей Ереванской базилики; однако, это скорее почка плода в виде кружочка с шариком внутри, с двумя миндалевидными лепестками по сторонам; почка идет от стебля, с которого внизу свешиваются закругленными лепестками широкий лист. Плита с рельефом высечена из старого ремонтного материала, именно того особого камня, который мы называем светловышским (розоватым) с черными сгустками.

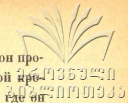
Возникает затруднение — какой рельеф должен был бы украшать верх над пролетом южной двери. Вспоминаются две плиты. Одна плита, собственно часть, хотя и большая, камня откопана

у Дворцовой церкви¹⁷⁸⁸. Она представляет, точнее, представляла собою длинную, несколько узкую (0,72 м. при толщине 0,22 м.) плиту из красного камня. На эту плиту, как на наиболее подходящую к пустому гнезду над южной дверью Дворцовой церкви, указал Я. И. Смирнов. Действительно, по цвету камень ближе к плите с святины воинами-всадниками; о тождестве камня, однако, не может быть и речи: этот красный камень с большими желтыми комками пемзы, точно кусками окаменешего дерева, представляет собою тот материал, из которого в Ани обыкновенно делали могильные плиты. На плите, правда, высечены символы, кресты, украшающие тимпаны дверей в древних церквях сродного типа, как в Еревульской базилике, так и в Текорском храме. Но, во-первых, на красном камне, если бы даже он был, действительно, сроден по качеству и был одного времени по обработке с плитой воинов-всадников, мы не стали бы искать архаичных рисунков названных памятников. Во-вторых, на этой плите нет настоящего рельефа, не только лицевого изображения, но и декоративной разделки с христианскими символами: мы ждали бы видеть просторный, широкий фон с рисунками, розетками и крестами, с обрамлением по краям плиты; обрамление, три полочки — помимо широкой полки по краю — с тремя желобками, занимает почти всю поверхность камня, оставив по середине узкую (0,23 м.) длинную полосу, в которой центр занимает равносторонний крест в круге, а по бокам было по кресту с длинным нижним крылом; таковой, во всяком случае, имеется на сохранившейся стороне плиты. Наконец, из чистого отеса всех боковых сторон по толщине камня совершенно ясно, что плита вовсе не из кладки стен, что она, скорее — надгробная; на боковых ее узких сторонах, как мне кажется, даже заметна грань, до которой достигала земля, когда плита прикрывала могилу. Впрочем, при признании камня надгробной плитой может смущать, что сохранившийся длинный крест высечен не вдоль памятника, а поперек. Но у нас есть и одно возражение иного порядка против признания этого камня перемычкой южной двери. Гнездо находилось выше уровня, которого достигала насыпная почва до раскопок. Плиту из него, очевидно, выбили для использования хищники; судя по чистоте гнезда, они извлекли ее мастерски, и, вероятно, так же успешно увезли между тем обсуждаемая плита найдена в раскопках, она свалилась, вероятно, сама вместе с обрушившейся стеной, и, если и представляла перемычку одной из дверей Дворцовой церкви, то разве западной.

О другой плите (рис. 41) речь может быть лишь гадательно, и только в том случае, если в ней признать наследие первоначального вида постройки, быть может, и не церкви, а дворца князей Камсараканов. Это известный рельеф, изображающий княжеский выезд. Князь верхом, с глашатаем впереди и оруженосцем сзади; хвост, завязанный узлом, и украшение попоны привесками ярко говорят о древнеармянских бытовых нормах, которые были тождественны с иранскими. Черный камень, хотя и иной породы, прекрасно мог бы гармонировать с черным же камнем первоначальной части Дворцовой церкви. Размерами плита вполне подходит к пустому гнезду над дверью; правда, у рельефа отбит верх, не хватает головы всадника, но гнездо дает в высоту излишек в 0,30 м., чего вполне достаточно, чтобы уместить голову князя в шлеме.

Против признания исчезнувшего перемычного камня южной двери в этой плите так же возможны возражения. Во-первых, плита найдена в селении Чале, в четырех верстах от Ани, и, при всем вероятности ее происхождения из городища Ани, у нас нет прямого указания на то, что она взята из Дворцовой церкви. Известно, что окрестные жители брали из Ани для своих надобностей камни, в том числе надписи и рельефы; между прочим, из того же селения Чалы возвращен к нам в Анийский музей древностей камень с рельефом змеи — декоративная деталь одной из ныне раскопанных анийских гостиниц (рис. 42); камень задолго до раскопок был подобран вместе с другим материалом в Ани и увезен в Чалу, где его использовали в кладке дома, как лицевой камень внутри жилого помещения. Плита с князем верхом на коне использована была, как надгробный памятник одного из давно умерших сельчан, деда ныне здравствующего одного чальца. При посещении Ани Кестнером плиты в Ани не было; иначе мы безусловно имели бы ее рисунок. Была или нет она в Ани при путешественниках до 1850 г., ничего нельзя сказать, так как они не дают перечня даже наиболее выдающихся рельефов.

Рельеф принадлежит к древней княжеской эпохе, времени князей Камсараканов, и, если он происходит из городища, то, очевидно, из древнейшей его части, Вышгорода или первоначальной крепости, существовавшей при Камсараканах. Единственно же подходящая в крепости постройка, где он не только мог находиться, но и откуда чальцы без особенного труда могли извлечь его в начале XIX в., если не позднее, это — Дворцовая церковь, именно ее древнейшая часть из черных камней, быть может, повторно, относящихся к тому времени, когда постройка не была обращена еще в церковь. И когда в непосредственном соседстве с соответственной частью этой постройки мы находим пустую брешь, естественно, возникает вопрос о помещении в ней именно нашего рельефа. Но при всем том, предлагаемое мною решение является пока лишь в высшей степени гадательным.

Рельеф княжеского вьезда мы не могли определить временем позднее VII в. В нем сказывается вкус армянских феодалов, имевших еще пристрастие к чисто иранским работам. Это уже говорит нам о наступлении национализации христианского искусства в данной среде.

4. Датировка построения впервые церкви не может быть связана с определением времени происхождения рельефа жертвоприношения, относимого, в дошедшем до нас исполнении, к IX в., если верно наше наблюдение о реставрации, и если в скульптуре имеем лишь воспроизведение древней работы. К этому, следовательно, времени можно было бы отнести и всю ту работу, которой мы обязаны появлением верхней части церкви, начиная с капителей пиллястров.

Лашетки, лестки, виноградные листья с побегами и пальметки или акафы в это время продолжали еще господствовать в декоративной резьбе армянской церковной архитектуры, и присутствие их на нашей церкви вполне естественно, тем более, если возобновители задались мыслью, как это видно, восстановить древний вид церкви. Об этом стремлении достаточно красноречиво говорит то, что реставраторы воздержались от великого соблазна, искушавшего в Армении всех строителей с VII в.: снабдить церковь куполом. Недоумение может вызвать чрезмерная стилизация растительного орнамента, перерождение ростков в виноградной лозе в геометрический рисунок, но это встречаем уже на нижней части храма, древнейшей. А в этой части и другие детали могут вызвать недоуменные вопросы, прежде всего, появление внутри церкви рельефных изображений четырех пар живых существ, быков, орлов, львов или барсов и человека, и их оригинальное расположение на одной стороне. В самой резьбе, особенно в отделке орлов, отмечен архаический характер работы. Свободное размещение символических изображений, вне шаблона, само по себе не представляет необыкновенного явления.

Понари изображенные символы евангелистов, расположенные на правой стороне, можно бы использовать, как доказательство возникновения всех этих рельефов впервые — как христианских: справа, при входе в южную дверь, орел и телец, слева — лев и человек. Однако, этими четырьмя фигурами живых существ не исчерпывается звериная декорировка здания. В указанном издании дворцовой церкви мы говорили о фрагменте, части пиллястра из черного камня, следовательно, из материала первоначальной части Дворцовой церкви, на которой имеется рельеф льва, дошедший до нас с отбитой головой¹⁷⁹. Где бы мы ни нашли ему место, у западной ли двери, как я продолжаю думать, или в западных углах, до ремонта 1912 г. представлявших картину полного разрушения, очевидно, в соответствие с этим откопанным фрагментом, частью пиллястра со львом, имелась и другая декоративная деталь, часть другого пиллястра со львом или иным зверем. Следовательно, звериная орнаментация здания, присущая первоначальному его виду, не ограничивалась четырьмя символическими фигурами христианской церкви. Затем, слева от южной двери, действительно, изображены лев и человек, но справа не орел и телец, а пара орлов и быки, собственно, бычьи головы; кроме того, орел представлен парно не в тождественно повторном виде, а в роли хищника, различно расправляющегося с жертвой, — сюжет, отнюдь не подходящий для христианской символики и особенно для представления евангелиста Матфея. Орел с жертвой в когтях — обычная группа в декоративной резьбе армян, в частности, и арийских памятниках, даже XIII в. (рис. 43)¹⁸⁰.

Это такое же переживание геральдической символики феодальной и более древней, еще родовой Армении, как бычья голова с драконами, украшавшая ряд башен арийских городских стен. Для столь

древних эпох, когда подобные изображения орлов, львов и др., грушами или в однопочку, могли создаваться с определенно геральдическим значением, мы с трудом можем привести для свидетельства одно, другое литературное показание, как, напр., известное место историка Фауста о родовых знаках армянских князей с изображениями птиц¹⁸³. Ни тканей того времени, на которых те же мотивы могли быть использованы декоративно, ни иных вещественных памятников не сохранилось. В частности, бычья голова, появившаяся на первом от алтаря пилястре, могла служить знаком князей, носивших фамилию «Бычголовых», т. е. Камсаракавов (стр. 19). Конечно, приятно наших рельефов за евангельские символические изображения не могут безусловно преплетать своеобразные подробности отдельных фигур: они, действительно, могли быть разделаны по излюбленным сродным формам местного армянского искусства, обслуживавшего вкусы древних армянских феодалов. Что касается размещения евангельских символических изображений вне шаблона, оно могло бы свидетельствовать о древней творческой эпохе строительного искусства в христианской Армении, а некоторые новшества, так, в частности, стилизация, особенно выступающая в орнаментированных коймах, могли быть введены при воспроизведении древних оригиналов, как новые приемы декоративной резьбы, — предположение, допустимое, если признать, что и эти детали на нижних, первоначальных частях здания реставрированы. Но, при всем том, как писали мы в своем месте¹⁸⁹, трудно избежать вопроса, естественно рождающегося из истории строительства в Вышгороде и, при положительном ответе, способного дать реальную основу для истолкования особенностей занимающих нас рельефов: не имеем ли мы в пилястрах остатки древнего княжеского дворца, до-багратидского, развалины которого, в таком случае, были использованы строителем церкви для своей постройки? Когда был распланирован Багратидский дворец, относящийся к X-XI в., церковь паша, уже давно выстроенная, была включена в его пределы. Но древний Багратидский дворец не дошел до нас в первоначальном виде.

Церковь при Камсаракавах могла быть посвящена св. Саргису (Сергию), и, повидному, она именно церковь имени этого святого¹⁸⁸.

5. Мы готовы были бы питать надежду встретиться со следами местной, более родной для армянского тогдашнего главенствующего сословия, иранской культуры. Однако, в Ани пока не только не можем указать архитектурных сооружений сасанидской эпохи, когда в Армении господствовали Аршакиды, уступающие впоследствии, по уничтожении древнего армянского царства, аршакидского, свою власть феодальной знати, но там, в самом Ани, не было случая находки даже монеты аршакидской (парфянской или армянской) или сасанидской. Эти монеты, столь многочисленные в находках Айратской равнины, редко встречаются в окрестностях Ани и вообще в области Ширак (стр. 17-18).

Есть лишь одно сооружение в Ани (37), которое побуждает нас поставить вопрос, не обязано ли оно своим возникновением местному культу, связанному с оф-фициальной религией Персии в эпоху Сасанидов? Это — загадочное здание (рис. 44), откопанное в 1909 г. Впоследствии оно было обращено в церковь. Но первоначально оно состояло лишь из четырех толстых приземистых пилонов; если в нем недостает чего-либо, то только плоского перекрытия, на котором могли бы выставить умерших последователи религии магов или маздеяны. В таком случае мы имели бы в древнем загадочном здании о четырех пилонах, до обращения его в церковь, остаток дахмы. Дахма или наус могла существовать не только до возникновения христианства, параллельно с местным погребением народной языческой религии, но и позднее, параллельно с христианским культом. Здание могло служить и костехранилищем, «домом костей»¹⁸⁴, как астадан. В. В. Бартольд в статье «К вопросу об оссуариях Туркестанского края», замечает:¹⁸⁵ «Религия предписывает, после очищения костей от мяса, помещать кости в особые астаданы (костехранилища), где бы они были безопасны от «собаки, лисы, волка и дождевой воды» и в то же время доступны для лучей солнца; поэтому астаданы должны иметь отверстия для пропускания света»¹⁸⁶.

Поминальные сооружения, стелы на постаментах с лицевыми изображениями (рис. 45), относимые нами к этой эпохе, в Ани пока не найдены. Их совершенно вытеснили крестные камни, излюбленные памятники позднейших эпох.

ГЛАВА II.

1. В I археологическую кампанию в Ани, летом 1892 г.¹⁸⁷, раскопки, захватившие участки в восточной половине нового города, обнаружили, между прочим, армянскую фамильную халкедонитскую церковь (24), церковь Бахтагеки, XII или XIII в. (стр. 105).

Части церкви сохранились на месте с такою полнотою, что архитектору Тораманяну не стоило большого труда дать возможно точный проект реставрации (рис. 46). Разрез (рис. 47) открывает внутри лишь архитектурные линии; но, кроме того, церковь внутри вся была расписана фресками; они, снабженные армянскими надписями, покрывали стены, колонны, своды, простенки в барабане и купол, венчающий барабан. В росписи фреско яркими сочными красками была изложена вся история ветхого и нового завета (рис. 48—51), в ней же были введены изображения армянских патриархов, в том числе Григория просветителя.

Внутренней парадности не мало способствовал наличник алтарного возвышения с изящно высеченною горельефо армянскою надписью в раме растительных узоров (рис. 52). В самом алтаре с боку было углубление жертвенника с резным орнаментированным наличником.

Резная на камне орнаментация была обильнее снаружи. Армянские мастера были весьма слабы в изображении человеческой фигуры; отчасти, впрочем, виною тому была завещанная условность церковной живописи. Об этом свидетельствует и тимпан с рельефным изображением (рис. 53) денсуса (в середине Христос, с боков богоматерь и Иоанн креститель). Но изобретательность и вообще искусство армянских мастеров сказывались в узорах, геометрических и растительных, резной работы. В южной же стене вставлен был орнаментированный полукруг (рис. 54), солнечные часы. Переплет крестов (рис. 55) с шестигранными и восьмигранными фигурами служил рамою южного окна. Открыта была тут же полоса резного на камнях пояса (рис. 56): звериным сюжетам на растительном фоне предшествует царь, сидящий по-восточному. Но особенно обильно резная орнаментация украшала дуги и антресольты фальшивых арок, шедших вокруг всей церкви. В антресольтях на растительном и геометрическом фоне были размещены живые фигуры (рис. 57—62), и здесь преимущественно звериного стиля, символического значения.

Об общем впечатлении снаружи этой церковки изящной армянской архитектуры можно судить по проекту реставрации южного фасада.

2. Раскопки 1893 г.¹⁸⁸ обнаружили две церкви, одну — богоматери, возобновленную знатной женщиной, неизвестною княгинею Юромою (Հանի), другую церковь — так же богоматери, — принадлежавшую роду Хамбушенц, а также первые городские стены Ани, построенные царем Ашотом в 964 г. (стр. 23). Церковь Юромы (60), оказалось, была выстроена вновь в 1217 г. (рис. 63)¹⁸⁹ на перасчищенной площади, засыпанной после какой-то катастрофы. Она представляет, главным образом, интерес для истории постепенных наслоений разрушения над строительством и строительстве над разрушением. Развалины родовой церкви Хамбушенц (рис. 64), откопанные в древней части Ани, во внутреннем городе (102), дали материал для более правильного представления о подлинных анийских постройках, сравнительно простых, времени царей.

Обнаружение Ашотовых стен самый ценный результат раскопок 1893 г.; эти стены представляют интерес не только как материал гражданской архитектуры: обнаружение их делает вклад и в изучение прошлой жизни Ани, бросая совершенно новый свет на историю постепенного роста города и сразу уясняя основную демаркационную линию в его топографии. Придаточное значение имели вскрывшиеся при этом бедные анийские жилые помещения, пристроенные впоследствии к заброшенным развалинам стен (рис. 65—66)¹⁹⁰.

После построения Ашотовых стен Анийская крепость, уже Вышгород, делит судьбу города, сначала столицы Багратидов, затем средоточия армянской торговли и промышленности. Известно,

что Вышгород и в позднейшее время оставался неприступной крепостью. Часто враги брали город с 989 г. вновь укрепленный новыми стенами царем Сымбатом II, в два ряда со рвом (стр. 84—85). Часто брали внутренний город, особо укрепленный древними стенами Ашота III, но Вышгород, древняя крепость, оставался в руках хозяев.

3. Исключительный интерес представили раскопки 1904 г. Они поставили вопрос о жилищах бедного населения и, повидимому, об отсутствии у него права собственности; во всяком случае, даже ремесленники, торговцы и содержатели гостиниц не появляются в роли владельцев, а лишь наемателей¹⁰¹.

ГЛАВА III.

На выбор места для раскопок 1905 г. повлиял интерес к открытому архимандритом Хачиком храму св. Григория или Зоваргноц, бдших сил, в местности Арапар, близ Вагаршаната. Храм этот был обнаружен раскопками, начатыми в 1900 г. Он привлек к себе в ученом мире значительное внимание, хотя лишь мимолетное. Здание, прежде всего, должно было заинтересовать с точки зрения культурного вопроса об армянах-греко-филах VII в. Однако, в добытых раскопками материалах оказались дефекты, кое-что существенное оставалось неясным. Естественно было желать дополнить пробелы раскопками в Ани, где, как известно, Арапарский храм был воспроизведен армянским царем Гагиком I.

1. Монументальное здание Гагикова храма (рис. 67) в Ани, предлежащее в развалинах (15), извлеченное из-под земли, есть дар раскопок 1905 и 1906 гг.¹⁰² О построении в Ани царем Гагиком I великоленного храма св. Григория по плану церкви, сооруженной в VII в. близ Вагаршаната, сообщают армянские историки Асогий, Киракос, Мыхитар Айриванский и Самуил Анийский. Это один из редких случаев, когда армянские писатели сообщают сколько-нибудь точные данные об анийской постройке. Все названные авторы о постройке царя Гагика говорят в восторженных выражениях. В первые же приезды в Ани я обращал внимание на вероятное место нахождения храма, были даже намечены различные места, но не было данных, чтобы уверенно остановиться на чем-либо определенном. Неудачное отождествление постройки царя Гагика с сохранившейся маленькой фамильной рода Абу-гамренци перковью св. Григория (рис. 14) принадлежит Броссе¹⁰³; Линч¹⁰⁴, осматривавший Ани в 1894 г., впрочем, заметил, что все, кроме местоположения, над Цагконалзором (Цветниковое ущелье), говорит против такого отождествления. Раскопки архимандрита Хачика близ Вагаршаната дали материал для более верного определения места развалин Гагикова храма. Воспользовавшись им, Вруйр, посвящавший свои досуги снимкам анийских древностей, первый указал на тот холм над Цветниковым ущельем, где должны были находиться остатки храма, копии Пересовой постройки. Громадный холм (рис. 68) с остатками кладки в двух местах привлек мое внимание еще в 1892 г. и был намечен для ближайших раскопок. В 1894 г. тем же холмом заинтересовался Линч, который в свои заметки занес мнение старика-священника, будто это — место здания духовного синода¹⁰⁵. С востока место обращало на себя внимание сиротливо торчавшею кладкою, казалось бы, частью стены, на самом деле, как потом выяснилось, остатком одного из четырех дополнительных пилонов церкви, именно за-алтарного. Кладка вздымалась у ската высокого холма, на котором обыкновенно пасся скот. В этом-то месте и было приступлено к раскопкам в 1905 г. Они были dokonчены лишь в 1906 г. Добрую часть средств и времени я потратил на раскопки с юго-запада и запада холма. С запада выяснилась улица. С юго-запада были открыты бедные жилые дома. От них я перебросил все силы на возвышенность, как оказалось, с развалинами храма. Едва работавшие армяне и отчасти турки успели спуститься в раскопке холма до второго пласта, как была открыта капитель с завитком одной из колонн (рис. 69).

2. После раскопки самого возвышения до грунта, а снаружи храма до основания, что искусственный холм, в центре высотой 8,73 м., образовался постепенно, и на небольшую глубину мы имеем отложения трех различных культур, трех различных эпох кратковременной, но кипучей жизни Ани, начиная с первого года XI в. Сообразно с этим холм распадался на три пласта. Верхний пласт, глубиною от 25 до 85 см., представлял кладбище эпохи наиболее поздней и наименее культурной. Судя по ориентировке костяков, это кладбище христианского населения. В сотне откопанных еще в 1905 г. могил встретился лишь один случай погребения в деревянном гробу, да и то в гробу сколоченном. Хоронили умерших совершенно голыми. Кладбище принадлежало, по всей видимости, до крайности бедному населению. В погребенных мы имеем, несомненно, анийских армян времени полного упадка.

Средний пласт был различной высоты: у центра холма — около 6 м., к скатам холма высота постепенно уменьшается. В среднем пласте так же кладбище, или отдельные могилы иной эпохи, сравнительно более культурной. Деревянных гробов и здесь оказалось немного, но они были отделаны более тщательно и сколочены железными скрепами. Видна также более заботливая рука близких: умершие положены в аккуратно сложенные в форме гробов каменные плиты. Вне храма такие погребения наблюдались и значительно ниже, как можно видеть по четырехугольным зевам могил^{100а} в разрезе нетронутой еще в 1905 г. насыпной почвы у откопанной до грунта северной двери храма, как оказалось, впоследствии замурованной. Кроме того, местами в том же среднем пласте находили надгробные памятники в виде плоских плит или двускатных камней в форме колыбели. Один памятник на север от статуи строителя (стр. 59), в 9 м. от храма, хотя так же позднейший, был сравнительно сложной конструкции. Пьедестал его состоит из плит в три ступени. На пьедестале постамент, в который вдружен был крестный камень с замечательно красивыми узорами резьбы: под основанием креста орнаментованное подушарие с фигурами граната и винограда с боков (рис. 70). Открыты лишь части этого узорчатого креста с фрагментами армянской надписи. В этом же пласте открыты были развалины жилых помещений, остатки бедных домов.

3. К более древней анийской культуре относится то, что сохранилось в нижнем слое. Нижний пласт заключал уцелевшие на месте остатки храма и его обломки после первого его разрушения. Высота нижнего пласта достигала от 1,33 м. до 2-х м.^{100б} Раскопка здесь в 1905 г. была доведена до грунта не на всем протяжении исследуемого участка, а было захвачено лишь несколько более одной четверти его площади. Алтарное возвышение (рис. 71) храма тогда очевидно было лишь с края, главным образом, со стороны южной лестницы у юго-восточного пилона.

Выявлена была вполне южная колоннада (рис. 72). На рисунке капитель показана поставленной неправильно на нижнем цилиндрическом коленце колонны, представляющем лишь одну треть первоначальной высоты ее стержня; поставлена она была так во время раскопок, когда насыпная почва не была еще убрана (рис. 73). Величину и тяжесть отдельных коленцев стержня можно себе представить по рис. 74, где изображены рабочие, вдружающие коленце на базу. С юга же выявлена была еще тогда галерея, отделяющая внешнюю стену с пилестрами от крестообразной центральной части храма. Одинокая колонна с позднейшего непомерно обширную подставку мешала свободе движения по галерее. С юга же открыта была, все в том же 1905 г., до грунта южная дверь (рис. 75), единственно не замурованная, хотя и здесь вход почти загражден позднейшим пилоном, часть которого видна в пролете двери.

Раскопки обнаружили, что разрушение храма шло постепенно: в разное время принимались меры для укрепления здания, пострадавшего, по всей видимости, от землетрясения. Произведен был один капитальный ремонт, потребовавший значительных переделок внутри храма, вплоть до изменения его плана в характерных деталях. Когда оказалось, что храму все же угрожает неминуемая гибель, из него заблаговременно были вынесены все ценные вещи, облачения, книги, сосуды и почти вся церковная утварь.

Во время раскопок в нижнем слое отрывались обломки здания, иногда громадные, целые глыбы, свалившиеся при первой катастрофе. Некоторые части храма, так, особенно пилоны, продо-

жали еще долго стоять. К ним и прилепляли свои жилища анныцы, обособившиеся на засыпанной площади храма, в которой одновременно и позднее совершались погребения. В это время жители сдвигали с уцелевших стен и пилонов громадные лицевые камни и с круглых колонн снимали массивные цилиндры для различных надобностей.

Громадную разницу между храмом и позднейшими пристройками можно легко заметить на рис. 76. Слева виднеются остатки позднейших домишек, справа—южная часть храма, начиная с южной двери на запад. На древней кладке видны три ступени, идущие вокруг всего храма, на верхней из которых были утверждены основания парных полуколонн: эти полуколонки, в количестве 36, делили стены нижнего этажа снаружи на соответственное число, т. е. на 36 простенков, венчавшихся сверху, на линии выше окон, фальшивыми арками.

На общем виде открытых развалин храма с наиболее пострадавшей, северо-восточной, стороны, можно проследить ряд парных полуколонн, украшавших нижний этаж снаружи (рис. 77). С других сторон парные полуколонки сохранились значительно выше. Этот вид дает возможность заглянуть внутрь церкви и кое-что заметить в ней, как-то некоторые колонны и остатки пилонов, как первоначальных, юго-западного, северо-западного и северо-восточного, так и позднейших, именно западного, северного и, на переднем плане слева, восточного.

Три ступени вокруг храма сходят на две лишь в пролетах дверей, где третья ступень как бы прорезывается, например, в пролете южной двери (рис. 75). Но две нижние ступени, слишком высокие, чтобы они могли служить ступенями лестницы, остаются и здесь, и не удалось выяснить, как народ входил в церковь: следов какой-либо лестницы нет. Через южную дверь видны остатки первоначального пилона, юго-западного, до раскопок скрывавшегося под землей, и обвалившегося, позднейшего, южного пилона, из которого возвышается одна из обложенных им первоначальных колонн с капителью (рис. 73).

4. Внутри храма оказались позднейшие, грубой кладки стены. Ими были заложены пролеты между колоннами в полукруглых колоннадах, а также тесные проходы в галерее между северным, северо-восточным и восточным пилонами и соответственными ближайшими частями наружной стены. Можно было бы подумать, что одно время они поддерживали церковь, угрожавшую разрушением. Но в кладке этих стен, например, между северо-восточным пилоном и наружной стеною можно заметить (рис. 78) цилиндр колонны, заложённый поперек, а между северным пилоном и наружной стеною оказались цилиндр колонны вдоль и капитель. Храм, значит, был тогда уже разрушен, по крайней мере, отчасти. Кроме того, одна стена такой же кладки косою линиею шла от юго-западного пилона к северному концу алтарного возвышения, разгораживая центральную часть храма на две неравные половины (рис. 79). Против средней части этой позднейшей стены, у самого алтарного возвышения, была открыта часть многогранного барабана: этою находкою окончательно был решен вопрос о форме купола откопанной церкви. Вообще, открытые громадные глыбы, те или иные части верхних обвалившихся этажей оказали поистинному услугу при выяснении самых трудных переходов в вертикальной структуре храма. Таково, например, существенное значение откопанного у западной двери, с севера, громадного куска части скрытого хода (стр. 58) с началом его продольного, обгибающего храм, свода.

5. Выяснился в деталях и план храма, собственно два его плана. Один план храма (рис. 80), позднейший, после произведенного в нем капитального ремонта. План этот представляет круг в центре с диаметром внутренней окружности многогранного барабана, внутри круглого. Основанием барабана служил по обыкновению квадрат, выведенный на четырех арках, которые, в свою очередь, покоились на четырех высоких колоннах в пазах четырех пилонов. Средний круг—с диаметром окружности второго этажа храма. Капитальный ремонт его-то и коснулся, именно он коснулся арок, которые поддерживали стену второго этажа, и коснулся колонн, на которые опирались те арки, числом восемь, шедшие по линии среднего круга. Опорой восьми арок служили расположенные на той же линии центральные пары колонн четырех полукруглых колоннад и четыре колонны, стоявшие одиноко каждая против одного из четырех первоначальных пилонов. Однако, основание стены второго этажа не было

посажено непосредственно на восемь арок, переброшенных с каждой одинокой колонны на ближайшие центральные пары колонн. Стена второго этажа, видная и снаружи, служила продолжением вверх (рис. 81) высокой кладки, являвшейся внутренней стеною, именно кладки, отделявшей внутреннюю галерею от центральной части. Галерея, шириною всего в три метра, шла кругом по всему храму беспрерывно, обходя сзади и алтарное возвышение и расширяясь в сторону центральной крестообразной части углами у соединений полукруглых колоннад с пилонами, где, в углах верхней части, она, повидимому, выделяла из себя комнатки. Галерея занимала всю высоту нижнего этажа (рис. 82). Она делилась вдоль всей окружности на два отделения: верхний сводчатый ярус, скрытый ход с четырьмя угловыми комнатами, и нижний, так же сводчатый ход, открытый в сторону центральной части до высоты полукруглых колоннад с их арками. Верхний скрытый ход выходил окнами в две стороны, во внутрь храма — продолговатыми и наружу — круглыми. Продольный свод верхнего скрытого хода галереи соединил наружную стену первого этажа с тою внутреннею стеною, продолжением которой вверх служила единственная стена второго этажа, она же его наружная стена. Продольный свод нижнего полукруглого в сторону центральной части хода галереи соединил опять наружную стену нижнего этажа с тою же внутреннею стеною, которая, таким образом, поддерживала целиком наружную стену второго этажа и наполовину два идущие по окружности всего храма свода, свод верхнего скрытого хода галереи и свод нижнего хода галереи, обобщающегося с центральною частью через пролеты между колонн. Эта-то внутренняя стена с тройным давлением и покоилась на восьми широких арках, всю тяжесть которых принимали на себя центральные пары колонн полукруглых колоннад и одинокие колонны при пилонах.

Сейчас я обхожу молча, почему колонны не выдержали такой тяжести, и храм пошатнулся, дав трещины, судя по всему, наиболее угрожающе в юго-западной части. Произведен был капитальный ремонт: центральные пары колонн каждой из четырех колоннад были заложены во вновь сооруженные пилоны, четыре позднейших пилона, восточный, южный, западный и северный. Одна из восьми арок, поддерживающих чрезвычайную тяжесть, очевидно, та, где обнаружилась наиболее опасная трещина, была утолщена новым рядом кладки (рис. 83): так как этот шов надо было сделать на арке, перекинутой с центральной пары колонн западной колоннады на одинокую колонну у юго-западного пилон, пришлось соответственно утолщить накладною кладкою и эту одинокую колонну. Это — основные черты капитального ремонта, в зависимости от которого, как было обнаружено еще ранее, были замурованы западная и северная двери, так как вновь сооруженные пилоны очень стесняли, почти заграждали, путь в центр храма.

Сохранилась юго-западная одинокая колонна с остатком внизу накладной кладки, облежавшей весь ее стержень с капиталью после описанного ремонта. К тому же времени относится западный пилон (рис. 72), из обвалившейся кладки которого теперь выступает пара колонн, центральная пара западной колоннады.

Проект реставрации (рис. 84) наружного вида с запада, составленный архитектором Торамияном, в разрезе открывает вертикальную структуру (рис. 82) и западную колоннаду в двух ее валах, в первоначальном (рис. 81) и позднейшем по перестройке (рис. 83).

Конечно, план по существу все же не изменялся, но вид храма внутри, до ремонта, представлял больше ясности и простора (рис. 85). Центральная часть, равносторонний крест из полукруглых крыльев, ничем не затемнялась: каждое крыло ясно описывало полукруг шестью своими колоннами, пролетом между двумя центральными колоннами открывая и вид и ход вступавшим через двери прямо в середину храма.

Восточное крыло было сплошь занято алтарным возвышением, вторгавшимся в площадь центра; в алтарь поднимались из южного и северного крыла; с каждой стороны было по лестнице в пять ступеней. Лестницы эти прилегли к пилонам (рис. 71). Фасад алтарного возвышения с боков, как с севера, так и с юга, замыкался орнаментированною фальшивою аркою на фальшивых парных полуколонках, а сверху был увенчан орнаментированным карнизом; орнамент карниза — плетение, как и на карнизах первого и второго этажа храма, но рисунок мельче. Алтарное возвышение было защищено

оградою в два, три ряда кладки, возведенною на самом алтарном помосте на полукруге восточного крыла. На этой-то высоте, на ограде алтарного возвышения, и были размещены шесть колонн восточного полукруга (рис. 82).

Первоначальная высота стержня колонны известна по сохранившейся *in situ* у северо-западного пилона колонние (рис. 86). На пилоневерху сохранилось начало арки, соединявшей его со стоящею тут же слева колонною. Другой конец арки колонна эта поддерживала капителью. Капители колонн в полукругах все, в общем, одного образца, хотя в частности ни одна не тождественна с другою, каждая имеет какое-либо отличие в орнаментах (рис. 69, 78, 87). Арки были переброшены не только с пилона на капитель ближайшей колонны, но и с капители на капитель по всем колоннам полукруглых колоннад. Капителей открыто достаточно, как и цилиндров колонн; во множестве найдены и паруса. Паруса находились в углах сводов галерей, образуемых у соединенной колоннад с пилонами. Особую, оригинальную форму без каких бы то ни было орнаментов представляли капители одиноких колонн (рис. 78).

6. Орнаментация в храме была допущена более обильно снаружи. Преимущественно старание было приложено к орнаментовке дверей, фронтоны, да и вообще обрамления которых отличались колоссальностью сравнительно с пролетами, черезчур узкими и низкими. Орнаментованные части фронтона западной двери были откопаны в 1905 г.: громадный камень с акафами и куски так же громадного камня с узорами местного рисунка, тонкой, почти кружевной работы. Особенно красивы, откопанные так же в 1905 г., орнаменты южной двери, которые, к сожалению, оказались расхищенными; удалось собрать лишь несколько образчиков. Найдены и части орнаментов, украшавших фронтон северной двери. Акафы входили и в состав орнаментов боковых дверей, но они были более мелки и более тонко сработаны.

О многочисленных орнаментах, украшавших храм снаружи, можно составить представление по ряду находок. Среди них мы имеем орнамент пояса, шедшего по нижнему этажу вокруг всего храма по линии выше фальшивых арок, орнамент другого пояса, который опоясывал барабан, орнаменты наличников окон, фальшивых арок и т. п. Орнаменты фальшивых арок второго этажа имели ту особенность, что у каждой арки был свой рисунок. Нужно обратить внимание на узор одного из двух карнизов, именно плетения с полурозеткою (рис. 88).

Особо следует отметить орнамент фальшивых арок, венчавших парные полуколонки нижнего этажа снаружи. Рисунок представляет гирлянду стилизованных виноградных листьев, завершавшуюся в архивольтях стрелю (рис. 89). Орнамент этот шел вокруг всего храма, повторяясь по всем 32 фальшивым аркам.

Обращают на себя особое внимание размеры лицевых камней из кладки Гагикова храма, на что, не без основания, с таким удивлением указывает и историк Степан Таронский в своем описании этой церкви¹⁹⁷, называя камни крупновысеченными, скалообразными и т. п.

В храме Гагика, как мне казалось раньше, мы должны были видеть вклад Византии, внесенный в VIII в. в армянскую культуру католикосом Нерсесом III. На самом деле, это вклад чисто местного культурного Sturm и Drang'a VII в., внесенный в церковное зодчество страны армянским халкедонитским движением, во главе которого стоял Нерсес III.

7. Лучшим, конечно, не по форме или работе, а по значению украшением храма, опять-таки снаружи, была статуя строителя церкви, царя Гагика I (рис. 90).

Этот ценный дар раскопок был неожиданностью, так как никто не предполагал, что у армян в древности развивалась настоящая скульптура самостоятельно, вне нужд орнаментации. Более того, историки христианского искусства отрицали существование скульптурных произведений вообще в восточной церкви после VIII в. Они даже знали причины исчезновения скульптуры: во-первых, иконоборчество и, во-вторых, ислам. И вот всплывает статуя в Армении, где особенно преуспевало иконоборчество и где вдвойне сильно было влияние ислама. Не надо особенной догадливости, чтобы, посмотрев подлинник, видеть, что это не первый опыт созданного ее мастера, что, несмотря на ее несовершенство, на ней лежит печать определенной традиционной школы. Статуя эта помещалась

высоко в северной стене храма, держа в руках модель церкви. К сожалению, от модели найдены лишь части нижнего этажа (стр. 119—120). Статуя с моделью церкви в руках была оторвана в кусках: восстановление оторванных кусков артистически было выполнено художником Полторацким. Он же дал точную копию статуи в красках с моделью церкви в руках, причем реставрировал лишь верх модели (рис. 91).

Статуя Гагика высечена из розоватого камня крупных размеров: высота 2,26 м. Она выкрашена: платье и лицо красного цвета, борода и усы черные, чалма белая с красною полосой над лбом; оригинальные выпуски у рукавов также белого цвета.

8. Неожиданное появление статуи Гагика I побудило заняться скульптурным делом у древних армян. Я отстранил пока работы с голою орнаментацией, с резьбою растительных или геометрических узоров, столь излюбленных на армянских крестных камнях, как, напр., на надгробном памятнике в Мрене, уделив внимание лишь памятникам с лицевыми изображениями. Гробницы со стелами или крестными камнями и в этом отношении дали наиболее обильный материал, а затем уже церкви и их притворы. Напр., в притворе монастыря в Оромосе в числе барельефов купода находится ряды первых армянских патриархов. В скульптурной группе Мренского собора мы имеем уже сцену с светскими лицами, причем на князе, выступающем перед конем, головной убор чалмообразный¹⁹⁸. Вообще, сгруппировались факты в пользу той догадки, что в Армении на церкви и их притворы некоторые изображения, особенно геральдические, переходили с княжеских дворцов по феодализации армянской церкви. Любовь к геральдическим изображениям сказывается ясно на единственно сохранившейся светской постройке, на городских стенах Ани, где, между прочим, в одной башне находим бычью голову посреди драконов с раскрытою пастью. Нашлись по вопросу любопытные показания, правда, редкие, и в древнеармянской литературе. Но всю эту часть опускаю.

9. Опускаю также сведения как реальные, так и книжные о материалах, еще ближе стоящих к статуе Гагика I, именно ктиторских группах в армянских и грузинских церквях в фресковых и скульптурных, обыкновенно барельефных, изображениях. Надо, впрочем, упомянуть, что в монастырях Санашине и Агабате сохранились скульптурные изображения, почти статуи царей-строителей (рис. 92). В обоих случаях имеется и изображение, правда сравнительно жалкое, армянского царя Сымбата¹⁹⁹, предшественника Гагика. Для нас интересно то, что костюм Сымбата почти тождествен с костюмом Гагика. На Сымбате головной убор такой же по роду, как и на Гагике.

Головной убор, украшающий статую Гагика, несомненно чалма, и чалма мусульманская. Ее носили не только предшественники Гагика, судя по костюму царя Сымбата в Агабатском барельефе, но, повидимому, и Рубениды, государи кликийского армянского царства, которые притязали на происхождение от анийских Багратидов. В Мадриде в серии испанских царей, судя по сообщению Басмаджяна, имеется портрет армянского венценосца Леона VI (ум. 1393 в Париже), с чалмою на голове, портрет того времени, когда этот последний армянский царь Киликии поселился в столице Испании, освободившись из плена²⁰⁰.

10. Нам известно, что, судя по Страбону, чалму (*χιτάνη*) носили еще мидяне, от которых ее переняли персы вместе с прочим костюмом и с которыми много имели общего в нравах, по словам того же географа, армяне²⁰¹. Но, чтобы признать головной убор Гагика Багратида за мидийский, нужно доказать наличие в Багратидском роде мидийских традиций. Пока это мне представляется безнадежным предприятием.

11. Конечно, чалма могла перейти к армянам от персов. Та же ли мидийская или иная, чалма была в ходу, по некоторым византийским данным, и в сасанидской Персии. Ввиду тесной связи древней аршакидской Армении с сасанидской Персией, ввиду бесспорного наличия многих переживаний того времени и в багратидской Армении, мог бы быть поставлен вопрос, не есть ли головной убор Гагика, чалма, наследие сасанидской эпохи. Действительно, последние аршакидские цари Армении короны получали из Персии. Армянский историк Фауст Византийский пишет: «персидский царь (Шапур) поручил Сурену, знатному персидскому князю, повести (армянскому царю Папу) корону и облачение и царский наряд «вар» для государыни Зарманухты, да еще короны для обоих детей их, отроков Аршака и Валаршака»²⁰².

Но о коронах армянских аршакидских царей мы имеем некоторое представление, с одной стороны, по монетам; ничего похожего на головной убор Гагика мы здесь не находим. В арийских фресках мы встречаем нераз изображение Аршакида, царя Тирдата, в короне, так, напр., в сцене, где приводят Григория просветителя, еще молодого, на суд. Но пока мы не знаем, насколько здесь армянский царь Тирдат одет согласно с реальными традициями, а не по условной схеме фресковой живописи. Нельзя впрочем не указать на то, что в другой сцене той же стеной росписи, во встрече, устроенной св. Григорию царем Тирдатом в сопровождении народа, из стоящих за Тирдатом женских фигур одна, именно царица Апхэна, в короне (другая — сестра Тирдата, Хосровидухта — покрыта платком), и действительно, армянские царицы носили короны. Это известно из армянских литературных свидетельств²⁰³.

Царская корона аршакидской эпохи, судя по немногим обмолвкам в армянских литературных источниках, была сложной конструкции. В состав короны, как часть ее, входила повязка для волос или повязка для головы с особым термином «таргманак»: она скреплялась сзади особыми застежками, которые сами по себе представляли высокую самостоятельную ценность²⁰⁴. В связи с этим находилось существование на армянском языке двух терминов для обозначения венчания царя: *Բազ զինել* *возлагать корону* и *Բազ զազել* *завязывать корону*²⁰⁵. Можно бы подумать, что при Аршакидах в Армении царская корона была двух видов, на самом деле одна и та же корона сначала возлагалась на голову и затем в известной своей части завязывалась. Венчание главы армянских Аршакидов короною составляло привилегию главы багратидских князей, которые потому титуловались безразлично царскими венецвозлагателями (*Բազադիր*)²⁰⁶ или венецзавязателями (*Բազազիւն*)²⁰⁷. Для хранения ценных царских корон во дворце отводилось особое помещение, которое Хоренский называет *сокроуицицею*²⁰⁸, а более близкий к древней реальности Фауст — *домом облачений* или *домом корон*²⁰⁹.

По одному преданию, корона армянских Аршакидов называлась Хосровею, т. е. к ней, следовательно, прилагался персидский эпитет «хосров» (خسرو) или «хосревани» (خسروانی), что значит *славный, могущественный, царственный*, хорошо известный эпитет короны и у Фирдоусия в Шахнаме²¹⁰. Армянская аршакидская корона была единственная в своем роде: подобной ей, рассказывается, не имели другие царя²¹¹.

У армянских историков XII-XIII вв. всплывают различные легенды, основанные на том факте, что Багратиды являлись хранителями аршакидской короны.

Историк Вардан рассказывает²¹²: «В 325 г. армянского летосчисления от императора Василия прибыл евнух Никита со многими подарками просить у Ашота корону, так как какой-то Ваһан, епископ Тарона, сообщил императору, что он Аршакид, ибо мать его была армянка, и, казалось, исполняется видение католикоса св. Саһака — „воссядет царь Аршакид и будет венчан Багратидом“... Эту просьбу Ашот исполняет», т. е. армянский великий князь Ашот Багратид, до провозглашения его царем, посылает корону византийскому императору Василию I.

И по другому армянскому историку, Кириаку (Киракосу), Багратиды, эти носители священного права венчания аршакидских царей, владели самую вещественною короною Аршакидов. Она впоследствии попадала к грузинским Багратидам, которые в XIII в., при преемнице царицы Русуданы, царе Давиде IV, вынуждены были отослать ее к монгольскому хану²¹³.

Из сообщения Кириака выходит так, что грузинским царям аршакидское наследие досталось как-то случайно. К армянским Багратидам могла перейти аршакидская корона не только потому, что они по наследству являлись хранителями ее, царскими венецвозлагателями, но и по родству с Аршакидами²¹⁴. Грузинские же Багратиды, естественно, наследовали родовые права и инсигнии армянских Багратидов. Любопытно отметить, что грузинские Багратиды сохраняли звание венецвозлагателя в армянской его форме — «тагадир», resp. «тагдир»: из Багратидского рода с этим наследственным армянским титулом и выделилась, по всей вероятности, у грузин княжеская фамилия Тагдирдзе²¹⁵. Та-ли самая, именно унаследованная от Аршакидов, или иная, у армянских Багратидов была действительно и настоящая царская корона, независимо от чалмы, одновременно с нею. Описывая блестящий вид багратидских царей на выездах в городе Ани, Аристаке, историк XI в., сообщает, что,

сверкая блестящими одеждами и короною, часто усаженною жемчугом, они привлекали взоры и приводили народ в изумление²¹⁶. Еще раньше эмир Юсуф в числе различных подарков царю Сымбат-хану прислал «корону из оферского золота, в которую были всажены и вправлены повязка для волос, пропиз жемчужин, чеканные орнаменты (*თყვიყვიჩი ნიღბი*) и иные драгоценные камни, а также прислал много славных одежд, царских облачений и соболью накидку²¹⁷ с чудными рисунками»²¹⁸. Современник события, католикос Иоани при этом прибавляет, что эмир Юсуф и ему прислал одежды приносивательно к формам армянского католикосского облачения. Посылая подарки армянскому царю Сымбату в противовес халифским пожалованиям, Юсуф корону отдала, по всей видимости, так же приносивательно к ее местной традиционной армянской форме. Судя по двустипию Григория Магистра в его похвальном слове кресту, армянская корона венчалась крестом²¹⁹. Если она и не представляла материально действительного наследия аршакидской эпохи, по форме багратидская корона напоминала или имела претензию напоминать аршакидскую. Таким образом, эта царская корона Багратидов являлась эмблемою наследственного от Аршакидов происхождения царской власти Багратидов, выражением того, что арийские Багратиды в Армении возрождали аршакидское царство, как неоднократно говорят об этом историки.

Но откуда и почему в таком случае головной убор, оказавшийся на открытой прошлым летом статуе царя Гагика I?

12. По общей фигуре, не по посадке, и конечно, не в деталях, к головному убору Гагика приближается чалма на одном святом во фресках Протата на Афоне, которую Н. П. Кондаков называет «головным покрывалом»²²⁰. Признание чалмы в этом уборе, независимо от его формы, подкачивается и определением личности самого святого. Глубокий знаток византийского искусства пишет: «В позднейшей иконографической (пожалуй, даже афонской, если можно так выразиться) манере представлен св. Антоний, повидимому — не Антоний великий, и без приписи этого эпитета....., но преподобный инок этого имени. Не знал точно этого последнего обстоятельства, можно сказать только, что головное покрывало этого святого, обычное для изображений сирийцев: Иоанна Дамаскина и др., быть может, указывает на Антония преп. Египетского или великого». Но едва-ли есть надобность передвигать Антония протатских фресок в эпоху великих египетских подвижников. Существует св. Антоний, почти современник Иоанна Дамаскина, и на этом позднем Антонии, как и на столпе восточного халкедонитского православия, одинаково происходивших из арабского города Дамаска, естественно, головным убором должна была быть чалма. Сведения о нашем Антонии сохранено его грузинским житием²²¹. Уроженец Дамаска, в мусульманстве он носил имя Равах; Антонием его нарекли при крещении. Впоследствии он был замучен, и потому-то, по всей вероятности, на груди его изображения в Протате крест, «резной деревянный крестик позднейшего типа».

Однако, действительно, есть целый ряд показаний в пользу того, что палестинские жители, не одни арабы, представлялись христианам с чалмою или тюрбаном в качестве головного убора.

В Афонских миниатюрах, именно в Ватопедской греческой псалтыри № 752 тюрбан находим на женской фигуре в платье Мариамы: интересен вообще и костюм ее с непомерно расширяющимися руками, в восточном происхождении которого не может быть сомнения²²². В «Менологии Василия — 1) у палача, казнившего, в Палестине, св. Ваха (ч. II, стр. 38), голова окутана платком, на манер тюрбана»²²³. 2) «У святых, убитых, на Синае, африканским народом блемитов, повидимому (ч. II, стр. 103-4), на голове — нечто вроде чалмы»²²⁴.

Чалма в качестве палестинского головного убора, повидимому, известна была и в армянских фресках. В армянской *Ермении* имеется роспись чуда в Канне Галилейской²²⁵: за трапезою слева от Христа помещена фигура, быть может, жениха с головным покрывалом, повидимому чалмою, из сложных складок которой в середине грубою высовывается цилиндрическая шапка.

В *Сказании о построении первой церкви в городе Лидде*, сохранившемся на грузинском языке, про Иосифа Аримафейского сообщается, что голова его была покрыта «чалмою», буквально «тем, что обворачивают вокруг головы»²²⁶. Сказание это, дошедшее до нас в списках X в., повидимому, переведено с арабского, да и в оригинале оно не могло быть древнее VIII-IX в.

черные, голубые, серые и темного цвета (light brown) чалмы и вообще неяркоцветные (dull-colored) платья²⁰⁵. Но это явление позднейшее, так, по крайней мере, в Египте коптские христиане были вынуждены носить голубую чалму указом 1301 г.²⁰⁶

В Египте слуги носят особого вида чалму, с рядом складок спиралями, как нити на катушке²⁰⁷.

Но глава свободной части Армении, с титулом «шаханшах», т. е. царь царей, чем был Гагик I, чалму мог носить, конечно, не на том положении презренных подданных, которое христиане юридически занимали в арабском халифате, ни тем менее на положении рабов. Еще в используемой здесь работе я указывал²⁰⁸, что халифский эмир союзному армянскому царю Ашоту, сыну Шапуха, в виде «шаханшаха» преподнес тот именно аршакидский титул, на что сами Багратиды имели претензии, — как известно, Багратиды и считали себя продолжателями Аршакидов и, культивируя политические традиции этой иранской, равно древнеармянской, династии, обычно титуловались шаханшахами. В этом отношении показательно, что когда другой Ашот, Ашот Железный, уже вопреки расчетам эмира и с помощью византийцев провозгласил себя «царем-царей» Армении, он воспользовался тем же иранским титулом «шаханшах». Этот титул оставался затем неизменно в титулатуре Багратидов, до падения ширакского царства. Естественно, что и внешний облик, костюм, арийских царей сохранялся в самой жизни восточный характер, слагавшийся, как многое другое в Армении, из местных черт, в том числе переживаний национальной аршакидской эпохи, и нововведений мусульманского периода. К последним относится, между прочим, как мне кажется, и чалма, как показательница овященного халифского властью суверенитета арийских царей.

В чалме царя Гагика мы получаем вещественное доказательство, реально-историческое указание на происхождение армянского багратидского царства, именно на то, что в противовес византийским начальным опорам позднее расцветшего грузинского царства²⁰⁹, арийское багратидское государство почу для своего возникновения обрело в культурно-общественных и политических условиях, вызванных к жизни в Передней Азии развитием халифата и брожением национальной мысли, возрождением коренных народностей в пределах мусульманского мира. Чалму, быть может, и следует понимать под теми коронами, которыми арабские халифы венчали арийских Багратидов через эмиров Афшина и Юсуфа или непосредственно²⁴⁰. Провозгласив себя «шаханшахом», уже без ведома халифской власти, арийские цари, как теперь видим из их изображений, не слагали с себя этого уже овященного местной традицией insignia, но, вероятно, придали ему, чалме-короне, более пышный вид, прежде всего, соответственно новому высокому положению, а затем в зависимости от личных вкусов: чалма на открытой статуе Гагика заметно отличается от чалмы его предшественника, царя Сымбата.

В этот раз я не касаюсь еще других деталей статуи, которые с вероятным кое в чем воздействием Византии, напр., в ношении наперенного креста на цепи²⁴¹, дают возможность еще более подтвердить мусульманское влияние в костюме и подчеркнуть некоторые черты, восходящие к аршакидским традициям, отмечая попутно в самой работе переживание приемов сирийской скульптуры, вавилейской на армян еще в сасанидскую эпоху.

16. Около статуи, на северной стене храма, приблизительно на высоте 10-11 м., находилась армянская надпись (рис. 93) крупными, красивыми буквами; удалось откопать лишь часть надписи в фрагментах, всего 131 кусок.

Из той части, которую удалось сложить в нечто цельное, последние три строки гласили:

Հրամայեալ Գագիկ շահանշահի որդի Աշոտոյ ճայոյ արքայից արքայի վկայութեամբ այ և ա[կր] Սարգիս, т. е. «по повелению Гагика шаханшаха, сына Ашота, царя царей армян. Свидетельством бога и владыка (католикос) Саргис» и т. д.

Состояние надписи иллюстрирует не только то, как бывают разбиты и изуродованы разрушением здания надписи и сколько средств и труда приходится исследователю и эпиграфисту тратить на откапывание, соби́рание и восстановление драгоценнейших документов культурной жизни, но и то, как разбита и изуродована разрушительными силами истории действительность древней Армении.

17. Чрезвычайно ценна была находка люстры (рис. 94), несмотря на ее изуродованность. Люстра относится к типу люстр-корон. Венец, круг в диаметре 68,9 см., представляет медный орнаментированный

полз высотой 13,28 см.; по полюсу вырезаны, в 12 кругах, ажурно фигуры по-очередно то с раскрытыми крыльями, то чудовищного, как будто крылатого зверя, определить которого не удалось. К этому ряду прикреплены держалки для шкаликов, в два ряда один над другим. Верхний ряд, в 30 штук, припаян был к верхнему краю венца. Нижний ряд держалок, всего восемь, припаян был к нижнему краю венца. Держалка представляет плоский металлический кружок с короткою ручкою, также металлическою. В кружке отверстие, в которое вставлялся стеклянный шкалик с шариком на длинном заостренном конце. В нижнем ряду с простыми держалками чередовались плоские фигуры голубей, вырезанные из листового меди, числом восемь. Голуби летят вокруг короны, горизонтально раскрыв крылья. В обоих крыльях и хвосте каждого голубя по одному круглому отверстию для трех шкаликов; кроме того, каждый голубь в клюве держал проволоку с тройною цепочкою, т. е. из трех проволок, каждая в два колена; на тройной цепочке тремя ушками висела стеклянная плосконогая лампадка. Таким образом, каждый голубь нес четыре светильника. Венец со всеми медными держалками и голубями, со всеми стеклянными шкаликами и лампадками подхвачен был шестью обручами, которые сходились вверху у кольца. Этим кольцом люстра висела на железной цепи длиною не менее 19,20 м. в 192 звена²⁴². На обручах кое-где оказались одинокие держалки шкаликов. С вершины, с места соединения обручей, внутри люстры спускался прямой металлический стержень из листового меди с двумя парами держалок для шкаликов. К этому стержню подвешена была миниатюрная люстра, собственно плоский круг на четырех обручах, с миниатюрными держалками для миниатюрных шкаликов. Прямой стержень спускался ниже, и внизу к нему на чисто сработанной цепочке подвешена была металлическая ажурная корзиночка весьма тонкой работы. В корзиночке помещалась большая стеклянная лампада. Нашлись еще миниатюрные голуби-держалки описанной формы, которым место, вероятно, в ажурной корзиночке. Лампадки и шкалики были разноцветны, белые, желтые, изумрудного цвета и т. п. Различались они и по величине. Очевидно, дело было рассчитано так, чтобы при горении на известной высоте одни ярко светили, другие мерцали. Всего было на люстре свыше 114 шкаликов и лампадок. На основании всего материала худ. Полторацкий дал копию в красках с реставрацією разбитых или отбитых частей.

18. Раскопки Гагикова храма обнаружили, что, после разрушения храма, вокруг него свободная площадь была использована для частных домов, пристроенных отчасти к самому храму, в которых жили, судя по находкам, как мусульмане, так и христиане, как турки или персы, так и армяне. Эти жилые помещения строились во всех отношениях варварски. Плана сколько-нибудь типичного у этих домов нет; расположение комнат случайное; даже их формы случайны; иногда комнаты почти треугольные, всегда без симметрии; кладка в большинстве случаев нерышловая; камни грубо тесаны, если не похищены из древних развалин. При всем том, эти жалкие пристройки все же остатки XIII-XIV вв., быть может, и древнее. Строившие эти домишки не падали ни развалин храма, ни развалин соседних построек, откуда привнесены тесаные лицевые камни, а иногда и орнаменты, заложенные в кладку или использованные в качестве перекладины. С таким же варварским равнодушием относилась новая строительная к памятникам на площади храма: что могли, так, напр., даже орнаментованные части надгробных памятников, они разбивали и сносили, а пьедесталы уродовали; если же не в силах были справиться, памятники оставляли, чтобы на той или иной стороне вывести жалкие стены своих жалких домишек.

Площадь вокруг храма была раскопана с каждой стороны на расстоянии десяти метров и более от внешней стены храма. На юго-востоке раскопки обнаружили кое-какие архитектурные детали и узорчатые крестные камни, задев основание холма неизвестного «горемыки Григория» (16). Под этим холмом скрываются, судя по всему, развалины церкви-усыпальницы.

На свободной части площади, к юго-востоку от храма, находился большой надгробный памятник, древний: от него сохранился лишь пьедестал (рис. 95) в две ступени, и на нем изуродованный постамент с мулорами; постамент служил, неизвестно, для вклада стелы или крестного камня²⁴³; оставшиеся на месте нижние части памятника были использованы в кладке одной из позднейших пристроек.

С востока к стене храма примыкает, образуя угол, стена: это часть продолговатой, четырехугольной часовни, которая была приделана к храму и сообщалась с заалтарным отделением его галерей (рис. 96). Судя по плану раскопанного архим. Хачиком близ Эчмиадзина храма этого же типа, четырехугольная пристройка с востока должна быть современной построению храма; однако, тщательное наблюдение убеждает нас в том, что в Ани восточная часовня пригнана к законченному уже постройкой храму. У часовни всего две ступени.

В площадь, на которой возвышался круглый храм Гагика, с юго-запада врезывалось монументальное здание (17).

На основании откопанных пока материалов выясняется, что это здание перестроено в XII-XIII в. Замечателен по богатству рисунков его фасад с мозаикой узорчатых резных красных звезд и черных ромбов (рис. 97, 98), представленный здесь в реставрации архитектора Тораманяна (рис. 99). Нарядный фасад свидетельствует о высокой степени развития декоративных приемов гражданской архитектуры в Ани, именно в это время, т. е. в XII-XIII в. К этому же времени относится притвор церкви Апостолов (рис. 100, 101) с ковром резной работы, спущенным со стены снаружи; moreover, эта церковь еще более замечательна внутри — потолком, орнаментированным мозаично разноцветными и разнофигурными камнями. В фасаде рассматриваемого монументального здания свыше сорока трех рисунков. Одна из узорчатых звезд этой резной мозаики с армянскою надписью *Սարգիս* «Саргис» (рис. 102) — с именем художника-архитектора, едва ли хозяина. Здание, быть может, служило резиденцией анийского архиепископа Саргиса I (1209-1211) или Саргиса II (1245-1276).

Г Л А В А IV.

1. Шестая и седьмая кампании, ведшиеся в 1907 и 1908 гг., были посвящены Вышгороду с царским дворцом. Вышгород лишь реально передает обычное ныне у армян название этой части — Миджаберд (*Միջաբերդ*), что собственно значит «крепость внутренняя» (букв. «крепость середины»).

Дворец (109), как выяснилось впоследствии, занимал лишь часть площади Вышгорода, именно возвышенную часть. Здесь и находилась описанная древнейшая церковь Ани, входя в состав самого дворца (стр. 49 сл.).

Ниже, по зеленым склонам Вышгорода, находились нетронутые раскопками развалины шести церквей. Ни одна из них не повторяет плана другой (рис. 103).

За означенные 1907 и 1908 гг. раскопки вскрыли, в значительной степени, склоны в сторону города. Они выяснили, что, помимо парных внешних стен города, постройки царя Сымбата, помимо другой, откопанной в 1893 г., внутренней стены, постройки царя Ашота, отделявшей древнейшую часть города от позднейшей, тянулась еще линия стен с башнями и укреплениями, с воротами на западном конце, защищавшая Вышгород на севере со стороны города (стр. 49). Но Вышгород, первоначально крепость Ани, защищался не одною искусственною стеною, а и природою. Кругом глубокие ущелья Ахурына и речки Анийской²⁴⁴ с отвесными скалами, да кроме того, дворец сам помещался на возвышенности. Это природное положение в древности затрудняло доступ во дворец воинственному врагу. Оно же затрудняет теперь доступ мирному археологу.

К раскопкам было приступлено одновременно с двух сторон, с востока и запада, в средней части возвышения, которое венчает, точно корона, всю площадь Вышгорода. Для удаления откапываемой земли пришлось соорудить желоба, один со стороны города, а другой — со стороны реки Ахурына, над самым его устьем (рис. 104).

2. До раскопок от дворца на самом верху Вышгорода виднелся еще кусок стены чистой кладки, изящной работы (рис. 105), но о нем нельзя было тогда с уверенностью сказать, часть чего, стены крепости или дворца, он составлял. После раскопок выяснилось, что видный кусок — единственная

сохранившаяся часть верхних, парадных покоев дворца. Нижний этаж представлял собою целый ряд комнат — служб или подвальных помещений (рис. 106). В некоторых комнатах оказались глубокие колоды-кладовые, о которых говорит один из армянских историков. В них берегли сокровища.

От древнего дворца сохранились жалкие остатки, так как его неоднократно разрушали и перестраивали, наконец, до основания разрушили и сожгли враги, и потом еще расхищали и друг и недруг. Откопанные нами жалкие обломки свидетельствуют о факте разрушительного действия пожара. Отрывались громадные обуглившиеся бревна, некогда балки потолка или колонны зала. В Арийском музее сохранилась часть одного из таких бревен не в обхват.

С востока на запад дворец перебивался узким корридором в 59 м. длиною (рис. 107). Корридор делил дворец на две половины, южную и северную. В состав южной половины входила церковь, дворцовая (109 а), развалины которой, как было сказано, хорошо виднелись и до раскопок. Южная половина раскопками затронута лишь отчасти. Площадь северной половины дворца раскопана была еще в 1907 г., в кампанию же 1908 г., по очищении от громадных куч камней, приступлено было к раскопкам скатов в сторону города, где предполагалось откопать архитектурные обломки вторых этажей, именно дворцовых зал.

По окончании кампании 1907 г. раскопки оказались доведенными едва ли до половины, но уже тогда выяснился план дворца, точнее, жалких его остатков.

Главный вход в корридор, деливший дворец на две половины, оказался с запада. Сначала здесь были открыты изображения, плоские и примитивные, каких-то животных с вздернутыми хвостами (рис. 108). Они, выстроенные в ряд, могли украшать верх ворот. Вскоре были открыты pedestals или базы двух колонн, обрамлявших входные ворота. Сначала казалось странным, что до баз колонн докопались, но грунт еще не давался: он был значительно ниже, так что базы колонн странным образом оставались в высоте. По продолжении раскопок в следующую кампанию вход оказался прямо над отвесною скалою.

Когда корридор был откопан на всем протяжении, выяснилось, что стены, обрамлявшие корридор, возведены на черной скале, и в самой скале вдоль корридора, ниже его пола, был прорыт более узкий ход с выступами (рис. 109). Выдолбленный в скале более узкий ход крыт был настилом, повидимому, деревянным: деревянные части или были разобраны, или истлели; на высоте этого настила или пола и оказались базы колонн дворцовых ворот. Таким образом, в корридор могли войти с запада двумя путями: явным ходом через ворота, открывавшиеся, очевидно, в безопасное время, и крытым ходом, потайным, откуда в верхний ход поднимались по ступеням, высеченным в скале слева у двери, пролет которой впоследствии был заложен.

Конец корридора с востока, значительно более узкий, кривой, представлял своего рода черный ход со двора. У начала узкого хода с юга корридор пересекала поперек шахматная стена, сложенная из разноцветных плит диагоналями.

3. В южную половину дворца вел всего один ход, чрезвычайно узкий, кривой корридорчик, выходящий в просторный зал (109 г) с каменным полом. В полу местами оказались маленькие воедмоы или бассейны. С южной стороны в зале была глубокая ниша, неизвестного назначения, с одной колонною. С западной стороны примыкала небольшая комната, открытая в сторону зала и с полом, более высоким, точно сцена (рис. 110). Здесь же были откопаны доски с прекрасною росписью красками; рисунки — растительные (цветы, листья) и геометрические. Расписные доски — остаток, судя по месту их нахождения, части перегородки, отделявшей комнату-сцену от зала²⁴⁵.

Пол, аккуратно вымощенный чисто тесаными камнями, случайно был в одном месте взрыт неосторожным ударом кирки. Под полом оказалась насыпная почва. Частичная раскопка обнаружила наличие под полом комнатной водопроводной трубы, глиняной, и какой-то кладки из красных жженных квадратных кирпичей. Пришлось снять весь каменный настил пола. Водопровод оказался двойным, один из коротких глиняных труб, другой — из железных, каждая длиною в 52 см.

Оба водопровода (рис. 111), идя параллельно, упирались в верх обрушившейся кирпичной постройки, впоследствии оказавшейся цистерною (рис. 112, 113). Под самым полом, на верхних частях цистерны, открыты были базы двух колонн, оставшиеся, по всей видимости, с того времени, когда пол зала сооружен был на самой цистерне, тогда функционировавшей, и зал представлял архитектурно более сложный план с колоннами, а быть может, бассейном и фонтаном, обычными в восточных дворцах. Мушоры, отделка баз оказались такими, какие мы находим на базах Анийского собора, в основе постройки конца X в.

Цистерна одно время была испорчена, и в ней выведен был грубою кладкою колодезь. Последствия и в этом виде не могли поддержать древнее сооружение, и цистерна была засыпана совершенно. После раскопки всей цистерны в ней оказалось два отделения. Северное отделение общалось с южным двумя стрельчатыми проемами. Глубина каждого отделения 4 м., длина—7 м., ширина—3 м.

Углубляясь одновременно вне дворца, вне крепости, у ее входа в насыпной почве, на которой была сооружена позднейшая, эпохи Шеддадилов, сельджукская отделка крепостных ворот Вышгорода, и не дойдя еще до грунта, мы наткнулись на глиняные трубы водопровода, проложенные под воротами и через них шедшие, надо думать, вверх во дворец, донося ключевую воду до этой цистерны, помещавшейся в том просторном зале в южной половине дворца.

Вода прибывала в нее из родника за 10 верст от города. Из цистерны по глиняным трубам вода текла в баню (рис. 114), составлявшую одну из частей дворца. Из той же цистерны по железным тонким трубам, длиною в 52 см., вода шла в комнаты, очевидно, и в парадные.

Можно было бы думать, что в водопроводном сооружении, у крепостных ворот, и дворцовой цистерне мы имеем тот водопровод, о котором говорит магистр Аарон, как о своем даре (стр. 25, 76 сл.). Ни в глиняных, ни в железных трубах, ни в цистерне мы не находим данных, чтобы приурочить, по технике, эти сооружения к греческой эпохе в Ани. Только дальнейшие раскопки могли бы дать нам ответ, имеем ли в этих водопроводных постройках целиком работы багратидской эпохи, или древнее сооружение, обновленное при магистре Аароне.

В том же зале с цистерной, собственно над цистерной, открывается деревянная колонна с орнаментацией в красках. Любопытны куски портрета коронованной особы, писанного *al fresco* (рис. 115), а также безбородое, едва ли женское, лицо из росписи на штукатурке.

4. В северную половину дворца из коридора вели два хода. Один из них ведет в крестообразный зал (рис. 116). Этот зал состоял из центральной комнаты, открытой на каждую из четырех сторон особым крылом. Южное крыло заканчивалось передней, выходявшею в коридор. Вдоль восточной стены передней тянулось возвышение, где, вероятно, располагалась стража. В передней, по правую руку у входа в южное крыло, был обнаружен и очищен один из многих комнатных колодезев-казнохранилищ. Имея в виду его расположение у самой двери, можно думать, что хранилище это служило темницею для особенно почетных врагов, когда их удавалось заманить к себе в гости. В северном и восточном крыльях были открыты ислевшие куски расписных досок и брусков. Крестообразный зад аккуратно вымощен чисто тесаными плитами, особенно в западном и северном крыльях с более высоким полом, но работа эта — позднейшая.

Парадные залы были размещены по краям северной половины дворца. Их было всего три. Один в северо-западном углу, с видом прямо на круглый храм царя Гагика I, Цветниковое ущелье (Цагкоцадзор) и вдали на мягкие линии горы Аладжик; другой — на востоке, с видом на Анийский собор, ущелье Ахурия и, вдали, на причудливую вершину Арагаца; третий зал — в северо-восточном углу дворца, с видом на самый город, расположенный внизу в ногах. Все три зала возвышались над остальными частями дворца, представлявшими различные службы. Пол вторых этажей дворца находился в уровень верха остальных помещений, в том числе и крестообразного зала и бани, плоская кровля которых могла служить внутренним двором, а также верандою, куда выходили прямо из зал.

Из парадных зал один (b) чисто архитектурный, без всякой накладной декоровки, другой (c) — со стуковой орнаментацией, третий, на восток, — базиличный (d). От двух рядов колонн базиличного зала сохранились на месте лишь базы, точнее, постаменты колонн одного ряда (рис. 117). Здесь в 1907 г. были обнаружены следы пожара, погубившего стенную живопись (возможно, что она позднейшего происхождения). Стены были оштукатурены и расписаны: обломки расписанной штукатурки со следами красок были найдены во множестве. Но, помимо пожара, зал изуродовали позднейшие обитатели, перебравшиеся после запустения Ани в самые лучшие помещения и приспособившие уцелевшие части царских чертогов к своим требованиям. Этот зал, представляющий большой интерес архитектурными подробностями, возведен был на сводчатых высоких помещениях. Мы углубились в раскопки одной из этих подвальных комнат, поддерживавших некогда базиличный зал. В обширных раскопках 1908 г., раскинувшихся по всем скатам Вышгорода в сторону города и потребовавших сосредоточения почти всех рабочих сил в максимальном их числе, около ста, этот подвальный этаж оказался редоточивем ценных фрагментов.

Самой ценною находкою в раскопках этого подвального этажа были архитектурные части внутренней отделки верхнего этажа, базиличного зала. Эти части, да и раскапывавшаяся почва послышали следы разгрома и пожара; тем не менее, набрался материал, чтобы утверждать, что внимание строителей дворца в высокой степени было обращено на внутреннюю декоровку этого покоя. Для этого использовано было все умение, какое только имелось тогда, не только по гипсовой лентной работе и росписи на штукатурке, но и по живописи на дереве и резьбе на дереве. Нам казалось легендарным преувеличением, когда в старых армянских книгах мы читали о золоченых покоех в ашйских княжеских домах; обломки, извлеченные из подвального этажа базиличного зала, устанавливают, что это не легенда, а отражение действительности. В них оказались золоченые куски гипсовых впускных отделок. Постепенно перед нами, на основании фрагментов, стало вырисовываться минувшее величие внутреннегo архитектурного убранства. Базиличный зал — с тремя нефами: два ряда не каменных, а деревянных колонн на каменных постаментах поддерживают деревянные же арки. Деревянные колонны украшены росписью, аркатура — с прекрасною резьбою на дереве. Резьбою же украшен плафон (рис. 118, 119). Крупные деревянные розетки могут принадлежать этой части. Стены с росписью, в которой изображены сады с цветами и группы всадников. Росписью же покрыты деревянные фризы над резными арками; в ней представлены отдельные фигуры, изображения царей и цариц, во всяком случае, знатных особ (рис. 120, 121). Роспись на фризе обрамляется вдоль коймами, внизу из мелких шестилественных гипсовых розеток, сверху из гипсовых же розеток, в форме скуфы, покрупнее. На росписи золото смешивается с красками; золото же покрывает некоторые части гипсовой отделки.

Образчиком резьбы на дереве может служить дощечка (рис. 122), часть, быть может, рамки окна. Найдены были там же и куски совершенно обуглившейся материи, казалось бы, служившей занавескою у окна. В одном деревянном куске, также с кусками материи, мы усмотрели было части тахты.

Ценным является и архитектурный кусок с резной декоровкою клетками по торцу на одной стороне и цветком, французской рельефной линии, — на другой (рис. 123). Пока у нас сомнение о месте этой декоративной детали.

Сомнению не могло подлежать определение фрагмента деревянной аркатуры с резьбою: налицо антревольт с частями двух смежных арок. Фон растительный, на котором видны звериные мотивы. На одной половине слабые следы головы барса, на другой — птица, держащая какую-то добычу в когтях.

Позднее, в XII-XIII вв., эта орнаментация с светских памятников переходит в Ани на церковные постройки, но она не проникает внутрь церкви, а огибает, как мы видим на халкедонитских церквях, все четыре стороны храма, образуя своего рода символический или, во всяком случае, декоративный зверинец в антревольтах фальшивых арок, обогатяющих стены снаружи. В сравнении с работами из дерева резьба на камне, естественно, кажется сравнительно грубою. Из базиличного или иного зала дворца должны происходить доски с резьбою, части плафона также декорированного

рисунками. На одной доске орнаментальным рисунком служит плетение из кругов с четырьмя концами (рис. 118) — мотив, влюбленный как в декоративных деталях армянской и грузинской церковной архитектуры, так и в орнаментации коим или рамок грузинских икон, так, например, в Свани. Другая доска из плафона, также с резьбой, в рисунке представляет плоды с листьями (рис. 119), быть может, гранаты. Обе доски сохранились сравнительно хорошо, так как они оказались заложенными в кладке позднейших построек и залитыми известью.

В значительно худшем состоянии оказались развалины северо-восточного зала. От самого зала, второго этажа, на месте сохранились лишь уголок пола и ряд другой кладки южной стены. Весь этаж, оказалось, свалился вниз в сторону города.

Веденные внизу ската раскопки 1907 г. открыли лишь комнатку хлебопека (рис. 124) с одною интересною находкою — каменную гирю (рис. 125).

Лишь начатые наверху ската раскопки уже обнаружили архитектурные детали, как-то полуколонки, арки и карнизы с простыми деревянными, но изящными мулорами. Судя по ним, северо-восточный зал, несомненно, принадлежит, как восточный базиликальный зал, ко времени царей, к эпохе до падения армянского царства, разве с перестройками или реставрацией времени господства Византийской империи. На скате с той же стороны, внизу, откопана база колонны из того же базальта (рис. 126), из какого в Ани сделаны лишь колонны круглого царского храма Гагика I. Весьма вероятно, зал, откуда происходит откопанная база, является делом строителя круглого храма, царя Гагика, использовавшего один и тот же, поправившийся ему, материал и для своего храма св. Григория, и для своих покоев, для украшения нового зала во дворце. Также на скате с той же стороны еще в 1907 г. были подобраны тринадцать кусков большой греческой надписи крупными буквами, тщательно вырезанными на камнях (рис. 127)¹⁶⁰.

В нижнем, подвальном, этаже северо-восточного зала откопаны были в большом количестве белые гипсовые плитки различных форм с растительными и иными рельефными узорами. Попадались между ними и плитки с изображениями зверей, как-то плитка с ланью (рис. 128), плитки с изображением медведя. Найдены и гипсовые плитки, обломки внутренней орнаментации северо-восточного зала; из них по стене или в окне составлялась, очевидно, сетка с многогранными пролетами (рис. 129). В пролеты влагались соответственные плитки с тем или иным изображением. Торамали из найденных плиток составил другую, возможную, комбинацию, дав в то же время точный рисунок узоров одной из них (рис. 130). Аналогии имеются в мусульманском искусстве, мавританском и сельджуковом; образчики хранятся в Берлине и Оттоманском музее; но все-таки пока трудно решить, восходит ли гипсовая орнаментация северо-восточного зала ко времени царей, или это — вклад позднейших хозяев, вытеснивший более архаичные украшения.

Третий зал, северо-западный (b) — тот, которому принадлежала высокая стена с началом арки, поднимавшаяся на месте развалин дворца еще до раскопок. После раскопки оказалось, что зал, в двадцать метров длиною и десять шириною, после полного падения Ани был занят обитателями, по своему хозяйничавшими в анийских дворцах: они-то и разделили этот просторный зал на четыре комнаты. В одной из стен этих позднейших комнаток оказался вделанным орнаментованный наличник камня (рис. 131), извлеченный из старых построек; резная орнаментация и фигуры ковей у верха не принадлежат к лучшей поре анийского искусства, но последним обитателям, по своему хозяйничавшим в зале, которым выделка этих произведений была непосильна.

Стены северо-западного зала не были украшены совершенно накладною орнаментациею, ни фресками, или стеною росписью, ни гипсовыми плитками. Зал и внутри, и снаружи отличался благородною красотою архитектурных линий, арок, пилястров и других деталей.

В одном, непарном, зале были открыты части стеной стуковой орнаментации, около окна или ниши, между прочим, обломок гипсового наличника с рельефным изображением двух павлинов, одного под другим, на растительном фоне (рис. 132).

5. Крестообразный зал, входя в состав одноэтажной части северной половины дворца, был окружен с боков комнатами-службами, а с одной стороны, северной, башею.

Небольшая дворцовая баня (е) состояла из семи комнаток. Самая баня имеет два отделения. В промежутке, между двумя отделениями, узкая поперек комнатка, где был сооружен бассейн для холодной воды, и помещался котел для кипячения воды. Глиняные трубы вдоль боковых стен доставляли в восточное отделение холодную и горячую воду. Здесь, у самой середины боковых стен, были две небольшие ванны, по одной с каждой стороны; в соответственных пунктах у труб, очевидно, были краны. Пар, согревавший снизу каменный пол на шести колонках, для умерения жара находил выход в особых вентиляционных трубах, заложенных в восточной стене перпендикулярно. Для стока грязной воды были налажены особые трубы, покрупнее, уносившие воду через переднюю, раздевальню, прихожую и деревянную фундаментальную стену дворца к скату, в сторону города (рис. 133).

В западном отделении сохранились обгорелые каменные столбики, поддерживавшие каменные плиты пола (рис. 114). В восточном отделении остались на месте, на таких же столбиках, плиты пола. Пол был покрыт толстым слоем штукатурки, не вытравленной водой, окрашенной в белый цвет с глянцем. Стены того же отделения были оштукатурены, выкрашены в красный цвет и местами расписаны разводами. Штукатурка с остатками окраски сохранилась кое-где и на стенах; отдельные куски ее отпаивались во множестве. Из восточного отделения, через миниатюрную дверь со стрелчатым верхом, выходили в переднюю, где находилась и маленькая ножная ванна из камня. Вода и сюда прибывала по глиняным трубам, горизонтально проложенным в стене. Из передней выходили через северную дверь тождественной формы, но несколько больших размеров, в раздевальню. В одном углу было углубление для водосточных труб, значительная же часть комнаты была занята возвышением для отдыха после бани. Узкий корридорчик из раздевальни вел в прихожую с водопроводными трубами, в том числе и теми, по которым текла, вероятно, чистая вода в бассейн холодной воды и в котел для горячей.

Общий вид Вышгорода со стороны города стал выясняться в подробностях лишь с раскопками VII кампании.

6. Приступлено было к раскопкам гостиниц (39), около церкви Апостолов. Эти раскопки постепенно расширились и сосредоточили на себе все силы. Судя по случайной находке еще зимою 1907 г. камня с крылатым сфинксом (рис. 134), архитектор Тораманиш, усмотрев в нем символическое изображение грузинской царицы Тамары, предположил было, что в залах имеем части дворца Захарии Долгорукого или дворца грузинской царицы. Раскопки впоследствии обнаружили существование другого, такого же, сфинкса; они вместе с первым составляли пару чудовищ, расположенных друг против друга, и украшали верх двери портала северного зала над ее пролетом. Постепенно обнаруживавшиеся части богато орнаментированного резьбой портала продолжали поддерживать нас в заблуждении, что дело имеем с дворцом если не Захарии, то какого-либо богатого анишца. Открыты были части портала сени северного зала: 1. широкий пояс с плетением, в котором разбросаны розетки (рис. 135); пояс этот охватывал с боковых сторон и сверху четырехугольник, в котором помещался пролет двери нижнего этажа; 2. полоса также с плетением, но иного рисунка (рис. 136): она огибала только что описанный широкий пояс; 3. крестообразные вклады резной мозаики над пролетом двери нижнего этажа, а также узорчатые ромбы — часть такой же резной мозаики над пролетом двери портала южного зала (рис. 137—139).

Открыты были с большею еще цельностью подробности портала южного зала, из которых здесь мы укажем; 1. широкий пояс с замысловатым плетением (рис. 140), окаймленный веревчатым бордюром; пояс этот охватывал с боковых сторон и сверху четырехугольник, в котором помещался пролет двери нижнего этажа; 2. полоса с бордюром из полурозеток (огибала только что описанный широкий пояс рис. 141); 3. пояс поуже, заключенный в полувалик (рис. 142): он опоясывал точно также четырехугольник, в котором помещался пролет окна верхнего этажа.

Южный портал также оказался украшенным двумя парами зверей. Вместо сфинксов здесь оказались два льва у самой арки пролета двери один против другого (рис. 143). Повые расположены были опять-таки друг против друга два дракона (см. рис. 42).

У северного зала вход с запада, противоположный portalу, также оказался богато отделанным сверху куполом из сталактитов.

Уже по появлению второго фринкса, а затем пары львов, да пары драконов (рис. 143), что о символическом изображении Тамары не может быть речи, что в зверях имеем лишь орнаментальные мотивы. И все-таки казалось, что раскопки вскрывают дворец какого-либо князя или богатого ашица.

Но выяснение внутреннего устройства зал открыло, что перед нами не княжеские дворцы, а гостиницы, с севера — гостиница Сфинксов, с юга — Змей и Львов, если называть их по основным отличительным изображениям.

План обеих гостиниц тождественный. Так, в северной гостинице (рис. 144), внутри распанной полностью, в центре имеем каменный куб-водоем (рис. 145). Он стоит в проходе, соединяющем сени с порталом восточного хода с западным ходом. По бокам прохода вдоль тянутся с каждой стороны на известной высоте по широкой лавке, так называемой «мастаба». На эту «мастаба» выходили комнатки, по размерам напоминающие тесные монашеские кельи. Пролеты дверей каждой комнатки заключены в арки с тщательно отделанными мюльорами.

Таково же в общем расположение и в южной гостинице, где, однако, у выхода из зала в сени на востоке, сохранились ступени лестницы, ведущей во второй этаж (рис. 146). На рисунке этом видны нижние части богатой узорчатой резьбы: две полосы, окаймлявшей пролет двери. Соответственные части с резьбой того же характера, хотя и не тождественно по рисунку, сохранились и от северного портала (см. рис. 144).

Гостиницы эти в Ани носили название «ханабар», как свидетельствуют о том надписи. Ханабары строились князьями, но собственность составляли часто церковей, которым они передавались в тех или других благотворительных или благочестивых целях. У нас есть данные для определения доходности отдельных комнат этих ханабаров. Они, ханабары, служили простым постояльям двором, и тем более приходится удивляться, что в Ани их украшали с тою же любовью, как дворцы, как может свидетельствовать портал южного ханабара или гостиницы Змей и Львов в реконструкции архитектора Торамаяна (рис. 147). На рисунке нет ни одной подробности, ни одной линии, которой не было бы в наличных откопанных материалах. Наоборот, ввиду взятого несколько малого масштаба в предлагаемом рисунке скрадано некоторое количество узлов плетения, чтобы яснее вышли мелкие подробности узора.

Ко времени постройки гостиниц, к XII—XIII в., относятся и те аниские церковные памятники, в орнаментации которых мы видели явное воздействие гражданской архитектуры. Вне Ани, в Имираке, парные драконы того же типа появляются на самой церкви (рис. 148).

7. На южном склоне Вышгорода, в сторону города, по значительно западнее, отрыта была в VII кампанию часовня. С восточной стороны оказался надгробный памятник с ценною армяцкою надписью. В надписи интересные имена: женское — Меник, мужские — Азатшап, Гайл и историческое Абугамр из славного в летописях Ани княжеского рода (рис. 149).

ГЛАВА V.

1. Раскопки церкви Апостолов (38), в плане работ VIII археологической кампании 1909 г.²⁴⁷, дали возможность составить более точный план самого храма, собрать новые его детали, добыть разнообразный материал по орнаментовке, с редкими, иногда единственными во всем армянском зодчестве экземплярами, и обогатить армянскую эпиграфику.

Постройка церкви Апостолов относится к X в. Точной даты закладки храма раскопки пока не дали. Церковь была пятикупольная. Хотя купольное завершение каждого из четырех приделов церкви не может подлежать сомнению, однако, раскопки пока не дали никаких частей малых куполов. В большом количестве открыты глыбы, куски центрального купола и барабана под куполом, куски, сохраненные с замурованными в буге пустыми глиняными кувшинами и лицевыми орнаментированными плитами *in situ*; несколько экземпляров сохранились в целости; они были извлечены и хранятся в Анийском музее, как образчики глиняных изделий X в. В одной глыбе обнаружены были отбитые части пяти глиняных кувшинов. Так как гарийские раскопки нам открыли другой способ сооружения соответственных частей купола, использование легкой породы камней вместо глиняных кувшинов, то возникает вопрос, с какой поры и в какой области армянские зодчие впервые применили способ с глиняными кувшинами.

В числе декоративных камней самой церкви Апостолов открыт один с таким архаичным в армянском христианском зодчестве рисунком, как так называемая «Соломонова печать». Подобный орнамент имеется в круглой церкви VII в. близ Эчмиадзина, постройке католикоса Нерсеса. Его находим и в Дворцовой церкви Ани.

В большом количестве найдены были куски карниза, орнаментированные плетением из цепи кругов, переплетающейся с цепью ромбов. Мотив этот мы видим в орнаментовке крестных камней, открытых тут же, у церкви Апостолов, но в них он осложнен. Однако, повторение, почти тождественное, декорировки карниза церкви Апостолов мы находим в анийской резьбе на дереве, именно на одной из досок, открытых в 1908 г.

Кроме того, особо были откопаны плиты с цельными фигурами виноградной кисти и гранатов (рис. 150). Гранаты, менее схематично, ближе к природе отделанные, оказались на кусках из какой-то, вероятно, выпускной арки (рис. 151). Эти фрагменты, найденные в последних раскопках, по работе, по всей видимости, древнее кровельной декорировки купола церкви Апостолов. Нам кажется, что они не составляли какой-либо части церкви Апостолов; еще менее основания приписать их за детали позднейших пристроек.

В числе случайно подобранных в Ани орнаментированных камней в Анийском музее имеются экземпляры, теперь ясно показывающие, что в Ани не был единственным случай украшения растительную резьбою кровли купола. Редкий, но в Ани не исключительный случай в армянском зодчестве представляют кровельные плиты церкви Апостолов, украшенные гранатами и виноградной кистью²⁴⁸.

2. Те же раскопки вскрыли площадь вокруг храма, с его притвором в армянско-персидском стиле, и обнаружили целое гнездо построек, покрывавших площадь.

Часть площади с корпусом крестообразной внутри церкви Апостолов и с пристройками, непосредственно облегавшими ее с юга, запада, севера и отчасти с востока, расположена была ниже общего уровня города. Во всяком случае, с востока от этого кафедрального собора, родовой церкви анийских архиепископов, из княжеского дома Пахлавуни, улица, почти параллельная восточному фасаду храма, проходила на высоте 1,30 м. над уровнем площади, занятой перечисленными зданиями.

С улицы спускались по лестнице в шесть ступеней (рис. 152) на площадку перед южным притвором, одним из наиболее красивых зданий в Ани. Южный притвор богато украшен декоративной резьбою на восточном фасаде (рис. 100 и 101). Притвор замечателен также мозаичною кладкою потолка из разноцветных камней различными фигурами; в этом отношении притвор соперничает

с потолком аийской мечети (ныне музей), которую он превосходит воздушностью линий двух ряд с крестообразными арками, обрамляющими прекрасно сохранившийся в центре сталактитовый купол (рис. 153 и 154).

Площадка вся была вымощена камнем, но едва ли не каждая каменная плита служила одновременно и надмогильной. Надмогильные плиты начинались у самой стены притвора. Обломки узорчатых крестных камней, служивших надгробными памятниками, были находимы в различных местах площадки, а особенно у лестницы с боков.

Площадка имела выход на север, где она узкой полосой обрамляла восточный фасад церкви Апостолов. И эта узкая полоса была использована, как место погребения. И здесь были откопаны обломки узорчатых надгробных камней, и здесь обнаружены были надмогильные плиты, но, кроме того, здесь сооружена была особая, богато украшенная резьбою усыпальница, прилегавшая вплотную к восточной стене сев.-восточного придела церкви, а прямо против алтарной абсиды отрыт был спуск в три ступени к двери с «сельджукскою» каймою из многогранников вдоль пролета. Дверь вела в сводчатое помещение, оказавшееся под улицею. Имело ли это сводчатое помещение самостоятельное назначение, быть может, усыпальницы, давно уже разграбленной, или оно служило крытой галерейкою для общения между двумя сторонами, расположенными ниже уровня улицы, это вопрос будущего исследования.

Ход в самую церковь Апостолов вел через южный притвор, прикрывавший южную дверь. Северная дверь прикрывалась северным притвором, служившим усыпальницею. У северного притвора были две двери, западная, выходившая в комнату с глухими стенами, и восточная, в которую извне можно было попасть только через усыпальницу, что на востоке сев.-вост. придела, если она была проходной. Во всяком случае, если и был открыт таким путем доступ в храм через северную дверь, то разве только для священнослужителей и вообще своих людей. В северном притворе, служившем усыпальницею, была алтарная абсида: она оказалась расположенной в восточной стене между северной стеною храма и восточной дверью притвора. Притвор, служивший усыпальницею, оказался и с запада; здесь вместе с надмогильными плитами отрыт был и надгробный или votивный памятник католикоса Барсега (рис. 155) с датированною надписью 1184 г. Вход в усыпальницу католикоса Барсега вел через южный притвор, выходивший в нее западной дверью. Наблюдения над соотношением линий расположения построек, над способом кладки соприкасающихся стен и характером подробностей каждой из них, отчасти и эпиграфические данные дают возможность установить известную хронологическую последовательность в росте всего гнезда, свившегося постепенно на площади церкви Апостолов.

Первая пристройка к церкви Апостолов — северный притвор. Это было помещение с пилястрами и колонами, сохранившимися на месте в кусках или целостью. Судя по формам и отделке капителей, напоминающих капители первоначальной части мечети у Апостолов, северный притвор был сооружен не позже первой половины XI в. Из деталей притвора упомяну небольшой крестный камень, редкой красоты по сочетанию узоров, перенесенный в музей. Он свалился во время раскопки из потрясенной кладки алтарной абсиды, в которую был вставлен. Для датировки западного притвора недостает лишь одного сведения, именно: архаичное ли явление — применение деревянных столбов в аийских постройках, или позднейшее. Перекрытие западного притвора поддерживалось деревянными столбами, утвержденными на каменных базах, точнее, низких плоских постаментах в форме многогранников. Из деревянных столбов был отрыт один, свалившийся в сторону входа, в южный притвор, но и он оказался совершенно нетленным. Система построек с деревянными столбами на каменных постаментах замечена была мною впервые во время раскопок в Вышгороде (стр. 69) и, быть может, она в основе явление, архаичное для Ани.

Самою позднюю пристройкою является южный притвор, при сооружении которого пришлось отрезать северную стену древнейшей церкви. Он — конца XII в. Одной эпохи с южным притвором — усыпальница, пристроенная к восточной стене сев.-восточного придела. Она была вся разрушена, но сохранилось много декоративных деталей, составляющих одно из лучших украшений Аийского

музея. Быть может, из этой усыпальницы происходит камень, украшенный птицею на растительном фоне: он был отрыт с востока церкви Апостолов. Не удалось определить места для целого ряда наметованных квадратов и треугольников. Судя по месту нахождения, они украшали какую-то часть южного притвора (стр. 97).

3. Остается упомянуть о церковке с юга южного притвора с прилегающими к ней пристройками, чтобы исчерпать перечень зданий, впервые расчищенных до грунта или совершенно заново откопанных в кампанию 1909 г. Церковка с ее пристройками расположена выше уровня остальной площади, выше даже уровня самой улицы с востока церкви Апостолов. Она является древнейшей постройкою в гнезде, вскрытом раскопками у Апостолов. План ее для Ани архавчий: он повторяет план церкви богоматери Хамбушеч, отрытой в 1893 г. в древней части Ани, внутри Апостолов стен, почти под Вышгородом (стр. 54). Это — удлиненный четырехугольник; внутри алтарное полукружие обступают боковые приделы, и полукруглые пиластры поддерживают поперечные арки, в нашей церковке одна пара пиластров с одной аркой; ступени у середины алтарного возвышения и одна боковая дверь, в церкви Хамбушеч северная, в новооткопанной — южная, что лишь более традиционно. Единственная разница по существу, если ее можно назвать существенной, — отсутствие в новооткрытой церковке северного придела. Но, пожалуй, этот дефект — случайный. Как раз с северной стороны церковка срезана в целях уместить более позднюю постройку — южный притвор церкви Апостолов, и весьма возможно, что при этом пришлось пожертвовать одним приделом и вообще заново переложить северную стену церковки.

На расстоянии приблизительно 1,10 м. на юг от двери малой церкви обнаружена была дверь в помещение на востоке, рядом с южным приделом. В помещении отрыты были местные печки, тандиры, позднее, по всей вероятности, приспособленные, рядом с надмогильными плитами, одна из которых прикрывает могилы, расположенные в два яруса. По всей видимости, помещение служило усыпальницею. У двери этой усыпальницы спаружи были откопаны четыре куска орнаментованной плиты с узким бордюром. Быть может, у плиты имелся и широкий бордюр, обрамлявший основной сюжет орнаментовки сверху, но здесь совершенно отбит слой камня с украшающей его резьбою; резьба глубокая, декоративные мотивы древние; малый бордюр орнаментован виноградными половинчатыми листьями, как на Дворцовой церкви в Ани. Сюжет основной орнаментовки — гранатовое дерево (высота дерева и, следовательно, барельефа без рамок 0,55 м.) с тремя ветвями с каждой стороны: на верхней из них лист с плодом, на второй — лист, на нижней — плод и лист. Верхушка ствола представлена расцветшею, как дерево в орнаментовке все той же древней Дворцовой церкви (рис. 156). Между гранатовыми деревьями имеется по какой-то фигуре, сбитой, из двух полуваляков; рельеф, вероятно, виноградная лоза. Тут же были отрыты часть виноградной лозы и обломок акафа: виноградная лоза с завитком и листом работы, по технике однородной с нашим барельефом.

В Анийском музее хранится камень с однородным, хотя и не тождественным рельефом. Он несколько меньше нашего камня высотой, именно с нижней каймою всего 0,50 м., при длине 0,90 м. Оба камня или, точнее, плиты, по всей вероятности, одинакового назначения; они украшали верх над пролетом двери. Старый экземпляр подобран был впоследствии, именно в 1908 г., в развалинах церкви раскопанной и оказавшейся весьма древней, судя по отделке отрытой капители и самому материалу, красному камню Апостолов построек в Ани. На орнаментованной плите этой церкви верхней каймой нет, быть может, она была на особом камне, лежавшем сверху; нижняя кайма та же, что на нашем рельефе; основной рисунок — один гранатовый деревец с переплетающимися ветвями, с которых свешиваются плоды, по одному с каждой. Листья, да и гранаты, однако, сработаны хуже и ствол не заканчивается расцветшим верхом (рис. 157).

В раскопках Вышгорода откопан был фрагмент плиты, украшенной также группю гранатовых деревьев и каймою-переплетом более позднего рисунка. Барельеф, отрытый у церкви близ церкви Апостолов, имеет признаки большей древности, сближающие его с Дворцовой церковью VII в. в Вышгороде. Из этого отнюдь не следует заключать, что новоотрытый барельеф мы относим к VII столетию. Вне спора одно: в памятнике ясно сказывается декоративный вкус армянских зодчих князей

Камсараканов VII в. Но мы не можем утверждать, что эти камсаракановские художественные традиции прекратились с VII в.; в Ани могли они держаться без существенных поправок или изменений вплоть до подворения в нем, как в столичном городе, Багратидской династии в 964 г. До новых архивных материалов нам приходится мириться с тем, что барельеф датируется камсаракановским периодом. Украшал ли барельеф верх над пролетом двери усыпальницы, или над входом в самую церковку, он свидетельствует о соответственной древности церкви и прилегающей к ней усыпальницы на юге южного притвора.

4. В раскопках церкви найдены крестные камни с архаичными и позднейшими рисунками.

Из многочисленных крестных камней, цельных экземпляров и фрагментов, откопанных в камнано 1909 г. в Ани, внимания заслуживают два образчика, как памятники описываемой эпохи. Оба они орнаментацио своих широких коим приближаются к декоративным рамкам окон самой церкви Апостолов. Тот же рисунок повторяется в орнаментированной раме одного из окон Анийского собора.

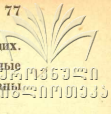
Один из крестных камней, полнее сохранившийся в четырех кусках, в четырехугольниках, пень коих и представляет кайму, допускает рядом с крестом с расцветшими концами, исключительно при- сущими декоративным рамкам окон церкви Апостолов и одного окна Анийского собора, и другие ри- сунки, как-то половичатые стилизованные листья и даже сложное то или иное геометрическое пле- тение, которое, впоследствии, в эпоху расцвета города Ани и его своеобразного искусства, берет верх в анийской декоративной резьбе над всеми другими мотивами. Но сам крест и особенно фон, на кото- ром он посажен, сохраняет еще простоту архаичной декорки: внизу основание обрамляют стилизо- ванные листья, а верх украшен с каждой стороны виноградным листом и кистью на перевевавшихся лозах.

Другой фрагмент принадлежит, несомненно, более древнему крестному камню, смущающему, однако, одною своею несообразностью. Фон и крест на нем отделаны также с архаичной простотой: широкая декоративная кайма появляется уже и здесь, но она слышн состоит из повторения в четы- реугольниках цепью одного и того же рисунка, креста с расцветшими концами, совершенно так же, как на орнаментированной резьбою оконной раме церкви Апостолов; за соответственную древность, X век, говорит и ряд стилизованных аканфов или, вернее, пальметок, лепчающих, казалось бы, верх крестного камня. Что эти пальметки образуют именно верх, ясно и из помещенной между ними фигуры, я бы сказала, спасителя, хотя он и сидит по восточному; в левой руке у него раскрытое евангелие со словами: «Я — господь, милость!»⁷. Однако, если смотреть так на различные части крестного камня, получается та несуразность, что расцветшие ветки опрокинуты и обрамляют верхний конец креста, а не нижний, т. е. крест оказывается низом вверх.

5. Одновременно с раскопками церкви Апостолов, в 1909 г., продолжалась расчистка улицы, два пункта (118 и 95) которой, один у ворот Вышгорода, другой у мечети или старого музея (95), были обнаружены раньше, при раскопке дворца в Вышгороде и при раскопке развалин свалившейся части мечети. Раскопки дали возможность соединить два крайних пункта и высказать направление главной улицы (рис. 158), перерезывавшей древнюю или внутреннюю часть Ани во всю длину от крепостных ворот Вышгорода до ворот Апатовых стен. Из раскопок Вышгорода, как сказано, стала известной цистерна в два отделения в одной из комнат дворца с комнатными водопроводными трубами, глиня- ными и железными, и более крупными глиняными трубами, снабжавшими водою дворцовую баню в Вышгороде, а также магистраль из глиняных труб покрупнее у крепостных ворот Вышгорода. Еще раньше за чертою городских стен было прослежено направление притекавшей некогда в Ани по водо- проводу родниковой воды, прямо от источника в горах, верстах в десяти; тогда же были в ряде мест сделаны частичные раскопки и извлечены цельные экземпляры старых водопроводных труб все из красной глины, теперь хранящиеся в Анийском музее (стр. 68, 71).

К водопроводу специально относится упомянутая (стр. 68) армянская надпись, высеченная на западной стене Анийского собора. В ней магистр Аарон, представлявший греческой власти, свиде- тельствует, что, прибыв в красиво построенную крепость Ани, он поднял ее стены и на свои соб-

ственные средства провел обильную воду в сне укрепление на радость и утоление жаждущих. По работе ни цистерна, ни водопроводная система не могут быть признаны греческими. Глиняные трубы оказались проложенными по самой середине улицы, трубы были залиты известью, обсыпаны золою и пеплом и обложены камнями.

Несомненно одно: водопроводная система широко была развита и принимала разнообразные формы не только внутри Ани, но и во вне. В том же году случайно был открыт водопровод из глиняных труб за Цветниковым ущельем: вода сюда могла подходить зливь из другого источника по иной магистрали.

Улицы первоначально была вымощена каменными плитами: в одном месте сохранилась полоса мостовой. Углы при ответвлении от улицы или углы выступающих на улицу домов были обложены цельными базальтовыми плитами для защиты, чтобы арбами не сбивали угловую кладку. У некоторых домов на улице недалеко от входа были устроены каменные сиденья.

У каждой входной двери с улицы миниаторная площадка в углублении, огражденная тесаными камнями; этим приспособлением компата, всегда ниже уровня улицы, защищалась от потока воды спаружи в случае дождя (рис. 159).

С улицы местами поднимались прямо на плоскую крышу дома по каменной лестнице, вделанной в кладку наружной стены: в одном месте сохранились две-три нижние ступени такой лестницы (рис. 160); судя по истертости камня, по лестнице ходили долгие годы, сотни лет.

Вдоль наружной стены мечети Мануч²⁴⁹, выходившей на улицу, еще раньше были откопаны «мастаба», каменные широкие лавки для сидения или вообще отдыха, но это эпохи позднейшей.

Откопанная часть улицы проходит почти на всем протяжении между двумя рядами построек. Одною стороною ширялся в здание с колоннами у Ашотовых стен, впоследствии обращенное в мечеть (ныне музей), улица еще лишь в одном месте, около середины раскопанной части, где в сторону нового музея (99)²⁵⁰ ответвляется широкая дорога, приближалась к постройке, именно к развалинам монументального здания (101), как теперь известно, после раскопок 1911 г., церкви (стр. 98—106); все остальные постройки, обрамляющие улицу, пока в большинстве не раскопанные, имеют вид мелких частных домов, жилых. Их много, но можно подумать, что всего 31, если судить по дверям, выходящим на эту улицу древней части города Ани (стр. 106). Известно, что у частных жилых домов, не принадлежавших видным по положению лицам, лицевая сторона служила скорее прикрытием и защитой, чем приветливо открытым фасадом. Одна дверь на улицу, благодаря системе корридоров, давала выход ряду таких домов.

6. Из 31 дома, выходивших на улицу, лишь фасад одного обращает на себя внимание изяществом отделки, но и он стили позднейшей эпохи, т. е. эпохи развития города Ани; пролет окаймлен был колонками; тут же откопаны были орнаментированные резбою камни, свалившиеся, по всей видимости, из фасада. Тут же откопаны были прекрасною резбою плетением, и если арка эта венчала пролет двери или украшала фасад, то дом принадлежал мусульманину: на сохранившемся куске фрагмент надписи красивыми декоративными арабскими буквами. Так как дом находится в ближайшем соседстве с мечетью, то естественно бы предположить, что в нем жил мулла, служивший при мечети. Однако, дальнейшие раскопки в этом именно доме перед нами поставили другие, более по существу недоуменные вопросы. С улицы вход оказался в маленькую, узкую комнатку, нами принятую за переднюю.

Из передней открывались две двери, одна направо, куда мы еще не успели проникнуть, другая прямо, куда и направлены были раскопки: открылась комната за передней, почти столь же узкая, как передняя, и не более длинная. Пол второй комнаты оказался вымощенным громадными чисто тесаными плитами во всю ширину комнаты; в одном месте пола обнаружено было отверстие правильным полукругом; один плиты пола были найдены на своем месте, другие валялись в нижнем этаже. И передняя, и следующая за нею комнатка оказались с подвальным этажом. Каменные плиты пола покоились частью на каменных же выступах боковых стен, частью на поперечных перекаладинах, деревянных балках. Когда пол был еще цел, в нем отверстие для спуска в нижний этаж имело

круглую форму. Для чего служили первоначально эти подвальные этажи, тщательно отделанные, трудно сказать. Впоследствии, когда развалинами опустевшего Ани овладели новоселы из окрестных деревень, подвальные этажи ими могли быть использованы, как сарай для сельскохозяйственных орудий: позднейшим обитателям, а не коренным анидцам может принадлежать примитивное орудие для молотбы хлеба, деревянные сани с вбитыми камешками; они были откопаны нами в подвальном этаже этого лучшего по фасаду дома на главной улице старой части Ани.

К этой поре господства нахлынувших в Ани новых хозяев может относиться и то, что многие двери домов, выходившие на улицу, заложены грубою кладкою.

С раскопками улицы связана находка надписей арабской, персидской, грузинской и армянской с мечети Манучэ. В эту кампанию удалось между прочим собрать великолепную и по содержанию персидскую надпись, представляющую текст арлыка Абу-Саида Багадур-хана²⁵¹ (стр. 79 сл.).

ГЛАВА VI.

1. Девятая археологическая кампания, летом 1910 г.²⁵², прошла почти до конца при прежнем составе сотрудников, художнике С. Н. Полторацком, студентах А. Калангаре, И. Орбели и Н. Тихонове, которого, по фотографической части, в самый конец кампании пришлось заменить, ввиду его отъезда, Юрием Марром. За эту кампанию Ани посетили старший хранитель армитажа Я. И. Смирнов, вторично, притом дважды, проф. Б. А. Тураев и архитектор К. К. Романов. Раскопки в эту кампанию развернулись в пределах нового города, между Апотовыми стенами (94) на юге и Сымбатовыми, замыкающими город в целом на северо-востоке, с единственно доступной стороны. Сымбатовы стены, двойные, одним концом упираются в Итадзор, другим — в Гайледзор.

Стены эти, по стилю памятникую гражданской архитектуры эпохи расцвета городской жизни, примыкают к художественным постройкам XII-XIII вв. Основная 989 г. постройка царя Сымбата, облицованная заново и отделанная в ту эпоху, почти не видна под этими наслоениями. В позднейших наслоениях, прикрывающих постройку Сымбата, имеем также вклад греков, судя по надписи Аарона, в XI в. поднявших высоко башни и стены города. Есть места в Аниских стенах, где видны зубцы Сымбатовых башен, заложенные при позднейших переделках (рис. 161)²⁵³.

Курды-мусульмане, Шеддадиды, правившие в Ани, также застраивали стены Сымбата, так, напр., их постройка — башня Манучэ (28) с арабской надписью на черной плите (рис. 162). Шеддадиды, как сказано, коснулись и крепостных стен Вышгорода. Над самым Цветниковым ущельем, в этом месте особенно глубоким, у раскопанных развалин крепостных ворот (стр. 49), сначала был откопан камень с изображением льва (рис. 163), работы значительно менее искусной, чем лев или барс с крестом на стене между башнями 28 и 30, против Главных ворот (рис. 164). Вскоре затем обнаружен был ценный эпиграфический памятник, устанавливающий документально то, что видно было и по архитектурным особенностям постройки, именно, что крепостные ворота, дошедшие до нас в развалинах, вместе с украшавшим их львом, произвели в те времена армянских царей, а значительно более поздние. Эпиграфический памятник представляет часть арабской надписи куфическими буквами о сооружении крепостных ворот одним из Шеддадидов в XII в.

Но ни к эпохе царей, ни ко времени господства греков или Шеддадилской династии не относится художественная отделка главных стен, безукоризненно чистый отес лицевых камней, притом разноцветных и т. п., как, напр., на углу со стороны спуска к Цветниковому ущелью с перспективою в сторону Карских ворот (II-III), или группа башен, сгрудившихся у Главных ворот (они пострадали от вражеских орудий, т. н. бабанов), или стена спасалара Захария с многопольной башнею. К эпохе царей не относится даже указанный барс с крестом; все декоративные рельефы и цветные полосы принадлежат именно к эпохе расцвета городской жизни в Ани. К этой эпохе относится и украшение стен, сложенных из красноватых камней, черными крестами и голубыми поливыми полушариями в углублениях, или орнаментация башни (46) бычьего головою

между драконами (рис. 165). К этой же эпохе относится известный подбор орнаментальных мотивов, украшающих каждые арийские ворота: свастика в них неизбежный элемент (рис. 166); она украшает всегда башню у ворот со стороны города. Есть свастика и на башне у Главных ворот.

Город в это время имел 80 башен, из которых 55 расположены в два ряда, в двух параллельных стенах. В числе 80 башен не считаются четыре в стенах монастыря св. Григория (117) на удлиненном полуострове на крайнем юге городища, четыре в крепостных стенах Вышгорода и шесть в Апостовых стенах древнего Ани. Еще более интересно отметить, что в одних внешних стенах маленького города Ани было одиннадцать ворот и три калитки. Среди ворот во внешних стенах особый интерес представили: Главные ворота (рис. 5), над пролетом которых высечен армянский перевод ярлыка монгольского хана XIII в. о предоставлении городу автономных прав во внутренних делах; Шахматные ворота, по недоразумению называвшиеся Двинскими, и Карские ворота. Последние снаружи были расчищены еще в 1907 г. Со стороны же города, внутри, ворота до раскопок IX кампании были совершенно засыпаны. Раскопки были сопряжены с большими трудностями: громадные засыпанные глыбы по расчистке с них земли сами собою распадались и грозили задавить рабочих; был еще риск — обвалить на себя высокие башни и стены (рис. 167), если бы основания их оказались по расчистке издревле подрывными. Все окончилось благополучно: 9 августа 1910 г. откопанные из под засыпанной почвы Карские ворота были открыты (рис. 168).

У самого пролета Карских ворот открыты железные скобы с гвоздями и шипами: они были использованы для обивки деревянных дверей: по изогнутым концам костылей, очевидно, проходивших через всю толщу двери и загнанных с противоположной стороны, определяется толщина деревянной части. При раскопках у Карских ворот были особенно часты находки железных накопечников стрел, плоских, углов, грушеобразных, граненых и других, иногда с приставшей частью дровя. Любопытно отметить, что каждая из этих форм на грузинском языке, судя по точной терминологии лексикографа Орбелиана, носила особое название; так обстояло дело, вероятно, и у армян.

У Карских ворот также имелась, как оказалось, свастика, притом не одна: от одной из них были откопаны входившие в ее состав углы-камни двух цветов, светлого и черного, другая же была найдена на сорванной глыбе с облицовкою (рис. 169).

Любопытную подробность представляет каменная створа двери, откопанная у пролета узкой двери, со стороны города, в башне с запада от Карских ворот.

Сымбатовыми городскими стенами, парными, с их художественной отделкой и приращениями XII-XIII вв., не кончались укрепления Ани. Ров перед стенами не исследован (стр. 93). О нем между прочим упоминается в мусульманском источнике описания взятия Ани сельджуками в 1064 г. (стр. 27). На расстоянии от Сымбатовых стен прослеживается линия вала.

Настоящий город, новая часть Ани, зародился и рос задолго до сооружения Сымбатовых стен в 989 г.; он обстраивался и украшался задолго до постройки Апостовых стен в 964 г., как свидетельствуют откопанные у церкви Апостолов архитектурные памятники еще камсаракановского периода, началом восходящего к V-VII вв.

2. Основная задача кампании состояла в выяснении и вскрытии главной артерии и главной улицы Ани в новой его части — от Апостовых стен до Главных ворот (стр. 76—77).

Улица средневекового города не дает такого простора, чтобы развернуть в одном месте большие раскопки: на главной улице Ани можно было сосредоточить значительные рабочие силы лишь при условии разбивки всей намечавшейся улицы на несколько раскопочных районов: I район обнимал пространство от Главных ворот (между башнями 19 и 21, 30 и 32 внешних стен) до пункта (против развалин № 33 на плане), отстоящего внутрь от Главных ворот на 191,20 м.; II и III районы примыкали с севера и юга к Базарному участку или отрезку главной улицы, прилегавшему к гостиницам (39), откопанным в 1908 г.: и этот отрезок, раскопанный одновременно с гостиницами, вполне был расчищен при раскопках II и III районов. II раскопочный район от северного края северной гостиницы тянулся в сторону Главных ворот на 112,70 м. до полосы, где предполагалось соединение с I раскопочным районом. Пределы III района, начинающегося у восточных дверей южной гостиницы, со стороны

Ашотовых стен определялись площадью мечети, заваленной громадными глыбами пащеги облетного минарета и засыпанной мечети Абу-л-Маъарана (62). В раскопный район должен был захватить полосу от названной площади мечети до маслобойни (61), за которою начинался IV раскопный район, между нею, маслобойнею, и воротами Ашотовых стен.

Очередь районов диктовалась необходимостью поскорее открыть выход по первоначальному грунту улицы из городища и облегчить вывоз земли и камней. Раскопки были начаты с I района. Затем было приступлено к IV району, представлявшему удобство для сброса камней и земли в ущелье Ахурина.

Почти одновременно с IV районом было приступлено к раскопке II и III районов; что же касается V района, то, за отсутствием подступа к нему с какой-либо дороги, его пришлось оставить до полного окончания раскопок смежных IV и III районов.

Таким образом, раскопки улицы, и при условии разбивки ее на ряд районов, не могли сосредоточить на себе всю наличность анийских рабочих. Чтобы не терять ни времени, ни обученных раскопщиков, рядом с главными раскопками, разбитыми на несколько участков, предприняты были еще две раскопки: одна раскопка двух загадочных башен над ущельем Ахурина на краю площади между собором (73) и круглою церковью Спасителя (51), другая — раскопка Кареских ворот (п-п) с внутренней стороны (между башнями 12 и 14 Сымбатовых стен). Чтобы следить лично за всеми раскопками, разбросанными на различных пунктах, пришлось устроить систему сигнализации и весь рабочий день проводить верхом на лошади.

3. Раскопка улицы в эту кампанию была начата с Главных ворот, входивших в I район. Так как, приступая здесь к раскопкам, мы закрывали единственную проезжую в городище дорогу, то, до начала раскопок, пришлось устроить другой путь через Шахматные ворота (vi-vii, между башнями 37 и 39, 54 и 56).

I район в сотню метров, по мере его раскапывания, стал внушать мысль, что хотя это и улица, но не главная. От Главных ворот главная улица заворачивала в сторону, а не открывалась прямо, как раскопанная нами, повидимому, боковая. Отсутствие следов водопровода также показывало, что мы главную улицу оставили в стороне. Близость этой улицы к воротам содействовала более легкому увозу сколько-нибудь ценных камней. Естественно, что архитектурные паходки в этом районе были очень скудны, хотя и намечались любопытные постройки, напр., здание, выходящее на улицу лестницею, поднимавшейся на плоскую крышу, едва ли во второй этаж; от лестницы сохранились лишь нижние ступени.

Живой интерес в этом районе раскопками поддерживался лишь у ворот. Здесь снаружи, перед пустыми теперь гнездами узорчатых крестных камней, украшавших восточную башню, обнаружен каменный настил, защищенный со стороны дороги плитами, поставленными на ребро. Пилястры ворот из цельного камня. Цоколь западного пилястра оказался всего на глубине 1,75 м. от капители. Вместе с другими подробностями ворот находимы были куски великолепных крестных камней, не перестававших украшать ворота этого христианейшего города и при господстве мусульман, или восстановленных при последнем хозяйничании христиан, в эпоху нахождения Ани в составе грузинского государства и автономности, полученной им от монголов. На этих узорчатых кусках попадаются и следы окраски. Там же внутри раскопки обнаружили контрфорсы, примыкавшие к пилястрам ворот: они суживали проход.

В 1,50 м. от западного пилястра стали попадаться эпиграфические памятники в фрагментах: это надписи на армянском, еще в большем количестве на арабском (рис. 170) и персидском языках, — всего 12 фрагментов.

4. Во II районе интерес сосредоточился на водопроводе и странном соотношении водопровода к засыпанному развалинам (33). Противоположным концом III район уперся в развалины минарета Абу-л-Маъарана (рис. 171).

III район раскопками исчерпан был весь, от южной гостиницы до площади мечети; но еще до окончания раскопок для меня стало ясно, что их придется начать сначала. С первого же шага

стало смущать то, что главная улица в этом районе сузилась до невероятия: расширилась, в лучшем случае, до 3,33 м., она местами стягивалась до 2,63 м., даже до 2,50 м. Между тем, пределы улицы казалось, прекрасно устанавливались кладкою камней, окаймлявшей улицу с каждой стороны. Однако, при ближайшем рассмотрении, обнаруженная ограда улицы оказалась сложной сухой кладкою, небрежно, иногда неровнито грубо из камней, притаченных с различных мест; ограда была всего в два, три ряда кладки, иногда даже в один ряд. Тщательное наблюдение окружающих развалин внушило мне мысль, что мы раскапываем анийскую улицу эпохи полного упадка, когда какие-то малокультурные обитатели, явившись в давно покинутый город, инстинктивно ценили благоустройство запущенного культурного города и не знали, как справиться с трудным делом приспособления городских удобств к своим малоприятательным потребностям. В эту эпоху одичания новые хозяева Ани по улице, засыпанной, повидимому, еще раньше, сохранили для своих нужд узкий ход, отгородив его с боков сухою кладкою камнями из соседних построек.

Если бы эта мысль оказалась верной, мы получили бы еще одну новую страницу в истории упадка города Ани. Следовало проверить нашу мысль, убедиться в том, что наличное обрамление улицы есть работа позднейшего населения, что, на самом деле, мы находимся на хорошо оборудованной улице культурного Ани, и, следовательно, она должна быть снабжена водопроводом. И вот мы раскопали улицу вглубь. Сейчас путь в ней свободен в одну сторону, южную, на 2,42 м., в другую сторону — на 2,27 м.

За гостиницами, на глубине трех метров от наличной поверхности насыпной почвы наткнулись на верхние камни какого-то хода. Сначала нам казалось, что мы попали на камни, прикрывающие водопровод. Подняли один камень, и под ним оказался крытый ход шириною 0,56 м., высотой 0,27 м., лежа можно проползти по этому ходу. Нам все еще казалось, что мы попали на водопровод, своего рода персидский «кафриз»: на дне хода земля была мокрая, точно ил, отстоявшийся от еще недавно протекавшей воды.

Смущало, с одной стороны, отсутствие в загадочном ходе глиняных труб, а с другой — обилие обломков водопроводных глиняных труб, подбивавшихся все время, пока мы докапывались до вскрывшегося с боку другого хода. Скоро стало очевидным, что усмотренный раньше ход, сложенный из камней боковых и верхних, тянется с одной стороны, восточной, вдоль каменных желобков с глиняными трубами: боковыми его камнями с одной стороны служат стенки каменных желобков, которые можно непосредственно наблюдать или ощущать из этого хода, верхние же камни одною стороною прикрывают желоб (рис. 172).

Вскоре выяснилось, что крытый плитам ход идет сбоку вдоль настоящего водопровода. Водопровод отличался незамеченною до сих пор в Ани тщательностью отделки: 1. трубы из красной обожженной глины 0,14-0,16 м. в диаметре проложены по каменным желобам, плотно облегающим трубы до двух третей их высоты; 2. желоба сделаны из массивных камней, глиною в 0,81 м. и значительно более, при этом они входят в пазы соседней плиты; 3. сверху глиняные трубы замасаны в желоба прекрасною глиною и засыпаны щебнем.

Загадочное сооружение вдоль водопровода служило, по всей вероятности, контрольным ходом, в который должны были спускаться по люкам.

Разрез дает возможность наглядно себе представить все устройство без люка: внизу — водопроводное сооружение (рис. 173), круглый зев гончарной трубы в каменном желобе, к которому примыкает контрольный ход, сложенный из плит, выше в средней части — уровень улицы в различные эпохи культурной жизни города, когда функционировал водопровод, на самом веру — по одному ряду камней с каждой стороны, когда на давно и глубоко засыпанной улице хозяйничали новые обитатели Ани.

5. Водопровод из глиняных труб прослежен по всей улице на известных расстояниях.

Совершенно неожиданную картину представило расположение водопроводных труб в районе главной улицы, приближающейся к Главным воротам. На 92,70 м. от них сначала было обна-

ружено много кусков глиняных водопроводных труб; тут в середине улицы лежали каменные плиты, простые, необделанные: под этими плитами на глубине всего 0,22 м. лежали *in situ* целые глиняные трубы, входящие концами одна в другую (рис. 174). Каменные плиты облегали водопроводные трубы и с боков. Одна из неожиданных особенностей раскрывшейся картины состояла в том, что каменные плиты, прикрывавшие сверху водопроводную линию, лежали выше уровня улицы. Глубина до поверхности улицы 0,70 м. Эти плиты над водопроводными трубами обозначались на поверхности улицы даже без раскопок. Одна из них оказалась лицевым камнем какой-то постройки, с надписью.

Мало того, что водопроводные трубы выступали на поверхность улицы: сама улица вышла на площадь, а под площадью, когда ее раскопали, оказались развалины большого дома в несколько комнат с нишами. Основание стен этого дома было прослежено на глубине 2 м. и более; стены эти сидели ниже уровня водопроводных труб.

Раскопки XII кампании разъяснили загадочное у поверхности расположение водопроводных труб (стр. 117): они оказались вторым верхним рядом, на глубине оказался первоначальный ряд.

Неожиданностью или странностью показалось и то, что в этой полосе водопровод отличается и по устройству. Нет ни с одной стороны даже подобия контрольного хода; сами трубы имеют особенности: они бочкообразны, вздуты по середине, на каждой из них по два пояса; длина трубы здесь 0,54 м., при окружности (по утолщенной части) 0,30 м.; каждая из труб одним концом на 0,80 м. уходит в отверстие смежной трубы (на рис. 174 открытая часть водопровода в 9 труб имеет размерные 4,68 м. вместо следующих 4,44 м.).

Надо было выяснить, как относятся друг к другу кусок водопровода с контрольным ходом, вскрытый на глубине нескольких метров в III районе, и этот странно оборудованный отрезок, выступавший на самую поверхность улицы во II районе.

Двинувшись к югу в сторону III района на 15 м., мы прорыли первый разведочный колодец и в нем водопровод открыли уже на глубине 1,35 м. от уровня верхнего нераскопанного слоя. Подвинувшись далее на 16,30 м. от северной двери северной гостиницы, мы прокопали второй колодец, и в нем водопровод оказался на глубине 2,70 м.; далее, в третьей проруби, в 12 м. от дверей южной гостиницы, водопровод лежал на глубине 2,22 м., и, наконец, в 15,20 м., в четвертом разведочном колоде, водопровод открыт был на глубине 3,30 м. Вадутость труб тут меньше. Во всяком случае, линия водопровода объединилась.

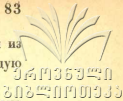
Этот водопровод обслуживал недоследованным ответвлением еще за городом тот пещерный квартал (стр. 93), где, между прочим, встречаются загадочные помещения с рядами углублений. Открытый зев находится под пещеро-усыпальницей Тиграна Ювенца. Диаметр отверстия трубы 0,09 м., толщина стенок 0,01 м.

6. Работы в IV районе улицы представляли продолжение раскопок, обнаживших главную улицу (рис. 158) в древней части Ани (стр. 76—78). Водопровод и здесь приковал наше внимание. У ворот Ашотовых стен в сторону нового Ани путь, по всей видимости, разветвлялся, что перед нами ставило новые задачи, но нам хотелось обнажить пока главную улицу, по которой и должны были быть проложены водопроводные трубы.

Водопровод помешал осуществиться другому нашему желанию: мы хотели Ашоты стены обнажить раскопками вплоть до основания, но пока от этого пришлось отказаться, так как вскрытые в этом районе водопроводные трубы, оказались проложены, в насыпной почве с уровнем, прикрывающим нижние части Ашотовых построек. Следовательно, этот водопровод не может восходить к эпохе царя Ашота. В то же время, почти обнажал раскопками верх водопровода, проложенного под позднейшим, периода господства греков, уровнем улицы на глубине не менее 60 см., мы получили возможность датировать временем до 1059 г. находимые в этом слое предметы, среди них многочисленные экземпляры ртутных сосудов (стр. 95).

И в IV районе на главной улице оказались лишь частные дома или мастерские. Стороны их, обращенные на улицу, по обыкновению, ничем не выделяются, если исключить отделку дверей,

иногда ворот, и устройство, напр., крытого подвального помещения на улице, куда проникали из подвального помещения дома. Исследовать все эти постройки, конечно, интересно, но в настоящую кампанию мы не могли заняться ими.

У ворот Ашотовых стен снаружи, откуда начинается эта часть главной улицы, первоначально была площадь; после раскопки она оказалась занятой позднейшими постройками. Часть этих построек мы сняли у башни налево; оставшиеся кладки принадлежат позднейшим застройкам.

7. Когда в раскопках главной улицы в V районе стали приближаться с севера к развалинам минарета Абу-л-Маурана, на стыке V района с III-м, то улица постепенно стала исчезать в позднейшей отделке новоселов. И раскопки пред нами поставили вопрос: куда же направлялась главная улица?

Раскопки улицы, подковывшие к развалинам минарета с юга, с юго-востока от развалин его обнаружили две параллельные стены, подковывшие под валившиеся там глыбы. Стены эти сохранили соединившую их поперечную кладку; поперечная кладка, возведенная на насыщенной почве, совершенно нового происхождения, но, тем не менее, факт, что она могла появиться лишь с прекращением движения на главной улице, т. е. с упразднением главной улицы.

Но и две более древние параллельные стены без поперечной кладки, подходя так близко к основанию минарета, существенно меняли топографию даже такой поздней эпохи, как время существования мечети: с ними, этою парюю стен, исчезает возможность поместить близ мечети площадь, о которой говорит персидская надпись на минарете. Мы так и закончили кампанию с недоуменным вопросом: куда исчезла площадь? Когда, пробуд отыскать ее, спустились в глубину, в доступном для раскопок месте района площади, в предположении, что поверхность площади откроется ниже уровня двух позднейших стен, мы открыли остатки древних построек, предшествовавших и минарету, и площади (стр. 87).

8. Боковых улиц и проулков в новом городе мы не выслаивали намеренно, но на них наткнулись во время раскопок тех или иных участков. Широкая улица отделила одну группу построек из раскопок XII кампании (стр. 110 сл.), именно мавзолей с прилегающим с запада залом, от другой, именно той, которая примыкала к маслодавильне. Улица шла от Гайледзорских ворот (ix) внутри города, однако, проследить ее с этой стороны пока не удалось: она перекрещивалась, но не под прямым углом, с значительно более узкой в этом месте улицей, шедшею от Шахматных ворот (vi-vii) к Шахматной церкви (50). На углах улиц и здесь оказались примененными различные приемы для ограждения углов зданий от просязжавших по улице арб, именно вместо угла имеем округлую кладку, затем, дополнительно — защитные каменные плиты твердой породы. Выяснение улицы от Шахматных ворот (рис. 175) к Шахматной церкви пока совершенно не удалось продвинуть вперед: раскопки ее представили большое затруднение, так как почва оказалась сильно утопанной и едва-едва поддавалась ударам кирки.

По плану легко представить себе, что обнаруженный раскопками 1910 г. над ущельем Ахурыяна, между Анийским собором (73) и храмом Спасителя (51), загадочный архитектурный памятник (рис. 176) с пролетом и помостом между двумя башнями (91) на четырехугольных постаментах облеплен стенами невзрачных пристроек грубой кладки.

Под развалинами двух загадочных башен тесная, между двумя сближающимися выступами, лощина; она, в цветущий период города, была использована для проведения дороги. Дорога эта, начинавшаяся у моста (96) на Ахурыяне, постройки той же эпохи, зигзагами поднималась к воротам Багарата Аркауна (xii), постройке той же эпохи, XIII в. При повороте вверх налево, в сторону ворот по правую руку, оставляли за лощиною, на нижнем выступе над самой рекою Ахурыяном, Девичий монастырь (92) с крытой галереею, постройка опять-таки той же цветущей эпохи анийской городской жизни и строительства, именно конца XII и начала XIII в. (рис. 10). Надпись Багарата Аркауна, существовавшую при посещении Ани Муравьевым, мы тщетно искали в этом году в продолжение однодневной раскопки на месте. Выше ворот дорога поворачивала направо, на восток и затем на север, обходила средний ярус выступа и, выйдя вверх из лощины, разветвлялась на два

пути: один вел на северо-восток через древние ворота, лишь слабо намеченные, к круглой церкви Спасителя, другой, делая резкий поворот на северо-запад и запад, проходил в направлении к собору по верхней части среднего лруса выступа, почти по самым тем местам, где обозначались очертания двух башен.

Раскопки места с двумя башнями обнаружили, что здесь, у обрыва над дорогой, поворачивавшей с востока на запад в направлении к собору, находилось монументальное здание эпохи царей, с частями, встроенными в более позднюю пору, именно в эпоху господства мусульманских правителей.

После раскопки, когда были убраны пристроенные жалкие стены сухой кладки, оказалось, что сохранившаяся часть монументального здания представляет довольно широкий пролет в 2,78 м., по бокам которого возвышались башни с лестницами внутри, каждая на четырехугольной субструкции.

Впоследствии в покинутом здании были устроены жалкие комнатки из стен сухой кладкой, пригнанных к частям перестроенного уже мусульманского здания со стороны города и со стороны ущелья, на узкой полосе у самого обрыва под дорогой. В этих пристройках мы находили каменные ступи, обломки глиняной посуды и неизменный тондир, местную закапываемую в землю глиняную печь с дымового гончарною трубой, и т. п., т. е. предметы все того же типа хозяйственного инвентаря, который характеризует если не экономическое состояние городской бедноты, то всю культуру позднейшей эпохи прозябания, называемую нами «тондирной». Можно еще догадываться, что эти последние обитатели были земледельцы: в инвентаре хозяйственных находок имеется железный сошник плуга.

Со стороны обрыва над дорогой между башнями был высокий помост, впоследствии использованный как подвальное помещение. Вся постройка возведена на природной неровной почве из черных скал.

Выяснилось, что по материалу, сорту камня и кладке, башни на субструкциях примыкают к стенам, возведенным царем Сымбатом в 989 г., т. е. могут быть отнесены к эпохе царей, а обрамление, охватывавшее непосредственно пролет двери или ворот, с его деталями портала, определяется не только материалом, темным туфом, как произведение времени Шеддадидов, во всяком случае, господства мусульман, но и мотивами декоративной резьбы, так называемыми сельджукскими цепями, подумесцем, розетками, а также фрагментами персидской и арабских надписей, к сожалению, лишь обрывками в несколько букв, по крайней мере, двух различных арабских надписей горельефом. Чтобы понять, что здание действительно было значительное, достаточно указать на высоту элифа в одной из надписей в 0,32 м. (рис. 177). Притом буквы были выведены декоративные, крупным рельефом.

Архитектурные детали обрамления пролета были найдены в количестве 144 номеров; тут по одному или нескольким образчикам от всех существенных частей косяка, ряда профилированных полос, в числе их полос с желобком между широкою полочкою и продольною бахромю, свешивающейся цепи, колонок, пилястров, ниш, парусов, выпускной арки, малой и большой, декоративного панно с гирляндю мотивов плетения (рис. 178), охватывавшей декоративную арабскую надпись. По этим частям можно получить некоторое представление о целом виде портала.

Однако, мы так и не могли доискаться назначения загадочного сооружения с двумя башнями. Иногда казалось, что оно — декоративный памятник, украшавший расположенную перед ним площадь. Но мысль постоянно возвращалась к первому предположению, что это часть кладки с воротами в городских стенах Сымбата, по всей видимости, не спускавшихся в ущелье, а шедших по краю плоскогория, на котором расположен был город. Казалось, что эти ворота, разрушенные, как многое другое, при взятии Ани Али-Арсланом в 1064 г., впоследствии, к концу XII в., были возобновлены, как ворота Вышгорода, Шеддадидами в мусульманском, так называемом сельджукском стиле. По окончательной расчистке пролета со стороны ущелья, стало ясно, что ворота выходили не на дорогу, а на обрыв над дорогой; но здесь вход мог совершаться по приставным лестницам, убравшихся ночью или вообще в опасное время, как обстояло дело первоначально с устройством хода в узкий корридор рас-

копанного двора в Вышгороде. Странными могут показаться незначительные размеры башен и самого пролета; но стены царя Сымбата и не отличались особою высотой: это мы знали со слов магистра Аарона в армянской надписи XI в., где последний сообщает про то, как он поднял и укрепил в толщину прежние стены; то же самое видим мы наглядно по зубцам Сымбатовых стен, заданных в эти позднейшие стены (рис. 161)²⁵⁴; и в простенке над пролетом Кареских ворот (рис. 168), опять-таки, можно видеть, как высоко были подняты впоследствии те же Сымбатовы стены. Принадлежность стен с зубцами к эпохе царей подтверждается особым рода метками, отличающими царские постройки. Позднее, в XII-XIII вв., зубцы на анийских башнях мельче и более округлой формы (рис. 179).

Стены и башни Сымбатовых стен с недоступной стороны города, над Ахурианом, должны были быть еще менее значительны, как и в Вышгороде со стороны ущелий. Наконец, при условии, что загадочные развалины составляли часть первоначальных стен, будет понятно, почему в них нет следов возобновления эпохи цветущего периода Ани при Захаридах: в эту эпоху линия городских стен была отодвинута и спущена вниз почти к самой реке, а у покинутых ворот появились, по обыкновению, жилища бедняков.

9. Исключительного значения находка в раскопках 1910 г. — надпись католикоса Грузии Епифания²⁵⁵, откопанная в Ани около грузинской церкви (26); церковь, с барельефами внутри на северной стене, двухэтажная, но нижний этаж засыпан (рис. 180).

В свободные от раскопок часы, я занимался проверкой фотографического снимка большой, но дечетной грузинской надписи Сахмадина 1288 г. (рис. 181), издание которой взял на себя И. А. Джавахов. Она находится снаружи на южной стене верхнего этажа. С целью пополнить недостающие части надписи Сахмадина здесь была произведена разведочная раскопка, давшая несколько новых грузинских надписей или фрагментов, в числе их почти полностью упомянутую драгоценную надпись Епифания в 20 длинных строк. Одна из ценных особенностей надписи та, что грузинскую надпись, датированную 1218 г. (рис. 182) и представляющую обращение католикоса Грузии к проживавшим в Ани грузинам, скрепляют, на армянском языке, Григорий, армянский архиепископ Ани, и Ваграм, эмир города²⁵⁶.

10. Другая, полугрузинская, полуармянская, в общем халкедонитско-православная, церковь Григория просветителя (82), постройка Тиграна Юженца 1215 г. (рис. 183), была также вовлечена в круг работ кампании 1910 г. Это та церковь, которая украшена звериным орнаментом на растительном фоне по фальшивым аркам, обтекающим все четыре стороны (рис. 184—187). Западное крыло церкви покрыто фресковыми картинами, в которых дан ряд драгоценных иллюстраций к Житию Григория просветителя с церковно-грузинскими надписями. Здесь фигуры армянского царя Тирдата и армянского вельможи, хотя и выполнены по иконошному шаблону, все же типичны, так, напр., на картине царского суда над молодым еще Григорием (рис. 188). В другом месте Григорий благословляет царя Тирдата с непокрытою головою, причем за царем стоят супруга его Ашхан и сестра царя царевна Хосровидухт. Молодой Григорий появляется и в той сцене, когда бородастый палач со стражником ведут его для заточения.

Культурно-историческое значение этих фресок мною уже указано печатно.²⁵⁷ Роспись эта тяготеет почти полностью к халкедонитским преданиям армян в том виде, как они, эти предания, сохранились в халкедонитской версии Жития Григория просветителя на арабском языке, открытой на Синае. Иллюстрацию соответственных страниц этой халкедонитской версии и составляет, напр., уже изданная мною (рис. 189) картина выступления навстречу Григорию царя Тирдата в сопровождении трех союзных царей: абхазского, грузинского и аланского (стр. 98). Как в армянской церкви, естественно, здесь отделение местных святых посвящено целиком иллюстрациям жизни и деятельности Григория просветителя. Но, как в армянской церкви халкедонитского толка, Григорий представлен просветителем не только армян, но и абхазов, грузин и аланов. Здесь то в ряде этих иллюстраций была мною замечена св. Нина в сцене явления живого столпа: это единственный пока случай такого древнего изображения просветительницы Грузии.

Вне храма в портике замечена была символическая картина. Это часть большой композиции второго пришествия: фигура, сидящая на льве, символизирует землю, а звери кругом поглощенные ими жертвы. Любопытна фресковая орнаментация в виде узорчатой ткани, накинутой на стену над дверью южного придела: она уже пздана (рис. 190).

Архитектурные формы церкви Тиграна Юпенна, как пропорции, напр., купола, обособляют ее от другого течения армянского церковного зодчества. Ее обособляет и богатая резба по аркатуре, представляющая символических или просто декоративных зверей на растительном фоне (рис. 184—187). Исполнение, равно и техника, несомненно, свидетельствуют о влиянии гражданских декоративных мотивов, но идея имеет свою параллель, предшественницу, в армянском церковном зодчестве опять-таки халкедонитского течения.

Все здание церкви св. Григория, наилучше сохранившееся независимо от позднее пристроенного портика с резко-мусульманскою орнаментацией капителей колонн, в основной части, в самом храме, является наиболее совершенным образчиком местного строительного искусства в Ани, с его безукоризненною чистотою кладки, изяществом и пропорциональностью форм, в частности, барабана с куполом, богатством орнаментации и т. п., а между тем церковь построена армянином Тиграном Юпенном лишь в 1215 г., т. е. опять-таки в ту эпоху, когда, по традиционному армянскому представлению, в коренной Армении вся культурная жизнь была подавлена.

Художник Полторацкий составил по приемам, рекомендованным П. П. Покрышкиным, план церкви с прилегающею к ней часовнею богородицы у сев.-зап. угла. Полторацкому было поручено сделать кальки с фресковой росписи храма; работа была начата в алтарной абсиде, где вместе с изображениями святителей оказались патриархи армянской церкви, и где поддужная арка украшена головами пророков.

Работа по калькированию фресок была перенесена в барабан, где пришлось устроить леса: кальки сняты были со всей росписи барабана и купола. Воспользовавшись лесами, мы в то же время сфотографировали всю роспись барабана. Верхний ярус был занят изображениями апостолов. Сфотографирована была также роспись притвора²⁰⁸.

11. Кем бы она ни была построена, халкедонитами или антихалкедонитами, Шахматная церковь (50), пазванная так по игре цветов лицевых камней, есть памятник XIII в. (рис. 191).

В обзаженной кладке церкви были замечены камни из древней постройки, замурованные в бут. По извлечении камни оказались с фрагментом надписи из эпохи нового царства. Строительная деятельность армян-халкедонитов не была ограничена лишь реставрациею древних церквей. Кроме того, обновляли халкедониты не свои древние постройки, а чужие церкви, сооруженные армянами национальнoй церкви. Иногда обновление сводилось к тому, что халкедониты снабжали церковь росписью. Не ясен путь этого захвата домов моления одной части армянского населения другой его частью, расходившейся с первой в отношении исповедания. В то же время халкедониты строили и новые церкви.

12. Богаты были раскопки кампаний 1910 г., по обыкновению, фрагментами керамических изделий из простой и благородной глины, красной и белой, полированных и неполированных, с поливою и без поливы, притом с особою глазурию или без нее, простых и окрашенных, одноцветных и разноцветных, узорчатых и с росписью, гладких и рельефных. Классификация керамических изделий может быть установлена на основании исследования техники работы, декоративных мотивов и сюжетов фигурной росписи, а в связи с этими данными и на основании мест производства. Что в этой массе материала, который мог бы наполнить особый керамический музей, имеются и предметы местного производства, в том нет сомнения. В кампании 1910 г. появился первый экземпляр поливной расписной посуды с армянскою надписью. Я не включаю сюда больших кувшинов из простой обожженной глины, так называемых карасов, поляса которых своими рисунками напоминают нам то некоторые фигуры из находок на Крите, то проявляют несомненное сродство форм с звериным декоративным стилем целого ряда загадочных бронзовых котлов, находимых в Закавказье (рис. 192—194). Ценною

находкою был цилиндр из камня для штампования рисунка на карасах с орнаментированными поясами. Значит, здесь мы имеем дело с местным производством (стр. 90).

13. Исследование древне-христианских барельефов на армянских поминальных памятниках, собранных теперь в Анийском музее древностей, взял на себя Я. И. Смирнов. Один новый экземпляр, по слухам, найденный в монастыре Гошаванке, в шести верстах от Ани, вызвал мою поездку туда. Здесь указали мне место, где был найден первый гошаванский камень, раньше доставленный в Ани с кладбища: под Гошаванком, на сев.-востоке от монастыря, на востоке от церкви-усыпальницы, расположенных на западном продолжении поляны, имеется Кармир-Магарак, т. е. Красные пещеры, — это пещеры в три яруса в красном туфе. Пещеры эти давно осыпаются; в заднем остатке одной из этих пещер, на высоте нескольких саженей, сейчас виден камень с равносторонним крестом, работы не позднее VI-VII в. Гошаванский древне-христианский барельеф был подобран у подножия красного обрыва с пещерами лет 30-40 тому назад. Обещанный новый экземпляр оказался не тем, о чем говорили, и не там, где хотели показать. В долине между красною пещерною горою, справа, и горою с так называемой триумфальною аркою, слева, мы нашли сначала нижнюю половину, выс. в 1,40 м., громадного крестного камня с ланцетками, работы X-XI в. На камне следы окраски в красный цвет. Подвинувшись вверх, мы набрали на незнакомый камень в сухом теперь русле потока, куда его снесли весенние воды; камень формой напоминает стелы с древне-христианскими барельефами, но на самом деле это, оказывается, несоразмерно высокий (0,83 м.) постамент крестного камня с поздне-армянскими крестными орнаментами и соответственную армянскую надпись 951 г. Возможно, что в постамент была вделана стела с уничтоженным древне-христианским барельефом.

В кампанию 1910 г. мы старались восполнить пробелы в работах прежних кампаний. Сфотографированы по частям и звезды и узорчатые ромбы из мозаично сложенной резьбы на портале дворца Саргиса, здания, открытого в 1906 г. у круглого Гягикова храма (стр. 66). Удалось, наконец, сфотографировать часть надписи царя Гатика 1001 г., собранную еще в прошлом году студентом Калантаром (стр. 64). Полторацкий дал в точном рисунке, с восполнением немногих пробелов, крестный камень 1184 г., памятник анийского архиепископа-католика Барсега²⁶⁰, откопанный в предпоследнюю кампанию. Он же приступил к заготовке черновика большого рабочего плана городища Ани.

ГЛАВА VII.

1. Десятая анийская археологическая кампания, 1911 г.²⁶¹, велась при новых сотрудниках, Н. П. Сычеве и Н. Л. Окуне. В качестве художника в этот раз продолжал работать С. Н. Полторацкий, а фотографом был приглашен А. М. Вруйр. Из студентов работал в Ани мой слушатель Г. Гананця.

Место раскопок намечено было очередною задачею в изучении Ани, именно обследованьем все той же главной улицы города (стр. 79 сл.); раскопки ее, как было указано, нас привели с одной, северной, стороны, со стороны городских стен, к развалинам большого минарета, повидимому, завалившим главную улицу, следовательно, перерезывавшим путь раскопок. С противоположной стороны, со стороны внутренних Ашотовых стен, от главной улицы нераскопанным оставался V район, и раскопка его велась в продолжение всей кампании, причем к концу ее удалось расчистить улицу и с этой стороны вплоть до развалин минарета.

Развалины минарета представляли в художественном беспорядке семь глыб. Наибольшая из них, с видимою внутри ее лестницею в 13 рядов кладки, при падении глубоко врезалась в почву (рис. 171).

Около развалин минарета, разъединявших раскопанные части главной улицы, надо было думать, находилась мечеть Абу-л-Маамрана, как это было установлено персидскою надписью на минарете, погибшей, казалось, навсегда при его разрушении. Площадь с предполагаемыми развалинами мечети только и была намечена для главных раскопок.

Что мечеть находилась именно близ развалин минарета, вначале это подтверждалось также раскопками, но весьма скудным количеством обломков архитектурных деталей и декоративных частей. Стало закрадываться сомнение, правда ли мы раскапываем развалины мечети? Не находилась ли мечеть южнее за главной улицей? Здесь возвышался холм, покрытый обломками, иногда крупными кусками верхних частей минарета. Пришлось принять одновременно за раскопку этого холма и прилегающей к нему части главной улицы. Раскопки представляли самостоятельный, притом двойной интерес. В холме оказались развалины постоялого двора (стр. 94).

При раскопке той же мечети Мағамрана на расстоянии 24 м. на сев.-запад от минарета обозначился пролет двери: видны были верхи косяков из красного камня. Около этого пункта подбирались архитектурные детали, камни из арки с полуваляком, с резной орнаментовкою, сошедшие от времени и т. п.

В начале, когда нас еще не покидала мысль о соответствии мечети монументальности минарета, пришлось задать себе вопрос, не здесь ли, с запада, сохранился первоначальный вход в мечеть, не здесь ли вскрыется *in situ* хотя бы часть более древней мусульманской постройки? Дверь с заманчивым пролетом выходила на улицу: намечались очертания засыпанной улицы, проходившей у самой двери в направлении с севера на юг. Естественно, для окончательного выяснения двери и ее конструктивного характера, равно как декоративных деталей, оставалось раскопать улицу, прилегающую к ней. Но прямо приступить к этим раскопкам не позволяли соображения о предстоявших работах. По ту сторону улицы, с запада, было основание предполагать, в засыпанной почве, развалины других памятников, доступ к которым открывался засыпанною улицею, и если бы мы вскрыли ее, то до крайности затруднили бы будущие раскопки. Словом, раскопки неизвестного памятника за засыпанною улицею должны были предшествовать раскопке улицы, интересовавшей нас в связи с поисками остатков мечети (стр. 90). Было решено немедленно приступить к раскопкам площади за улицею. В самом же начале новые раскопки породили самостоятельный интерес к себе, до поры до времени отодвинувший на второй план вопрос о мечети.

2. Когда подбирали валавшиеся наверху или на склонах бугра полузасытые архитектурные детали засыпанного неизвестного здания, то между ними наше внимание приковала капитель с пальметкою, для Ани, да и вообще для Армении архаичной и по качеству и цвету материала камня, и по рисунку резьбы (рис. 195). На нас сразу повело духом, собственно сочетанием форм и материала Ереванской базилики. Дальнейшие находки уже не вполне оправдали ожиданий; капитель типа Ереванской базилики осталась изолированою, и долго оставалось загадкой, откуда она пошла на раскапываемую площадь, но другие подробности, хотя и не тождественного стиля, установили, что мы попали случайно на одну из древнейших церквей в Ани, точнее, на остов одной из древнейших армянских церквей, так как она была перестроена в эпоху расцвета анийского искусства.

В юго-восточном углу, откуда были начаты раскопки внутри церкви, как и в северо-восточном, показались первые признаки, пилястры (рис. 196): алтарное возвышение позднейшей работы представляло колоннаду из полуколонн полукругом.

Церковь, датируемая нами VIII в., при жизни подвергалась целому ряду переделок, хозяева ее не столько заботились о поддержании древнего ее вида, сколько об украшении и развитии ее сообразно с возобладавшими впоследствии вкусами. Этому стремлению мы обязаны не только появлением новых рисунков декоративной резьбы, но и надстройкою барабана и купола, которые и по качеству камня, и по орнаментовке имеют вид и являются позднейшею прибавкою. В целях поддержать силу сопротивления, само здание было обезображено уродливыми контрфорсами, да кроме того первоначальный пол был засыпан. Откопанный сначала пол оказался позднейшим, на 0,68 м. выше первоначального: он прикрывал оригинально орнаментованные базы пилястров. Под этим позднейшим полом, когда мы его сняли, оказались некоторые архитектурные подробности церкви древней первоначальной работы, а равно куски крестных камней с надписями и иные любопытные фрагменты. Одна из плит самого пола, позднейшего, оказалась камнем с орнаментовкою, положенным на лицевую сторону.

К древней отделке примыкает и подковообразное обрамление верха окна. Архаична и форма дуги и декоративный рисунок. Наоборот, на следующей плите мы имеем выпуклую подкову по форме позднейшего шаблона. Их несколько.

Тут же найдены камни с мелким и крупным переплетом, это из карниза церкви и ее барабана. Рисунок не архаичен для Армении, обличен в конце Х в. и с тех пор для карниза обязательен, как шаблон.

Рядом с шаблонным обрамлением верха окна кусок от орнаментованного края плиты с витой колонкою: рисунок — переплет ромбом с медальонами; в Армении это — современный рисунок карниза, но современник сравнительно молодой. Загадочна сама плита с этим бордюром. Она составляла какую-то часть алтарного возвышения с другим, также неопределенным камнем: это громадный каменный устой, также с витой колонною, с орнаментовкою на двух сторонах. Камень откопан на алтарном возвышении.

На базе средней древности поставлен кусок из пояса барабана: рисунок для Армении не архаичный, а на поясе барабана это новшество. Таким же новшеством является и по технике, и по рисунку рельефная декорировка на капители, случайно поставленной под крестным камнем: здесь же найден кусок откопанной тогда же модели, к которой вернемся особо (стр. 119—120).

Постепенно стали выступать внутри церкви северо-западная сторона, западная, юго-западная и южный пилластр у полуразрушенного окна. В связи с новым полом, естественно, нижние части дверей, так, например, западной, оказались заделанными, правда, грубою, сухою кладкою. План, примыкая к упрощенному, следовательно, позднему виду базиличного типа, тем не менее, сохраняет архаичные черты. В громадных пилластрах сохранились пережитки собственно пиллонов, внутренних колоннад, в направлении к которым и проведены наружные стены нашей церкви. В ней отсечены, таким образом, не только боковые портики, присущие древним базиликам в Армении, но и боковые нефы, по расположению приделов на восток придан неестественный вид, чтобы дать им выход не в боковые нефы, отсутствующие, а в центральный. Ниши наружные своею глубиною сохраняют пропорции древних построек. Выпуклая арка над западною дверью также архаична: это — подкова.

Постепенно предстали архитектурные подробности, откопанные все там же, на алтарном возвышении: 1. база и фуст колонны, 2. верх пролета-прохода на алтарное возвышение, 3. верх малой ниши, 4. полукупол, венчавший одну из ниш алтарной абсиды, 5. кусок другого такого полукупола, 6. такой же полукупол с розеткою.

По частям было найдено подложие купольного креста, венчавшего кольцом верх шатрообразного перекрытия барабана.

3. После сноса всех древнейших надстроек вокруг церкви VIII в. обнаружилась первоначальная стена — стена крестных камней, параллельная восточной стене церкви, служившая ей оградою с востока: на месте сохранились лишь постаменты, и те в изуродованном виде. Но тут в кусках находили мы сбитые с мест многочисленные крестные камни. Между прочим был откопан в трех кусках наибольший из всех пока известных в Ани крестных камней, высотой в 2,85 м., шириною в 1 м., толщиной в 0,18 м.

Церковь некогда была расположена на свободной площади, открытые же раскопками многочисленные стены в притык к ней или параллельно ей — все дело позднейшего строительства. С юга и востока вплотную к церкви прилегали и жилые помещения, а с запада и, особенно, севера были одни погребения.

С восточной стороны церкви, в узком отделении, приспособлено было жилое помещение: откопан очаг и над ним камни. И здесь обозначались слои различных эпох анийской жизни. Когда был снят камень и разобран очаг, им защищавшийся, то под очагом оказались черепа, в свою очередь, лежавшие на засыпанном древнем тондире, местной печке, устроенной в жилом помещении, позднейшем сравнительно с церковью. Три яруса культурного слоя в отделении с востока определились так: I — первоначальный, на грунте церкви, II — ярус тондира, III — ярус с очагом и надставленным над ним камнем.

При сооружении этих жалких жилых домов портили не только церкви, но и позднее пристроенные к ней части, как, напр., постамент домов исчезнувшего крестного камня у южной двори.

Вблизи того же памятника одна стена жилого помещения, возведенная на насыпной почве, проходила над могильным двускатным памятником, который, в свою очередь, прикрывался лежащий не в грунте, а в позднейшей насыпной почве.

С южной стороны, против восточной половины церкви, так же совершенно ясно были установлены три слоя в насыпной почве, соответствующие трем эпохам в жизни Ани.

С южной же стороны, против западной половины церкви, открыта усыпальница. В ней найден один из надгробных памятников XII в., но и здесь, в усыпальнице, почва обнаружила несколько наслоений. Когда сняли наименьшую могильную плиту, впервые обнаруженную, то, на глубине 0,30 м. от могильной плиты, оказалась надгробный памятник другого типа с двумя скатами. Костяк верхней могилы положен был на верхней стороне нижней могилы: эта сторона была стесана и выровнена. Нижний памятник, в свою очередь, достигал высоты зева тоидира, прилегавшего вплотную к изголовью его, нижнего могильного памятника. Картина наслоений ясна: сначала во дворе церкви, использованном еще раньше в качестве кладбища, была сделана засыпка высотой в 0,33 м., и на ней устроена комната из стен грубейшей кладки; впоследствии же комната эта была засыпана еще на 0,30 м., причем северная ее стена была понижена или совсем разобрана, и все пространство, от южной стены комнаты до южной стены церкви, обращено в усыпальницу.

На юге раскопки не закончены, но единственно постройкою, которая была бы современной откопанной церкви, можно пока считать только маслодавальню.

Более тщательные постройки близ церкви стали выясняться с запада, но и они не закончены раскопками, а обнаруженные пока близ церкви развалины представляют остатки позднейших построек, возведенных на насыпной почве.

Что представляло место и чем оно стало, нагляднее всего могут показать два вида раскопанной площади, один (рис. 197) до раскопок (на веками засыпанной и заросшей травой земле расставлены нами собранные с поверхности, до раскопок, архитектурные подробности, в том числе заинтросовавшая нас капитель Ереву́йского стиля), другой (рис. 198), на том же месте — после раскопок.

4. Из частичных разведок любопытные черты в истории городища вскрыла раскопка у ворот Апото-вых стен, веденная в том же году Н. Л. Окушевым.

На раскопках одного из районов, на которые была разбита улица, именно IV, было несколько особенно интересных моментов, так, например, когда откапывался глиняный кувшин, карас, в котором впоследствии оказались ртутные сосуды; тогда же в самой раскапываемой почве вскрылись сразу, чуть не в ряд, несколько ртутных сосудов (рис. 199—201); раньше и впоследствии здесь же откопано было большое собрание ртутных сосудов и их фрагментов.

В одном месте ртутные сосуды и их обломки оказались на обгорелом месте около костяка с разбитым черепом, на котором лежало своего рода ядро, каменный шар неправильной формы в 0,4 м. и менее в окружности; на этом камне, как на черепе, были также следы горения. В этой обстановке можно было бы усмотреть оправдание того взгляда, по которому в ртутных сосудах признавали боевые орудия, вместилища греческого огня, но, как выяснилось, эта интересная обстановка совершенно случайного происхождения (стр. 95—96).

5. Раскопки, сосредоточенные около минарета, на наметившихся к северо-западу от него развалинах, постепенно стали вскрывать вместо ожидавшихся частей мечети, монументального здания, которое должно было соответствовать размерам и качеству работы минарета, жалкие остатки жилых помещений, приспособленных или надстроенных на частях мечети. С запада от развалин минарета вскрылись, таким образом, три ряда помещений: ряд А, ряд В, ряд С. О ряде D, за корридором, речь будет особо.

Первое впечатление получилось такое, что или мечеть была совершенно снесена и занята позднейшими застройками, или, не в пример минарету, мечеть не представляла капитальной постройки, а сама была приспособлена к существовавшим на месте постройкам, была возведена на фундаменте

древних зданий, надстроена над ними. И теперь она терлется среди других построек, современных ей или еще более новых. Что налицо остатки построек в позднейшей грубой отделке, это ясно из самого плана почти исключительно косых линий и лишенных всякой симметрии углов. Это ясно и из кладки тех же стен, грубой пропорционально их несимметричности.

Такое варварское строительство для Ани невозможно не только в зданиях, посвященных культуре, безразлично христианскому или мусульманскому, и вообще имеющих какое-либо общественное значение, но и в частных домах зажиточных граждан сколько-нибудь культурной эпохи. Оно свойственно жилищам позднейших обитателей Ани. Для характеристики нравов этих обитателей достаточно указать на следующий факт: была отрыта база, которую жители успели использовать как ступу, выдолбив углубление в нижней ее стороне.

Обломками хозяйственного инвентаря этого позднейшего населения, каменных ступ, водоемов, водопоев, глиняных мисок, и была насыщена насыпная почва в раскопанных помещениях. Для него и им были устроены и эти косые стены и перегородки, мелкие комнаты и узкие коридорчики, а также тондирь во всех комнатах, но на различных высотах насыпной почвы. Некоторые из позднейших стен оказались выведенными заново, притом не на грунте, а на засыпанных, не разгребленных развалинах; такова была, напр., стена, делившая ряд А на две половины, восточную и западную.

Однако, выделяются ясно и остатки первоначальных построек на месте. Это, прежде всего, мелкие отделения в ряде А. Эти отделения, похожие на комнатухи, верхними краями своими находятся значительно ниже уровня фундамента минарета и имеют вид глубоких хранилищ, быть может, для воды. Стены их выведены чрезвычайно аккуратною кладкою и сохранили следы штукатурки.

Глубокие хранилища, выделяющиеся своим древним видом, служили, во всяком случае, подвальным этажом, но не мечети. При сооружении мечети не только этот подвальный этаж, но и развалины поддерживавшегося им более древнего здания были снесены и засыпаны землею до уровня фундамента минарета.

В западной стене ряда А наметились верхи косяков двери из красного камня, через которую, как первоначально нам казалось, из мечети выходила на улицу; потом выяснилось, что пролет уходил слишком глубоко вниз и был засыпан; засыпка относится ко времени возведения мечети, а пролет двери восходит к постройке более древней эпохи.

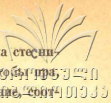
Дело будущего специального исследования распределить по принадлежности между мечетью и предшествовавшим ей на ее месте древним зданием собрание архитектурных деталей, камней с растительною резьбою (арка, косяки, колонки, базы и т. д.).

С юга, рядом с мечетью, за коридором, мы рискнули повести раскопки вглубь и грунта достигли лишь на значительной глубине. Здесь, на глубине шести, семи метров ниже уровня пола мечети, оказались остатки построек древнего периода, которые, при существовании мечети, были засыпаны. Более того, в этой засыпанной в эпоху расцвета анийской городской жизни почве стены оказались различного качества по технике кладки и различной высоты: одни достигают своим основанием грунта, другие, возведенные на насыпной земле, далеки от природной почвы. Ясно, что в засыпанной части мы имеем остатки построек не одной эпохи, а целого периода жизни Ани, в продолжение которого город развивался по эпохам, и в наносной почве имеем наслоения по эпохам.

Этой мысли, возникавшей и раньше, раскопки X кампании дали и в других частях блестящую иллюстрацию, и отныне копать в Ани можно лишь вносящим в технику не только большой осторожности, но всех тех практических приемов, которые вытекают из нее.

6. Таким образом, мечеть Абу-л-Маъмурана, точнее, ее развалины, оказались «заросшими» позднейшими застройками. Сама мечеть, впрочем, была выведена на засыпанных жилых домах и постройках древней эпохи. Вместе с тем раскопки обнаружили, помимо развалин минарета, многогранный кубок, мавзолей, и, рядом с ним, с востока, зал мечети — бесспорные свидетели нахождения мечети именно здесь, на раскопанной площади.

Зал неправильной формы: он, несомненно, был встроен и подстроен в условиях, весьма стеснительных для архитектора, который не располагал ни достаточно свободною площадью, чтобы правильно разбить план, ни достаточно прочным грунтом, чтобы возвести монументальное здание, соответствующее величии минарета. Если бы вскопать пол и углубиться, под ним, наверно, оказались бы засыпанные постройки древней эпохи, сохранившиеся в виде хранилищ с северной стороны.

У мечети оказалась другая дверь у юго-восточного угла. Детали ее скромной отделки были найдены тут же, но пролет в нижней части был заложен, надо думать, тогда, когда ее обратили в жилое помещение.

Снаружи вдоль восточной стены мечети, севернее восточной двери, отрыт громадный каменный чан с каменной крышкою (выс. 0,82 м., шир. 1,33 м., толщ. более 1,03 м.); но и чан оказался не на грунте, а на насыпной почве (в уровень с полом мечети).

На полу мечети сохранились три базы или, точнее, постаменты для деревянных столбов, по всей видимости, колоннады, делившей мечеть на две половины, северную и, более широкую, южную.

Пол мечети мощен простыми тесаными камнями. Стены не могли представлять образа анииской тщательной кладки, так как они были оштукатурены. Минараб служила конха в южной стене-обрамленная гранеными полуколонками; тут были отрыты несколько деталей из камня, но чрезвычайно мало и с умеренною резьбою.

Весьма вероятно, что и деревянная колоннада и оштукатуренные стены были орнаментованы — первые резьбою, как во дворце, вторые — узорами или поливными кирпичами и расписными кафлями. Мечеть, несомненно, была разгромлена, и ее орнаменты одни расхищены, другие — сбиты и впоследствии засыпаны землею. К последним относятся многочисленные кирпичи с зеленою поливою, некоторые с остатками горельефных арабских надписей куфическими буквами (рис. 202—203). Эти декоративные плиты (77 кусков) составляют теперь украшение I отделения Анииского музея.

7. Куббэ представлял восьмигранное здание. Внутри постройки пол оказался провалившимся: выведен он был без свода, трудно сказать — досчатый или каменный, но, по всей видимости, на бревнах. Под полом было подвальное помещение, где оказался упавший туда каменный водоем, разбитый на два куска, да еще с отбитым краем. Составлял ли водоем принадлежность мусульманской культовой постройки или часть хозяйственной утвари позднейших малокультурных обитателей Ани, обращавших в жилые помещения все здания без различия, и христианские, и мусульманские? Откопанный водоем слишком велик, чтобы присваивать его маленькому хозяйству, которое могло уместиться в многогранном здании. С восточной стороны упавшего водоема обнаружены два куска глиняной крышки тондира, и можно было бы думать, что, наравне с ними, и каменный водоем происходит из хозяйственного инвентаря позднейшего обитателя, но обломки крышки тондира не случайно попали в подвальный этаж: они прикрывали человеческие кости. Однако, там же оказались другие хозяйственные предметы, как-то жернов (нижний камень с железным штифтом по середине), ступы, тондир, куски миски-«чаага» из красной глины, редкие куски и обломки грутных сосудов.

Под каменным водоемом были найдены куски истлевшего деревянного гроба, из которого и происходили находившиеся ранние разрозненные кости. Постепенно отрыт был весь истлевший гроб с опустившеюся в него крышкою. Верх края гроба оказался на глубине 2,80 м. Гроб лежит по направлению с востока на запад, длиною в 1,89 м. У погребенного, судя по наличному состоянию костяка, руки сложены так: одна вытянута вдоль бока, другая прижата под нею в южную сторону, куда обращено и лицо.

Архитектурные части куббэ все налицо, и архитектуру нетрудно дать проект возможно точной его реставрации. Здание — внутри сводчатое, снаружи с шатровым, как армяские купола, перекрытием. Кругом шел пояс из восьмишестковых розеток; стены обегали стрельчатые арки; по углам были размещены двугранные полуколонки; откопана отделка пролета двери.

8. Когда мы снаружи, у Главных ворот, начали обновлять арык, чтобы снабдить городище ключевой водою, при рытии бассейна наткнулись на древние водопроводные сооружения: мне представляется, что здесь может быть прослежен путь, по которому получали воду для заполнения рва.

Главная улица открыла нам во время X кампании ряд лавок, интересных как по устройству своему, так и по находкам; собственно два ряда лавок, один западный, прилежавший к мечети Абу-л-Маямрана, другой — восточный, прилежавший к сводчатому зданию.

В восточном ряду в подвальном этаже одной лавки показались шесть зарытых глиняных шинов, карасов.

В том же ряду особого упоминания заслуживает слесарная мастерская и еще мастерская, где были открыты тигеля.

9. Начаты обследования пещерных помещений. Вопрос о них по недоразумению связывали с домами бедных, по назначению пещерных помещений были различны, судя по их разнообразной архитектуре. Есть пещеры-кеды, сооруженные специально для отшельников, так, около церкви Кизил-Килисе, за оградой городских стен, в пещере высоко устроена просторная келья отшельника с видом на церковь и протекающий мимо Ахурия: вход вверх в келью был потайной по ступеням коридора, перпендикулярно выдолбленного в скале. С той же, северо-восточной, стороны, но ближе к городским стенам, находится пещерный дом в несколько комнат с освещением в куполе, искусственно высеченном (рис. 204). Особенно известны пещерные помещения в Цагоцадзоре, или в Цветниковом ущелье (рис. 205). Эти подземные ряды, в два или три этажа, составляли целый квартал с галерею-улицей, церквями, склепами, магазинами и, быть может, жилыми помещениями. Таким образом, здесь дело имеем не с памятниками пещерного периода, не с естественными лишь углублениями, а искусственными сооружениями. Они могли быть по силам людям с значительным достатком, богачам. Сухая почва пещерных склепов сохранила погребенных арийцев иногда совершенно нетронутыми, нетленно до наших дней. В настоящее время ряды пещер наполовину и более обвалились в ущелье, а в сохранившихся помещениях многое осыпалось. Все же видны ведае выделенные в пеще архитектурные части, колонны, своды и купола; в предполагаемых магазинах — углубления, высеченные в породе, принимавшиеся за ящики для мелкого товара, но, быть может, они — помещения миниатюрных поминальных крестных камней; в церквях — остатки фресок. Пещерные склепы иногда кажутся жилыми помещениями или часовнями, так как на могилах в них не сохранилось никаких памятников. В иных пещерных помещениях арийцы, действительно, жили, как в домах; они так и назывались «каменными домами», судя по армянскому их названию «картун» (ճարտան), сохраненному у грузинского историка Тамары; в соответствующем тексте рядом названы картун и особый дворцовый квартал (ճարտան Գեօրջեան), академиком Броссе по недоразумению переведенный «купольными зданиями», les édifices à coupole. Но, что в пещерном квартале сооружались склепы, притом склепы именитых граждан Ани, это выяснено обследованием 1910 года.

В галерее, представляющей ряд склепов, давно была замечена полубовалившаяся часовая с слабыми следами фресок. При более внимательном рассмотрении художник С. Н. Полторацкий не только выяснил сюжет росписи: на стене прямо — деисус, на своде — архангелы с армянскими объяснениями, но и открыл интересную армянскую надпись. Из надписи узнаем, что в пещере этой имеем не более, не менее, как склеп Тиграна hOнеца, верного слуги князей Захаридов, строения излучиной арийской церкви св. Григория (рис. 206).

10. Для первоначального ознакомления с местными памятниками в село Боздухан в X кампанию мною, совместно с Окуевым, была совершена однодневная поездка 8 июля, давшая возможность познакомиться с церквями типа, то приближающегося к откопанной в Ани Кизил-Килисе, то совершенно неизвестного в Армении. Боздухан в плане представляет крест с сиянием у нижнего конца.

В эту же поездку открыты три новые армянские надписи XII-XIII вв. в фрагментах, и тем не менее важные.

11. Из гражданских построек, примыкающих к Сымбатовым стенам, на северо-западном углу, до раскопок бросался в глаза княжеский дворец (9). Он казался настолько незначительным, что его признали дворцом Багратидов. Такое мнение как-будто поддерживалось и наличием соответствующего памятника, по поводу чего в свое время писалось:

«Снаружи на северной стороне у верхов стены находилось рельефное изображение мужа в военном облачении с отбитой головой: кафтан доходил до колен, поясница была обтянута поясом, в одной руке муж держал изображение постройки, повидимому самого дворца. Передать, что это была статуя царя Сымбата, которую русские извлекли в 1845 г. с ее места и повезли в Петербург»²⁰².

В сообщении о загадочной статуе установления требует место ее нахождения. Описатели Ани, в числе их и Алишан, путают под названием дворца три постройки, перенося на занимающее нас сейчас здание над Цветниковым ущельем виды и подробности притвора церкви Апостолов и даже Дворцовой церкви. Ввиду этого можно бы колебаться в приурочении статуи к одному из названных памятников. Но если остановиться все-таки на княжеском дворце, нельзя на наличной восточной его стороне, именно портале, найти место, где могла бы находиться статуя²⁰³.

Английский путешественник Abbott также сообщает, что в числе виденных им достопримечательностей Ани была фигура «человека, держащего в руке что-то сферическое», но он помещает ее на городских стенах вместе с изображениями тигра, очевидно, хорошо известного анийского барса у Главных ворот, и лошади, с тех пор также исчезнувшей. Весьма возможно, что загадочная статуя или, по всей видимости, скорее рельеф украшал городскую стену близ княжеского дворца, с восточной от него стороны, над Игдзором, и это изображение было присвоено глухо цитируемым у Алишана армянским описателем дворцу, им считавшемуся царским. В здании мы также были бы готовы признать по местоположению царский дворец, притом именно царя Сымбата, ибо дворцы военных властителей возводились, как орлиные гнезда, на нарочито выбранных, по природе недоступных пунктах у крепостных или городских стен, а наш дворец расположен именно у Сымбатовых стен. Однако, эти стены обновлялись неоднократно; в XII-XIII в. они не только были обновлены по всей линии, но и удлинены над Гайледзором князьями Долгорукими, и их дворец мы вправе усматривать в этой постройке. О дворце Захарии в Ани упоминается, между прочим, в описании церковного собора по вопросу о подвижном престоле²⁰⁴. И, действительно, как материал, так и приемы кладки и отеса отводят нашему дворцу место среди памятников армянской гражданской архитектуры XII-XIII вв. К этой эпохе расцвета анийской городской жизни относится и его хорошо известный портал (рис. 207). Поверхность нижнего яруса представляет мозаику из резных крестов и восьмиугольных звезд (рис. 208).

Постоялый двор (?), откопанный в X кампанию, представлял зал, перерезываемый в направлении с севера на юг аркадой; аркада состояла из трех арок, опиравшихся на два пилона с краев на пиллястры или самую кладку стен. Она делила зал на два нефа, восточный — узкий, западный — широкий.

На общем плане раскопок не нанесены эти подробности плана большого зала, но материалы из раскопок дают полную возможность возобновить почти все здание, стены которого сохранились до значительной высоты, и налицо камни из свода потолка (плиты из красного камня), деталь круглого окна, арки, причем две арки с замком, части выпуклых арок, пилоны и пиллястры, несколько «патуванов» или мелких ниш с орнаментированным верхом, на одном из которых изображен бык с отбитыми рогами. Есть признаки штукатурки. Лицевые камни с метками мастеров: метки двух, трех видов, один из коих известен в анийских постройках XI-XII вв.

Декоративные детали, происходящие из домов, говорят о значительно большем еще развитии гражданской архитектуры.

Близ княжеского дворца найден был орнаментированный камень с виноградом и гранатами (рис. 209). Такие узорчатые камни украшали в богатых домах снаружи порталы, а внутри — стены комнат особенно близ ниш.

Внутри комнаты украшались также резьбою каминов и ниш. Раскопки 1912 г., вскрыв десяток частных домов, приоткрывшихся вокруг открытой большой церкви X в. (рис. 223), обнаружили зал с прекрасной по резьбе нишею, также с гранатами (рис. 249).

12. И. А. Орбели анийские материалы о ртутных сосудах сделал предметом специального исследования²⁰⁵.

«Наиболее обычной формой сосудов является яйцевидная, с теми или иными изменениями; имеются еще сосуды цилиндрические с коническим дном, а также круглые или приближающиеся к шару; сосуды граненные представлены лишь в 10 экземплярах. Осложненная форма сосудов встречается крайне редко, всего не более 3-4 сосудов. Дно сосудов, за исключением одного, неустойчивое, но не всегда коническое.

«По цвету глина крайне разнообразна, так, представлены серые, зеленоватые, оливковые, желтоватые, синие, черноватые и красноватые тона.

«Глина характеризуется крайней тяжестью, твердостью, звонкостью и проявляет большое сходство с камнем; глина, не обладающая этими свойствами, довольно редка. Большинство орнаментованных сосудов имеет поперек основного слоя глины еще тонкий добавочный, из более мягкого рыхлого материала. Обнаруживаемая в некоторых случаях слоистость стенок иного характера — не зависит от орнаментации и стоит в связи с техникой производства самого корпуса сосудов. Плотность глины в общем весьма значительна, хотя встречаются поры и даже каверны в стенках. Глина по составу не однородна и содержит зачастую довольно крупные зерна, преимущественно белые, известковые, но иногда и черные, блестящие, а также и иных цветов.

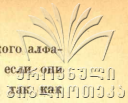
«Стенки, особенно в изломах, впитывают воду, но довольно медленно. Строение стенок в большинстве соответствует внешней форме, но иногда и отклоняется, особенно в дне; дно внутри чаще всего округлое, иногда даже почти плоское; стенки характеризуются значительной толщиной, которая не зависит вовсе от размеров сосуда. Стенки составляют большую часть объема, так что при объеме сосуда в 295 куб. см. емкость его равняется 125 куб. см., при 590—265, при 760—287 и при 1270 — также 287 и т. д. Самый большой и самый маленький сосуды представлены в фрагментах: высота самого большого — около 0,25 м., это, судя по известным в литературе материалам, вообще самый большой экземпляр. Внутренность сосудов почти всегда покрыта лаком различного вида и цвета, тонкого и жидкого и более плотного и густого, белого, зеленоватого, желтоватого, серого и других цветов. Лак предохраняет поверхность сосуда от просачивания воды. Лак наносился тремя различными способами.

«Спиральные ложки внутри на всех сосудах, а также и некоторые другие внешние признаки указывают производство стеклом; горлышко замыкалось по окончании внутренней отделки; главным орудием служил палец, видимо только большой, но имелись и стеки, не менее 3 видов, а также деревянные ножи.

«Все сосуды имеют небольшие головки с крайне узким устьем; все головки приспособлены для обвязывания мягкой укупорки; укупорка сдерживалась несколькими тонкими бичевками, на что помимо переживаний в орнаментах указывает и нахождение на многих сосудах специальных продольных и поперечных бороздок, выработанных по обожженной глине.

«Орнаментация сосудов группируется в продольных и поперечных полях: орнамент преимущественно рельефный, наносился всегда при помощи мелких печаток, видимо каменных, во всяком случае, не деревянных. Имеются и композиции из нескольких мелких печаток. Всего насчитывается более 120 различных рисунков печаток; излюбленный мотив — форма тыквенного или подсолнечного семечка, затем гроздь, розетки, звездочки, цветки подсолнуха, таблички, а также различные сложные фигуры; очень излюблены мотивы, приближающиеся, с одной стороны, к старинным ювелирным предметам, с другой — к местным архитектурным орнаментам. Все мотивы находят себе параллели в местном декоративном искусстве; особого внимания заслуживают два экземпляра, украшенных рельефными женскими головками с локонами, а также орнамент с украшениями, явно заимствованными из другой области местного гончарного производства карасов. Нанесение орнамента сопряжено было с большой трудностью, так как на некоторых экземплярах насчитывается до 1000 отпечатков.

«Помимо тисненого орнамента имеется и выпарашный линейный, для чего употреблялись различные вилочки и гребенки. От орнаментов должны быть отличны знаки, тисненные, чаще выпарашные или выбитые по обожженной глине; при всем разнообразии, большинство их разбивается

на несколько определенных групп, которые рождаются, с одной стороны, с буквами армянского алфавита, с другой — с весовыми знаками, имеющимися на арийских каменных гирях. Знаки, если они весовые, указывают не на абсолютную емкость сосуда, но на количество содержимого, так как сосуды различной емкости имеют одинаковые знаки. Близкие аналоги к знакам, находимые в армянском и других алфавитах, едва ли могут указывать на наличие клейм мастеров: это опровергается многими данными. Поверхность сосудов часто бывает покрыта жидкой краской, точнее — глиняной разболткой и лишь в крайне редких случаях — настоящей краской и поливой.

Арийские находки по многим соображениям принуждают навсегда отказаться от всех, до сих пор существовавших теорий об их назначении, кроме ртутной; в последнюю, однако, должна быть внесена существенная поправка: приходится принять, со значительным ограничением, что они предназначались для перевозки; хранение могло быть преимущественно домашнее; последнее основание, в связи с изумительной многочисленностью сосудов (в 9 летних кампаниях представлено более 620 экземпляров), а также и отсутствие положительных данных в пользу того, что в них сохранялась ртуть, нас принуждает допустить, что содержавшем их кроме ртути могли быть вообще туалетные и косметические препараты, преимущественно, если не исключительно, женские, притом безусловно жидкие и весьма текучие.

Такое назначение сосудов может оправдывать и факт нахождения их повсеместно, на всей территории Ани. Случай обнаружения их, даже значительными группами, близ городских стен Ашота и даже около останков воина-копейщика (стр. 90) по многим причинам не могут говорить в пользу теории боевых снарядов.

В отношении времени, при невозможности пока установить позднейший термин, значительную часть сосудов приходится отнести к эпохе сооружения крепостной линии водопровода, т. е. к X-XI вв.

Что касается до места производства, то, основываясь на деталях орнаментов, имеющих, как было сказано, ближайшие аналоги в местном прикладном и монументальном искусстве, в частности, в бесспорно и исключительно местном гончарном производстве, следует признать, если не за всеми подлежащими сосудами, то за значительную их часть, арийское происхождение.

Многие вопросы, касающиеся техники производства, отчасти и применявшегося рабочего инвентаря, выяснены исключительно благодаря изучению фрагментов, значение которых до сих пор совершенно неосновательно игнорировалось, либо даже отрицалось; украшением арийской коллекции служат именно фрагменты».

Без всяких подробностей я укажу еще на такой существенный факт, как находка нескольких плавильных горшков: в III районе улицы на одной стороне найдена мастерская металлических работ, на другой — тигель с остатками расплавленной меди; две половины тигеля с осадком плавившейся меди были откопаны в IV районе улицы.

ГЛАВА VIII.

1. Одиннадцатая археологическая кампания началась 1 июля 1912 г.²⁶⁰³ В состав сотрудников входили по архитектуре П. Е. Клягницкий, по живописи А. Я. Андриянов, по фотографии А. М. Вруйр. В практиканты за недостаточностью средств и помещения я мог принять только одного: таковым был окончивший Факультет Восточных языков В. М. Беридзе. Последние две недели в работах принимал участие прив.-доц. Университета Н. Г. Адоиц, а также окончивший Факультет Восточных языков, действительный член Археологического Института А. А. Лорис-Калантар. Занимаясь в библиотеке и знакомясь с древностями Ани студент того же факультета Л. А. Калантар. Интересуясь древне-христианскими рельефами, собранными в Арийском музее, да и текущими работами, за лето дважды посетил Ани Я. И. Смирнов, старший хранитель Эрмитажа. Несколько недель по день моего выезда работал в музее Ю. К. Страуме, командированный для собрания

материалов Кавказским Кустарным Комитетом, поставившим себе задачу «восстановление в произведениях кавказской кустарной промышленности оригинальных стилизованных рисунков местного народного творчества». После моего отъезда в Анийском музее работал, на основании новых материалов, над пополнением работы об овальных орнаментированных сосудах оставленный при Петербургском Университете по кафедре армяно-грузинской филологии И. А. Орбели.

Летом 1912 г. вторую часть, более трети, вакаций я должен был посвятить Свани и, предполагалось, еще Абхазии: сокращение длительности кампании я решил возместить интенсивностью работ. В программе кампании в этот раз было отведено впервые значительное место реставрационным или правильнее ремонтным работам. В этом году на первый план выступили весьма дорогие столичные ремонты, неизбежные ввиду угрожавшей гибели таких исключительных по значению памятников, как Дворцовая церковь (стр. 49). Удалось подвести западную стену (рис. 210). В еще более опасном состоянии находилась оригинальная грузинская церковь (стр. 85), возведенная на сводчатом нижнем этаже. Вся восточная стена с разрушенными почти до грунта углами ныне восстановлена (рис. 211, 212). Большие всего опасений и трудностей представляли работы у церкви Спасителя (рис. 213, 214) и церкви Апостолов. Стены круглой церкви Спасителя (стр. 104) были настолько разрушены и потрясены в нижних частях, притом не с одной, а с двух сторон, на протяжении двух третей окружности, что, по словам архитектора П. Е. Княгиницкого, дни этого единственного в своем роде памятника надо было признать сочтенными. И эту церковь удалось основательно отремонтировать. Не хватило средств на полное исполнение ремонтных работ церкви Апостолов; все-таки и здесь подведены восемь угловых пилястров внутри — в весьма ответственных местах. Что же касается изящного притвора при той же церкви Апостолов с замечательным сталактитовым куполом, одною половиною висящим на воздухе, то нашу заботу вынуждены были мы свести к паллиативному средству: плотно подогнан под висящую часть купола деревянный столб.

Средства требовались на музейные нужды, как в архитектурно-эпиграфическом I отделении музея, где сооружена еще одна линия новых полок, так в отделении предметов (II отделение музея), где сделаны четыре новых витрины.

Кроме того, развитие дела выяснило, что, как бы ни расширились в будущем музей и его отделения, во всего, получаемого из раскопок и разведок в Ани, ни в какой музей не вместить. Да и совершенно бесперспективно сменить с мест, напр., ценные и хрупкие, требующие присмотра, но чересчур крупные архитектурные подробности. Постепенно в рационально организованный музей должен обратиться весь Ани, хотя бы в пределах его стен. Начало этому положено в этом году. Хрупкая орнаментация лицевой стороны алтарного возвышения откопанной большой церкви защищена решеткою под деревянным навесом. Такая же решетка сделана для откопанной в эту же кампанию роскошной ниши с гранатами; за решеткой собраны все фрагменты. Наконец, из музея вынесены и помещены у входа в архитектурно-эпиграфическое отделение музея в особо изготовленные для сего деревянные рамы с решеткою две известные цельные обширные надписи, направо от дверей грузинская надпись католикоса Епифания, налево — упомянутый ярлык Абу Са'ид-Багадур-хана.

В этот раз мы располагали впервые полностью услугами архитектора на все время работ. Естественно, кампания имеет возможность включить в актив своей деятельности чертежи и планы памятников Ани, независимо от раскопанных. Так, П. Е. Княгиницкий составил план Дворцовой церкви и дал скрупулезно-точную в размерах и в красках копию с натуры вида северной стены той же церкви внутри. Кроме того, им же изготовлен план трехэтажных бабей, обрамляющих Карские ворота, раскопанные два года тому назад (рис. 215): чрезвычайно сложную работу положено начало объемам и изучению городских стен. Это предприятие, давно манившее, выдвинуто на первый план интересом к анийской гражданской архитектуре, получившим вновь оживление от раскопок этой кампания. В силу того же интереса составлены планы двух этажей княжеского или паронского двора.

Художник А. Я. Андриянов имел поручение скопировать в красках роспись халкедонской церкви Григория просветителя Тиграна Юниенца. Одна из этих копий, выезд армянского царя Тирдата в сопровождении абхазского, грузинского и алашского царей на встречу Григорию просветителю,

воспроизводит подлинник в натуральную величину²⁰⁶. Тот же художник был командирован из Ашк в монастырь Ахпат, чтобы списать портрет исторической фигуры — Хутлу-буги (рис. 214) Заведывавший фотографической частью А. М. Вруйр успел сфотографировать 157 археологических сюжетов. В числе их имеются и пейзажи, но пейзажи ашкской природы бывают ценны своим археологическим содержанием.

2. Раскопки этой кампании были сосредоточены в древней части города, отгороженной стенами царя Ашота 964 г. Были выбраны два пункта (100 и 101), оба близ архитектурного и эпиграфического отделения музеев.

Холмик (100), расположенный на севере от нового здания музея просился на раскопки и потому, что он занимал центр, казался бы, свободной площади, куда имелось в виду расширить музей.

Под холмиком оказалась маленькая церковь, перестроенная из древней не-купольной в купольную. Западные пилоны, поддерживавшие арками барабан, оказалось, приставлены к гладко тесаным южной и северной (рис. 217) стенам. Рядом с этими пилонами остались нетронутыми выступы пиллястров из первоначальной разделки стен церкви базиличного, без барабана, типа. Соответственные явные переделки наблюдаются и у алтарной абсиды, так, напр., в паре восточных пиллястров, преобразованных в пилоны. Внутри лицевая сторона алтарного возвышения отделана была ташками, диагонально расставленными разноцветными камнями в стиле декоративки гражданской архитектуры XII-XIII вв. (рис. 218). Откопаны подробности в такой полноте, что проект реконструкции может быть составлен без затруднения. Конический купол барабана, описанного орнаментированным поясом, перекрыт был зонтообразно в стиле XIII в. Площадь очищена вся, но она занята кладбищем, устроенным в насыпной почве. До грунта, таким образом, пока мы не доходили. От надписей найдены лишь обломки. В числе крестных камней один снабжен надписью, судя по именам, XIII в. (рис. 219). К XIII в. относится переделка церкви в купольную. В обрывках эпиграфических памятников имеется дата 1042 из надписи до перестройки церкви. Позже, после XIII в., церковь была обращена в конюшню: на четверть аршина пол был покрыт крепко утоптаным навозом.

3. Другой, довольно большой ашкский холмик (101) был расположен на юге от откопанной уже главной улицы, между нею и обрывом над ущельем Ахурияна. На верху холма валялись глыбы бути и куски различных частей здания, чаще — карниза с перенлетом. Замечались также обломки перекрытия купола, кровельных плит и валиков. Со стороны, так, напр., с северо-восточной стороны, холмик обращал на себя особое внимания; еще менее бросались в глаза упомянутые куски и обломки, заваленные камнями или полусасыпанные землею и поросшие невысокою травой. Внимательный же осмотр места давно предвещал, что холмик прикрывает развалины церкви. Еще несколько лет тому назад, когда откапывалась главная улица древней части города, я повел раскопочною траншею от улицы в сторону ущелья Ахурияна, в надежде очистить открытую площадь и подойти к церкви, казалось бы, свободно расположенной на ней; но раскопки обнаружили остатки глубоко, ниже уровня улицы, заложенных стен жилого дома и его комнат, и ни до церкви, ни до ее предполагавшегося двора тогда так и не удалось добраться.

В этом году приступлено было к раскопке самого холмика. Но работа кирки и лопаты постепенно стала вскрывать детали, покоившиеся внутри холмика, как, напр., наличник верха ниши (рис. 220). Вскоре показалась часть храма, сохранившаяся на месте: можно было видеть одни полуколонки с базами на постаменте, когда докопались еще только до верхней из трех ступеней северной стены (рис. 221). К концу раскопок северная стена, как и другие, была обнаружена до грунта (рис. 222); ее на снимке заслоняют остатки поздней пристроенных жилых домов, в числе их в средней части кладка с нижнею половиною прилежавшей к ней великоленой ниши.

На юг и юго-запад, да и на запад в сторону главной улицы раскопки вытянулись еще больше, и церковь осталась вдали; на рисунке ее южная стена с пролетом единственной двери виднеется на заднем плане (рис. 223). На переднем плане постамент крестных камней, представляющий, как увидим, самостоятельный интерес.

К окончанию кампании вскрытым оказался значительный участок, где церковь теряется в облепивших ее постройках, жилых домах и хозяйственных сооружениях (рис. 224). На северо-западе главная улица; поворот ее, показанный на плане на сев.-запад, ведет к новому зданию музея. Самой восточной стены церкви пролегла маленькая улица; она не вся раскопана.

4. Церковь в том виде, в каком ее постигло разрушение, представляла обычный в Ани тип упрощенной базилики с купольно надстройкой (рис. 225). Четыре пилона, каждый с двумя колоннами, большей и меньшей, завершившиеся четырьмя арками, на которых возводился многогранный снаружи, круглый внутри, барабан на квадратном основании и с обычным армянским куполом, приделы с боков адтарной абсиды и другие части повторяют уже известное по другим церквам того же типа.

Снаружи ступени, обтекающие храм, и ниши, по две с каждой стороны, — это также канон, нарушаемый западной стеною раскопанного храма, которая не имеет ни ниш, ни двери и имеет отделку, совершенно неизвестную у других представителей того же типа. Оригинальную часть раскопанной в этом году большей церкви является эта западная стена, выведенная внутри не прямою линиею: она внутри обработана в три ниши, каждая с полукуполом, а снаружи имеет прямой выступ.

В углублении у юго-западного угла церкви виднеются поздние высеченные в стене ступени лестницы (рис. 226), которая вела из церкви в сооруженное впоследствии амбарное помещение, плотно пригнанное к западной стене храма. Эта лестница относится к той поре, когда церковь была обращена в жилой дом. Одно время под церкви был поднят на 0,60 м. засыпного земли, а впоследствии, по обращении церкви в жилой дом, в насыпной почве был устроен очаг²⁰⁸.

Лицевая сторона алтарного возвышения, как оказалось, орнаментирована резьбою. В другой откопанной в этом году церкви, маленькой, левая сторона алтарного возвышения, как мы видели, была украшена шашками из разноцветных камней. Бывало, что раскопки обнаруживали в Ани орнаментальную надпись в качестве отделки алтарного возвышения²⁰⁹; иногда его левая сторона оказывалась разбитой на арочки²¹⁰. Следы резьбы замечаются, пожалуй, на изуродованных остатках алтарного возвышения Спасителя, но в общем украшение резьбою сплошь всей лицевой стороны алтарного возвышения в Шираке мы знали лишь по образчику в монастыре hОромоз, в 6-7 верстах на сев.-востоке от Ани (рис. 227). Здесь лицевая сторона алтарного возвышения обработана, однако, в стиле ново-армянской гражданской архитектуры. Вся площадь разбита шашками на диагонально расположенные квадратики, как лицевая сторона алтарного возвышения откопанной в этом году в Ани малой церкви, но вместо игры цветами камней в монастыре hОромоз квадратки различаются рисунками резьбы, причем почти все рисунки взяты из орнамента гражданской архитектуры. Что касается Ани, то в нем впервые наблюдается в раскопанной большой церкви такое украшение лицевой стороны алтарного возвышения сплошною резьбою (рис. 228). Элементы, входящие в состав этого декоративного шана, западные или древне-армянские церковные: свастика, равносторонний крест, розетка, ланцетки и т. п.

По расчистке алтарного возвышения до видимого грунта обнаружилось, что пиластры и выпускные коловки вырастают непосредственно из почвы — без всякой базы или хотя бы постамента. Разведочная раскопка у сев. края алтарной абсиды выяснила, что алтарное возвышение с его орнаментованною лицевою стороною во всю высоту (0,70 м.) — позднейшее сооружение. Появились базы пиластров и постаменты с уровнем первоначального пола, который ниже уровня даже пола остальной части церкви в настоящем ее виде. Были сняты плиты пола у сев.-западного пилона: раскопана земля, оказавшаяся насыпною, и обнаружился базис и постамент, прикрытые позднейшим полом. Возникли подозрения в перестройности и других подробностей алтарного отделения, но входить в эти специальные детали здесь нет надобности. Алтарное отделение первоначально не представляло возвышения, имело пол на одном уровне с остальною частью церкви; в аниских и вообще армянских храмах это также впервые наблюдаемое явление, несомненно архаическое, и оно имеет значение для истории христианской архитектуры в крае. У армян эта разница в устройстве алтарного отделения сказалась и в двойкости термина для его обозначения, именно более древнего

սեղանի սեղան (< *se[ɬ]an), во что в Армении видоизменилось, вероятно, евр. סֵלֶנִּיט ²⁷¹, означавшее не только стол, но и алтарь, и более позднего բեմի բեմ (< *be[ɬ] *be[ɬ]em), простой транскрипции греческого $\beta\eta\mu\alpha$ $\beta\eta\mu\alpha$.

Есть данные для точного восстановления верхних конструктивных частей церкви; так, напр., боковые приделы, примыкавшие к алтарной абсиде с севера и юга, были двухэтажные: когда стали сдвигать с места на сев.-восточном склоне холма глыбу, то она оказалась частью с одной стороны алтарной абсиды, ее полукупольного венчания, с другой — верхнего этажа сев.-восточного придела, а под глыбами чистого бута на том же склоне холма повыше был поднят, между прочим, камень из свода верхнего этажа сев.-восточного придела.

5. Подробности наружной декоративной отделки храма найдены если не все, то от каждого рода почти все виды. Постаменты, на которых утверждены парные базы парных полуколонн, почти все на местах, на верхней из трех ступеней, обтекающих низ храма. Нижние части стержней парных полуколонн, не утративших еще выпуклости конструктивных подробностей, сохранились все также на местах в количестве тридцати двух: по 9-ти с боковых сторон, 6 на восточной стене, 8 на западной. Верхние их части мы находили лишь сбитые и часто в кусках. Двадцать парных капителей, венчавших парные же подушки парных полуколонн, орнаментованы все рисунками армянской чисто-церковной архитектуры, часто с переживаниями древне-христианских мотивов: защетки с пуговками, во множестве стилизованные пальметки, акафьи, обращенные верхом вниз, стилизованные каштановые листья, шесть concentрических сплетающихся кругов, два переплетающихся медальончика с шестилиственными розетками, пятилепестковые цветки в очках сети медальончиков, веерообразный орнамент и т. д. Куски каймы, гирлянды десятилиственных розеток в продольных веревчатых коймах из обрамления двери, отсюда же парные полуколонки при базах на кубе и с жемчужным шнуром вдоль простенка.

Обильны также рисунки орнаментованных арок или дуг, завершавших парные полуколонки: стилизованная ветвь виноградной лозы, гирлянды то семилиственных, то шестилиственных розеток, удлиненные стилизованные каштановые листья с пуговкообразными почками и без них, гирлянда медальончиков, плетение двух гирлянд медальончиков, гирлянды медальончиков с ромбиками, сплетающиеся гирлянды того же рисунка, полушарики в витых медальончиках и т. п.

Высокий архивольт с гирляндой шестилиственных розеток очерчивал сверху на южном фасаде простенок с пролетом двери.

В декорровке фальшивых арок, по обыкновению, нет ни единообразия, ни какой либо системы чередования: так, напр., сходятся две дуги в антревольте, из коих одна украшена гирляндой переплетающихся медальончиков, другая — каштановыми листьями при пуговкообразных почках; или сходятся два архивольты, из которых один украшен гирляндами медальончиков, на другом — медальончики с ромбиками; или антревольт на грани барабана, где сходились одна дуга с гирляндой медальончиков, другая с переплетом медальончиков. Даже когда сходятся в антревольте один и тот же, напр., стилизованные каштановые листья, украшающие дуги, намеренно внесено в рисунках какое-либо отличие, хотя бы отсутствие в одном случае пуговок, присутствие их — в другом.

Столь же разнообразны орнаменты венчания обычных парных церковных ниш, в нашей церкви — только на трех сторонах. От наличников окон имеются, согласно обычной трактовке этой подробности в памятниках армянского церковного зодчества до конца X в., кайма из цепи равноостроенных крестов с расцветшими концами, гирлянда розеток в продольных цепочных коймах, гирлянда пятилепестковых цветочков в чашечках, размещенных в квадратике. Встретилась и шаблонная подковообразная накладка над окном.

Украшены были резьбою и фальшивые арки простенков восьмигранного барабана. Кроме того, наружную сторону как храма, так барабана под карнизом обегал орнаментованный пояс из гирлянды розеток, повидимому, на храме семилиственных, на барабане шестилиственных.

Многочисленные камни с переплетом, обычным орнаментом карнизов армянских церквей с X в., оказались двух видов, крупнее от карниза барабана и помельче от карниза стен храма, один из них с пуговками по краям.

Еще вначале раскопок, как только очистили холм от травы, ясно обрисовалась глыба от барабана с карнизом на ней.

Куски, особенно обломки, кровельных плит перекрытия церкви откопаны в большом числе. Конический купол, венчавший снаружи барабан, был перекрыт орнаментированными плитами.

Украшены были кровельные плиты крупными рельефными «лициями», по цветку на каждой плите. Это второй случай в Ани рельефной декорации конического перекрытия купола. Первый случай был обнаружен раскопками церкви Апостолов, постройки X в. Кровельные плиты купола этой церкви были украшены виноградными гроздьями и гранатами на стилизованных стеблях (стр. 73). В Ани это — особенность церковного зодчества X в., насколько пока известно. Обнаруженные раскопками кровельные плиты с рельефными «лициями» установили, что найденные раньше экземпляры, попавшие в музей, принадлежали к вновь откопанной церкви.

Аккуратно сложенный водосточный желоб шел по краю кровли: длинный его кусок также сохранился *in situ* на одной большой глыбе из верхней части храма; откопана и лейка водосточного желоба. Желоба, различного калибра, найдены, конечно — в кусках.

Купол увенчан был постаментом, из черного камня, для креста, имеющим вид модели церкви: двускатный фронтон, скаты перекрытия, восьмигранный барабан с арками на полуколонках, купол со сбитым верхом и, наконец, шар на подставке с углублением, в котором утверждался крест, все — части разбитого при падении постамента, найдены в раскопках.

Внутри церковь была оштукатурена; была ли она и расписана, утверждать трудно. От росписи или хотя бы ее красок, если она была, ничего не сохранилось. Белили ее или еще расписывали последние хозяева, т. е., вероятно, халкедониты. Следы штукатурки сохранились на частях барабана и окон, на колоннах у пилонов. Любопытен замок из купола, также позднее покрытый слоем штукатурки (рис. 229, 230). Когда штукатурку сбили, под нею обнаружилась декоративная резьба и в центре камня отверстие для утверждения большого крюка, с которого свешивалась цепь люстры.

И здесь, в большей, как в малой церкви, раскопанной близ нового отделения музея, на камнях из внутреннего круга основания барабана обнаружены железные крючки; на некоторых из этих крючков сохранились кольца. Они, несомненно, служили для подвешивания лампадок на проволоках. Утварь церкви вся была заблаговременно убрана, но в нижнем слое насыпной земли алтарного возвышения у грунта найдены обломки большой стеклянной лампы, с ушками, которые подвешивались проволоками на кольцах таких железных крючков.

В земле, откопанной при очистке позднейшего алтарного возвышения, найдены три куска стеклянной лампы с обрывками арабской надписи. Стекло окрашено в голубой цвет и внутри, и снаружи. Снаружи по голубому фону проходила пояс в золотых коймах (сохранилась нижняя); в поясе на голубом фоне крупные, во всю ширину пояса, белые (белого массю) арабские буквы, обрамленные золотом линией с золотыми же разводами.

Верхняя надстройка представляла громоздкую, быть может, несомерно тяжелую массу: на нижних частях то внутри, то снаружи обнаружались следы разрушения от удара тяжелых верхних обвалившихся частей.

Ново-откопанная церковь перестраивалась, и именно, как мне кажется, из не-купольной в купольную, по еще надо установить время этой перестройки. Одно ясно: оригинальная разделка западной стены тремя нишами внутри и прямоугольный ее выступ наружу, в связи с этим и отсутствие западной двери, и другие еще переделки в алтарной части вызваны были необходимостью увеличить силу сопротивления нижнего корпуса при вновь надстраивавшемся барабане с куполом. Эта надстройка, судя по орнаментам как барабана, так одновременно появившегося алтарного возвышения — вероятно, конца девятого века. Когда царь Ашот опоясывал стенами впервые в 964 г. город Ани, собственно древнюю его часть, где находится откопанная церковь, она, весьма вероятно, не имела еще ни барабана с куполом, ни алтарного возвышения, а в западной стене была дверь вместо замаскированного контрфорса, в виде ниши внутри и выступа наружу.

6. Выход на боковую уллицу, которая тянется вдоль восточной стены церкви, имеется у северно-восточного ее угла (рис. 231): здесь в линии восточной стены церкви, под тупым углом к ней, от сев.-восточного ее угла на север тянется стена с пролетом двери в комнату b_1 , представлявшая фасад дома, пристроенного к северной стене церкви. Что дом здесь был сооружен позднее, да и фасад — позднейшая пристройка, это бесспорно. Но внутренней в общем убогой архитектурной отделке дома не вполне соответствует сравнительно богатое обрамление пролета двери: сельджукская цепь, желоб между остою и парю различных размеров полочек и полувалик доходят до обрамляющих самый пролет пиллястров с капителями, на которых покоилась арка или, быть может, архитрав. Поодаль на углах выпуклые колонны или пиллястры.

Против южного пиллястра с востока оторваны были куски архитрава с рельефною человеческою головою, и вскоре тут же откопали небольшую плиту с рельефным изображением неоседланного, но взнузданного коня.

Перед этим же порталом частного дома у сев.-восточного угла церкви в числе других незначительных предметов был найден кусок бронзы, как потом выяснилось, часть небольшого колокола. Наибольший кусок этого колокола был отрыт на западе от церкви в комнате c_2 у улицы, за комнатою с амбаром c_3 . И здесь церковь, по падении Ани, служила конюшнею или хлевом. По очистке от навоза, на стенке колокола снаружи выступил остаток армянской надписи заглавными буквами в две строки. Надпись, судя по остатку, представляла, кажется, цитату из евангелия. Очевидно, оба куска заброшены случайно с одного места, где была сооружена колокольня.

На юге церкви было кладбище (рис. 232); оно в общем покрыто гладкими могильными плитами; на некоторых из них грубо выведены контуры человеческой фигуры; только на одной плите имеется надпись (рис. 233) —

ԱՅՍ Է ՉԱ-
ՆԿՐՈՅ ՍԻ-
ՄԵՄԻՆ

«Это по-
кой (т. е. место упокоения) Си-
мевона».

На ней же контур головы и в углу сияние из стилизованных лучей.

Это кладбище не современно ни первоначальному виду церкви, ни моменту его перестройки в купольный вид. Насыпь кладбищенской земли, достигая верха третьей ступени, прикрывает все ступени.

7. На конце у юго-восточного угла церкви (рис. 232) виднеется лицевая сторона постамента крестного камня, отделанная арочками. До этого постамента от церкви, от южной стены ее южного придела, наметились две параллельные стены, облицовывавшие с запада и востока массу бута. Это, несомненно, основание какого-то сооружения. На глубине 1,30 м., были обнаружены куски, казалось бы, древнего крестного камня. Крест относится к постаменту; внимательное обследование этого угла, по раскопке до грунта, обнаружило, что и основание неизвестного назначения и постамент упавшего крестного камня выведены на насыпной почве, а не на грунте. Они современны церкви той эпохи, когда ее южная сторона была засыпана до верха трех ступеней и обращена в кладбище: при сооружении загадочного основания памятника в кладке его облицовки с восточной стороны использован громадный кусок карниза с перелетом, положенный горизонтально орнаментом наружу: это кусок карниза, быть может, от самой церкви, извлеченный с места во время ремонта. И он лежит не на грунте, а на насыпной почве.

Сооружение у юго-восточного угла церкви, между церковью и постаментом крестного камня, настолько велико, что и на нем могли поместиться несколько крестных камней. Но это позднее сооружение несомненно служило иным целям; оно представляет террасу, на которой была устроена одна существенная часть храма, потребность в которой в Ани проявляется лишь с XIII в. Дело в том, что в южном приделе на месте обвалившегося полукушала первого этажа оказались застрявшими два камня, один черный, другой красный; их рано заметили во время раскопок, но первое время не трогали, так как сверху проходил путь для выноса земли из церкви. По миновании надобности в этом

относившейся к ней. Сооружение между постаментом крестного камня и церковью и по находению у самой стены южного придела, и по размерам прекрасно подходит к тому, чтобы в нем признать остаток звонницы.

В Ани это второй случай, когда упоминается «колокольня». Первый известный случай, с более поздней датой — 1291 г., касается церкви Спасителя; и здесь колокольня, по всей видимости — также немонументальное сооружение, разрушилась, но надпись о ней сохранилась на лицевых камнях церкви Спасителя опять таки с указанием на ближайший предмет — *գաճաղատան ի սյա քոօկոյն* — Зосима²⁷⁵. Имя это не календарное в армянской национальной церкви, но обычное среди халкедонитов. Это же имя встречаем и на известном эчмиадзинском бронзовом котле, откопанном в монастыре в Агарцине: котел снабжен армянскою надписью 681 г. (1232 г. н. э.), в которой одно слово, в литературе *աճաջ լեզույն*, именно *բրոնզ քոօկոյն* представляет, несомненно, заимствованное из грузинского *ჭობო ყაბ-ი კოთელი*, проникшее к армянам, по всей видимости, через халкедонитскую армянскую среду²⁷⁶. Впрочем, был ли жертвователем колоколов и строитель колокольни Мыхитар, вук Зосимы, халкедонит, это скорее можно будет решить в связи с вопросом, с какого момента завладели церковью Спасителя армяне-халкедониты, украсившие ее внутри бесспорно халкедонитскою росписью: были ли они хозяевами в ней уже в 1291 г., когда Мыхитар строил для нее колокольню? Во всяком случае, в надписи мне представляется указание на факт, что колокола в Ани и в 1291 г. были предметом ввоза.²⁷⁷ Мыхитар пишет буквально: «я принес» или «доставил колокола», и если этими словами вкладчик выражает не только акт пожертвования, то речь, надо думать, не о доставке из анийских мастерских, а о привозе, по существующим пока данным, редкой еще для Ани вещи из иного края. В то же время, пожалуй, армяне-халкедониты и были новаторами этого дела в Ани, в XIII в., начиная с 70-х гг., как то выясняется из раскопок 1912 года²⁷⁸. Ввиду всех этих соображений, заслуживает внимания осторожная формулировка предположения И. А. Орбели, что «колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII-XIII в.», вслывший в Грузию, «был отлит в сфере культурного влияния Ани»;²⁷⁹ под эту сферу нельзя понимать ни область Ширак, ни ее столицу Ани, где колокольни стали строить лишь с семидесятых годов, т. е. лет на 27 позже, чем в армянском же Ахпатском монастыре, на рубеже со сплошным халкедонитским населением Грузии²⁸⁰, и куда, если правильно наше понимание надписи, колокола привозили еще в конце XIII в.

8. Крестный камень в кусках, подобранный здесь у его постаamenta, по орнаменту — древний: рамка украшена каймою из плетения свастики с пальметками. Такие декоративные рисунки в чистом виде, без осложнения узорами нового гражданского зодчества, в Ани вымирают к XI в.: мы их в тождественном сочетании находим последний раз в поясе круглой церкви царя Гагика в Ани, постройке начала XI в. Как ни бесспорно архаичен рисунок крестного камня, он на этом месте водружен лишь во второй половине XIII в. Можно, конечно, предположить, что знатные анийцы этой эпохи использовали для украшения могилы древний крестный камень. Но возникают новые вопросы, во-первых, шет ли в декорровке анийских крестных камней XIII в. двух течений; из них одно новое, возникшее на почве влияния ново-армянского гражданского зодчества на церковную архитектуру, другое — традиционное, переживание западного античного влияния, господствовавшего в известной части Армении на церковных памятниках? И, во-вторых, не поддерживала ли в золье позднюю эпоху (XIII в.) традиционный стиль халкедонитская или халкедонитствующая аркаунская среда армян? Напомним, что с тем же западным или греческим рисунком крестные камни откопаны были в 1892 г. в бесспорно халкедонитской церкви Григория, охарактеризованной Н. П. Сычевым в отношении архитектурных орнаментов и росписи в «Христианском Востоке», где обнародован, между прочим, один крест с меандром и фризом акаффов того же традиционного типа²⁸¹.

Орнаментованных крестных камней откопано в этом году большое количество, все разнообразных рисунков. Пять, если не больше, в числе их, — миниатюрные крестные камни, наибольший из которых 0,54 м. высоты при 0,31 м. ширины. Назначение миниатюрных крестных камней или табличек пока неясно; они попадались и раньше, но редко.

В другом же месте с юга, в отдалении от церкви, открыт был постамент крестных камней (рис. 235), представлявший одну особенность. Обычный вид армянских поминальных крестов на постаменте известен: крест украшен резбовано, постамент — архитектурными линиями. Дата может определяться в различных местах орнаментованного фона, что же касается более или менее пространной надписи, то ее место или на постаменте, или по ободку самого креста, или, как у креста анийского епископа Барсега при церкви Апостолов, на основании его или на особой базе с гнездом для вклада нижнего зубца крестного камня. Довольно часто камень окрашивается в красный цвет, и больше — никаких украшений. Крестные камни откопанного в этом году своеобразного постамена были найдены тут же; их было два (рис. 236, 237); они оба со следами окраски в красный цвет, оба без нижнего зубца, для которого требовался бы камень с гнездом. По соединению стилизованных переживаний древне-армянских церковных декоративных мотивов (виноград, гранат) с ново-армянскими гражданскими орнаментальными рисунками (плетение) сразу узнается эпоха анийской резьбы XIII в. Той же эпохи — особо найденные детали оформления, сочетание желобка, валика и полочки. То же подтверждается датой на одном из крестов, которую дает имя «писца Израэля». В Ани известны два писца Израэля, один начала, другой — второй половины XIII в.; последний, скрепляющий в 1263 г. дарственный акт Сахмадина и Каримадина, и есть, по всем вероятностям, наш Израэль, но на частях откопанных крестных камней нет никакой дарственной или иной грамоты, которую мог бы скрепить «писец Израэль». Утрату значительного куска с такою надписью трудно допустить, когда все части архитектурного сооружения налицо. Приходится заключить, что здесь звание «писец» является не ввиду акта, который он скрепляет, а ввиду факта, что памятник поставлен ему — «писцу Израэлю», следовательно, уже покойному и, быть может, тут же погребенному, почему надпись и гласит: «помяните писца Израэля!» У постамена особенность, которая впервые наблюдается в отделе анийских крестных камней. Постамент и здесь разделан архитектурно, но на простенках между колонками были обнаружены следы росписи: во второй с юга нише сохранились черные линии контура человеческой фигуры, или, во всяком случае, верхней ее части; в первый момент по очистке от земли мною были замечены краски рисунка. Пока очищалась вся лицевая сторона, солнце ударило лучами в нее, и исчезли последние следы, несомненно, существовавших на постаменте лицевых изображений в красках; быть может, вместе с росписью погибла и красками выведенная надпись с текстом, более подробно говорившим о писце Израэле. Не скрою, использование росписи для украшения постамена крестного камня я также склонен связать с халкедонитством последних хозяев откопанного храма. Только во дворе халкедонитской церкви св. Григория, откопанной в 1892 г., была обнаружена до сих пор орнаментальная роспись надгробного памятника в красках.

9. Обе раскопанные церкви, меньшая вве всякого спора, приращают материал в пользу того положения, что в Ани все росло, все развивалось вплоть до второй половины XIII в. и, худо ли, хорошо ли, все перестраивалось по новому вкусу, не только городские стены, но и храмы. Положение такое, что каждое древнее здание времени царей, не успевшее раньше разрушиться, в Ани в той или иной мере перестраивалось в XII—XIII вв., что это эпоха необычайного развития строительства.

Большая церковь представляет в этом отношении самостоятельный интерес. Она дает новое подтверждение того, что хорошо известный Анийский собор до нас не дошел в первоначальном виде, как он был построен в начале XI в. Не только, как указано ниже (стр. 119), характер более совершенного отеса, качество камня и цвет (красный), свойства немета большей крепости, но и, как теперь выясняется, пропорции такой существенной декоративной подробности, как наружные выпускные колонки или полуколонки, заставляя Анийский собор в наличном виде отнестись к памятникам анийского церковного строительства XII—XIII в. На соборе эти полуколонки, тонкие и выгнутые, перешли полностью в декоративные придатки, при том реставраторы собора почему-то изменили даже канону парности выпускных полуколоннок, непременно соблюдаемому в памятниках X в. и, в частности, во вновь откопанной церкви.

10. Церковь с ее пристройками и кладбищем, однако, утратили первенствующее значение в раскопках этого года, когда площадь раскопок расширилась, захватила все пространство от главной улицы до края над ущельем Ахурыана. Сама собою наметилась задача вскрыть поперек во всю ширину полосу древней части города Ани от края над Ахурянским ущельем до края над Цветниковым или Цагкоадзором, именно до того места в Ани, где возведены два новых здания — дом заведующего раскопками и его сотрудников (99 а) и архитектурно-эпиграфическое отделение музея (99). И к выполнению этой задачи уже приступлено в этом году. Раскопки, пододвинутые вплотную к музею, вскрыли угол (рис. 238) опять таки участка, сильно застроенного частными домами различных эпох, различных качеств: и здесь новое строительство развивалось на остатках старых построек хорошей кладки из чисто тесаного камня, иногда засыпанных и утрамбованных или покрытых каменной настилкой пола вновь сооружавшихся жилых помещений, иногда использованных для непосредственного возведения на них менее совершенной или совсем грубой кладки позднейших домов. Но здесь только начало работы. Площадь же, примыкающая непосредственно к вновь открытой большой церкви и ее позднее возникшему кладбищу, раскопана вся, и она дает довольно наглядное представление как о скученности населения, так о характере жилых помещений горожан в последнюю эпоху живого еще города Ани, к которой относится в целом откопанные гражданские постройки (рис. 223).

На главную улицу выходит весьма ограниченное число дверей, всего четыре, которые давали выход, путем устройства корридора, каждая целому ряду комнат (рис. 224). Отделанного фасада на главной улице нет: от главной улицы жители скорее отгораживались глухими стенами своих домов²⁸². Раскопано до тридцати комнат, большинство которых входит в состав пяти домов. В каждом доме от трех до шести комнат (стр. 77).

Любопытны подвальные амбары, устроенные в комнатах. Они были обнаружены в трех комнатах на различных стадиях разрушения: 1. в комнате i_1 за восточной стеною нашей церкви, близ обрыва над Ахурыаном, 2. в комнате e_2 с орнаментованною нишею на западе от церкви, 3. в комнате f_2 с выходом через корридор на главную улицу (рис. 239).

Амбары эти представляют сухой колодезь, вырытый, или точнее, высеченный в каменной почве, покрытый громадною плитою или плитами; в плите или на соединениях плит круглое отверстие, через которое можно было спускаться и доставать вещи или самому спускаться. В комнате i_1 у обрыва над Ахурыаном плиты сохранились на месте, но одна из них была разбита, и в отверстии застряла ступа. Это хранилище ничего не дало. В комнате e_2 , с орнаментованною каштановыми листьями нишею, на западе церкви, плиты оказались снятыми и унесенными; сам амбар у верха выложен тесаными камнями, ниже начинаются стенки из природной скалы. В амбаре оказались несколько предметов или фрагментов, случайно свалившихся. В числе их кусок медного креста, интересные куски орнаментованных поясов глиняного кувшина — «караса» и обломки расписной стеклянной утвари. Найден в этом амбаре и кусок стеклянного расписного бокала с арабскою надписью по поясу: золотые буквы на фоне темномалинового цвета, обрамленном золотыми линиями; выше на голубом фоне золотая лилия или трилистник в золотом кругу.

В полной сохранности дошел до нас амбар в комнате f_2 с выходом через корридор на главную улицу. В амбаре были найдены несколько сосудов из домашней утвари, ряд хозяйственных предметов железных и деревянных. Особого внимания заслуживает деревянное коромысло весом тщательной отделки.

11. После «тондира» или местного очага в виде зарытого в землю глиняного кувшина и рядом с камнем, общию для всех жилых домов принадлежностью являются маленькие ниши с арочным различными смотря по эпохе стилей верхом и соответственной более или менее богато, очевидно, в зависимости от состояния домовладельца, декоративною резьбою (рис. 240). Часто только эта подробность, ниша, несколько оживляет самую невзрачную стену грубой кладки (рис. 241). Камень, обрамляющий такую нишу, в большинстве ее верх, иногда вмещает с краев над главною нишею одну или две ниши того же стиля поменьше; иногда поверхность над нишею гладкая, иногда на нее брошена одна или

несколько розеток (рис. 242); иногда вся ниша обрамлена так называемую сельджукскую цепью; иногда рельеф, огибающий извилистые линии арки, сверху кончается трилистником или листвою, как впрочем и на экземпляре с сельджукской цепью. Лицевая сторона заключается также в рамку из одних валиков, то из валиков при веревчатой кайме. Иногда резьба украшает углубление ниш, верх которого отделяется трубочками, а кругом такой камень заключается в рамку из рельефных линий.

Из одних раскопок этого года имеем не менее 20 таких ниш, точнее глухих окон или «выемок в стене», словом — патуханов (*patukhan*), как называют их сами армяне.

Эти ниши отражают ход развития декоративной резьбы гражданской архитектуры Армении, и они так же многочисленны в Ани и дают такой же богатый материал по рисункам резных узоров, как армянские крестные камни, стоящие на рубеже между памятниками церковной и гражданской архитектуры.

Рисунки декоративной резьбы обыкновенно ново-армянского гражданского типа, но не избегаются и элементы церковной decorovки, как, напр., веревчатая кайма хотя этот рисунок не архаично-церковный в Армении и он, по всей видимости, гражданского происхождения, но более раннего, так именно до XI в.

Есть правда случай, когда ниша крупных размеров целиком отделана в стиле церковного зодчества последней эпохи древнего периода, именно VIII-X вв.; так, ниша, арка которой орнаментирована стилизованными каштановыми листьями (рис. 243). Хотя и в отношении этого рисунка, в Армении не архаично-церковного, ставится вопрос, не гражданского ли он происхождения, но в данной постройке, совсем поздней, эта ниша, несомненно, лишь использована: она доставлена из развалин какого-то древнего здания, быть может, и церковного.

Иногда обрамление ниши обращается сплошь в декоративное пано, как, напр., на одном экземпляре с отбитым краем, также из раскопок последней кампании (рис. 244). Великолепные образчики ниш были откопаны в 1892 г. (рис. 245), но тогда они принимались за части церкви, именно, за наличник ниши в алтаре или жертвенника. Впрочем, и сейчас нельзя отрицать, что эта деталь из жилых домов проникла в церковь, внося туда мотивы декоративной резьбы гражданской архитектуры.

Внутри домов только «патухан»-ниша занимала художественное внимание зодчего; в большинстве только по ее разделке приходится заключать о том, что мы имеем дело с богатым жилым домом; можно даже думать, что только небольшая площадь, обрамлявшая нишу, и иногда наличник камня предоставлялись для декоративной резьбы; иногда, можно было бы думать, отводилось еще место для небольшого декоративного пано той или иной геометрической формы, квадрата, как, напр., на части камня или кажущегося круга, как на половине камня (рис. 246), также из раскопок этого года; но это — детали крестных камней⁹⁸³, на которых рисунки гражданской декоративной резьбы с известной поры также господствуют. Словом, за исключением ниш, остальное все было гладко, так как дом внутри увешивали или покрывали коврами и узорчатыми тканями, с которыми, конечно, трудно было с успехом соревновать даже анийским мастерам декоративной резьбы на камне. Когда мы нападаем в Ани на следы штукатурки и росписи стен и потолка частных домов, есть основание думать, что обыкновенно это суррогат, дешевый способ возмещения подлинного богатого убранства комнат коврами и тканями, производство которых у древних армян, судя по некоторым данным, стояло на высокой степени развития. Эта мысль давно возникала, и раскопки 1912 г. дают основание ее высказать.

12. С северо-запада большой церкви были откопаны два зала, каждый с гладкими стенами, тондиром и каминном. О принадлежности дома богатому хозяину можно было судить лишь по отделке опсанного выше (стр. 102) портала. В дом вводил пролет двери, обрамленный колоннами, пилястрами, аркою, сельджукскую цепью и другими декоративными подробностями. Сельджукские цепи обрамляют и два камня с нишами, верхи углубления которых были отделаны трубочками. Ничто больше, разве еще размеры зал, не говорит, что мы находимся в богатом анийском доме. В одной из этих зал обратила на себя мое внимание возвышенная площадь, в которой с краю, с лицевой стороны,

были сделаны отверстия как будто действительно для обуви, как догадывались местные жители (рис. 247): ее могли прятать туда, сбрасывая с ног, прежде чем подняться на возвышение и воссесть, конечно, не на голом полу. И вот, напротив этого возвышения откопана была выщипанная, превосходившая по декоративной отделке все, что было выше предложено; она представляет собою хороший образец художественной работы и, во всяком случае, отноше- нием не гармонирует с незначительной архитектурно совершенно ненарядных голых помещенных между гладкими колонками пиши.

Фон пиши в глубине, т. е. простенок, представлял стену, украшенную диагонально расположенными чередующимися по цвету (черному и светлому) квадратиками. Резба была по обрамлению, завершающемуся аркою. Рама, как и арка, сложного состава. С краю орнаментированный стилизованно лиственный широкий желоб, с веревчатой каймою, помещенный между гладкими колонками (рис. 248): на предлагаемом в рисунке куске одна сторона отбита. Внутри помещены гранаты при кайме с переплетом, заключенным в колонки в виде жгута рельефного и выемчатого (рис. 249).

13. Бытовой интерес представляют древние, т. е. современные живому Ани граффити самих хозяев раскопанных домов. В общем во всех этих домах жили люди грамотные, писавшие по-армянски, точнее, мещаным иайо-армянским или переходным от иайского к армянскому средневековым литературным языком. Любопытно наставление отца семейства, начертанное на стене одной комнаты внутри:

զայ[ն] որ սուտ ասէ կամ
 մարդոյ գէշ ասէ կամ
 հիւր խորդ[արեւէ]
 այն իմ որդի՛ն չլինի

«Кто скажет ложь или обругает человека или преда[ельски обойдется] с гостем, тот да не будет мне сыном».

Камень с этою надписью найден на сев.-западе от церкви в большой комнате с₄, одной стеной примыкавшей к главной улице, другой частично к залу с гранатовою нишею.

В другой комнате у окна на стене начертано по-армянски Պապը Բարզ, очевидно, начало слова Պապրան Բարզ, resp. Բաբզան, имени, тождественного с именем одного из благотворителей большой церкви; можно бы думать, что речь о нашем Бабкане Фахрадине, безразлично, сам ли он в детстве забавлялся писанием своего имени или кто другой нацарапал его.

В одной из комнат, именно с₆, за проходом на юго-запад от церкви найден кусок поливной плитки: плитка из беловатого камня; на ней рельефом высечены ломаная линия какой-то фигуры, вероятно, геометрической, и арабская надпись «Ш». Полива покрывает и рельефную линию и рельефную надпись. Буквы выведены лестницею с наиболее высокой (1) до наиболее низкой (а). Эпиф внизу сбит, высота первого «лама» — 0,100 м.

Число откопанных за минувшую кампанию надписей не велико, и все они в обрывках, но имеются палеографически, да и лингвистически, весьма интересные экземпляры. В «Христианском Востоке» обнаружен²⁸⁴ фрагмент с такою диалектической формою армянского слова *крест*, именно խաչ զայմ. խաչ զայ, которая теоретически реконструировалась мною за несколько лет раньше в работе о «челеби»²⁸⁵.

14. Богатая коллекция фрагментов керамических изделий, из которой можно уже теперь составить целый музей, и в эту кампанию получила приращение не столько, впрочем, количественно, сколько качественно.

В некоторых отделах наличной коллекции исследователь художественных форм найдет обильный материал для себя, как, напр., кусок фаянсового сосуда с белыми разводами и бледно-желтыми растительными рисунками на голубом фоне, но для историка материальной культуры главную притягательную силу представляет вопрос о местонахождении мастерских, выдвигаемый аийскими материалами. Часть их ввозного происхождения, но часть, несомненно, местного производства, притом к таковой надо отнести не один экземпляр с армянскими надписями. Выяснение этой стороны дела важно не для одной истории Ани, но и для весьма трудной проблемы громадного значения о правильной расценке вкладов христианского и мусульманского Востока в общечело-

веческую культуру: до последнего времени исследователи не отдают себе отчета об опасности того пути, на который они вступают, оглуляно признавая мусульманским, арабским или сельджуцким, по художественной работе или техническому производству все то, что снабжено арабскою надписью или чем пользовались те или иные политически господствовавшие в последние эпохи народы. Этот примитивный прием исследования напоминает то, как по одним именам лиц определяют их религию или их происхождение, а иногда и этнический состав народа, в качестве вождей которого известны династии с такими именами. Сколько христиан, армян или грузин, на этом основании, можно было бы признать или персами или арабами или турками, что весьма часто и делается. Бармадин, Фахрадин, Сахмадин и десятки других ревностных христиан армян, правителей Ани, могли быть обращены в мусульман-арабов или представителей других национальностей, исповедующих магометанскую веру. Когда в Ани удастся раскопать гончарный ряд, то мы получим, а priori можно утверждать, средства для удостоверения местной работы в ассортименте орудий производства, отчасти попадавших и в раскопанных уже районах, не посвященных торговле этим товаром. Конечно, если бы мы располагали специалистом по истории техники керамического дела на Востоке, легко можно было бы выделить путем сравнительного изучения вклад ввозной торговли в аниийской керамике, и тогда этот род вещественных памятников действительно литературных свидетельств, которых, к тому же, весьма мало, пролил бы свет на торгово-промышленные связи Ани с другими культурными центрами Востока. Та же работа, путем исключения, нас могла бы привести к выяснению состава керамических изделий местного производства. Впрочем, постепенно раскопками умножаются экземпляры, хотя и фрагментарные, которые дают нам опору для характеризования предметов местного производства и выделения их.

В комнате с большою орнаментованною нишею, с запада церкви, найден в этом отношении чрезвычайно ценный кусок низа поливной красноглиняной чашки, быть может, имевшей подножие. Фон зеленый с глянцем как с внутренней, так и внешней стороны. Внутри фон разбит тремя коими из парных темных линий на два пояса, из которых на нижнем — цепь также темного цвета, а на верхнем шла кругом надпись армянскими буквами строчного письма. На наружной стороне пояса, выделяемый одиночными темными линиями, вмещает остаток того же характера надписи, быть может, конец ее. Надпись называет личное имя Хоцадег, притом в вульгарной орфографии (*Պոցադեկ*), известной из средневековых литературных текстов, и конец названия географического пункта, гласящий — ձոգ (*ձոք*), т. е. *ущелье*. Едва ли этот текст, обогативший всю чашку, говорит о мастере; если бы да, то в Хоцадеге мы имели бы имя гончара, а в дефектно сохранившемся географическом термине — название местности, где находилась мастерская. Вероятнее, что Хоцадег — имя заказчика или собственника чашки, судя по работе, XIII в.; в XIII в. имя Хоцадег впервые всплывает и в ландшарных надписях, и различные лица с этим именем известны за один XIII в. из девяти эпиграфических памятников; возможно, что чашка принадлежала или тому Хоцадегу, который называет себя «писцом» и в 1228 г. начертал, вернее — скрепил дарственный акт халкедонита атабега Ивана и его супруги Хошаки на храме Ширакавана, или тому Хоцадегу, о молении за которого просит в надписи 1213 г. вкладчица расписанной церкви монастыря Арджоарича близ Ани. Во всяком случае, факт, что такие расписные чашки делались в местных мастерских если не самого города Ани, то все-таки в пределах Армении и в армянской среде (стр. 42—44).

Увеличилось собрание глиняных кувшинов, так называемых «карасов» с орнаментованными штампом поясами. На откопанных экземплярах новые рисунки; в числе их имеется группа из всадника на коне и пешего с каким-то орудием в одной из воздетых рук, между конем и пешим круг или колесо, или еще группа трех пар львов, обращенных в противоположные стороны, аистов друг против друга и собак.

Так называемые орнаментованные ртутные сосуды также обогатились новыми образчиками: в находках XI кампании имеется фрагмент одного из крупнейших, если не самого крупного из всех известных пока где-либо.

Немногочисленные, но весьма ценны найденные в эту кампанию фрагменты расписного стекла. О некоторых уже говорилось.

Упомяну еще о куске расписного бокала: сохранилась миниатюрная фигура человека на растительном фоне с разводами в поясе между золотыми коймами, обрамленными красными линиями. От того же бокала потом найден был кусок с золотыми лицами.

Найдены несколько кусков деревянных предметов или из деревянной отделки, в числе их один, орнаментированный розеткою (рис. 250).

Материалы, добытые раскопками и работами в Ани в 1912 г., бросают слабо ли, сильно ли реальный свет на такие глубокого научного интереса проблемы, как взаимоотношения церковной и гражданской архитектуры и в связи с этим культурное общение христианского Востока с мусульманским; они же намечают в самой местной христианской среде явления, заслуживающие общего внимания ученых востоковедов, как, напр., отражение различных вероисповедных течений на художественном творчестве и его направлении, в зависимости от большей или меньшей связи каждого из них, с одной стороны, со стариною, с другой — с современным очагом той или иной племземной культуры. Словом, XI аниисккая археологическая кампания вновь и с новых сторон приводит к положению, утверждавшемуся всеми десятью предыдущими кампаниями, что городище Ани является общенаучною ценностью и что оно представляет особый интерес для всего востоковедения и всей археологии не только христианского, но и мусульманского Востока.

ГЛАВА IX.

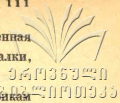
Возможность производства раскопок в XII кампанию²⁸⁶ у храма Спасителя (рис. 14, 213, 214) получилась с предшествовавшего 1912 г., когда в нем была произведена довольно значительная ремонтная работа. Побуждением же к производству раскопок в этом районе являлся интерес к древней гражданской архитектуре, именно до эпохи нового армянского искусства, в частности, интерес к дворцу армянского князя Абулгарига и загадочному сооружению, называвшемуся «мил». Так как сам Абулгариг, в надписи 1036 года, говорит только о сооружении «мила», а современник его, католикос Петр, в надписи того же года упоминает о дворце, построенном Абулгаригом близ церкви Спасителя, то Алишан склонен был заключить²⁸⁷, что «мил» есть дворец. Между тем, в надписи католикоса про дворец — «ашаран» (ир. aradana) сказано: «итак, если кто дворец, построенный Абулгаригом у (церкви) Спасителя, возьмет²⁸⁸ или что-либо из данного им на нужды этой церкви отнимет или поселится в том дворце и не будет радеть богобоязненно о том, что понадобится этой церкви, да будет проклят. . .». Про «мил» же сам князь Абулгариг в своей надписи пишет: «я поставил мил у (святой церкви сей) Спасителя»²⁸⁹. Сто семьдесят девять лет спустя, в 1215 году, богатый аниец, Тигран Юнецц, в армянской надписи на построенной им церкви св. Григория говорит, что он пожертвовал ей «завещанную от предков баню и мил на площади»²⁹⁰. В связи с этим, а также с тем, что в грузинском *ძვეო მი-1* значит «водопровод», я склонен был, одно время, в термине «мил» видеть обозначение какого-либо водопроводного сооружения, что и высказывал в 1893 г. в разборе одной из надписей Ширакаванского храма²⁹¹.

Если ко всему этому прибавить еще интерес, вызванный находками предшествовавшей кампании, интерес к колокольне церкви Спасителя, о которой говорит сохранившаяся в церкви надпись, понятно будет, почему раскопки XII кампании сосредоточены были у церкви Спасителя.

1. К раскопкам в поисках дворца Абулгарига я приступил в ближайшем соседстве церкви Спасителя, но, заметив, что в этой близости не даются признаки нахождения развалин дворца, я разбросал партиями рабочих на северо-запад и юго-запад от церкви, где манили своим таинственным содержанием холмы. Раскопки охватили громадную площадь, раскопать которую полностью не было возможности при имевшихся в моем распоряжении средствах.

Все-таки довольно значительные ее части были раскопаны.

4 июня было приступлено к подготовке раскопок наибольшего из теперь наличных холмов — анииского так называемого Льшого холма (44). Он прикрывает собой какое-то здание или группу зданий.

Приступлено было к раскопке и холма (27) с юга грузинской церкви. Трапеза, введенная в глубину холма, установила, что искать под холмом, служившим, повидимому, местом свалки, построек нет основания.

Впрочем, вскоре мы вынуждены были покинуть оба холма и стянуть все рабочие силы к раскопкам вокруг церкви Спасителя, которые, как выяснилось, и должны были дать содержание XII кампании.

Основные раскопки XII кампании свелись к расчистке пяти участков, к обнаружению пяти групп построек.

I группа, на северо-западе от церкви Спасителя, охватила: 1. остаток мавзолея против Гайледзорских ворот (ix), 2. четырехугольный двор или зал, 3. жилой дом с часовней;

II группа, по соседству с первой, через улицу с юга: 1. маслодавильню; 2. пристройки с севера и запада; 3. части улиц, одной — из Гайледзорских ворот внутрь города, другой — от Шахматных ворот к Шахматной церкви;

III группа, по соседству с церковью Спасителя, на северо-западе от нее: 1. часовенку у двух крестных камней; 2. пристройки с лестницами и застройки;

IV группа, на юго-западе от церкви Спасителя: 1. церковь св. Саргиса 1151 года; 2. пристройки и хлебный амбар;

V группа у самого храма Спасителя: 1. разобранный часть строевого материала дворца князя Абулгароба; 2. следы звонницы; 3. часовенку и 4. водопровод.

Наконец, последняя группа наметилась вокруг самого храма Спасителя. Здесь откопано много фрагментов или остатков ценных памятников, но я опускаю их, не даю даже перечня, чтобы остановиться подольше на менее занимательном, но для основного нашего искания этого года существенном материале.

С водопроводными находками у храма Спасителя связались разыскания по водопроводу на главной улице.

2. Поиски разрушенных и разобранных зданий, остатков, скрытых засыпанными слоями, и подпочвенных сооружений в Ани всегда сопровождается находками материалов, относящихся к стоящим на поверхности памятникам. Так, если бы мы забыли о самом храме Спасителя, который теперь обращается в отделение музея, к нему нас возвратили бы вновь откопанные подробности. Камни карниза с оригинальной резьбой найдены во множестве. Находка их, однако, лишь пополняет прекрасными экземплярами то, что было известно по сохранившимся на месте, на самом карнизе, частям. Существенный интерес представляет другая подробность, имеющая отношение к дате перестройки. Храм Спасителя впервые был построен при царях, в 1036 г., но дошел до нас в перестроенном виде: верхнюю куполообразную половину, в надписи так и названную куполом, возобновил атабег Вахрам, сын Иван, внук Захарии, известного армянского полководца грузинской царицы Тамары. Вахрам построил купол этот, судя по обстоятельной надписи, в 791 г. армянского летоисчисления, т. е. в 1342 г. н. э. Судя по декоративным его подробностям, парным полуколонкам, плетению выпускных арок и сложному переплету облегающего пояса, равно технике работы над скульптурным изображением стилизованного орла, дело имеем, конечно, с XII-XIII вв., художественные традиции какого периода, по всей видимости, восприняло и строительство XIV в.; но могло бы быть сомнение, дошла ли до нас именно работа 1342 г., не была ли и она подновлена? Мы теперь можем с документами в руках сказать, что купол дошел до нас в работе именно 1342 г.: откопан камень — подножие креста, венчавший купол храма Спасителя, и на камне том, как можно видеть на рисунке, армянская дата 791, т. е. 1342 г. н. э. (рис. 251).

Относится ли к храму Спасителя или нет, большой интерес представляет кусок мраморного предмета с прекрасной стилизованной растительной резьбой (рис. 252). Мрамор весьма редкий, чуть не первый случай в Ани. Ни по материалу, ни по рисунку фрагмент не может относиться к XII-XIII вв. или более позднему времени. Еще более интересно то, что, судя по остатку подковообразной decorовки окна, в фрагменте имеем остаток модели церкви или, быть может, ковчега для хранения мощей.

3. Поиски дворца князя Абулгарба, первой половины XI в., вошедшие в план раскопок XII археологической кампании, поставили нас опять перед тем же фактом самопоедания города: пока город был жив.

Раскопки сохлегли романтической покров великих заманчивых ожиданий и обнажили печальную, но действительную историю строительства как с южной стороны, так вообще вокруг всего храма Спасителя. От колокольни или звонницы осталось мало на месте, чтобы попытаться пока реконструировать ее. По следам на южной стене храма видно, что звонница достигала высоты обтекающих храм выпускных арок нижнего этажа. На месте сохранился один ряд кладки четырех ее стен. Камни этого ряда кладки (выс. 1,47 м. при шир. 0,84 м., выс. 1,37 м., при шир. 1,11 м. и толщина 0,32 м.) чрезвычайно велики (на нижней половине храма) для эпохи, когда была выстроена колокольня, да и по цвету (темному) нельзя их принять за материал, обычный в XIII в. Эти особенности материала, а также и степень изношенности его настолько характерны, что, не будь явных признаков приспособленности звонницы к храму в позднейшее время, указание надписи о сооружении колокольни в 1291 г. пришлось бы толковать так: в названном году древняя постройка, одного времени с самим храмом и из одного с ним материала, была приспособлена для использования ее в качестве колокольни. Теперь же остается один выход, именно признать, что камни при сооружении колокольни церкви Спасителя в 1291 г. были использованы древние, извлеченные из развалин какой-то капитальной постройки, современной храму Спасителя. Таких громадных лицевых камней в одном нижнем ряду кладки с обеих, внутренней и наружной, сторон всех четырех стен колокольни—24, не говоря о более мелких. Надо еще иметь в виду, что под этим видимым первым рядом кладки есть другой ряд, по крайней мере, со стороны часовенки, раскопанной глубже и открывшей возможность сделать это наблюдение. По всей вероятности, в верхних рядах кладки размеры камней уменьшались, но мы не нашли никаких указаний на перемену их сорта. Впрочем, в самом храме Спасителя из таких крупных плит выведены три ряда кладки выше покая, помещенного довольно высоко.

Нижняя часть звонницы одновременно служила притвором или сенью; в ней было три двери, кроме выходившей в нее южной двери самого храма; западная и южная двери притвора-звонницы открывали доступ в храм, а восточная вела в часовенку. Часовенка представляет в плане четырехугольник с алтарной внутри круглой абсидой и алтарным возвышением (0,92 м.), снабженным гладким, без всякой резьбы, карнизом. Часовенка явно пристроена к притвору-звоннице: боковые ее стены выведены в притык к восточной стене притвора-звонницы. Восточная дверь притвора-звонницы, теперь входящая в часовенку, могла бы раньше, т. е. до построения часовенки, существовать для облегчения доступа молящимся в храм Спасителя; однако, эта дверь не отделана, как две другие, южная и западная. Впрочем, когда бы часовенка ни была сооружена, материал тот же, что в притворе, и в этой крошечной часовенке громадные плиты, служившие лицевыми камнями, особенно бросаются в глаза по своему несоответствию. Таких плит на часовенку, в сохранившемся ее виде, пошло внутри 15, снаружи 13, т. е. всего 28. Любопытно, что мастера клали целные крупные плиты с тесаной поверхностью там, где их сейчас же пришлось закрывать алтарным возвышением.

4. За южной дверью притвора-звонницы открывается не свободная площадь, а удлиненное помещение. Все стены этого помещения выведены из того же капитального материала, громадных плит темного камня. И это помещение, в сохранившейся его части, внутри отделано 29 плитами все того же и по размерам, и по качеству типа. Это помещение построено после постройки колокольни-звонницы, т. е. не ранее 1292 г.; на востоке от проходного помещения сооружено было здание, лишь частично обнаруженное раскопками: откопаны части его двух капитальных стен, северной и западной. Эти капитальные стены выведены, в сохранившихся и откопанных частях, опять-таки из камней все того же типа: в нижнем ряду кладки с обеих сторон северной стены, насколько она пока обнажена, использованы 20 крупных плит. Западная дверь из притвора под звонницею вела на западный двор, по отношению к храму Спасителя — юго-западный. Я опускаю описание построек из того же материала, в числе их — длинной стены, завершающейся

на западе совсем поздней грубой кладкой. В этих постройках тех же плит использовано 87. Всего, следовательно, таких плит—188, не считая сбитых с места не менее 10-12 штук. Эти 200 громадных лицевых камней (рис. 253), судя по размерам плит из первых двух южных рядов кладки, могли быть извлечены лишь из развалин какого-либо капитального здания; судя по качеству и цвету, здание это должно было быть современно или, во всяком случае, одной эпохи с храмом Спасителя; судя по расточительному употреблению камня на самые незначительные сооружения, здание это должно было находиться в непосредственном или ближайшем соседстве с храмом Спасителя. И, очевидно, таким древним капитальным зданием, разнесенным аниийцами конца XIII в. на разного рода строительные нужды, приходится признать дворец князя Абулгароба. Я бы желал, чтобы заключение мое оказалось ошибочным, но все указывает на то, что, если и найдем что-либо от дворца Абулгароба, так разве его фундамент. Алп-Арслан продал дворец этот в 1072 г. Фадлуну, отцу Абу-л-Суvara.

5. Еще памятник той эпохи обнаружен раскопками того же 1913 г., когда вскрылась третья группа построек в ближайшем соседстве с храмом Спасителя. В центре церковь или, правильнее, часовенка о двух крестных камнях она представляет тип простых приходских церквей, во множестве зарегистрированных мною во время путешествия по Кларджи и Шавшии²⁰². Это—продолговатый в плане четырехугольник внутри с полукруглой алтарной абсидой и одной дверью, южной; впрочем, около пролета стена сильно пострадала, и потому место двери устанавливается с трудом. Декоративных деталей мы нашли мало. В большинстве архитектурные части без резьбы. Резьба появляется лишь на крестных камнях. Кроме двух цельных экземпляров с орнаментами феодальной эпохи, у нашей часовенки сохранились также куски крестных камней, в значительной степени изуродованные, или с сильно сбитой резьбой. Часть из них также со старыми переживаниями в резной орнаментации, часть, быть может, и от начала городского возрождения. В церкви сейчас поражает то, что алтарное возвышение почти не выдается (всего на 0,06 м.).

У алтарного полукруга церковки о гранатах открыт был крестный камень, высотой 1,20 м., шириною 0,77 м. в двух кусках. Характера аниийской орнаментовки эпохи расцвета не носит и переплетая кайма верхней половины, мотив же нижней половины явно архаичный: здесь кайма составлена из диагонально расположенных ланцеток с полушариками в углах.

Любопытно отметить сочетание буквально тех же орнаментальных мотивов на крестном камне опять-таки церкви богородицы Хамбушени, в древней части Ани. Разница лишь в том, что на этом экземпляре оба рисунка облегают фон с крестом двойною каймою параллельно.

Внутри же церковки был откопан крестный камень с архаичными переживаниями в орнаментовке: с боков верхнего крыла по грозди; от основания с двух сторон обхватывают нижний конец креста стилизованные листья. Верхняя горизонтальная полоса бордюра украшена диагонально поставленными ланцетками, с кружочками в промежутках; с боков кайма представляет плетение или цепь кругов с четырехугольниками. Крест был окрашен в красный цвет.

Внутри же церковки, в 0,28 м. на восток от западной стены, откопана орнаментованная часть оконной рамы. Хотя подобный рисунок резьбы в аниийских материалах позднейшей поры не имеется, да мне лично он и вообще неизвестен, но работа не архаичная.

Такая же орнаментовка стилизованными, искусственно перегнутыми листьями оказалась на кусках одного большого крестного камня. Хотя детали рисунка иные, но, при средней схеме композиции, наблюдается тождественная техника неглубокой резьбы на одной еще декоративной плите из тождественного материала, светлого камня. Плита, пожалуй, также обрамляла пролет окна, схема композиции—переплет кругов с кружочками и ромбов с ромбиками, причем в углах ромбов розетки или полурозетки, а ободки кругов и кружочков усажены жемчужинами; жемчужинами же в один ряд усажена кайма. В натуре орнаментовка каменной плиты производит впечатление тиснения на коже.

6. С южной стороны часовенки о двух крестных камнях раскопана пристройка, и она носит на себе и в себе следы обычных в Ани наслоений. Из наблюдений над этими наслоениями выяснилось, что сначала с юга часовенки полоса земли была обращена в кладбище; хоронили

не в грунте, а в насыпной почве. В следующую эпоху кладбище было засыпано, покрыто вторым слоем насыпной почвы почти до высоты покоя часовенки, и тогда этот участок ^{был} ^{обращен} ^в ^{комнату}. В комнате были открыты два крестных камня с чисто церковными декоративными мотивами XI в. Когда поставлены были эти крестные камни, комната была упразднена: она стала служить своего рода притвором часовенки. В связи с этим намечается и история самой часовенки. Часовенка сооружена в эпоху царей. Ее разрушили в XI в., вероятно, при разгроме Ани Али-Арсланом, и она долго оставалась в запустении. Быть может, тогда-то дворик с юга был использован, как кладбище. Во время запустения церкви дворик, уже с кладбищем, был обращен в жилую комнату. В первые моменты возрождения, значит в XII в., возобновили церковь и упразднили жилую комнату, приспособив ее для помещения крестных камней. Из этого «притвора», некогда комнаты, через южную дверь у юго-западного угла выход был в участок с каменной лестницей (шир. 0,53 м.). Лестница выведена ступенями, которых сохранилось пять, вложенными в южную стену комнаты с южной ее стороны. Лестница вела, по всей видимости, на кровлю дома, служа средством для общения с той или иной улицей (рис. 254).

Упомяну еще о доме, подходящем к юго-западному углу церкви о двух крестных камнях. Откопана часть комнаты с широкой лестницей в юго-восточном углу и большой нишей рядом, сохранившей стрельчатую арку на пиллястрах. Эта широкая лестница, по видимому, позднее сооружение, что выдает грубость работы; раньше здесь была только дверь. Откопана еще пристройка с востока и севера и дом в развалинах на юго-востоке.

7. Древнейший памятник против Гаймедзорских ворот (XI), судя по его исключительным размерам, представлял мавзолей какого-либо выдающегося лица. Это вклад раскопок той же XII археологической кампании. Другого надгробного или поминального памятника таких же размеров до сих пор мы не знали ни в Ани, ни в ином пункте Армении.

К сожалению, памятник так разрушен, его детали так безжалостно были расхищены еще в древности, что о проекте реконструкции можно лишь мечтать в будущем, если вскроются другие лучше сохранившиеся памятники того же типа. На месте сохранился нижний ярус, высотой в наиболее сохранившейся части в 2,50 м. Памятник был ввиду описан одной ступенью (выс. 0,81 м.), на которую опирались парные полуколонки с базами и капителями. Впрочем, на углах вместо парных полуколонок тройные, так что с каждой из двух сторон видны по две. Украшенные ими стены были сложены из крупных плит, размерами простенка между парными полуколонками. Наиболее сохранилась восточная стена: она была защищена кладкой позднейшей грубой работы пристройки, убранной нами. От восточной стены сохранились два ряда кладки, по крайней мере, в средней части. На втором ряде кладки и кончалась высота парных полуколонок (1,45 м.). Капители единственно здесь сохранившихся *in situ* полуколонок настолько изуродованы, что нет никакой возможности представить рисунок резьбы на них или вообще их отделку.

Что касается западной стены, она была обработана, по всей вероятности, в виде лестницы, хотя бы и декоративной. На этой стороне рядом с одним сохранившимся камнем ступени лежит камень как-будто из балюстрады лестницы, а наверху с юга сохранилась одна плита из северной балюстрады памятника.

Трудно сказать, как высоко была поднята верхняя площадка, находился ли на ней какой-либо памятник (крестный камень, статуя) или была там часовня.

От верхней части на развалинах валялась одна большая глыба, развалившаяся на три части. Судя по декоративным мотивам попавших в бут обломков крестных камней, характерных для X в., постройку можно было бы отнести к XI в. Об этом времени говорят и лицевые камни: вверху они, судя по лицевой отделке свалившейся глыбы, и мелкие, и разноцветные, но все-таки по отесу они не принадлежат к XII-XIII вв. — недостаточно чисто тесаны.

Раскопки обнаружили лишь обломки деталей верхней части изуродованного памятника, как отчасти можно видеть по собранным на ближайшем холме образчикам. Обломки орнаментальных частей также свидетельствуют о времени не позже XI в., так, напр., бордюр окна из равнобедренных

крестиков, орнаментация куса капители, повторяющая рисунки некоторых капителей откопанной в XI кампанию церкви (перевернутые округлые пальметки), обломки карниза с перелетом, кусок капители с пальметкой, если не от верха крестного камня, то от фронтона двери, как в храмах X-XI вв., до падения царства, именно в перестроенной церкви Вышгорода, в церкви Апостолов и круглом храме Гагика.

Стороны памятника впоследствии были использованы в позднейших пристройках.

Позднейшие пристройки с востока и севера грубейшей, как было сказано, работы были совсем нового происхождения; они прикрывали не только наш памятник с восточной стороны, но и позднейшие с этих сторон погребения, и когда мы раскапывали эти слои, у одного могильного камня в насыпной почве ниже могилы попали на редкие фрагменты, в числе их кусок с орлом (рис. 255), а затем с орнаментированным поясом. Материал — красная обожженная глина, из которой обыкновенно делаются кувшины.

В первый момент нам казалось, что мы попали на глиняный сосуд оригинальной формы. Ввиду наличия орнаментированного пояса на верхнем куске мы в первую минуту готовы были подумать, что имеем обломок другого сосуда, именно глиняного местного «караса» с орнаментированным поясом, но фрагменты оказались частями одного предмета, имевшего архитектурную форму, именно форму четырехугольной продолговатой церкви с круглым барабаном, на котором обегавшие кругом выпускные колонки, непарные, упирались в орнаментированный пояс: нижний фрагмент — часть западного фронтона с верхом арки входной двери, верхний — часть барабана. Однако, это не модель церкви, а скорее сосуд, но сосуд культовый, именно ковчег для даров или нечто подобное. Модель церкви в обломках, притом окрашенную в красный цвет, мы также нашли по частям, но в пристроенном с запада зале: один обломок близ памятника, отчасти там же, где ковчег, некоторые в отдалении.

8. С запада — просторный четырехугольный двор или зал с фундаментом на уровне первой ступени изуродованного памятника. Памятник вовлечен в восточную стену этого «двора» или зала, правильнее, как сейчас увидим, и зала, и двора. Части этой стены подходит в притык к памятнику с севера и юга. Сохранились два, кое-где три ряда кладки: камни довольно тщательно тесаны. Северо-западным углом стена примыкает к жилому дому с часовней (см. ниже).

В постройке есть признаки происхождения из XII-XIII в. Однако, раскопки вскрыли не постройку XII-XIII в., как она должна была предстать хотя бы по разрушению, хотя бы по увозе в новейшее время, предполагается, при турецкой власти, лицевых камней и других ее частей, годных, как строительный материал. В свое время, в XII-XIII в., это был, несомненно, жилой дом, хотя и не со сводчатым верхом, а земляным перекрытием на деревянных столбах. Но по запустению Ани, в этот зал, как и в другие места покинутого, но не забытого городища, анишцы привозили покойников и хоронили. Зал был обращен в кладбище. К тому времени и относятся могильные плиты, местами в два яруса, покрывающие пол. Зал имел один выход, с северной стороны (рис. 256). Портал был отделан. От отделки двери остались два нижних ряда обрамления с мулорами из полочек и полувадиков. Эти камни, видные снаружи, красноватые, приближающиеся к кирпичному цвету. Словом, материал XII-XIII в.

9. Несколько западнее северной двери зала XII-XIII в. начинается тип постройки, впервые обнаруженный в Ани, до сих пор неизвестный и в других частях древней Армении. Это жилой дом с часовней.

Маленькая часовня с алтарной абсидой выходит в большой зал анийского жилого дома, куда доступ застаем мы через одну южную дверь. С юга часовни точно придел или диаконик, на самом деле это комнатка, возникшая как будто случайно. Восточная стена этой комнатки получилась как будто впоследствии от закладки двери, точно косяками двери служили два черных камня, застрявших тут же в кладке.

В самом зале у с.-з. угла в северной стене устроена небольшая ниша: верх не сохранился. В северной стене две двери. Одна вводит в с.-з. комнату. Здесь был тондир, ныне с отбитым краем. В южной стене этой комнатки на высоте 4-го и 5-го снизу рядов кладки у ю.-з. угла две ниши совершенно простой отделки.

В комнате было откопано каменное обрамление слухового окна.

Другая дверь вводит в с.-в. комнату, где сохранилась местная печь, топидил или трубой против пролета двери в углублении, куда спуск по двум или трем ступеням.

И в зале жилого дома с часовней оказались погребения, также не современные эпохе, когда строился дом. Кроме того, когда зал потерял значение и как усыпальница, в нем устроились новые живые обитатели, зал опять был обращен в жилой: у северной стены зала, вплотную к ней между с.-в. углом и первой с запада северной дверью обнаружены был низ кувшина, зарытого в землю в то время, когда помещенцы, уже с надгробными плитами, обращено было в жилое.

Хозяйственными потребностями этих последних обитателей объясняется появление ряда пристроек с юга дома с часовнею, между южной входной дверью зала и ю.-в. его углом; о том свидетельствует грубая кладка. В пристройках ясно прослеживается постепенное падение и вкуса, и искусства у обитателей Ани, правильнее, у сменявших истых анийцев мало-культурных новоселов, напр., к западной стене дома с часовнею непосредственно примыкает стена грубой кладки, далее — грубейшей, далее какая-то бесформенно сложенная куча камней. В первое время с юга была свободная площадь.

10. Начало возрождения христианского искусства в Ани можно было бы датировать временем почти сто лет спустя после разгрома Ани Алп-Арсланом, причем придется это начало связать с первыми работами по реставрации древних построек, из которых пока известна обновленная в 1151 г. церковь Саргиса.

Четвертая группа раскопанных в 1913 г. построек сосредоточена была около этой церкви Саргиса, возобновленной священником Саркавагом (рис. 257) в переходную эпоху. Открыт тимпан с любовью и по вульгаризмам армянской надписью, которая гласит:

«Года 600 (1151 г.). Я, Саркаваг, священник, сей обветшавший храм св. Саргиса (снова?) возобновил из средств (?) моих. Вы, присутствующие, помяните меня и родителей моих во Христе Иисусе».

Надписи были открыты и другие, но дефектные.

Церковь св. Саргиса из четвертой группы построек — тоже типа «приходских»: продолговатый четырехугольник с полукруглой внутри алтарной абсидой и южной дверью. Высокое алтарное возвышение, на которое поднимались по стиснутой у южной стены лестнице в три ступени, относится ко времени возобновления. Лицевая сторона алтарного возвышения совершенно не тронута декоративной резьбою: она окаймлена рамою из целой системы крупных валиков и полочек. Два четырехугольных пиллястра, с вертикальными полуколонками по углам, примыкают к типу архаичных пиллястров, вроде тех, что в Дворцовой церкви, но меньших размеров и с отсутствием всякой декоративной резьбы. Быть может, у пиллястров есть базы, в таком случае, прикрытые позднейшим высокоподнятым полом. Что пол поднят позднее, очевидно, при реставрации, ясно видно из раскопок с севера и востока, где стены церкви обнажены до первоначального основания на грунте.

Возобновление выразилось в сохранившейся на месте части, главным образом, в поднятном пола и отделке лицевой стороны алтарного возвышения. Эта отделка исполнена из камня коричневого цвета, всплывающего в мусульманских памятниках Ани при Шедлададах. Из такого же камня сделана лестница алтарного возвышения. Первоначальные части церкви сооружены из светлых, приближающихся к сымбатовским камням, и местами черных.

Найдено значительное количество деталей и частей декоративной резьбы. Составление проекта реставрации не представляет особых затруднений. Из декоративных частей упомяну скульптурную инталию мозаичного панно, слагавшегося из черных крестов с многогранниками, как, напр., на портале княжеского дворца, и отделку верха окна; отделка простая для позднейшего Ани.

Наибольший интерес с церковной точки зрения представляет находка каменной купели, которая была вделана, как полагается у армян, в стену. Так полагается, и, тем не менее, это — редчайший случай в Ани. Что нет такой устойчивой купели в грузинской церкви Ани или в армянских халкедонитских церквях, это понятно. Но купель находим еще только в круглом храме Гагика, при том неуклюжую, не по стилю здания, и в одной пещерной церкви.

Возобновлен был в эту эпоху возрождения, именно в 1171 г., и храм Спасителя, подвергшийся, однако, дальнейшей капитальной перделке в XIV в.

11. В XII кампанию разочарование по поискам дворца Абулгароба в известной степени было вознаграждено новым материалом по вопросу о «миле», если под этим термином понимать водопровод. Во всяком случае, для вопроса о водопроводе XII кампания дала новые, притом существенные данные.

Водопроводный вопрос в Ани интересовал В. Н. Бенешевича в связи с изданной им греческой надписью и вообще деятельностью византийских правителей в Ани. Его еще более заинтересовал вопрос, когда он ознакомился на месте с ходом раскопок в поисках водопровода по главной улице, приостановленных в 1910 г. по пути от гостиниц к Главным воротам на том месте, где линия водопроводных труб, шедшая на известной глубине, выступила почти на поверхность и этим самым поставила перед нами недоуменный вопрос (стр. 81—82). Мне казалось, что под этой верхней линией, возникшей в результате позднейших переделок и приспособлений, должны были находиться трубы древнего водопровода. Произведен был частичный разведочный раскоп, и на сравнительно значительной глубине, действительно, попали на древний водопровод. Архитектор О. А. Кяндарянц дал чертежи разреза с линиями и размеров их труб.

В то же время под одной из позднейших стен, сложенных из крупных камней древнего памятника (стр. 113), как предполагается, дворца Абулгароба, близ храма Спасителя, в отверстии обнаружены были водопроводные трубы. Там имеется и обнаженная линия водопроводных труб; линия, казалось, и кончалась в начинавшейся выясняться пристройке к храму, которая нам в первое время представлялась водоемным хранилищем о двух отделениях; мы уже мечтали, что попали на мил, сооруженный у храма Спасителя князем Абулгарибом. Однако, связь этой позднейшей, хотя и предназначенной также для воды, пристройки с обнаруженной рядом водопроводной линией не оправдалась. И хотя и самую водопроводную линию вполне доследовать не успели, но с XII кампании становится реальностью, во-первых, то, что водопровод, продолженный по главной улице, помещался в различные эпохи на различных плоскостях, по крайней мере, на двух; во-вторых, помимо этой главной линии, обслуживавшей Вышгород, куда вода поднималась самотеком, была, по крайней мере, еще одна водопроводная линия, боковая, в сторону храма Спасителя. Ближайшие раскопки должны бы выяснять, имела ли эта боковая линия какое-либо отношение к водоснабжению близлежащей бани и халкедонской церкви Тиграна Юенца, о водопроводе у которой говорит одна из ее надписей (стр. 111).

12. Откопанная в XII кампанию маслодавильня не из самых крупных, но в ней сохранились интересные части (рис. 258). Гнездо для кощов бревен само хорошо сохранилось, но часть крупных камней унесена. Под гнездами пустое помещение или углубление для глиняного чана, караса, в который стекало выжимавшееся или выдавливавшееся масло: карас совершенно убран. Перед этим, теперь пустым, углублением обнаружена круглая, почти воронкообразная неглубокая яма, также вмещавшая какой-то сосуд, ныне также убранный. Отрыт круглый камень (диам. 0,74 м., толщ. 0,20 м.) в форме сплюсненной подушки неизвестного назначения. Посередине отверстие точно для оси колеса, но не сквозное и не большое (диам. 0,06 м.). Правее от гнезда сохранилась печь (выс. полой части 0,33), на которой сушили лен, а под печью с восточной стороны углубление, где рабочие могли сохранять в тепле свою пищу. Против гнезда, почти у самого северо-восточного угла маслодавильни, громадное колесо из цельного камня (диам. 1,76 м., диам. отверстия в его центре 0,44 м.): в четырех местах на нем угловатые выемки, напоминающие так называемые ласточкины хвосты камней из кладки Камсаракановой башни (стр. 49). Ближе к печи сложен громадный круг (диам. 3,40 м.) из камней с квадратным отверстием (шир. 0,28 м.) в центре глубиной в 0,36 м. Здесь опять недостает верхнего цельного колеса поменьше, которое вертелось усилиями быка или иного животного и выжимало лен. Против с.-з. угла печи вблизи нижняя часть пилона, поддерживавшего, по всей видимости, крышу: повидимому, перекрыта была не вся маслодавильня, а лишь часть, прилегавшая к печи.

От юго-зап. угла маслодавильни до ее середины, т. е. до прекращения каменного пола, вдоль западной стены сооружено особое возвышение (шир. 0,72 м.) грубой работы, в котором рабочие на раскопках хотели признать ясли. Часть с каменным полом могла быть отведена рабовладельческим рабочим. В юго-западном углу значительная полоса образующих его стен носит следы огня: здесь отрыт большой обуглившийся кусок дерева. Не отрицая возможности, что откопанная маслодавильня пострадала от пожара, и здесь, однако, приходится констатировать факт, что годные части сооружения, например, каменное колесо и глиняный чай, унесены или увезены, т. е. и здесь нет следов катастрофической гибели.

Из маслодавильни был коридорчиком выход через дверь в ее с.-з. углу в большой двор, откуда, в свою очередь, три другие двери вели — одна наружу у юго-в. угла, другая также наружу у юго-з. угла, а третья, западная, в жилой дом с коридорчиком о трех комнатах, одна из коих с амбарами, это — третья комната на юге. Амбары были прикрыты каменным полом. Я опускаю описание этих построек, группировавшихся около маслодавильни.

Из группировавшихся у церкви св. Саргиса постройки, откопанных в XII кампанию, сейчас упомяну лишь об одном помещении с амбарами. Один из них был плотно закрыт, но внутри ничего не оказалось; по некоторым признакам амбары были хлебные. В связи с этим не лишне упомянуть, что в комнате с амбарами откопаны два круглых камня; несомненно, что на одном из этих камней обычная метка веса, похожая на строчную армянскую букву *ш*.

13. От гражданских построек эпохи царей сохранились еще стены с колоннадой какого-то здания, возведенного в значительной части на сводчатом подвальном этаже у самих ворот Ашотовых стен (рис. 259). Невысокие стены и приземистые колонны были использованы для возведения на них перекрытия о сводах и отделаны в мечеть (95) в XII в. Это — знаменитая анийская мечеть Мануче с надписями на арабском, персидском, армянском и грузинском языках (рис. 260).^{202*}

По крепости сооружения древнее здание не имеет равного себе в Ани. Широкие окна и чудный вид, как в залах царского дворца в Вышгороде, господствующее над ущельем Ахурлана положение таковы же, как в киджеском дворце Захарии, возвышающемся над Цагкоцалзором (стр. 94), с тем только превосходством неизвестного здания, что здесь более величественный вид на изгибы реки, катящей волны в глубине ущелья с крутыми, частью отвесными сторонами из скал и извилистыми линиями. Все это определяет явно царственное назначение здания. Дворец этот естественно присвоить строителю начинающихся у него первых городских стен, т. е. царю Ашоту. Обе постройки выведены из одного и того же материала, красного камня, известного под названием «ашотового», по сооруженным Ашотом из него стенам.

14. В раскопках перед мечетью Мануче на улице открыты были архитектурные детали лицевой стороны мечети времени расцвета армянского искусства, когда в Ани господствовали не мусульмане, но в международном городском населении рядом с коренным армянским торговым классом мирно жили и торговые люди из мусульман-персов. Из образчиков этой орнаментации характерной оригинальностью рисунка и резкой рельефностью линий отличаются узорчатые плиты (рис. 261, 262), обрамлявшие двери с юго-запада от минарета. О них напоминает нам орнаментация резьбой армянских гражданских построек в Ани.

ГЛАВА X

Одна из последних церковных построек эпохи царей, сохранившаяся до наших дней, несмотря на гибель купола, во всем великолепии его архитектурных линий и художественной декоративной резьбы, это — Анийский собор (рис. 11, 31). До последнего времени ученый мир знал Ани по этому собору. Памятник внутри (рис. 31) так же великолепен, как снаружи, быть может, более. Одно время, позднейшее, храм был во владении армяно-халкедонитов, которым только и может принадлежать роспись алтарной абсиды (рис. 263), оставившая едва заметные следы. Позднейшая переделька, однако, коснулась и архитектурных частей церкви, и она в наличном виде представляет памятник

конца XII или начала XIII в. Этого именно времени — венчание ниши с художественной резьбой (рис. 264). То же время явствует из характера более совершенного отеса, качества и цвета (красного) камня, свойства цемента, большей крепости. Кроме того, как выискали последние раскопки, полуколонки в отделеке наружных стен, тонкие и вытянутые, переходящие в декоративные приделки, наконец, несоблюдение канона парности этих полуколоннок, все это свидетельствует не о конце X и начале XI в., а о конце XII и начале XIII в. В пользу этой датировки раскопки 1911 г. в церкви VIII в. обнаружены редчайший документ, любопытную модель (стр. 88—89).

Чрезвычайно ценна эта, хотя и дефектная, модель церкви. Сохранились на ней следы окраски красною краскою. Найдены лишь части верхней ее половины, которую удалось сложить почти всю.²⁹⁸ Модель эта прямого отношения не имеет к церкви VIII в., в раскопках которой она была найдена.

Модель церкви была откопана нами еще в первую, 1892 г., кампанию,²⁹⁴ по принадлежа малой церкви, она соответственно мала: дл. 0,32 м., выс. без купола сохранившейся части 0,23 м. (купол сбит). Около собора по возобновлению работ в Ани в 1904 г. найдена была модель, со сбитыми стенками и краями, сравнительно также небольших размеров: ширина фасада бокового, вероятно, южного крыла 0,16 м.; хотя модель эта выработана лишь рельефом, а не скульптурно, отделана весьма тщательно, в одно время в ней хотели видеть модель собора, но после находки модели Гагикова храма (стр. 60) стало ясно, что это присвоение должно быть отброшено, прежде всего, ввиду несоответственно малых размеров. Моделей в раскопках найдено было еще несколько. От некоторых сохранилось чересчур мало, чтобы составить себе представление о виде церкви. От одной модели, откопанной в той же церкви VIII в. в XII кампанию, имеется лишь часть (дл. 0,173 м., выс. 0,173 м.) стены барабана или верхнего этажа с остатками трех парных полуколоннок. Из двух моделей, открытых в XII кампанию у мавзолея против Гайледзорских ворот, одна лишь складывается в определенную форму весьма богатой отделки: налицо верхняя часть восточного фасада с куполом; на фасаде, над широкими наличниками, повидимому, глубоких ниш, продолговатое окно под двойной шаблонной подковою, а сверху крест; от купола сохранился кусок с ординарными полуколонками вышукских арок и одним продолговатым окном. В XI кампанию откопана модель, служившая постаментом для креста на куполе.

Но из всех этих и еще иных моделей находка раскопок X кампании выделяется, прежде всего, размерами и в этом отношении равную себе имеет лишь в модели круглого Гагикова храма из раскопок 1906 г. Таких больших церквей, которым модель могла бы принадлежать, кроме постройки царя Гагика в Ани, было известно только две: погибшая от землетрясения большая церковь Спасителя, о величии которой говорят армянские историки, и сохранившийся до наших дней собор, постройки царицы Катрамиды, супруги царя Гагика. Модель по размерам могла бы принадлежать только им, т. е. одной из них, но которой? Легко присвоить ее погибшей от землетрясения церкви Спасителя, предположив, что по разрушении ее модель, чудесно сохранившуюся, отнеси на хранение в одну из древних анийских церквей. Но у нас нет никаких данных, чтобы в модели видеть конструктивные формы погибшего храма. Для Анийского же собора, постройки царицы Катрамиды, более точной модели по приемам той эпохи мы и не могли бы себе представить, поскольку дело касается чисто архитектурных линий. Могло бы казаться странным, что убрали модель с церкви, прекрасно сохранившейся вплоть до нижней части купола до наших дней, но история собора делает такое предположение правдоподобным. Прежде всего, странным казалось и до нашей находки, что такое монументальное здание, как Анийский собор, противу обычной той поры, начала XI в., не было снабжено скульптурною ктиторскою группою.²⁹⁹ В церквях армян национального толка ктиторская группа изображалась именно скульптурно, так как росписи в них не было. Отсутствие модели казалось тем более странным, что известна склонность архитектора, строившего собор, Тирдата, пользоваться моделями: когда в Константинополе затруднялись исправить трещину св. Софии, возникшую от землетрясения, армянский архитектор Тирдат, по словам историка Степана Таронского, представил модель к своему проекту ремонта.²⁹⁶ Строитель с моделью в руках украшал, повидимому, монументальные постройки и гражданского зодчества. Словом, казалось более вероят-

ным, что первоначально Анийский собор имел если не целую скульптурную ктиторскую группу, то модель, но был момент, когда ее почему-то вынуждены были убрать. Такой момент, действительно, должен был наступить с переходом разгромленного Али-Арсланом Ани в руки курдской династии Шеддадидов. Известно, что при Шеддадидах на куполе собора, обращенного в мечеть, был водружен полумесяц или, как говорит историк Вардан, «подкова», находившийся там до тех пор, пока город не был возвращен христианам грузинским царем Давидом Строителем. По этому поводу Вардан говорит: ²⁹⁷ «В это время услышася грузинский царь Давид, сын Георгия, сына Баграта. Отняв Тифлис у персов, он нанес сильное поражение Мелику, султану Тавриза (Гандзак), причем пятеюот воинов богатырей повесил в городе Тифлисе. В те дни Манучо, эмир Али, давно был покойник, и владел городом сын его Абу-л-Сувар, лишенный доблестей и женоподобный, который захотел продать Ани карескому эмиру за 60.000 золотых (динаров); он же распорядился привести из Хлата дорожку по цене громадную «подкову» (т. е. полумесяц) и водрузить на куполе собора, чтобы заменить ею прежнюю, поставленную предшественниками. Тогда, набравшись смелости, христиане призывают Давида и передают ему город Ани. Свергнув с честной главы собора ненавистное орудие, которое он носил на себе 60 лет, терпя нашим грехам, поставили они на нем корону украшения и венец Иисуса, гордость Павла, солнце нашего спасения, богоприявший крест, ударили в било у того креста и исповедали расятого бога во спасение верующих».²⁹⁸

Кстати, представление о полумесяце, как об изначальном символе ислама, ошибочно. В полумесяце, заменившем крест на Анийском соборе, по самим показаниям армянских историков, мы имеем первое свидетельство о популярном впоследствии мусульманском знаке. Вообще этот знак у мусульман появляется впервые в Армении и Малой Азии, т. е. в пределах древней эстетической культуры, откуда его мы, еще задолго до ислама, находим на монетах малоазийских царств, а затем и у перов-сасанидов.

Опускаю перечень дальнейших превратностей судьбы, которым подвергнулся собор: он то обращался в мечеть мусульманами, то его возвращали христианам грузинские цари. Скульптурная ктиторская группа с моделью церкви была сбита или снята, по всей вероятности, при первом и долгом мусульманском владении собором, и естественно, почему возникает мысль, что тогда-то анийские христиане и отнесли в ближайшую по расположению древнюю церковь, только в 1911 г. откопавшую нами, модель собора, быть может, лишь верх модели, как единственно сохранившуюся часть.

Как и модель Гагикова храма, вновь открытый экземпляр исполнен с большой тщательностью, между тем, на нем нет даже намека ни на игру разноцветными камнями в облицовке собора, ни на его богатую орнаментовку резьбой, и вот в этом особенная ценность модели, так как, если не вся, то значительная часть резной декоративки, а также полихромия стен, игра разноцветными лицевыми камнями на соборе целиком — дело XII-XIII вв., а модель, если в ней имеем модель собора, представляет его в первоначальном, более простом виде в отношении накладной орнаментовки.

Эту же мысль подтверждает и следующее наблюдение.

Архачность рисунков в орнаментах откопанного Гагикова храма, греческий характер основных зорных мотивов, умеренное пользование резною орнаментовкою, а также материал, одноцветный темный камень, показательны для времени не одной Гагиковой церкви, копии Нерсесова храма. Те же отличительные черты присущи всем, действительно древним зданиям Ани, которые не реставрировались и потому почти целиком обрушились. Такова, напр., церковь Апостолов во внешнем городе, а также церковь в Вышгороде. И эти качества стоят в резком противоречии с паличными особенностями Анийского собора богоматери. И материал, лицевые камни бледно-прищичного цвета, кое-где с игрою его оттенков в кладке, и мотивы узоров, и более совершенная работа в резьбе, так, напр., в верхах фальшивых ниш, и количество орнаментов, и весь стиль, помимо плана, Анийский собор сближают не с Гагиковым храмом, а с халкедонитской церковью Григория 1215 г. (стр. 85). Между тем, Анийский собор богоматери и круглый храм Гагика построены не только одновременно, почти в один и те же годы: собор богоматери закончен в 1000, а Гагиков храм Григория начат в 1001 г., — но и двумя половинами одной семьи: собор богоматери —

царицею Катрамидой²⁹⁰, а храм Григория — ее мужем, царем Гагником. Одна надпись на самом соборе говорит лишь о возобновлении семи ступеней вокруг него в 1213 г., но, судя по особенностям всей внешней парадности, Аникийский собор подвергся, несомненно, более основательной реставрации около того же времени и в дошедшем до нас виде он является памятником аникийского искусства не конца X и начала XI в., а конца XII и начала XIII в., во всяком случае, не древнее XIII в. Надпись о построении собора в 1000 г., сохранившаяся на южной стене, как будто устранила предлагаемую датировку, но на самом деле она лишь подтверждает ее, так как, судя по палеографическим соображениям, надпись эта — копия XII-XIII в., да кроме того, в нее внесена грузинская датировка, что трудно допустить для Ани времени армянских царей (рис. 265).

ГЛАВА XI.

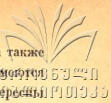
1. С первых же дней приезда в Ани в 1913 г. меня осаждали слухи, что в Баш-Шурагеле, верстах в 25 на север от Ани и 12 на юг от Александрополя, сделаны чрезвычайно важные археологические находки, что жители случайно попали на языческие могилы с интересными предметами. В один из воскресных дней я выехал вместе с И. А. Орбели. Вернувшись из однодневной поездки, я поручил И. А. Орбели, в сотрудничестве с архитектором Гяндарянцем и А. Вруйром, сделать, в продолжение нескольких дней, дополнительные наблюдения, некоторые архитектурные чертежи и фотографические снимки.

О результатах обследования баш-шурагельских могильников мы уже говорили (стр. 15-16). Но раскопки здесь не могли ограничиться этим кругом древностей. В Шурагеле особенно много оснований искать материалов для восполнения истории строительства армян в эпоху царей. Здесь вскрылись как будто остатки феодального гражданского зодчества. С южной стороны храма Спасителя раскопками сельчан обнаружена стена с характерными, прекрасно тесаными, лицевыми камнями древней отделки; кладка эта напоминает расхищенные еще в древности лицевые камни дворца Абу-Гарига. Весьма вероятно, что в обнаруженной близ храма стене из прекрасных лицевых камней древней тески мы имеем часть или самого дворца армянских царей или, в худшем случае, отнесенного с места его строительного материала. Как известно, Ширакаван (Шурагел) служил резиденцией армянских Багратидов до обращения Ани в столицу. Ширакаван или местечко Ширака и раньше был таковою или, во всяком случае, крупным селом, по армянскому термину *գիրքաշիրաք* селоград, гр. *χωρίopolis*, что многие передают просто «городом». Во дни царя Сымбата и во время владычества его отца Ашота, в стране армянской, говорит историк Багратидов Степан Таронский (Асогник)³⁰⁰, царили благополучие и мир, и, по пророчеству (III Царств 5,5), «отдыхали каждый под виноградником своим и под смоковницею своею». Поселки (*աղբյուրիք*) обратились в местечки, а местечки — в города; так умножилось население, достаток же настолько усилился, что пастухи и волыпасы одевались в шелковые одеяния. Он (Сымбат) построил в местечке Ширака (т. е. в нашем Баш-Шурагеле) величавую куполом церковь Спасителя с рельефной резьбой³⁰¹ на стенах из тесаных камней.

Более древний историк, католикос Иоани, при котором Ширакаван сохранял еще архаичное свое название Ерагавор, о постройке той же церкви пишет³⁰²: «В это время», т. е. по восшествии Иоанна на католикосский престол, «в обширном селограде Ерагаворе завершилась и доведена была до конца постройка церкви, основание которой заложили Сымбат близ царского своего дворца. По божественному чину энкению этой церкви почтили и возвысили благодарственной службой. Сымбат придал ей блестящий, нарядный вид, украсив бесподобными, замечательными, золотом отделанными облачениями. Арка (кивория), поставленная на алтаре Христа, выведенная, была сделана из цельного золота и усажена драгоценными камнями».

В феодальной архитектуре Армении, прежде всего, бросаются в глаза размеры как общего корпуса здания, так деталей, вплоть до размеров камней. Чем древнее, тем лицевые камни, как мы то видим и в Ани, крупнее. Эта черта сказывается не только на храмах, но и на более скромных постройках, так, в Ширакаване, напр., на постаменте крестного камня (рис. 266).

Помимо совершенно новых пристроек, как, например, лестницы с западной стороны, а также надстройки стен выше линий первоначальных скатов (рис. 267), на Ширакаванской церкви имеются следы переделок купола. Самые древние, сохранившиеся *in situ* части возмещения представляют собой остатки обычного многогранного армянского барабана. По его разрушению, зев был перекрыт конусообразным куполом на самостоятельном, более узкого диаметра основании. Впоследствии разрушился и этот купол, после чего брешь была прикрыта балками сверху, успешными уже местами прогнать. Интересен вопрос, представляют ли наличные древнейшие остатки — части того барабана с куполом, которым увенчан был храм первоначально.

Первоначальные пролеты окон заделаны почти со всех сторон; окна с переживаниями армянских древне-христианских декоративных мотивов на подковах, или встречаются еще другие дуги, где, однако, ложчатая резьба постоянна (рис. 268, 269). Характерна резьба армянских ниш (рис. 270). Заделаны не только окна, почти все, но и ниши восточной стены.

В отделке окон рамами и промежуточным крестом мы видим черты, общие или сродные с грузинской архитектурой (рис. 271). В резьбе нет почти ни одного мотива анийского стиля. Сама техника с большою рельефностью линий, с большою глубиной резьбы и ясностью, определенностью рисунков характеризует феодальную архитектуру Армении, и в этом отношении находящую точки соприкосновения с грузинской. Самые мотивы декорации — архангелы армянские, здесь, в памятнике IX в., лишь переживания (бусы, ложки, ланцетки, подковы и т. п.). На тимпане южной двери, если не от всех деталей, то от распланировки декоративных рисунков, веет Ереванской базиликой и ей сродными, древне-христианскими памятниками Армении V в. Узнать ширакаванскую резьбу и анийскую нетрудно и тогда, когда образчики и той, и другой имеются на одном и том же здании, именно на самом Ширакаванском храме.

Наиболее богато была отделана южная стена церкви. С южной же стороны обнаружены характерные для древне-армянских церквей ступени. Здесь их пять, они были вскрыты раскопками местного населения, решившие этот великолепный памятник обратить в свою приходскую сельскую церковь и уже приступившего было к работам по реставрации. Внутри возможности детального обследования перекрытия совершенно исключена, так как, помимо прокладки упомянутых уже деревянных балок, потолок покрыт цементом. В весьма ответственных, но ведшихся без всякого присмотра раскопках, местами глубиной в несколько метров влитою у самих стен, так, особенно у западной стены, находились архитектурные детали, но ни их самих, ни списка, ни, конечно, фотографий нет. Из бесед выяснилось, что кое-что было использовано в качестве строительного материала сельчанами для их хозяйственных сооружений. Трудно пока установить, из раскопок ли происходят или, как утверждают баш-шурегельцы, с другого места, две великолепные капители, поставленные теперь внутри. Если они не принадлежат нашему храму, в частности, составу портика у южной двери, то они могут происходить все-таки из других христианских памятников Ширакавана.

Последний раз я осматривал археологические памятники Баш-Шурегела ровно назад 20 лет. Господствующий над армянским селением храм, хотя и ниже замечательного, как раскопанный объект, холма, в этот раз мне показался с совершенно новой стороны, настолько новой, как будто я никогда этих развалин не видел. От Ани до Баш-Шурегела около 25 верст, но от подлинной анийской архитектуры до ширакаванских церковных построек целые века. И здесь нам лишний раз приходится констатировать несостоятельность или чрезмерную примитивность той классификации, которая довольствуется выделением памятников христианской Армении, лишь как армянских. Армянские церковные памятники истинного анийского стиля стоят в меньшем родстве с творчеством армянских зодчих, работавших в Ширакаване по поручению армянского двинца, чем грузинские церковные постройки, сооружавшиеся при грузинских царях по их желанию. Часть храма, постройки армянского царя Сымбата, именно упомянутые два окна с крестом (рис. 271) и декорацию двери (рис. 272) легко можно было бы принять за произведение грузинской архитектуры. Рядом с церков-

ными течениями, напр., халкедонитским и антихалкедонитским, служившими основой и создававшими условия для особых стилей, приходится считаться с социальными расхождениями армянского народа, сказывавшимися и на общественной жизни и на развитии искусства Армении. Как указывалось в своем месте, расцвет античной зодчества XII-XIII вв. связан с развитием городской жизни армян; на памятниках этой эпохи лежит печать художественных идеалов городского населения; на них сказывается влияние армянской городской гражданской архитектуры. Ширакаванский храм — детине феодальной Армении; в нем замечается влияние армянской феодальной гражданской архитектуры; в нем выражены художественные идеалы князей и царей Армении. Не естественно ли искать и находить больше сходства или сродства в художественных идеалах армянских и грузинских феодалов, чем армянских феодалов и армянских горожан?

2. В Баш-Шурагеле и сейчас налицо развалины других церковных построек, часовни на помянутом холме на севере от большого храма, а на востоке — церкви Баллу-килисэ, крестообразной по форме. Но в данный момент, ввиду выдвинутых в нашей области культурно-исторических вопросов, в баш-шурагельских памятниках древности внимание приковывают к себе два означенных круга археологических материалов: остатки дворца Сымбата и следы древне-языческой культуры.

Из разведочных раскопок на холме городища Ширакавана, в ерагаворских языческих древностях, укажу еще на несколько лобовытных предметов. Характерная форма фибулы знакомым с обследованными кавказскими некрополями подскажет, к каким из них примыкают, по всей видимости, Ерагаворские могильники. Остатки прямого меча достаточно показательны, чтобы интересоваться формой его рукоятки и этнографу кавказских горцев.

Обращу разве еще внимание на поле хетского типа, как правильно отметил уже Б. В. Фармаковский в отношении однородных полей из кавказских могильников. Наш экземпляр весьма простой, орнаментован интересным рисунком, цепочкою

Раскопаны были всего три могилы. Особенное внимание было уделено составлению плана Ерагаворского могильника.

Среди памятников светского зодчества особое место займет крепость Тихнис, на том же холме, на южной части которого расположены языческие могильники, и на южном уступе которого сооружен Ширакаванский храм.

12 июля мне было сообщено, что в Хырх-килисэ, на северо-запад от Ани, нашлась статуэтка с надписью. В 13 ч. 30 м. я выехал из Ани и в 15 ч. 30 м. прибыл в Хырх-килисэ, проехав села Чалу, Дайналыг и Горхану и осмотрев в Дайналыге случайно обнаруженный памятник, о котором много говорили. Хырх-килисэская древность оказалась котом в сапогах из желтой меди, немецкой работы. Однако, поездка оказалась не бесплодной: на месте обнаружены интересные, в печати неизвестные памятники.

В связи с назревающей потребностью в пересмотре легенд об изобретении армянского алфавита желательно было новое палеографическое изучение армянских надписей VII в., особенно Нахичевана, Багарана и Мрена. В связи с нарастающим интересом к армянской гражданской архитектуре нужно было проверить надпись Салмадина на дворце в Мрене (стр. 42). В связи с возникшим интересом к позднему армянскому халкедонитству, росшему под грузинским влиянием, необходимо было списать грузинскую надпись на армянской церкви в Коше, в 18 верстах от Эмвадзина, замеченную мною еще в 1893 г., но не списанную за болезнью. Лично я не мог, торопясь в Сванию, предпринять эту поездку и выполнение ее я поручил И. А. Орбели с А. Вруйром и студ. Г. Читая. Весьма интересны результаты этой поездки. Одних фотографических снимков сделано было 85.

Текорский храм, перестройка VII в. после следующего времени, носит уже черты национального армянского искусства. Само собою понятно, что не могла основываться на одном общем типе, не могла успокоиться на постоянных художественных формах неугомонная жизнь Армении, все время пребывавшая в состоянии волнения от внутренних ли органических движений, или, еще больше, от воздействия внешних мировых событий, сильно влиявших на внутреннее ее состояние, ускорявших смену господствовавших сословий и социального быта.

Для самого главного элемента в каждой оригинальной архитектуре, именно творчества, важнейшим моментом является местный источник зарождения художественных идеалов. Этим, глубоко захватывавшим народные слои, культурным брожением и объясняется богатство художественных форм Армении, — факт, который, как приходилось отмечать и выше, находится в полнейшем контрасте с традиционно-национальным представлением о мнимом единстве культурно-художественных традиций армянского народа. Различные эпохи, как-то, минувшая языческая, древне-христианская, феодальная и царей, возрождения армянских городов, расцвета городской жизни Ани; различные течения, как духовное и светское, и в связи с этим церковная и гражданская архитектура; особые культурные струи в каждом из этих течений, как, например, антихалкедонитство и халкедонитство, национальное и вселенское церковное миропонимание, — все эти разнообразные пути религиозного и общественного мышления армян и вели неизбежно к тому богатству художественных форм, которое вещественно, более того, монументальными постройками или, точнее, их плохо исследованными развалинами свидетельствует во-очную, что с традиционной концепцией прошлой жизни армян, и в отношении деления ее на эпохи, и в отношении содержания каждой из них, придется покончить.

Сословные вкусы имели настолько своеобразные особенности, что иногда архитектурные памятники, возникшие в различной сословной среде одного и того же армянского народа, меньше проявляют общих черт, чем памятники, возникшие в одной и той же социальной среде двух различных народов, армян и грузин. Общие черты в памятниках, например, армянского и грузинского зодчества, могут находить объяснение не столько, быть может, во взаимном влиянии одного народа на другой, сколько в общности источников, в которых находили удовлетворение и откуда черпали формы для художественного творчества армянские и грузинские мастера, проникнутые сродными художественными идеалами одинаково феодальной среды. Вообще вопрос о влиянии армянского ли искусства на иноземное или иноземного, например, мусульманского, на армянское, нельзя никогда разрешить правильно, если он будет ставиться в резко упрощенной формулировке, не считающейся с разнообразием местной художественной жизни, с различными в ней течениями в зависимости от области, от церковного течения, от социальной среды и, в связи с этим, с диалектичностью содержания, которое можно вложить в термин «армянская архитектура».

Как своеобразна в своих скульптурных декоративных подробностях современная, той же эпохи армянская постройка (рис. 273) из южной Армении, из княжества или царства Васпуракана, сохранившаяся до наших дней в Ахтамаре, на острове Ванского озера! Этот полс растительно-звериной орнаментации (их два на храме), отдельные символические птицы и фигуры из ветхозаветной, а также из новозаветной и национальной истории (рис. 274—277) говорят не только о другой областной среде, но и об ином культурном течении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ахмед бен-Мухаммед эл-Джафари, Исфаган. Соответствующую выдержку в нашем переводе с арабского см. ниже, стр. 26.
- 2 Отметим, что, по историческим свидетельствам, сожигание самый факт землетрясения именно в 1319 году. См. N. Khanukoff, Excursion à Ani en 1848 (Brosset, Trois. Rapp.), стр. 146.
- 3 См. в особенности летописный рассказ историка п. Такары, вошедший в грузинский летописный сборник *ქართლის ცხოვრება*, Brosset (Hist. de la Géorgie, I), стр. 224, 252, 266—274, 327—328 et pass.
- 4 По недоразумению, уже постройку XII—XIII вв. даже специалисты считали дворцом Багратидов, однако, живших в Ани в 1043 г. См. ниже, стр. 94.
- 5 Voyage de Gemelli-Carreri (= Coll. de tous les voyages etc., под ред. Béranger, 1738), стр. 94.
- 6 Lynch, Armenia, London, 1901, I, гл. XVII—XVIII.
- 7 Wilbraham, Travels in Caucasus, Georgia and Persia, стр. 291.
- 8 Hamilton, Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia, London, 1842, I, стр. 198.
- 9 Eug. Vogé успел напечатать Les ruines d'Ani, Le Correspondant, 1843, I, стр. 289—328.
- 10 *Պատասխան Արարիկների երկերը*, М. 1897, стр. 12—291.
- 11 А. Савьян. Курды, газ. «Кавказ», 1848, 16—47, 49—51 и 184; в нем. перев. см. Warner, Reise nach Persien u. dem Lande der Kurden, Leipzig, 1832 (2 тт.).
- 12 В т-те: *«Ան ոչ մի գիտնական համապարտորդ նախ քան զայն եղևս և զոտը զայս որ [նաև] կանգնորդը Տերմոսանդուրի են ի հասարակն կամայ իրոց: Բայց ծանրից և խոտոտանեացի նա ինքն զայս ամենայն: Աստուծոյ մխան և նոսմ է գիտելի, մեր գիտնականն նմա ցուցանել ծառայութիւն ոչ սնգամ և յաշնչ իր զանց աղարար: Ինչ, Արարիկների երկերը»* стр. 38.
- 13 Ц. с., стр. 24—25.
- 14 Ц. с., *Բայեթերը*, стр. 419.
- 15 Abich, Reisebriefe. Viena 1896, I, стр. 166, 176.
- 16 Ц. с., т. I, стр. 186.
- 17 О прилагавшем в конце книги плане см. И. А. Орбели, Путевод. по городу Ани (Анийская серия, № 4), I—II.
- 18 Ч. II, стр. 259—262.
- 19 Khanukoff, Excursion à Ani en 1848 (= Brosset, Trois. Rapp.), стр. 121—131.
- 20 В т-те: *աշնչացրին ամեն ինչ*; это было сказано на армяно-татарском следе в Тин-лице (газ. *Յամալ*, 1906, № 35, стр. 2).
- 21 Rudolf Virchow, Über die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, unter bes. Berücksichtigung der ornament. Bronzegürtel aus transkauk. Gräbern, Berlin, 1895.
- 22 Ц. с., стр. 63.
- 23 Там же.
- 24 Ц. с., стр. 63—64.
- 25 Ц. с., стр. 65.
- 26 Н. Марр, Еше о слове «челеби» (ЗВО, т. XX), стр. 129 сл.
- 27 Нр. Алавахшвили, *Քեռայլ շնն սլոբան*, I, Тифлис 1928, стр. 43—56.
- 28 Пон ал-Факих ал-Амалави, изд. Geoeje (= Biblioth. Geograph. Arab., V), 1853, стр. 257.
- 29 Ц. с., стр. 285.
- 30 Auguste Choisy, Hist. de l'architecture, II, Paris 1889, стр. 139.
- 31 Willhardoin, La conquête de Constantinople, изд. Wailly, гл. CXXVIII.
- 32 С. Bayet, L'Art byzantin, Paris, стр. 208.
- 33 Ц. с., стр. 228.
- 34 Там же.
- 35 Авраам католикос, изд. Вагаршанат, 1870, стр. 101—109. Фр. перев. Brosset, Coll. d'hist. Arméniens, II, СПб., 1876. стр. 330—335.
- 36 Brosset, Trois. Rapp., стр. 70.
- 37 *Միտոս, ճանապարհորդութիւն ի Ընկաստան* etc., Вена., 1806.
- 38 Brosset, Les ruines d'Ani, I-II, СПб., 1860—1861.
- 39 Н. Марр, К столетию дня рождения М. И. Броссе. СПб., 1902, стр. 075.
- 40 Труды III Междун. съезда ориент., СПб., 1880; также *Փորձ*, 1880, X, стр. 133—138.
- 41 *Շիրակ*, Вена., 1881.
- 42 Ц. с., стр. 34—110.
- 43 Париж, 1896.

- 44 В 3-й части работы Schlumberger (Париж, 1905) помещено 9 видов Ани и его памятников.
 45 П. с., стр. V.
 46 П. с., стр. 282—283. Русский перевод см. в заметке Х. И. Кучук-Иоаннессова, Письмо императора Иоанна Царьградского к армянскому царю Азару (Византийский Временник, 1913, т. X), стр. 1—11.
 47 П. с., стр. 254.
 48 Georg Jacob. Östliche Kulturelemente im Abendland. Vortrag, Berlin, 1902, стр. 24.
 49 П. с., стр. 13.
 50 De Morgan, Miss. scient. au Caucase, Paris, 1889.
 51 Отчет Арх. Ком. за 1892 г., стр. 75.
 52 Приобретенный в 1913 г. кушан хранится в Анииск. муз. древн.
 53 Хранится в I отд. Анииск. муз., против статуи Гагина.
 54 Отч. Арх. Ком. за 1899 г., стр. 28, СПб., 1902.
 55 Pottier et Reinach, La Nécropole de Myrina, Ecole Française d'Athènes, Париж 1887, стр. 66.
 56 The Journal of Hellenic Studies, т. XII, 1894, табл. XV A; Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen, VI, 1881, стр. 194—195, табл. VIII.
 57 Н. Марр, Надпись Сардура II (Зап. Кавк. муз., серия В—Г), II, 1919, стр. 6 сл.
 58 Отч. Арх. Ком. за 1893 г., СПб., 1895, стр. 36.
 59 Élégie sur la prise d'Édesse (Paris, 1828), стр. 43:

« Գեղեցկանունն՝ Գործանայի,
 « Որ երբեք էլ տանի բերի.
 « Յերբերգու Բանանն խորհրդի.
 « Որ միշտ էլ թե՛ն երկրպագի.

« Чудный город с прекрасным именем,
 « Возносящим тремя буквами
 « К твоему трону,
 « Для которой вечное тебе поклонение.

- 60 Պատմ., стр. 45: « Գործարի Եվի որ կոչի ծննդի » « город Ани, что называется Заботой ».
 61 Н. Я. Марр, Язычические названия деревьев и растений (= Изв. Акад. Наук), 1915, стр. 849, прим. 2. Продолженная здесь этимология меня смущает отсутствием в ней элементов этнической культуры (племенного бога, племенного названия), между тем с ним может быть приведено в связь племенное название Нузка. Кроме того есть возможность более укрепить корни арм. слова կանյր « костяк » в значении именно костой за языческой почве по сравнительной грамматике языческих языков.

- 62 Բիշան, Շիրակ, 37.
 63 Моск., стр. 64.
 64 Лазарь Парбский, стр. 120—121 (III, гл. 67).
 65 Շիրակ, стр. 37, прим. 3.
 66 Если же рукопись сама по себе не была столь древней, то, вероятно, ошибка возникла от принятия армянской даты 534 г. (= 1103 г. н. э.) за обихристианскую.
 67 Sr. Brosset, Les ruines d'Ani, II, стр. 93, прим. 2.
 68 Պատմ. և խոսքի շարժանկուց etc. Арабат, 1888, VII, стр. 399.
 69 П. с., стр. 399: « որ սմանք շատև արհիակ ստե՛նի մէ կրքի ի ժամանակ Մարտիկ Կասակի եւ յանձնոյն ».
 70 Н. Марр. Новые арх. данные о постройках типа Крестовской базилики. ЗВО, XIX, СПб., 1909, стр. 13 сл. (отд. отд.).
 71 Асегин, стр. 106, где речь только о покупке Ашарян, по см. Чамчян, II, стр. 415 и Аламян, Շիրակ, стр. 37.
 72 Вардан, стр. 76; ср. прим. 2 и Շիրակ, стр. 37, равно Чамчян, II, стр. 415.
 73 Иоани Католикос, Պատմ., Москва 1833, стр. 103.
 74 П. с., стр. 141.
 75 Матфей Еладеский, изд. Вагаршан, 1898, стр. 3—4.
 76 Аристаркес Ласневерт, Պատմ., 38—39.
 77 В. Н. Бенешевич, Три анииские надписи XI в. (Анииск. серия, VII), II, 1921, стр. 1—11.
 78 Вардан, изд. Венес., 1862, стр. 48.
 79 Перевиска Фотия с юв. Армения Ашотом и изтол. Захаряеву (Провосд. Паа. сборн., т. XI, вып. I), стр. 179—279;
 Иоани Католикос, изд. Моск., стр. 144 сл.

- 80 Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия) = ЗВО, т. XVI, СПб., 1905.
 81 Аристаркес сам как будто бы останавливается на объяснении происшедшего « в порядке урока ». « Думая », читаем в церковно-славянском тексте (стр. 14), « что все эти (бедствия) постигли их за то, что они извелили гвозди (католикосского) знамени с царским гербом, бывшего у дверей собора (в резиденции католикоса), и вдруг, как говорили: „Мы из них отъемлем подковы для наших коней“. И это горькое посяжение на справедливость постигло их и тех, кто были с ними ». Однако, эта тирада безусловно вставка, не исходящая от автора, так как она в самом неудобном месте — в описании резни, произведенной византийскими войсками. Правда, двумя, тремя страницами выше, где рассказывается о посылке абхазским царем Георгием войска для захвата Симбата, читаем: « Повернув от ворот Ани », до какого пункта конны Георгия гнали волжбог Симбата, покинувших своего пара и стремительно бежавших, они ограбили порхов католикосской резиденции (в Арине), обобра ее украшения и извелили гвозди креста, вдруг, как и говорили: „Поведем и сделаем подковы для наших лошадей“. За это правосудный бог воздал им в подходящий момент, о чем мы расскажем в своем месте ». Однако, и здесь вставка прерывает связный рассказ, за вторичное использование факта, при том каждый раз с особыми подробностями касательно реалий, тем более вызывает сомнение в принадлежности сообщения Аристаркесу, что его колебание в указании истинной причины жестокого опустошения Грузии греками стоит в полном противоречии с решительным убеждением автора вставкой, что обирная страна была безжалостно предана мечу и огню за надругательство каких-то помов над гвоздями из знамени или креста католикоса.
 82 Аристаркес, стр. 11.
 83 П. с., стр. 10.
 84 Там же.
 85 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 224; ср. пореф., стр. 319.

- 86 Аристакес, стр. 42.
 87 Ц. с., стр. 38.
 88 Там же, стр. 39—40.
 89 В. Н. Бенешевич, Три анлийские надписи, стр. 1 сл.
 90 Ц. с., стр. 11 сл.
 91 Ц. с., стр. 21 сл.
 92 Аристакес, стр. 108—110.
 93 Brosset, Trois. Narr., стр. 147—150.
 94 А = рукопись, использованная Хамьковым (п. с., стр. 147—149). В = рукопись Азиатского Музея, из которой Дорн
 слова извлечение в дополнение к тексту Хамькова (п. с., стр. 151).
 95 Аристакес Ластиворгский, Венеция, 1842, стр. 111.
 96 Матвей Едесский, стр. 94.
 97 Там же.
 98 Ц. с., стр. 97.
 99 Н. Марр, Сборники притч Вардана, I, стр. 299, примеч.
 100 Ц. с., стр. 299. Этот же стих цитируется в Деяниях (23, 5), но далеко не в столь широком смысле.
 101 Ц. с., стр. 103.
 102 Там же.
 103 Там же.
 104 Лондон, 1906. Нельзя, впрочем, удивляться игнорированию называемства, когда в популярныи книги едва-едва проходят в качестве более или менее здравых суждений об иконоборчестве такие общие места, как, напр., следующее рассуждение Fred. Hattison'a (Byzantine history in the early middle ages, London, 1900, стр. 38): иконоборчество было одно из великих религиозных движений во всемирной истории, родственное арианству, альбигойской ереси XIII века, родственное исламу, лютеранству и некоторым видам пуританизма, хотя совершенно отличное от всех перечисленных учений. Это было заведомо смелое и полное зигуназма усилие азиатских христиан освободить европейских христиан, союзедем одной общей империи, от «теишизма, идолопоклонства и монашества, в которых гнохла их жизнь».
 105 Conybeare, The Key of truth, Oxford, 1898, стр. LXXI.
 106 Григорий Магистр, Нисзма, см. Conybeare, п. с., стр. 145.
 107 Павел Таронский, см. Conybeare, стр. 174, ср. I. Кор. 3, 16: «равно не видите, что мы храм божий, и дух божий живет в нас».
 108 Григорий Магистр, см. Conybeare, п. с., стр. 145.
 109 Павел Таронский, см. Conybeare, п. с., стр. 175.
 110 Григорий Магистр, см. Conybeare, п. с., стр. 148—149.
 111 Вардан, изд. Венец., 1862, стр. 103.
 112 Ср. п. с., стр. 119.
 113 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 369—370; Ин. Джавахишвили, ქართველ ერის ძეგლები, II, Тифлис, 1913, стр. 526—527.
 114 Матв. Едесс., стр. 542—543.
 115 Обыкновенно годом этого события отмечается 1209 (Brosset, Voyage, Trois. narr., стр. 85), но первая постройка в Ани при владении Долгоруких датирована 1208-м годом.
 116 В т-те: ღირსი ღირსიანი ჩიქობერი, Соп. Орб., I, стр. 224.
 117 Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 296: «Милостивая как верная и преданная ей, Тамара осыпала милостями Захария, сына Вардана, и пожаловала ему Гаг и Курд-Вачар до Гандзы со многими в полную собственность и со многими в половину гордами, крепостями и селами».
 118 В т-те: ხელგონი მცხეთის მონასტრის მღვდელი, Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 296.
 119 Даниш, ღირსიანი, стр. 75.
 120 Возможно, что это название и искажено и передано на турецкий лад в названии Горхана. Последнее селение существует и ныне в Карской области.
 121 Фраза «где стоит крест» по-армянски кульгарно редактирована (пр в смысле «р где»), да кроме того, ми. число годов *ჟირსი* — в ни к чему, следовало бы — *ჟირსი* или *ჟირსი*; впрочем, в тексте попадаются и другие подобные несуразности, как то *სიონ* вм. *სიერ*. До сих пор фраза эта печаталась как одно слово *მთავრისანი*, что понималось как название села «Хачоркани».
 122 *ქართველნი* «*ართველნი*» «каменоловни» издается и понимается обыкновенно как название села: «Карбата».
 123 Имя *მთარსი* «жадеб» воды, собст. груз. *მთარსი*.
 124 Употреблен грузинский термин *სიონი* «икона».
 125 В т-те: *ქართველნი*, греч. *χαιρὸν ἔλα*.
 126 В т-те: *გაიქონი* *ქართველნი* «многими украшениями»: имеется в виду, по всей вероятности, не только орнаментация архитектурная и роспись, но и убранство.
 127 В т-те: *ღირსი* *ნი* *ქართველნი* *ნი* *ხორციელნი*, букв. «который и построил и обновил».
 128 В т-те: *ქრისტიანი* *ქართველთა* *ადრინი*.
 129 Г. ჟიჭვი ხუბ-ე «кошь» и др. Сюда же и черк. *шапа* «село».
 130 В т-те: *მთარსის* *ქრისტიანული* *ნი* *ორელი* *ქრისტიანი*.
 131 Ср. *ქრისტიანი* в надписях. Этим «старейшими Ани» интересно бы сопоставить с теми «старцами», которых Матвей Едесский называет (стр. 24): *ძვერ* *ქართველნი* в Силоне, а грузинский историк — в Тифлисе (Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 224): *ძვერ* *ქრისტიანი*.
 132 Отч. Арх. Ком. за 1892, стр. 77.
 133 Lувоб, Armenia, L., 1901, II, стр. 294.
 134 По *მთარსისანი*, *ქრისტიანი* *საქართველო* *ადრინი* *ქრისტიანი*, стр. 192, скопчался в 923 г.!
 135 История двайств, араб. текст, Бейрут 1890, стр. 605.

169 См. прим. 31.

170 К сказанному о следах строительства в Ани в урартскую эпоху (см. выше, стр. 14—15) можно прибавить, что, исходя из немецкой путевестницы Bolck (Bauten und Bauart der Chalder, Verh. der Berl. Ges. f. Anthrop., 1893, стр. 602), характеризуют как «алдский» тип постройки крепости — «ионистическую скалу с одним искусственным ходом», то нововольно приходится приобщать к тому же типу и крепость Ани.

171 Ани. Дворцовая церковь. Под редакцией академика Н. Я. Марра, по обзорам художника Н. Г. Бунинатова, Петроград 1915 (Памятники армянского искусства, I); Н. Марр. Описание Дворцовой церкви в Ани с 14 рисунками. Издание Анииского Музея Древностей, Петроград, 1916 (Анииские древности, I). См. также В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов, Отзывы о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани (ЗВО, т. XXIII, отд. отд.), стр. 17 сл.

172 Ук. соч., стр. 1.

173 Н. Марр, Опис. Дворц. церкви, стр. 10.

174 Ц. с., стр. 2.

175 Ц. с., стр. 8, прим.

176 Ц. с., стр. 9, прим. 1.

177 Ц. с., стр. 72.

178 Ц. с., стр. 26—27.

179 Ц. с., стр. 14.

180 Ц. с., стр. 34, прим.

181 Ц. с., стр. 33, прим. 1.

182 Ц. с., стр. 35.

183 Ц. с., стр. 38.

184 Н. Марр, Сарийское происхождение найского *qndrwrn* dambagan [осуарий; могилы: скелет (ЗВО, т. XX), стр. 064.

185 Стр. 16—17.

186 Изв. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азии, № 8, стр. 62—63. Там же (стр. 63), прим. 1: «Ср. о прорезах на туркестанских оссуариях замечания И. Т. Поклаевского (Прот. Турк. Кружка, год VIII, стр. 38), Н. И. Веселовского (ЗВО, т. XVII, стр. 0178) и Н. И. Остроумова (Прот. Турк. Кружка, год XI, стр. 42)». Там же, стр. 63, об «особых сооружениях», «наусах», отличавшихся от даяк и далее стр. 68: «Что кости и в четырехугольных оссуариях не могли лежать открытыми, это признается всеми исследователями... Однако, ниже: «И. Т. Поклаевский, прежде полагавший, что гробницы скрывали на виду и притом открытыми» (подчеркнуто в подлиннике, Прот. Турк. Кружка, год VIII, стр. 38), затем, судя по газетному отчету о его реферате, высказывал мнение, что кости в оссуариях «спривылаз» тканью или каким-либо материалом».

187 Отч. Арх. Ком. за 1892 г., стр. 73—86.

188 Отч. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 33—36.

189 Н. Марр, Новые материалы по армянской эпиграфике (отд. отд. из ЗВО, т. VIII), стр. 70—71.

190 См. также Н. Орбели, Краткий путеводитель по городу Ани (с планом) (= Анииская серия, 4), СПб., 1910, стр. 4—5.

191 Отч. Арх. Ком. за 1904 г., стр. 97—98; подробный отчет см. Изв. Арх. Ком., вып. XVIII, стр. 73—94.

192 Н. Марр, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (преварит. отчет), Пр. в. И. С. Пб., 1907. Из этой работы в главе III предлагаемой книги полностью использованы §§, посвященные статуе и чашке Гагика. См. также Отч. Арх. Ком. за 1905 г., стр. 73—76 и за 1906 г., стр. 103.

193 Les Ruines d'Ani, II, стр. 103, прим. 4. О церкви Абугамрэн см. Ашпан, *Сэршэ*, стр. 51—52.

194 Lynch, Armenia, I, 382.

195 Ц. с., I, стр. 384.

196 В части между колоннадой и внешней стеною храма, судя по некоторым признакам, почва не девственна.

197 Степ. Таронский, *Գեամ*, стр. 282.

198 Камень с этою скульптурною группою, очевидно, представляет позднейший вклад в фронтон двери храма, отнесенного, по основанию, к началу VIII в.

199 Тексты и Разыскания, кн. X, стр. 21, рис. 16 и стр. 20, прим. 1.

200 См. письмо в газете «Мшак» от 29 сентября 1906 г., № 211, стр. 3. Но личена своеобразного интереса редакция письма, которое и привожу в дословном переводе: «Париж, 1 октября (нов. стиля). Выразил радость, что проф. Марру неслучайно удалось открыть статую царя Гагика с головою, поазванною чашкою. Я уже приготовил историческое исследование, слданное в печать. В этом труде помещен мною портрет Леона с чашкою на голове, найденный мною в одной книге исторического содержания. Его я показывал покойному Г. А. Зову, и последний просил меня, даже строго настрого наказал, чтобы я не обнаруживал армянского царя с чашкою на голове... Теперь же, когда и статуя Гагика оказывается с чашкою, с полною смелостью обнаруваю этот любопытный портрет Леона». Не говоря об умилительной наивности замечания, эти строки лучше всего показывают, какие антиреальные представления существуют касательно древнеармянской жизни даже в тех кругах, где замечаем хотя бы проблески научного интереса к ней.

201 *Geographica*, XI, 13, 9 (Toussner, Лейпциг, 1877, стр. 738—739): «Ἐξ ἂν τὰ πολλὰ μὲν τὰ αὐτὰ τοῦτοις (Μήδοις) τε καὶ τοῖς Ἀρμενίοις διὰ τὸ καὶ τῶν χιρῶν παραχρησίων εἶναι... ἢ γὰρ νῦν λεγομένη Περιοχὴ στολὴ καὶ οὐ τῆς τοῖσιν καὶ ἱπτικῆς ἤλιος καὶ ἢ περὶ τοῦ βασιλέως θρακτικῆ καὶ κελρκῆ καὶ σεβακῆς Θεοκρατικῆ παρὰ τῶν ἀρχομένων εἰς τοὺς Πέρσας παρὰ Μάδων ἀρκεται. καὶ οὐτὸ ἀληθὲς ἐκ τῆς ἐπιθῆτος μάλιστα δῆλον τῶρον γὰρ τίς καὶ χίταρις καὶ πῖλος καὶ χυρῆντοις χυρῆντοις καὶ ἀναχυρῆντοις ἐν μὲν τοῖς ψυχροῖς τόποις καὶ προβόροις ἐπιθῆται ἐστὶ φορητά, οὐρ εἰσὶν οἱ Μῆδοι, ἐν δὲ τοῖς νοτίοις ἤλιος».

Слово *хйарис* встречается и в Библии — *Исв.* 28, 4, 35 (арм.-груз. 39), 36 (арм.-груз. 40), где им передается еврейское *קעז* и где оно по-армянски переводится то *խար* (28, 4, 40), то *սարար* (28, 39), а по-грузински во всех случаях *ვაგამარ-ი*. Синонимом в греческом тексте является *μῆτρ* (28, 33), где в соответствии ему армянское чтение гласит *խար* (28, 37), а грузинское опять *ვაგამარ-ი*. Последнее — армянское слово, встречающееся напр. в *Юд.* 4, 17.

202 В, гл. 38, СПб., стр. 207 = Венец., стр. 252.

203 См. выше, стр. 60, цитату из Фауста. Кроме того, Инджиджая приводит из апокрифического *Գաղանց Թուղթ* (*Հնդհուրաբիւն*, II, стр. 289): «Որով անպիկոյեթ, սուք, բարեբն արեւելեան վայելչաբայլ թարգման ընծին Աշխէն. եւ չընդարակեթ չարեբն շարց Մեծաց Կարգաբարեւոյ Դաւիթեանց (Դաւիթեանց). որոց անարեւելան Թարց եւ. անպիկ յարեւելեանց (յարեւելեանց)».

իւնայ) ... և րաբեակնք ըր րաիւնն, և Գորտիկայ զայի լայտառ... գուլնն զարձատտիւնն». Несколько иного объяснения требуют «таги» вообще знатных женщин, о которых литературные сведения собраны у И. И. Джаджяна, и. с., т. II, стр. 288—289.

- 204 Фауст, V, 38, СПб., стр. 207, 30 = Вен., 252—253.
 205 Это выражение как будто более архаично, ср. персидское تاج بستن и сир. Կօք Եօ.
 206 М. Хоренский, II, 7, Тисл. 1881, стр. 109, 15 = Венен., 1865, стр. 75, 32.
 207 Фауст, V, 44, СПб., стр. 216, 15 = Вен., стр. 264, 1.
 208 II, 47, Тисл. 1881, стр. 183, 30 = Вен., 1865, стр. 124, 14.
 209 V, 6, СПб., стр. 172 = Вен., стр. 209: տան զպատմեակաց, տան Բագայ.
 210 В предании, сообщенном Кириаком (Москва, 1838, стр. 188), зинет обращен в имя «Хосров», в нем рассказывается так, точно корона принадлежала впервые армянскому царю Хосрою, отцу Тирдата, при котором, по преданию, Армения приняла христианство.

- 211 Кириак, и. с.
 212 Москва, изд. 1861, стр. 116 = Венен. изд. 1862, стр. 85.
 213 Кириак, стр. 188: царица Русудана заменила Авагу «отправить Хану вместе с другими почетными вещами из сопроводившими честной и несоценимой тир и чудную» корону, «подобия которой не имели другие цари. Они, как говорят, принадлежали Хосрою, отцу великого Тирдата, царя армян, там (в Грузии) оставался на чужбине вследствие крепости края, достались грузинским царям и сохранились до сего дня».

- 214 Валаршак, сын армянского царя Аршака, был женат на багратидской княжне (Фауст, V, 44, СПб., стр. 216 = Вен., стр. 263).
 215 Эта форма засвидетельствована древними актами и записями: впоследствии она искажалась в Тавлгариде вследствие грузинской «народной» этимологии.

- 216 Аристакеос, стр. 39: զարդարէր փրփրեան անդերեմբք և արարարարեանն անդրէն և և զանեայն մարդ տեսնելէն և ՚ր դարմանն զուսնէր. Драгоценные камни, в том числе особенно жемчужины, могли украшать и корону-чалму (см. ниже, прим. 240).

- 217 В подлиннике լղաւշեան. Первая часть լղաւշ = ܠܘܫܐ «السمور» mustela scythica». Однако по-армянски սաւոյրը означает «воробей».

- 218 Кат. Иоанн, стр. 109.
 219 Цитую по И. И. Джаджяну, Հնարեանք թիւ 2, стр. 279:
 Կերպիւն մեր տապիւն՝ որ զանգամակն անդրադարձեալ.
 Փակ արքայական Բագայեաց ի զուլե կրկալ.

- 220 Памятники христианского искусства на Афон, СПб., 1902, стр. 67.
 221 Н. Марр. Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера (ЗВО, т. XIII), стр. 57—58.
 222 Снимок в красках лубочно был передан мне проф. Д. В. Айвазовым.
 223 В. В. Стасов, Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джугатайских и персидских (Изд. Общ. любит. древней письменности, т. СХХ), СПб., 1902, стр. 47.

- 224 «На теле — узорчатое платье, руки голые до плеч» (там же). Но там же и «видный, убивающий копьем св. апостола Фома, носил на голове чалму или каку-то повязку вроде чалмы» (часть I, стр. 97).

- 225 Բագայեակ, LIV, 1896, стр. 449.
 226 Тексты и рассказы по арм.-груз. филологии, II, (стр. 32), 16, 5—6: տալն ինն թագաւ.
 227 Charles Diehl, Etudes byzantines, Париж, 1905, стр. 399 и 447. Охотно сообщая об их родстве по матери с императорским домом, Diehl указывает, что М. Торникян по фамилии армянского княжеского происхождения; и Н. П. Кондаков, Мозаики мечети Кахрие-Джами, Одесса, 1881, стр. 26—27.

- 228 Ch. Diehl, и. с., стр. 404—402: «Il fit si bien qu'il ramena même à Byzance deux fiancées pour une, le roi d'Arménie lui ayant confié ses deux filles, afin qu'en elles l'empereur fit son choix. Ce succès le mit en évidence».

- 229 Еме у Реиске читает в приложении к тіаграв (1830, II, стр. 591), что «Тогаз ест genus iarae, qua usus Basilii, quae usus Basilii, et triumphum duceret de Bulgaria» (De ceremoniis aulae byzantinae, Bonnae, 1829, I, стр. 505, 12).

- 230 Hughes, A Dictionary of Islam, Лондон, 1885, под Turban, стр. 648, см. также С. Niebuhr, Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern (Konstanz, 1774, I, стр. 159 с. и таблицы XIX—XXII).

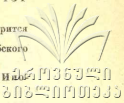
- 231 Hughes, и. с., стр. 647—648.
 232 К. Иностранцев, Торжественный выезд «аттаминских халифов», СПб., 1905 (отд. отт. из Зап. Вост. отд. Русского Археол. общ., т. XVII), стр. 26, 28, 64—67 (см. ниже, прим. 240), 83, 85—86.
 233 К. Иностранцев, и. с., стр. 85.

- 234 Hughes, и. с., стр. 94.
 235 Hughes, и. с., стр. 94.
 236 Hughes, и. с., стр. 647.
 237 Hughes, и. с., стр. 94.
 238 TP, X, стр. 44.

- 239 См. В. Джавахов, Երկրապետի նշանը և նախնական արձանագրություն, стр. 4—5.

- 240 У самих арабов под халифскою короною подразумевается чалма: дело идет у арабов о чалме даже в том случае, когда халифскою короною называют или словом ܟܘܨܐ ܟܘܨܐ, т. е. тем именно иранским словом для выражения вепца, которое имеем и в армянском Բագայ. Упомянутый выходок об ошибочном мнении Wüstenfeld'a, который повидимому полагал, что халма действительно олевал корону, К. А. Иностранцев в примечаниях «Торжественного выезда «аттаминских халифов» в разъяснение одного места (стр. 26) комментируемого им памятника пишет (стр. 65): «Слово مندیل [mandil] указывает на то, что под ܟܘܨܐ [ܟܘܨܐ], перешедшим из до-мусульманских, сасанидских традиций, разумеется головной убор халма, одевавшийся в торжественных случаях. Это пример заимствования старых понятий в мусульманскую государственную терминологию. Приведу далее слово «венец» есть буквальный перевод слова ܟܘܨܐ, но означает собственно «мандил», «торбан». Самый «фасос свергнутый» характеризуется у Макризи следующим образом (I, 147¹⁴, 14—15) — ܟܘܨܐ, арабского «фасона (букв. свергнутый), исключительная принадлежность халифского одеяния при праздниках и церемониях, усыпанный отборными драгоценностями, изумру-

лами и прочими драгоценными камнями. Как противоположность такому тюрбану, у того же Макризи (I, 640, г) говорится о тюрбане «близкого свертывания» بِالسَّحَّةِ الدَّائِيَةِ, т. е., в противоположность пышному и широкому тюрбану арабского фасона, о тюрбане, обвальною шпатуною.

241 Хотя цени и встречаем и в регалиях высших чинов каин-фата, так, напр., были особые «эмьры, носившие цени» (К. И. Восток, т. I, стр. 30, 40, 64, 79).

242 TP, X, стр. 48, приг.

243 Любопытное явление в армянской декоративной архитектуре представляют так называемые чакчары, т. е. крестные камни, эти votivные или надгробные памятники. Первоначально такими памятниками в Армении служили каменные стелы, украшенные лицевыми изображениями санаседа, богатыри, библейских сцен, имеющих отношение к христианскому учению о воскресении или загробной жизни. Словом, это плоть от плоти древне-христианской архитектуры.

Крестных камней, чакчаров, до X в. мы пока не знаем. Древнейшие из них также относятся к чисто церковной архитектуре.

Равнитов чувство красоты арийцев требовало и украшения модельного двора, где помещалась церковь св. Григория (из раскопок 1892 г.). Здесь было «ахильское кладбище Бахтагена. На одной могиле высокий камень — памятник был выштукатурен и расписан в красках растительными узорами. Тут же был отрыт древнейший из известных пока датированных арийских памятников, узорчатый крестный камень 953 года с совершенно простым рисунком с лапчатками по раме. Но в большинстве памятниками служили узорчатые крестные камни то греческих, то позднейших причудливых рисунком, раз с фигурною орна на верху креста (см. также прил. 254).

244 Из-за двух глубоких ущелий с проточными водами и назван город у персского писателя Эд-Джа-э-ари два уречьям (см. выше, стр. 26).

245 В. И. Бенешевич, Три арийские надписи, стр. 11 сл.

246 Н. Марр, Регистр предметов древности из второй (1907 г.) археологической кампании в Ани (с десятью рисунками в тексте), Аниская Серия, № 3, СПб., 1908.

247 Н. Я. Марр, Восемь Аниская археологическая кампания (ЗВО, т. XXI, вып. I), СПб., 1912, стр. II — III.

248 Н. Марр, По поводу работы архит. Т. Торамаяна «О древн. формах Эчх. храма», СПб., 1909, стр. 7 (отд. отд. из ЗВО, т. XIX, вып. I, стр. 088).

249 И. Орбели, и. с., стр. 5—7.

250 Это — II отделение музея (архитектурно-эпиграфическое); I отделение помещается в мечети Мануча.

251 См. прил. 167.

252 Н. Я. Марр, IX Аниская археологическая кампания (ЗВО, т. XXI, вып. I), СПб., 1912, стр. XXII — XXV.

253 Зубцы Сымбатовых стен наблюдаемы были еще в 1893 г., а летом 1914 г. совершенно независимо от этого обратил на них внимание архитектор Торамаян.

254 Современный Сымбата Степан Таронский, по прозванию Асогика, пишет (Фанатик, стр. 187): Сымбат «широко вынул подальше от старых стен (Амота, подобных скалам, без извести или со слабой ее прослойкой) в простор города Аниские стелы; соорудил эти стелы уже в известной кладке из скаловидных тесаных камней, украсив памятники плитами и устремленными в высь точно стелы, башнями и скрепя воротами из коловров бревен (*штурмбурды*), окованными железом и с плотно всаженными, прочно вбитыми гвоздями, и охватил ими все протяжение от реки Ахурара до Цветинового ущелья». В описании Асогика вызывает недоумение не одна подробность это, прежде всего, определение «в известной кладке из скаловидных камней» в противоположении старым городским стенам, очевидно, постройке Амота со слабой прослойкой извести или вовсе без извести; из текста видно, что стелы Сымбата противопоставляются постройке без извести и, следовательно, действительно скалам, огромным точно скалы кубам; при таком толковании определение Асогика переносило бы на Камсаракановых стенам; в применении к Сымбатовым скалам, даже в смягчении нашего перевода («скаловидные камни»), — большое преувеличение, потому что камни здесь умеренных размеров; выражение Асогика являлось бы преувеличением и в отношении Амотовых стен, хотя камни в них больше камней Сымбатовых стен. Весьма вероятно, Асогик перенес указанную особенность Камсаракановых стен на Сымбатовых.

Оговорку требует и определение вида постройки: «украсив памятники плитами и устремленными в высь точно стелы башнями». Стены Сымбата и башни скрыты позднейшими обоявлениями, но кое-где башни видны, и они отнюдь не отличаются особенною высотой; наоборот, первое обоявление Сымбатовых стен в том и заключалось, что они были приподняты. Что же касается украшения Сымбатовых стен, мы пока не располагаем никаким остатком, чтобы представить себе реально упоминаемые Асогиком «памятники плиты», буквально «посмертные памятники». Посмертные памятники или вообще «надгробные памятники» обоявлено — «кресты», у арий «крестные камни». Крестными камнями, действительно, украшала снаружи как башни, так и сами стелы Сымбата в дошедшем до нас виде в высоких их частях. Это позднейшее украшение могло бы быть повторением того, что было раньше на подлинной поверхности Сымбатовых стен, с разницею лишь стелей X и XIII вв. в отделе крестных камней. Однако, эти крестные камни XIII в. так и называются крестами: «хач», позднее «хачар»; «набардан» или «посмертные памятники» в X в. могли представлять иной тип сооружений, более монументальных, вроде так называемых древне-христианских стен Армении и лицевыми изображениями. Воспроизведенные на городских стенах, такие «посмертные памятники» должны были представлять весьма внушительный вид, и тогда было бы понятно и то, что в описании Асогика они упоминаются в параллель с «устремленными в высь точно стелы башнями», как сказано у него буквально: «стелами башен».

255 См. прил. 166.

256 Грузинский католикос Епифаний в известной своей пастырской речи, откопанной в виде извлечения-надписи у грузинской церкви в Ани, сообщает, что он в 1218 году приезжал в этот город для освящения «грузинских», т. е. халкедонских или сикх церквей. Термин грузин, понятно, и в Ани не исключает грузин по национальности, но в интересующую нас эпоху имел и конфессиональное значение, означая всех, исповедывавших гречко-православную веру, всех халкедонитов, а в нашем городе и вообще в окрестных краях арий-халкедонитов. Естественно, грузинский язык не исключал в арийских халкедонитских церквях XIII в. Грузинские надписи той эпохи в крае не все еще известны. Они находились не только на монастырских церквях, но и на других, рассеянных по области, культовых сооружениях.

Грузинский язык, быть может, постепенно усваивался, позднее еще более усваивался в армянской халкедонской области, но бесспорно, что армяне-халкедониты в церкви пользовались своим родной речью. В Ани, Шираке и прилегающих областях было значительное количество халкедонитских общин, тогда как грузинские надписи района чрезвычайно немногочисленны. О количестве армянских халкедонитских общин в упоминаемом нас крае можно судить по списку шарий, пастырей которых подчинены были михетскому католикусу. Этот ценный список обнаружен был впервые Д. З. Баррадзе в его Археологическом путешествии по Гурин и Адчаре (Тифлис, 1878 г.). Здесь, в числе других, названы (стр. 81) епископы Аниинский, Матаберский, Карский (kareli-).

²⁵⁷ См. прим. 80.

²⁵⁸ Н. Марр. О Раскопках etc. (Тр. X), стр. 53—55.

²⁵⁹ Вопрос о росписи, как доказательстве принадлежности церкви халкедонитам, весьма тонкий. Надо считаться со средой и эпохой. Степан Сюнийский приписывает Накову, епископу Сюнии, роспись построенной им церкви в 930 г. (379 г. арм. летоисчисления); при этом обстоятельное описание росписи историк предаргает сообщением (изд. Эммы, стр. 187): «Этот Наков велел привести художников и «чаррака»-ов, что значит совершенствитель, «франского происхождения из далекой страны». В подлиннике Նհարհրի (им. Նհարհրի) և զմեկտեղ или Նհարհրի և զմեկտեղ. Последнее слово автграф с перестановкой им. waḡrağ при наличии чтеца или զմեկտեղ տագ, точнее waḡak есть арабский термин وراق, означающий золотильщик.

²⁶⁰ Списку, до надписи включительно, памятник сохранился хорошо; выше крестный узорчатый камень оказался разбитым на куски, арка с колонетками валлась вниз, некоторые куски выступающего бойлора были утрачены. Существенные части, однако, оказались все на месте.

Памятник восстановлен под ближайшим наблюдением художника С. Н. Подорожного, давшего полную реставрацию в чертеже.

От католикоса Барсегя имеется еще другая надпись, 1180 года, обнаруженная на камне над проездом северной двери церкви Апостолов.

Католикос этот, Барсег II, собственно анти-католикос. Настоящий католикос в то время был в Киликии.

²⁶¹ Н. Я. Марр. X археологическая кампания в Ани (ЗВО, т. XXI, вып. I), СПб., 1912, стр. XLVI—XLVIII.

²⁶² Приводя это сведение относительно статуи, Азиян прибавляет в примечании (Շիրակ, стр. 49) со слов одного из первых армянских посетителей Ани, что «статуя представляла человека с отрубленной головой, державшего голову в руке и передавал, что статуя была Гагика II, последнего царя, и так изображалось постижение его несчастие, но сам путешественник предпочитал держаться взгляда, что в статуе изображен был иноксазельно Вест Саргис», армянский князь, преданный, по традиции, своему царю.

²⁶³ К portalу прилежит с север стена, но она внутренняя; пристроенные в ней части обрушились, и на месте нет и следов от обломков, если их не вкрякут раскопки.

²⁶⁴ Киракос Гандзакский, Москва 1858, стр. 102.

²⁶⁵ Глава, посвященная этой кампанию полностью воспроизводит нашу работу «XI Аниинская археол. кампания», Тр. XIII, СПб., 1913. См. также краткий отчет в ЗВО, т. XXI, в. I, стр. LXIX—LXXI. См. также В. В. Бартольд и Я. Н. Смирнов, Отчеты о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани (ЗВО, т. XXIII, отд. отг., стр. 9 сл.).

²⁶⁶ Эта картина поднесена Совету столичных армянских церквей.

²⁶⁷ Христианский Восток, 1912, стр. 350—353, табл. XXI.

²⁶⁸ Оди в 2,05 м. на запад от алтарного возвышения и в 1,70 м. на юг от северной стены.

²⁶⁹ Раскопанная в 1892 г. церковь св. Григория и, повидимому, церковь св. Апостолов.

²⁷⁰ Круглый храм Гагика и откопанный в 1911 году древняя церковь.

²⁷¹ В данном случае мы не имеем непосредственного заимствования из еврейского, и в этом только смысле прав Hubschmann (Armenische Grammatik, I, стр. 316, 100), отказывая армянскому термину в связи с еврейским словом. Однако, не исключается возможность посредничества какого либо языка или его диалекта, в котором и заимелся, если эта замена не произошла позднее в самой армянской письменности. Но историко-литературным собранием, такое посредничество иного языка не только не исключается, но и требуется.

²⁷² Любопытно, что арабское 𐤀 за отсутствием его эквивалента в армянском языке (в армянском слове — ֆ) передается через փ.

²⁷³ Хотя место может быть прочтено ևս թէ և, точно набор трех союзов, или введе двух слов ևս թէ և в значении «и хотя», но на самом деле, как теперь выясняется, nämlich союз և и личное женское или թրէ տեւ (позднее-ювет. տեւ) «Стя», сокращение, пожалуй, лишь грамматическое по опущенным титулом Սրբէ տեւ (позднее-ювет. տեւ) «Сатия», см. предисловие от редакции в труде Б. И. Костянича, Հիմնական տարիքներ (Bibliotheca armeno-georgica, изд. Академии Наук, 1913, II, стр. XIII).

²⁷⁴ Ариац, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах-халкедонитах (Визант. Врем., т. XII, отд., стр. 65).

²⁷⁵ Чтение в изданиях (Н. Саргисян, Տեղաբնութիւնը, стр. 124, Азиян, Շիրակ, стр. 86) искажено. Отец Мыхтарга назван не по имени, а по прозвищу Շիրակ[ի] Սերակ[ի], по месту происхождения из «Шераса» или торговым с ним связям: но имеем ли в последнем названии персидского города Шираза?

²⁷⁶ Ср. название халкедонитского монастыря Քրոջար Քոջ-աւ, в устье Лебедячки или Бердуджи, сложенное из того же քրոջ в значении «пещера» и коренного армянского ար աւ, означавшего также «пещера».

²⁷⁷ Армянские слова подлинника բերթի Գեորգիանի և Ա. Орбелі, в личной беседе, предлагая толковать в смысле «я преподнес» или «я пожертвовала колокола», но в данном случае, думается, было бы восторженно исчерпывать «преподнесен» или «пожертвовала» значение глагола բերթ «я принес, доставил».

²⁷⁸ В монастыре Юрочном, близ Ани, колокольня была построена в 1286 г., суля по надписи строителя (К. Костянича, и. с., СПб., 1913, 1286 г.), но она возобновлена в 1788 г. (сп. Нусян, Арарат, 1904, стр. 1904).

²⁷⁹ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XX, стр. 038 = отд. отг., стр. 16.

²⁸⁰ Любопытны факты, указывающие на возобладание в Ахлате за XIII в. если не халкедонитов, то халкедонитского приема в украшении церкви, см. Христианский Восток, 1912, стр. 350—353.

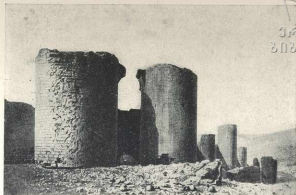
²⁸¹ Христ. Восток, 1912, стр. 215 и табл. II. 1.

2

3

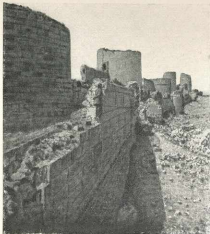
4

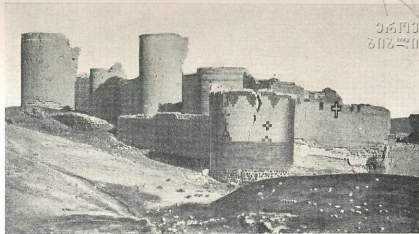
5

2. Дворец парона. 3. Башни Карских ворот. 4. Вид из-под главных ворот. 5. Главные ворота.

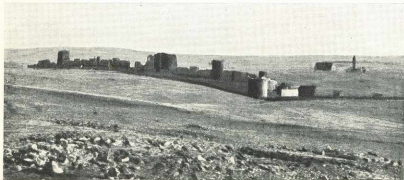
ՀԱՅԿՍՏԱՆԻ
ՆՈՑՆՈՒՄՈՅՑ

6

7

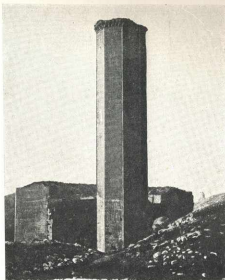
8

9

6. Стены Ани. 7. Башня с греческим крестом. 8. Стены Ани. 9. Ани (по акварели Ивандова).

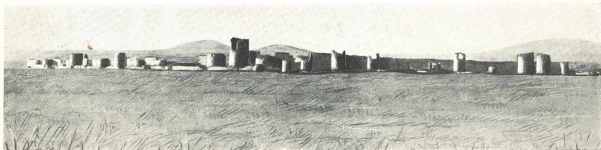

13

14

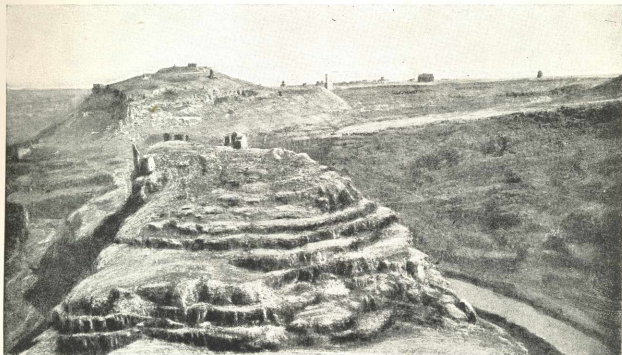

15

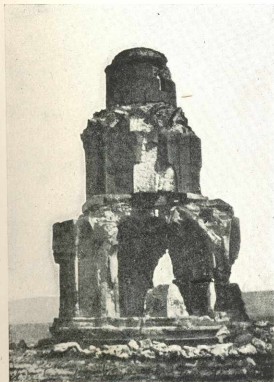
13. Минарет мечети Манучи. 14. Церковь Спасителя. 15. Стены Ани.

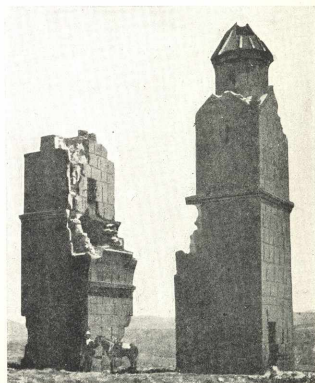

16

17

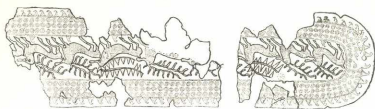

17a

16. Вид на Вышгород. 17. Пастушья церковь. 17а. Триумфальные ворота.

18

19

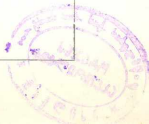

20

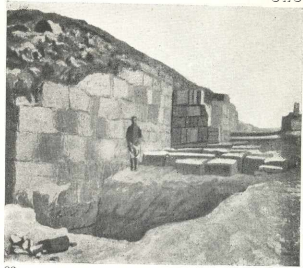
21

18. Горшок из языческих могил. 19. Пояс (по Вархуву). 20. Рисунок пола из Саракмыша.
 21. Мозаика пола из Иерусалима.

22

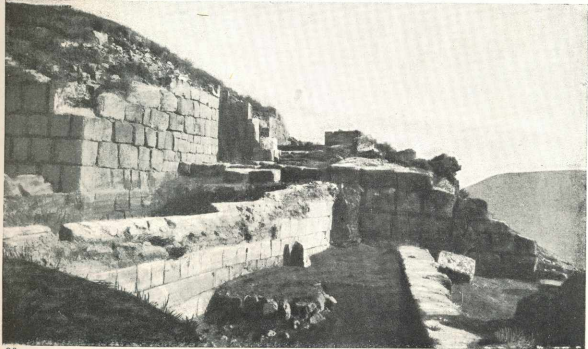
23

24

25

26

22. Կլիօնիս և սալե շրջանի մոտ Ալեքսանդրոպոլիսի մոտ. 23. Կամսարական պարիսպները. 24. Կուրիսները, որոնք կրկնապատկերում են կլիօնիսի օրնամենտը. 25. Կլիօնիսի օրնամենտի մասնիկ. 26. Կամսարական պարիսպները.

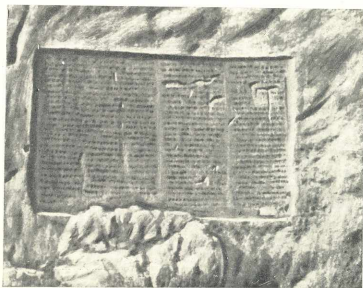

27

28

29

27. Башня Смба́та. 28. Кадкообразный сосуд. 29. Надпись Кееркса.

30

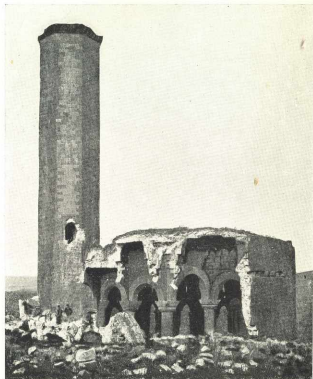
30a

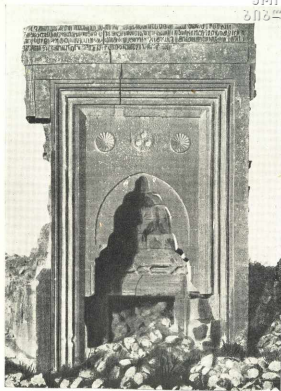
31

30. Текорский храм. 30a. Греческая надпись. 31. Ани́йский собор.

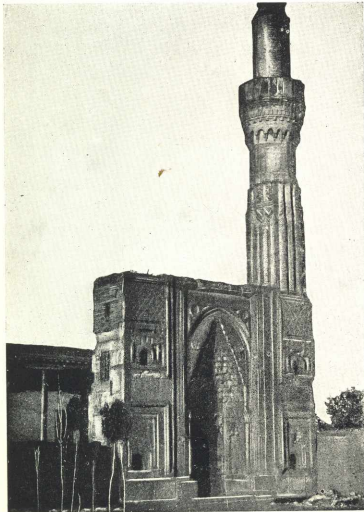
32

33

32. Мечеть Мануче. 33. Надпись Самцхедиа.

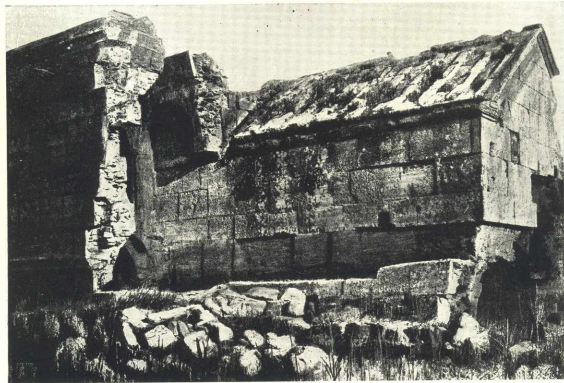

34

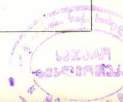

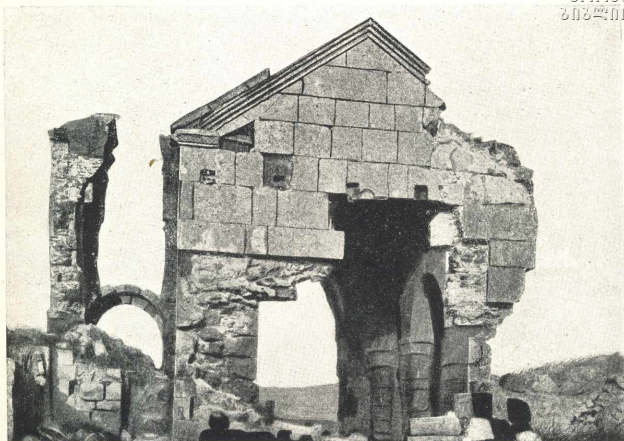
35

36

34. Портал мечети Караман-Капусу в Конии. 35. Пол в кухне с изображением церкви.
36. Дворцовая церковь. Северо-Западная сторона.

37

38

39

37. Дворцовая церковь. Западный фасад. 38. Дворцовая церковь. Деталь ниши.
39. Ахтамар. Деталь орнаментации.

40

41

42

43

44

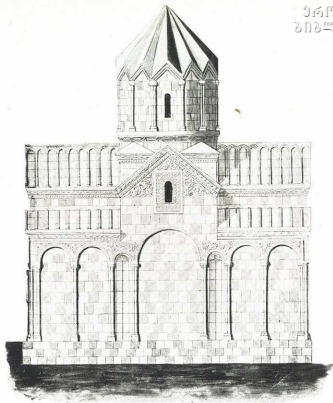
45

40. Плита (по рис. Кестнера). 41. Плита из Чады. 42. Змей с портала гостиницы. 43. Орел на городской стене. 44. Здание с пилонями. 45. Стела с лицевым изображением.

46

47

46. Церковь Бахтагеки (реставрация). 47. Церковь Бахтагеки (разрез).

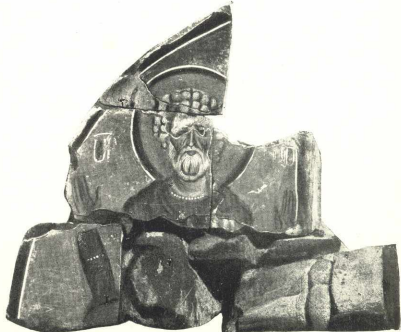
48

49

50

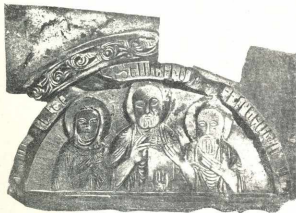
51

48, 49, 50, 51. Փրեսկո Երկրի Բախտագեկի.

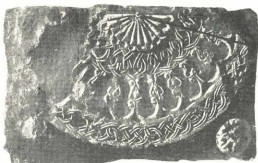

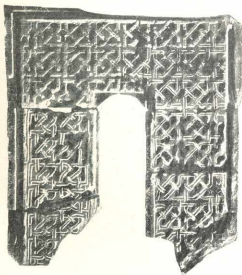
52

53

54

55

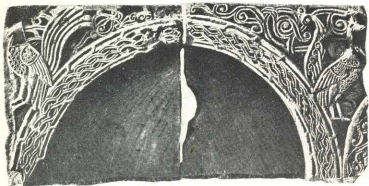

56

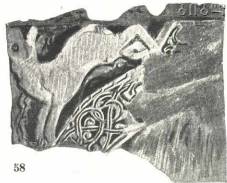
52. Ուղիղիկ աղարկոյ շարժման. 53. Կիմբոսի յարձանի յարձան. 54. Տօնային ժամանակացիք. 55. Կիմբոսի յարձանի յարձան. 56. Կարմիր քարի յարձան.

57

58

59

60

61

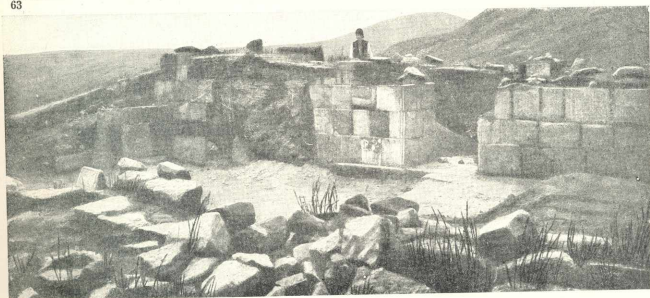
62

57—62. Резная орнаментация церкви Бахтагеки.

63

64

65

66

63. Բազմաբնակարան շենքերի և Օրոմի. 64. Բազմաբնակարան շենքերի Համբուշեն. 65. Բաշտակի և վերջինիս կառուցածքային մասերը. 66. Բազմաբնակարանի պարիսպի մասը.

67

68

69

70

67. Общий вид холма с храмом Гагина (до раскопок). 68. Храм Гагина. 69. Храм Гагина. Капитель с завитком. 70. Фрагмент крестового камня.

71

72

73

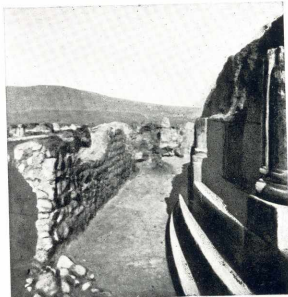

74

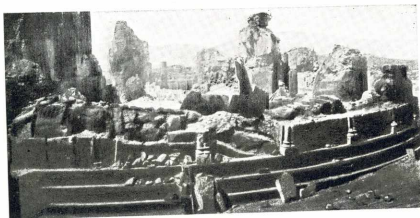
71. Храм Гагика. Алтарное возвышение. 72. Храм Гагика (южная колоннада). 73. Неправильно поставленная колонна. 74. Рабочие ставят колонну.

75

76

77

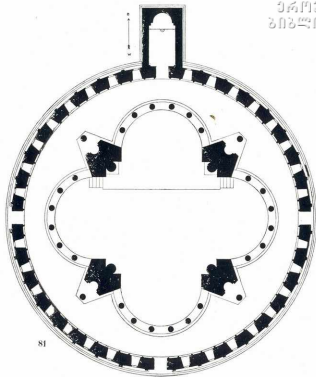
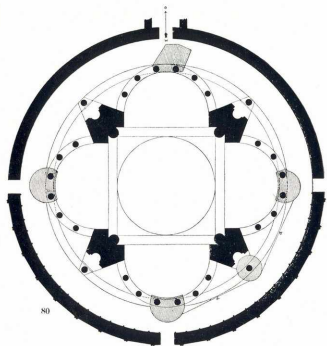
78

79

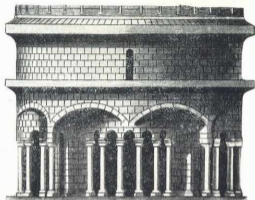
75. Южный вход в храм Гагика. 76. Храм Гагика. Позднейшие дома. 77. Северо-восточная часть храма Гагика.
78. Капитель однойколонны. 79. Храм Гагика. Позднейшая стена.

80. Плян храма Гагика после ремонта. 81. Плян второго этажа.

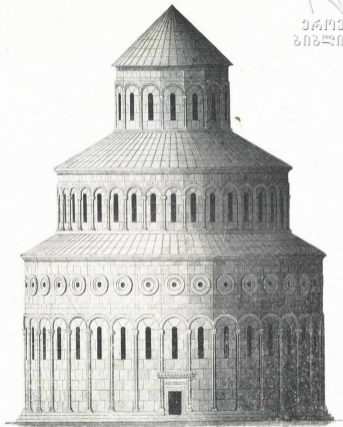

82

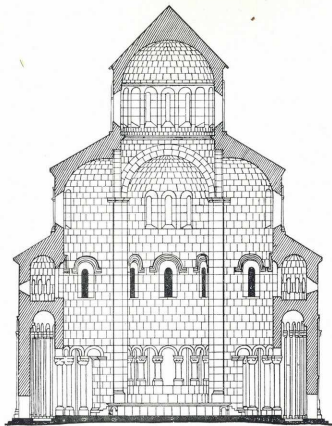

83

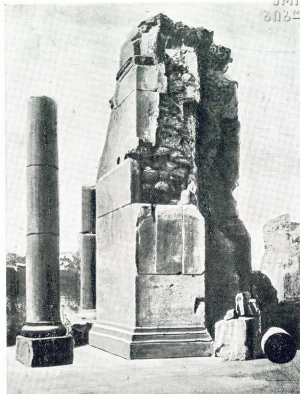

84

82. Галерея храма Гегика. 83. Новый ряд кладки. 84. Проект реставрации (наружный вид).

85

86

85. Разрез храма Гатска (до перестройки). 86. Высота стержня колонны.

87

88

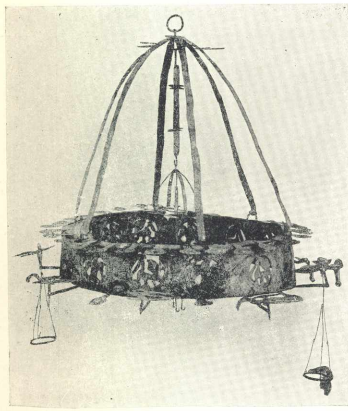
89

87. Капитель храма Гагика. 88. Часть фризса храма Гагика. 89. Архивольт из наружной декоровки храма Гагика.

93

94

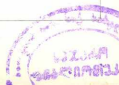

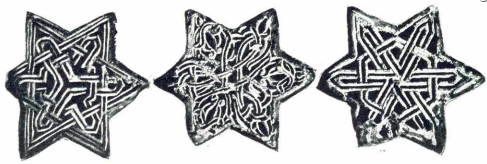
95

96

93. Надпись около статуи Гагика. 94. Люстра храма Гагика. 95. Пьедестал надгробного памятника.
96. Часовня восточного придела.

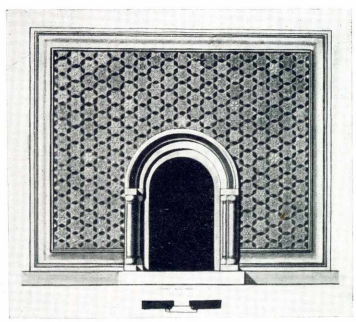

97

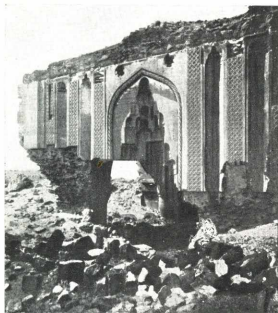
98

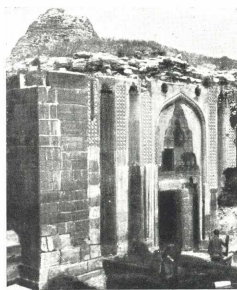
99

97—98. Облицовочные камни дворца Саргиса. 99. Дворец Саргиса (реставрация фасада).

100

101

102

103

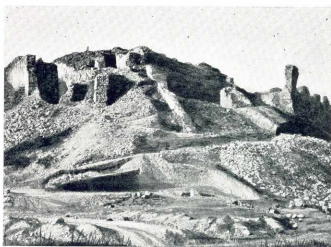
104

100—101. Քրիտոր ճրկու Անոստոս. 102. Օբլիճոճնոճնո կոնն ճրկու Անոստոս. 103. Վոն ճրկու
 Վոնոնոնո. 104. Քոնոնն Վոնոնոնո.

105

106

107

108

109

110

105. Вышгород. Часть стены дворца. 106. Вышгород. Нижнее помещение дворца. 107. Коридор в Вышгороде.
108. Изображения животных. 109. Коридор в Вышгороде. 110. Возвышение в зале с дистерною.

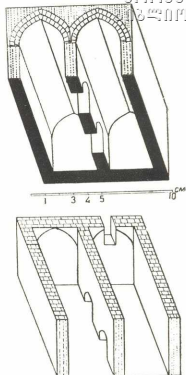
საქართველოს
ენციკლოპედია

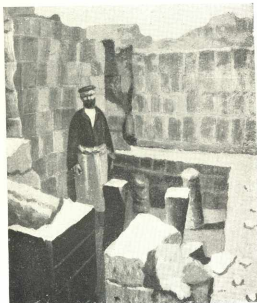
111

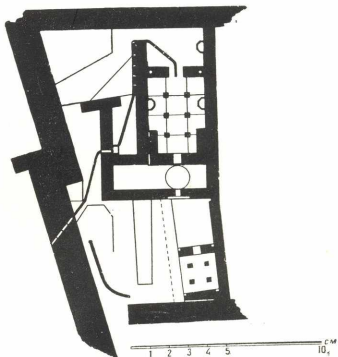
112

113

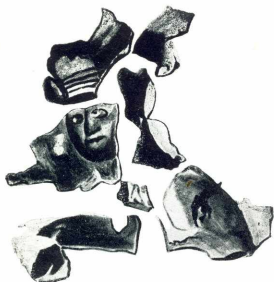
114

114a

111. Водопровод во дворце. 112. Раскопки цистерны во дворце. 113. План цистерны.
114. Бани во дворце. 114а. План бани.

115

116

118

119

117

120

121

122

123

115. Фреска из дворца в Вышгороде. 116. Крестовый зал дворца. 117. Базилический зал дворца. 118—119. Резьба плафона.
 120—121. Фрески. 122. Резной фрагмент из дворца в Вышгороде. 123. Резной фрагмент из дворца.

124

125

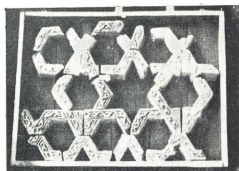
126

127

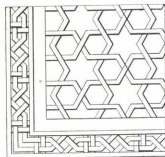
128

129

129a

130

131

132

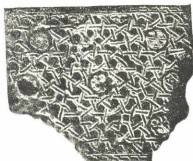
133

124. Комната хлебопека. 125. Гиля из комнаты хлебопека. 126. База колонны. 127. Греческая надпись из раскопок в Вильсторфе. 128. Гипсовая плитка с изображением лани. 129, 129a. Сетка в окне. 130. Сетка в окне (реставрация). 131. Наличник камня. 132. Фрагмент с изображением павлина. 133. Сточная труба в бане.

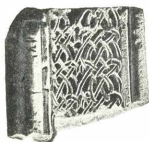

134

135

136

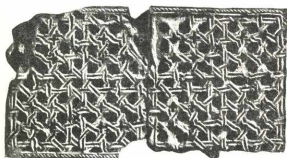
137

138

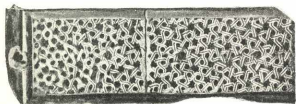
139

140

141

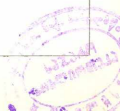

142

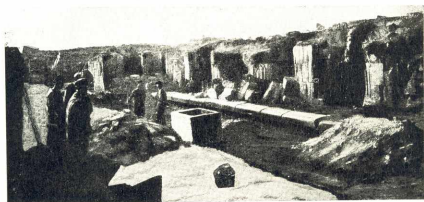
143

134. Крылатый сфинкс с портала гостиницы. 135—142. Орнаментация порталов гостиницы.
143. Лев с портала гостиницы.

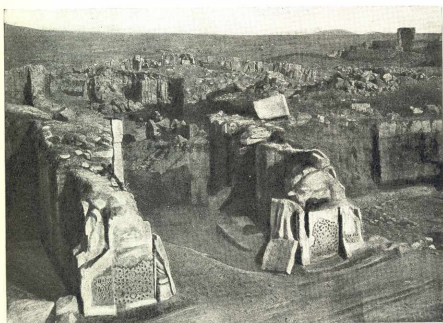

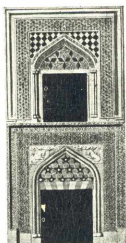
144

145

146

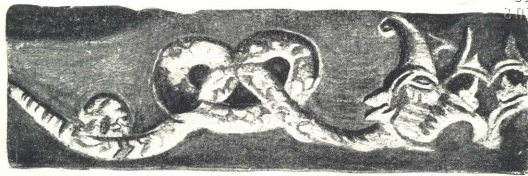

147

144. Вход в северную гостиницу. 145. Большой зал гостиницы. 146. Вход в южную гостиницу.
 147. Реконструкция портала южной гостиницы.

148

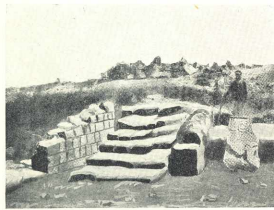
149

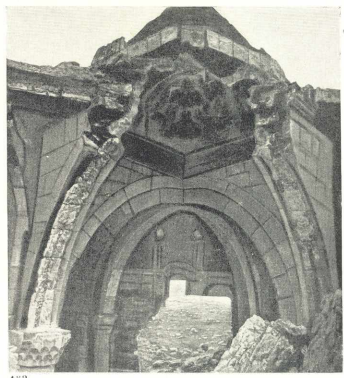
150

151

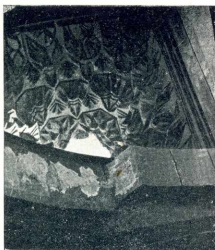
152

153

148. Драконы из Измирсека. 149. Гробница Гайла. 150. Плита с кровли церкви Апостолов. 151. Фрагмент арки церкви Апостолов. 152. Лестница. 153. Сталактитовый купол.

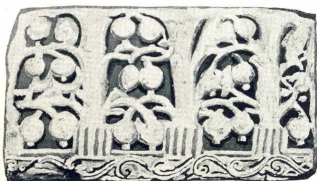
154

155

156

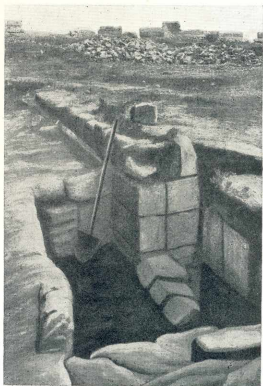
157

158

160

159

154. Деталь стукатурного купола. 155. Надпись католикоса Барсега 1184 г. 156. Плита из церкви Апостолов.
157. Плита с гранатами 158. Главная улица. 159. Главная улица. Остатки жилых помещений. 160. Часть
главной улицы и лесенка на крышу.

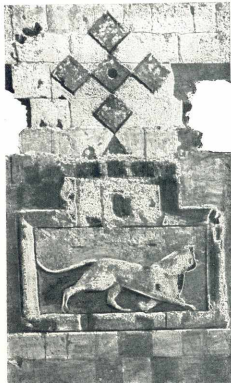
161

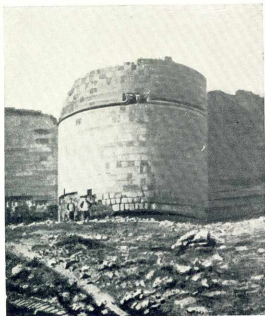
162

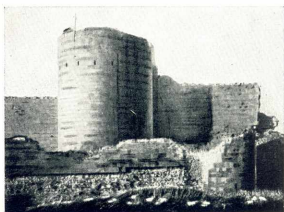
163

164

165

166

161. Башня Сибата с надстроеными частями. 162. Башня Мануче с арабской надписью. 163. Лев с ворот.
164. Герб города на Сибатовой стене. 165. Башня с драконами. 166. Ворота со свастики.

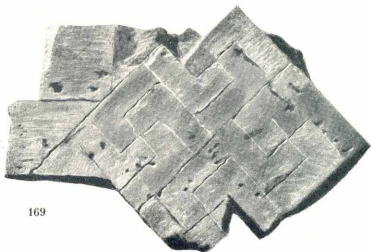

167

168

169

170

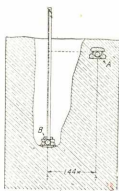
171

167. Раскопки Карских ворот. 168. Карские ворота. 169. Свастика на башне Карских ворот.
 170. Фрагмент надписи. 171. Развалины минарета.

172

173

174

175

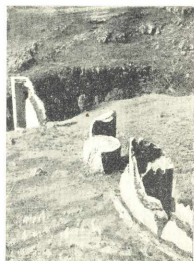
176

177

178

179

172. Раскопка водопровода на Главной улице. 173. Водопровод на Главной улице. 174. Главная улица. Участок водопровода 175. Шахматные ворота. 176. Парные башни. 177. Фрагмент арабской надписи. 178. Фрагмент декоративного панно. 179. Зубцы на анийских башнях.

180

182

181

180. Грузинская церковь с юго-запада. 181. Надпись Сабудина. 182. Надпись Еовфания.

183

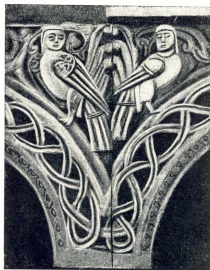
184

185

188

186

187

183. Церковь Тиграна в Югена. 184, 185, 186, 187. Орнамент ц-ви Тиграна в Югена. 188. Суд царя Тиграна над Григорием.

189

190

191

189. Выезд царя Тирдата. 190. Фресковая орнаментация в виде ткани. 191. Шахматная церковь.

192

192a

193

194

192. Карас (реставрация). 192a. Поез на карасе. 193—194. Котлы.

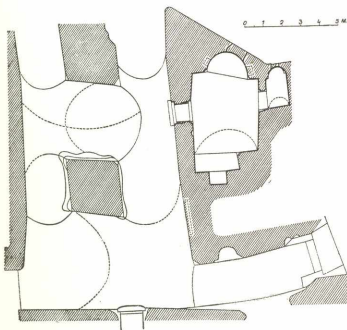

195

197

198

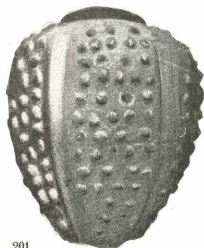
196

199

200

201

195. Капитель. 196. Капитель пилона. 197. Место до раскопок.
 198. План раскопанной церкви. 199, 200, 201. Ругные сосуды.

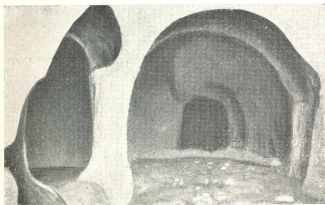

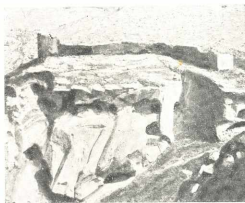
202

203

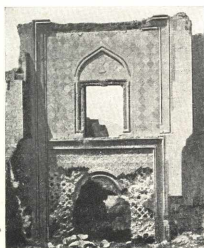
204

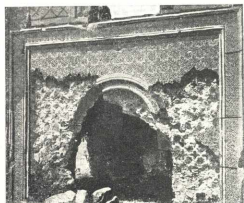
205

206

207

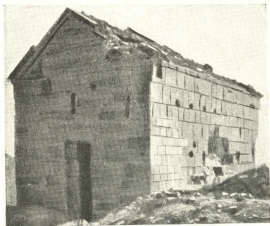
208

202—203. Арабские надписи на кафлах. 204. Пещерный дом. 205. Часть пещер со стороны Цагкоцадзора.
 206. Усыпальница Тиграна hОненца. 207. Портал дворца шарона. 208. Деталь портала.

209

210

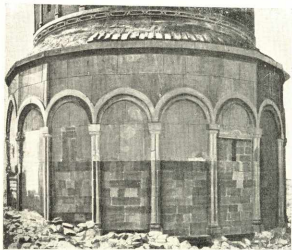
211

212

213

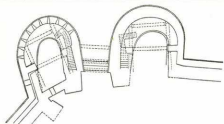

214

209. Рельеф с виноградом и гранатами. 210. Дворцовая церковь после ремонта. 211. Грузинская церковь до ремонта.
 212. Грузинская церковь после ремонта. 213. Церковь Спасителя. 214. Церковь Спасителя после ремонта.

215

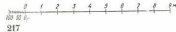
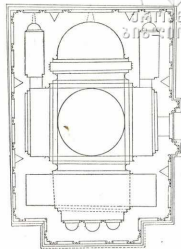
218

219

216

217

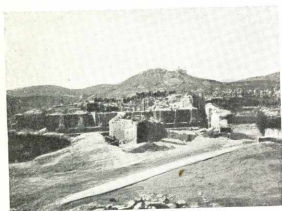

220

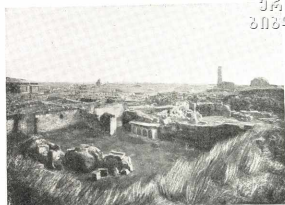

221

215. План башен Карских ворот. 216. Фреска Хутлу-бути. 217. План малой церкви. 218. Алтарное возвышение малой церкви. 219. Крестный камень с армянской надписью. 220. Верх ниши. 221. Три ступени.

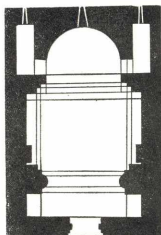
222

223

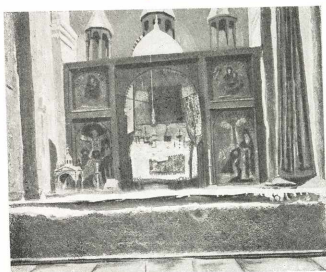
224

225

226

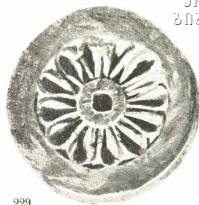
227

222. Северная стена большой церкви. 223. Раскопки большого холма. 224. План квартала у большой церкви.
 225. План церкви. 226. Западная стена большой церкви. 227. Резьба алтарного возвышения церкви Ююромод.

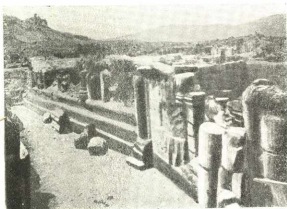
228

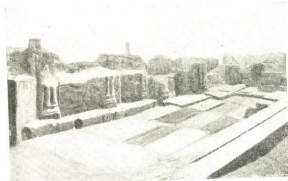
229

230

231

232

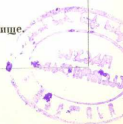

233

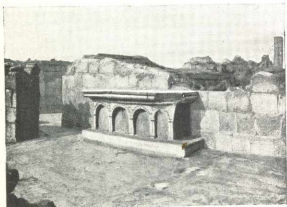

234

228. Агтарное возвышение. 229—230. Замок из купола. 231. Выход на боковую улицу. 232. Кладбище.
233. Плита с могилы Симеона. 234. Надпись Каримадина.

235

236

237

238

239

240

241

235. Постамент крестных камней. 236—237. Крестные камни. 238. Участок раскопок. 239. Подвальный амбар.
240—241. Комнаты с нишами.

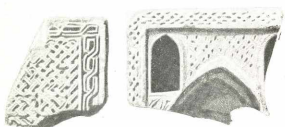

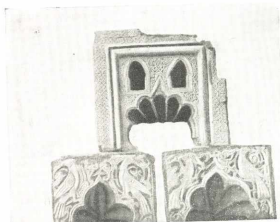
242

243

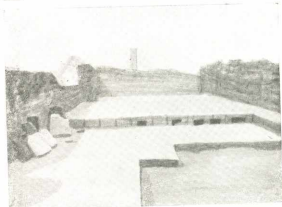
244

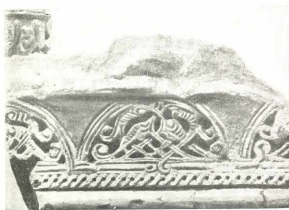
245

246

247

248

249

242. Ниша. 243. Ниша с орнаментом. 244. Ниша с резьбой. 245. Ниша из раскопок 1892 г. 246. Орнаментованный камень. 247. Гнезда для обуви. 248—249. Ниши.

ՀԱՅԿԵՅՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

250

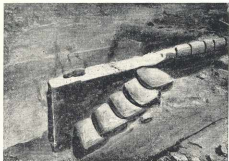
251

252

253

254

256

255a

257

255b

250. Кусок деревянного предмета с розеткой. 251. Камень из купола церкви Спасителя. 252. Мраморная плитка из церкви Спасителя. 253. Плита.
254. Лестница. 255. Фрагменты сосуда. 256. Вход в зал кладбища. 257. Надпись об устаревшей церкви.

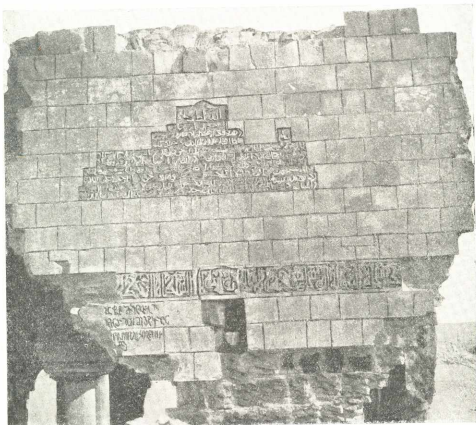

258

259

260

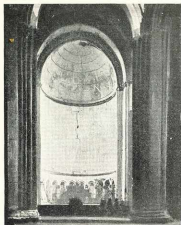
261

262

258. Маслодавильня, 259. Колоната мечети Мануче, 260. Надписи на мечети Мануче, 261—262. Плита из портала.

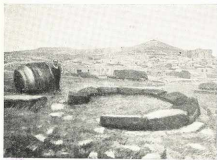
263

264

265

266

267

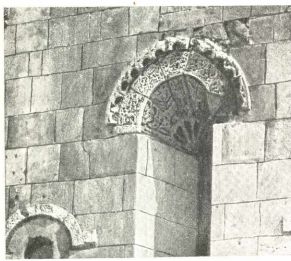
263. Ростись алтарной абсиды Анийского собора. 264. Фальшивые ниши собора. 265. Надписи Анийского собора. 266. Постамент крестного камня. 267. Линия первоначальных скатов Ширакаватской церкви.

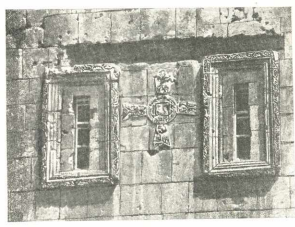
268

269

270

271

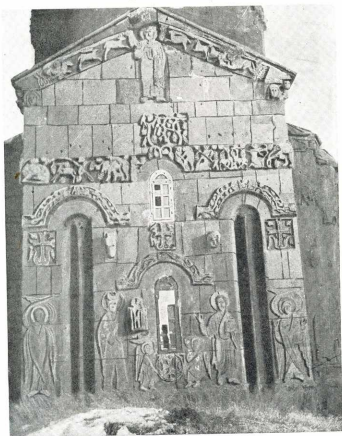

272

268—269. Ունի Տիրակաւանցոյ տաճարը. 270. Կարճեր զարդարութիւնը. 271. Ունի զարդարութիւնը. 272. Կարճեր զարդարութիւնը.

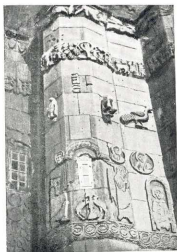

273

274

275

277

276

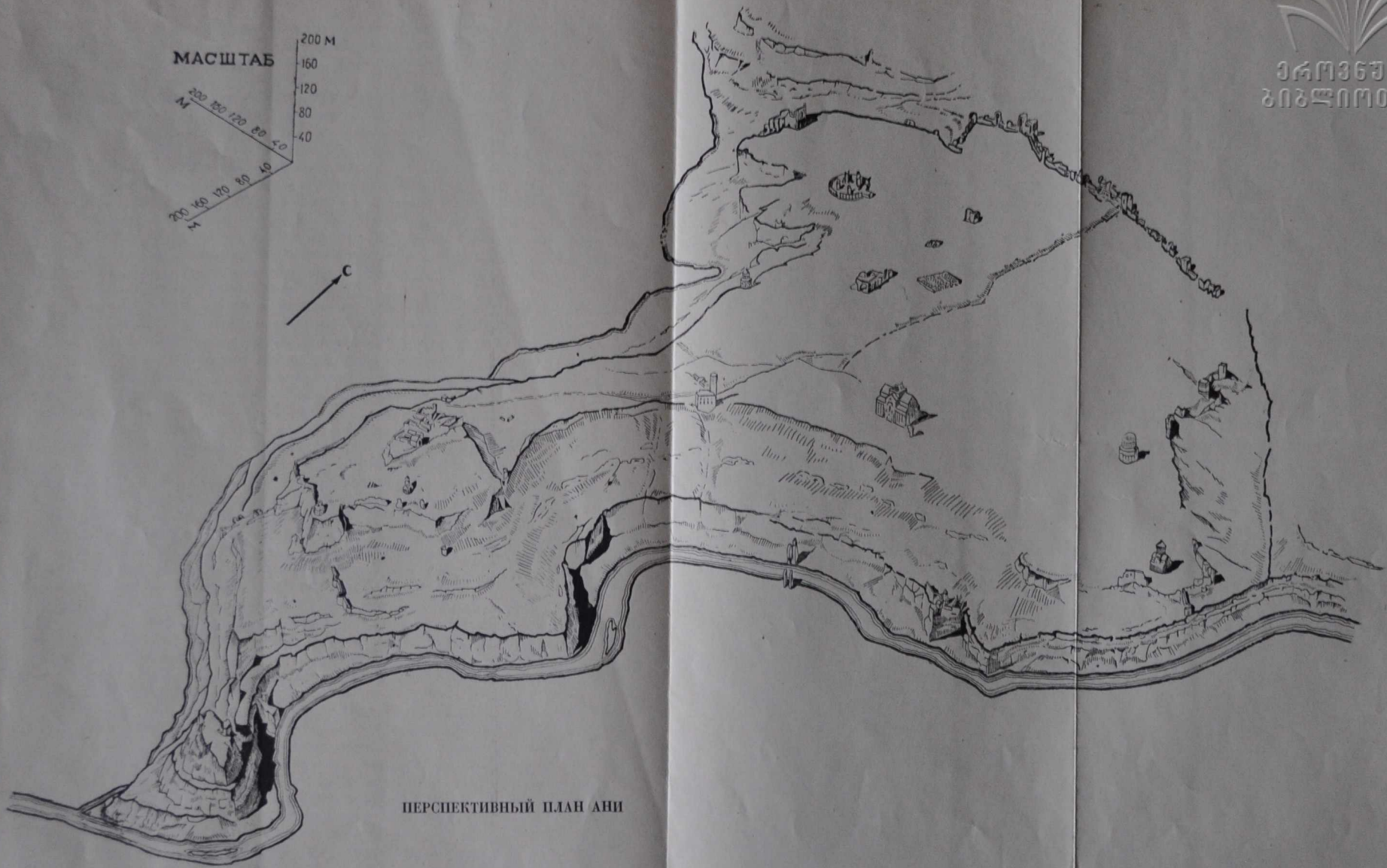
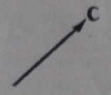
273. Ахтамарский храм. 274 — 277. Фризы Ахтамарского храма.

ПЛАН ГОРОДА АНИ

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ПЛАН АНИ

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

1. ტაყაი აზრ.

ქართული
ენციკლოპედია